

Н. Н. ЛУЗАН
(Н. АБИН)

ЛУБЯНКА:
ПОДВИГИ
И ТРАГЕДИИ

МОСКВА
КУЧКОВО ПОЛЕ
2010

УДК 94
ББК 63.3(0)6
Л82

Президиум Союза ветеранов госбезопасности выражает сердечную признательность за участие в издании этой книги:

Благову Андрею Вячеславовичу, Бучумову Валерию Петровичу,
Графову Петру Васильевичу, Егорову Борису Алексеевичу,
Ершову Виктору Николаевичу, Ильину Игорю Вячеславовичу,
Касьяну Сергею Петровичу, Колотенко Владимиру Дмитриевичу,
Ларикову Анатолию Тимофеевичу, Логинову Василию Юрьевичу,
Мельнику Евгению Николаевичу, Мелкумянну Артуру Юрьевичу,
Пильгуну Александру Ивановичу, Полякову Юрию Михайловичу,
Сазонову Юрию Анатольевичу, Царану Анатолию Константиновичу,
Щербакову Владимиру Ивановичу

Лузан Н. Н. (Абин Н.)

Л82 Лубянка: подвиги и трагедии. — М.: Кучково поле, 2010. — 368 с.

ISBN 978-5-9950-0074-7

До недавнего времени большинство материалов о деятельности «Особой группы при нарком НКВД СССР», 4-го управления НКВД — НКГБ СССР, имели гриф «совершенно секретно». Эта книга, при подготовке которой использовались архивные документы отечественных спецслужб и Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), приоткрывает некогда закрытые страницы деятельности отечественных спецслужб, проведя читателя нелегкими путями, выпавшими на долю А. Артузова, С. Шпигельглаза, П. Судоплатова, Н. Эйтингона, Я. Серебрянского, М. Макарянского, Н. Кузнецова, В. Карасева, Д. Медведева и других разведчиков.

УДК 94
ББК 63.3(0)6

ISBN 978-5-9950-0074-7

© Лузан Н. Н., 2010
© Кучково поле, 2010

Приоткрывая завесу тайны

На разведку и контрразведку отнюдь не следует смотреть как на ремесло — это в полном смысле слова искусство и тем более трудное, что лицу, посвятившему себя этого рода деятельности, приходится иметь дело с живыми людьми...

«Азбука контрразведчика».

Секретная теоретическая разработка КРО ОГПУ.

1925 год

Разведка и контрразведка — это особый вид искусства, находящийся в плену у тайны. Деятельность любой специальной службы, в том числе и отечественной, в этом плане не является исключением. Лишь иногда всевластное время на короткий миг приподнимает завесу особой секретности над той или иной операцией и тогда достоянием гласности становятся некоторые ее эпизоды.

Спецслужба никогда не раскрывает до конца все свои карты и здесь наступает черед писателей, сценаристов и режиссеров. Благодаря их буйной фантазии скупые рассказы участников тайных операций и лаконичные строчки отдельных секретных докладных получают вторую жизнь, которая затем будоражит пытливые умы и воспламеняет пылкие сердца. В действительности работа и судьба сотрудников спецслужб зачастую складываются гораздо сложнее и драматичнее, чем в самом лихо закрученном бестселлере.

В советское время о деятельности отечественных разведчиков и контрразведчиков широкому читателю и зрителю было известно разве что из сообщений ТАСС или популярных

литературных произведений Ю. Семенова, В. Кожевникова, В. Богомолова и одноименных фильмов: «Семнадцать мгновений весны», «ТАСС уполномочен заявить», «Щит и меч», «Вариант «Омега» и так далее.

Одновременно на Западе стараниями перебежчиков В. Кривицкого, А. Орлова (А. Фельдбина), О. Гордиевского, В. Резуна (В. Суворова) и других, под диктовку американских и британских спецслужб рисовался злоедей, не знающий ни моральных, ни этических норм образ «агента КГБ». А когда речь заходила о спецгруппах ВЧК — ГПУ — ОГПУ и 4-го управления НКВД — НКГБ СССР, осуществлявших акты возмездия в отношении предателей-перебежчиков, главарей-националистов, инспирировавших на территории СССР восстания и осуществлявших террористические вылазки в отношении представителей советской власти, то тут они не жалели черной краски, стремясь показать их руководителей и подчиненных настоящими исчадиями ада.

В 1990-е годы завеса тайны над отдельными разведывательными и контрразведывательными операциями отечественных спецслужб была приоткрыта. Заговорили профессионалы. Сухим языком оперативных документов они поведали истинную правду о скрытых пружинах тех или иных секретных акций, которые затем приводили в движение десятки, сотни тысяч людей и меняли политические режимы в различных странах. В авторских сборниках: «Лубянка», «Лубянка 2», «Смерш», «Огненная дуга», «Военная контрразведка. История, события, люди», а также в книгах: П. Судоплатова «Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы», О. Царева и Д. Костелло «Роковые иллюзии», М. Мукасея и Е. Мукасей «Зефир» и «Эльза», Ю. Дроздова «Вымысел исключен» и других — дана объективная и развернутая картина оперативно-боевой деятельности отечественных спецслужб.

Однако многие совершенно секретные страницы, связанные с разведывательной, повстанческой и диверсионной работой ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД — НКГБ и МГБ СССР, так и остались закрытыми. Лишь в последние годы работа спец-

служб стала находить достойное и объективное освещение в отечественной и зарубежной историко-публицистической литературе. Это было обусловлено тем, что до недавнего времени большинство материалов о деятельности Особой группы при наркоме НКВД СССР, 4-го управления НКВД — НКГБ СССР имели гриф «совершенно секретно».

Кроме того, в силу специфических особенностей, связанных с ролью НКВД в организации партизанского движения на оккупированных фашистами советских территориях, а также в связи с оперативно-боевой работой, проводившейся 4-м управлением НКВД — НКГБ СССР в странах Восточной Европы, освещение этой деятельности по вполне понятным причинам до августа 1991 года находилось под жесточайшим запретом. И только в 1998 году в своей известной книге «Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы» первый и бессменный руководитель Особой группы при наркоме внутренних дел, 4-го управления НКВД — НКГБ СССР генерал-лейтенант П. Судоплатов приоткрыл несколько страниц из разведывательно-диверсионной и повстанческой деятельности своих подчиненных.

К сожалению, Павел Анатольевич ушел из жизни, так и не успев рассказать многое из того, чем по праву может гордиться разведчик. Но сегодня за него и его боевых товарищей говорят архивы специальных служб России. Сухим и бесстрастным языком секретных докладных записок, радиограмм и агентурных сообщений они поведали о многих блестящих разведывательных и диверсионных операциях, а также актах возмездия, проведенных сотрудниками Особой группы, 4-го управления НКВД — НКГБ СССР.

Это было уникальное по своему кадровому составу и эффективности решения задач спецподразделение, аналогов которому как в прошлой, так и в современной истории специальных служб трудно найти. Путь, по которому прошли к вершинам своего профессионального мастерства П. Судоплатов, его бессменный заместитель и друг Н. Эйтингон и их подчиненные, блестящие мастера своего дела: Н. Мельников,

П. Гудимович, М. Маклярский, Я. Серебрянский, командиры легендарного омсбона М. Орлов и В. Гриднев, руководители разведывательно-диверсионных резидентур К. Орловский, С. Ваупшасов, Д. Медведев, Н. Прокопюк, В. Карасев, А. Рабцевич, Л. Партынский, Ф. Кропф и многие другие, был полон тяжких испытаний и невосполнимых потерь.

Эта книга, при подготовке которой использовались архивные документы отечественных спецслужб и Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), приоткроет еще несколько закрытых ранее страниц из деятельности отечественных спецслужб. Она позволит узнать новое об известных и неизвестных героях. Большинство из них, несмотря на невзгоды и личные трагедии, остались верны присяге, друзьям и до последнего часа бескорыстно служили своей суровой Родине.

Читатель вместе с автором пройдет по нелегкому жизненному и профессиональному пути, который выпал на долю А. Артузова, С. Шпигельглаза, П. Судоплатова, Н. Эйтингона, Я. Серебрянского, М. Маклярского, Н. Кузнецова, В. Карасева, Д. Медведева и сотен других разведчиков. И в этом движении во времени нельзя судить их с позиций нынешних знаний и представлений. Это был их выбор, и судьями им могут быть только собственная совесть, друзья и близкие.

*Почетный сотрудник госбезопасности
генерал-лейтенант Ю. Николаев
2008 год*

В «колыбели» революции

Революция лишь тогда чего-нибудь стоит,
если она умеет защищаться!

В. Ульянов (Ленин)

Разгром в сентябре 1922 года войск японских интервентов и белогвардейцев на Дальнем Востоке частями Красной армии под командованием командарма В. Блюхера положил конец длившейся более восьми лет и одной из самых кровопролитных войн в истории России. Значительную роль в этой победе сыграла и созданная 7 (20 по новому стилю) декабря 1917 года отечественная спецслужба — Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК).

Ее становление шло также трудно и противоречиво, как и самой советской власти. 25 октября (7 ноября) 1917 года в результате военного переворота Временное правительство А. Керенского было свергнуто. Большевикам во главе с В. Ульяновым (Лениным) досталось государство с разваливающейся армией, умирающим флотом и полностью дезорганизованной системой политического сыска, которая до этого служила традиционному правящему классу — аристократии и была абсолютно чужда новой власти — диктатуре рабочего класса и беднейшего крестьянства.

Военно-революционный комитет и пришедший ему на смену Совет народных комиссаров (СНК), принявший на себя управление государством, властвовал, но не правил. Работа подавляющего числа государственных учреждений в столице Петрограде оказалась дезорганизованной, а их начальники и сотрудники игнорировали распоряжения новой власти. Руководил саботажем так называемый «Малый совет министров», в состав которого входил ряд бывших членов Временного пра-

вительства. 26 октября (8 ноября) 1917 года им было принято постановление, предписывавшее чиновникам госучреждений саботировать распоряжения советской власти.

В армии положение было и того хуже. Атаманы А. Дутов и А. Каледин наотрез отказались подчиниться СНК, подняли восстания на Урале, Дону и отрезали голодающие Петроград и Москву от поставок сибирского, донского и кубанского хлеба. Лидер конституционно-демократической партии (кадетов) П. Милюков и его соратники, опиравшиеся на военную поддержку значительной части офицерского корпуса и материальные ресурсы крупных промышленников, готовили всероссийскую стачку госслужащих.

Сопrotивление советской власти со стороны прежних правящих классов с каждым днем нарастало. В той острейшей ситуации, грозившей самому ее существованию, вожди большевиков действовали быстро и решительно. 13 (26) ноября СНК предписал Совету народных комиссаров по военным и морским делам провести арест служащих Государственного и ряда частных банков, саботировавших его решения. 25 ноября (8 декабря) советское правительство призвало население к «борьбе с контрреволюционным восстанием Каледина и Дутова», а спустя три дня выступило с обращением «О контрреволюционном восстании буржуазии, руководимом кадетской партией». В тот же день СНК издал декрет «Об аресте вождей гражданской войны против революции». Для выполнения этой задачи у новой власти не было ни специального органа, ни подготовленных кадров, а осложнявшаяся с каждым днем обстановка требовала немедленных действий. В связи с этим 6 (19) декабря 1917 года Ленин направил срочную записку на имя тогда еще заместителя народного комиссара внутренних дел Ф. Дзержинского. В ней он писал, что «буржуазия, помещики и все богатые классы напрягают отчаянные усилия для подрыва революции, которая должна обеспечить интересы рабочих, трудящихся и всех эксплуатируемых масс», и предложил принять «необходимые экстренные меры для борьбы с контрреволюционерами и саботажниками».

Дзержинский подержал его, и уже вечером состоялось чрезвычайное заседание СНК. На нем рассматривался всего один вопрос: «О возможности забастовки служащих в правительственных учреждениях во всероссийском масштабе». По результатам обсуждения было принято решение: «Поручить т. Дзержинскому составить особую комиссию для выяснения возможности борьбы с такой забастовкой путем самых энергичных революционных мер, для выяснения способов подавления злостного саботажа».

На следующий день состоялось внеочередное заседание СНК под председательством Ленина. Его результаты нашли отражение в протоколе № 21 от 7 (20) декабря 1917 года. В частности, в нем было записано следующее.

«Слушали:

Доклад Дзержинского об организации Комиссии по борьбе с саботажем.

Состав (еще не полный): 1) Ксенофонов, 2) Жиделев, 3) Аверин, 4) Петерсон, 5) Петерс, 6) Евсеев, 7) В. Трифонов, 8) Дзержинский, 9) Серго? 10) Василевский?

Задачи комиссии:

1. Пресек(ать) и ликвидир(овать) все контрреволюционные и саботажнические попытки и действия по всей России, со стороны кого бы они не исходили.

2. Предание суду Революционного трибунала всех саботажников и контрреволюционеров и выработка мер борьбы с ними.

3. Комиссия ведет только предварительное расследование, поскольку это нужно для пресечения.

Комиссия разделяется на отделы: 1) информационный, 2) организационный отдел (для организации борьбы с контрреволюцией по всей России и филиальных отдел(ов), 3) отдел борьбы. Комиссия сконструируется окончательно завтра. Пока действует Ликвидационная комиссия Военно-революционного комитета. Комиссии обратить в первую голову внимание на печать, саботаж, к.д., правых с-р, саботажн(иков), стачечни(ков). Меры — конфискация, выдворение, лишение карточек, опубличивание списков врагов народа и так далее.

Постановили:

Именовать комиссию Всероссийской чрезвычайной комиссией при Совете народных комиссаров по борьбе с контрреволюцией и саботажем и утвердить ее.

Опубликовать».

С того дня прошло девяносто с лишним лет. Несмотря на то что той советской власти, для защиты которой создавалась ВЧК, давно уже нет, ветераны и действующие сотрудники отечественных органов безопасности, по сложившейся традиции, ежегодно, 20 декабря, отмечают свой профессиональный праздник. Но тогда в холодном и голодном Петрограде, находящемся в кольце врагов, создатели новой спецслужбы вряд ли предполагали, что она переживет не только их, но и само советское государство. В те решающие для власти большевиков дни им было не до того, они хорошо усвоили уроки Парижской коммуны и не ждали милости от контрреволюции и ополчившегося на них всего остального буржуазного мира, а действовали.

«Всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться!» Этот призыв Ленина для его соратников стал руководством к немедленным действиям. 21 декабря 1917 года (3 января 1918 года) на заседании СНК была более четко определена компетенция ВЧК и разграничены полномочия между Комиссией по борьбе с контрреволюцией и Народным комиссариатом юстиции в сфере оперативного розыска, задержания подозреваемых и ведения следствия, а также установлена система контроля за их деятельностью.

По завершении дискуссии СНК постановил следующее.

«1. «Всероссийская комиссия» при Совете народных комиссаров учреждается для целей беспощадной борьбы с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией.

2. Результаты своей работы она передает в Следственную комиссию при Революционном трибунале или прекращает дело.

3. Работа этой комиссии протекает при ближайшем наблюдении Народных комиссариатов юстиции и внутренних дел, а

равно президиума Петроградского Совета. Следственные же комиссии при Революционном трибунале — при ближайшем наблюдении Народного комиссариата юстиции и президиума Петроградского Совета.

...

7. Всякие задержания должны влечь за собой обязательное предание суду или быть прекращаемы...»

И ВЧК, защищая революцию, действовала «решительно и беспощадно». Всероссийская стачка, несмотря на все усилия кадетов, поддержку атаманов Дутова, Каледина и примкнувшего к ним генерала Л. Корнилова, организатора неудавшегося августовского 1917 года военного похода на революционный Петроград, провалилась.

Новая спецслужба во главе с Дзержинским и своим многочисленным аппаратом, на то время насчитывавшим всего несколько десятков человек, действовала быстро и целеустремленно. В течение недели был арестован ряд служащих Государственного и частных банков, отказывавшихся выполнять предписания советской власти, и закрыты все оппозиционные издания. В Петрограде и Москве силами подвижных групп чекистов и рабочих отрядов были решительно пресечены массовые грабежи продовольственных складов, магазинов и еврейские погромы.

Комиссия по борьбе с контрреволюцией на глазах набиралась опыта и повышала эффективность в работе. Во многом это было связано с тем, что ее возглавили талантливые и неординарные личности: Дзержинский, Ксенофонтов, Трифонов, Жиделев и другие, имевшие многолетний опыт борьбы с одной из самых сильных спецслужб того времени — царской охранкой. Существенную роль в ее работе играли «сознательные пролетарские массы», добровольно сообщавшие в Комиссию о действиях «заговорщиков и саботажников».

Для борьбы с контрреволюцией и шпионажем некоторые сотрудники и руководители ВЧК предлагали наряду с этими добровольными информаторами использовать старое, испытанное прошлой властью оперативное средство — «осве-

домителей и провокаторов». Большинство, в том числе и Дзержинский, были категорически против этого, называя такие действия «провокацией» и «методами царской охраны». По этому поводу между ними развернулась острая дискуссия, и на очередном заседании 18 марта 1918 года члены Комиссии приняли постановление «О недопустимости использования провокаций в работе ВЧК».

В отсутствие агентурного аппарата, применение которого на тот период вожди революции считали аморальным, добровольные информаторы — рабочие, солдаты и часть интеллигенции — являлись главным источником информации о контрреволюционной и саботажнической деятельности представителей бывших «эксплуататорских классов». Полученные таким образом сведения были достаточно эффективно использованы.

К началу весны 1918 года в активе молодой советской спецслужбы уже имелись: предотвращенная всероссийская стачка, сотни выявленных и пресеченных актов саботажа в банковской системе и сферах снабжения населения хлебом и продуктами питания. В апреле ее сотрудникам вместе с милицией удалось сбить волну бандитизма и массовых уличных грабежей в Петрограде и Москве, положить конец разгулу анархии, буйным цветом распутившейся в обеих столицах. В ночь на 12 апреля в результате молниеносно проведенной операции удалось арестовать почти всех вожаков анархистских организаций в Москве и Петрограде. Так же решительно и быстро они действовали и в отношении правых эсеров, совершивших 20 июня в Петрограде убийство комиссара по делам печати, пропаганды и агитации, редактора «Красной газеты» В. Володарского (М. Гольдштейна).

Все эти успехи в большинстве своем не являлись следствием классических форм работы спецслужбы, которые предполагают вербовку агентуры, ее внедрение во враждебные организации и их последующую оперативную разработку. В то время действия ВЧК скорее напоминали типичную полицейскую операцию: облавы, засады и допросы задержанных. Но уже тогда в ее работе

начинают просматриваться элементы контрразведывательного поиска во враждебной среде. В этих целях на кратковременной основе задействовались добровольные помощники и широко практиковался ввод в разработку лидеров контрреволюционных организаций штатных сотрудников ВЧК с соответствующей легендой.

Первая такая операция была проведена в начале 1918 года в отношении так называемого «Союза борьбы с большевиками и отправки войск Каледину», действовавшего в Петрограде. Начало ей положило внедрение в Союз под видом бывшего царского офицера кадрового сотрудника ВЧК А. Голубева. К концу января ему удалось добыть подробные данные о структуре и численном составе контрреволюционной организации. По результатам его работы в феврале большинство членов Союза было арестовано.

Через полгода еще более масштабная операция, непосредственное руководство которой осуществлял Дзержинский, сыграла важную, можно сказать ключевую роль в укреплении советской власти и вызвала большой международный резонанс. В истории отечественных спецслужб она более известна как «Заговор послов».

Июнь — август 1918 года стали горячими во всех отношениях не только в России, но и в странах Антанты (Великобритании, Франции, США и других государствах, военных противниках Германии и Австро-Венгрии). «Брестский мир», заключенный большевиками 3 марта 1918 года в Брест-Литовске, на время остановил войну на Восточном фронте и позволил Германии перебросить значительную часть войск на Запад. К июню в результате наступления германские войска вышли на реку Марна и уже угрожали Парижу.

Спасти французскую и британскую армии могли только чудо или выступление на их стороне России. Вести переговоры по этому вопросу с правительством Ленина было безнадежным делом, и тогда главы дипломатических миссий Великобритании и Франции Р. Локкарт и Ф. Гренар, опираясь на оперативные возможности резидента МИ-1 СИ (британская разведыва-

тельная служба, ныне СИС — *прим. авт.*) капитана Э. Бойса и другого разведчика, С. Рейли (З. Розенблюм), принялись готовить его свержение. Помощников в этом деле у них нашлось предостаточно. Помимо непримиримых «классовых врагов» советской власти, в их числе оказался ярый «ниспровергатель монархии», которому не нашлось места в новой власти, Б. Савинков со своим «Союзом защиты Родины и свободы», а также неверные союзники большевиков — левые эсеры, оттесненные на второстепенные роли. Они тоже были не прочь взять «руль власти» в свои руки.

Амбициозный Локкарт, возомнивший себя спасителем интересов Британской империи в России, и вездесущий авантюрист Рейли, которому, вероятно, не давали покоя лавры знаменитого разведчика «Лоуренса Аравийского», развили бурную деятельность. Но после того как в июле провалились вооруженные мятежи савинковцев в Ярославле и левых эсеров в Москве, они переключились на «кремлевскую гвардию» — латышские полки, охранявшие в Петрограде и Москве важнейшие правительственные учреждения. С их помощью Локкарт и Рейли рассчитывали свергнуть правительство Ленина.

Эта их деятельность не осталась без внимания ВЧК. Чтобы сорвать планы заговорщиков, Дзержинский вместе со своим заместителем Я. Петерсом и сотрудниками центрального аппарата решили сыграть на опережение и осуществили первую контрразведывательную операцию по проникновению в иностранную спецслужбу. Ей предшествовала многоходовая оперативная комбинация. Под видом националистически настроенных офицеров, недовольных итогами «Брестского мира», по которому Латвия оказалась оккупированной германскими войсками, комиссары Я. Буйкис («Шмитхен») и В. Спрогис («Бредис») под легендой поиска союзников среди антисоветского подполья были направлены в Петроград.

Через некоторое время они попали в поле зрения британской резидентуры, которой руководил военно-морской атташе капитан Р. Кроми. В те дни он активно занимался организацией подполья в северной столице и разработкой плана,

предусматривающего уничтожение Балтийского флота в случае захвата немцами морской базы в Кронштадте. Конфидентов из числа бывших офицеров у него хватало, главная трудность заключалась в том, что никто из них не имел прямого доступа в штабы Красной армии и флота. Появление националистически настроенных комиссаров «Шмитхена» и «Бредиса» из так называемой «кремлевской гвардии» в Петрограде было как нельзя кстати.

В марте состоялась их первая встреча с Кроми. Решимость комиссаров бороться за свободу Латвии, но прежде всего имеющиеся у них возможности прямого доступа в Кремль и к вождям революции, убедили британского разведчика в том, что на этот раз удача сама плывет ему в руки. В мае в Петроград приехал С. Рейли — специальный представитель шефа британской разведки М. Камминга. Кроми вывел на него «перспективных кандидатов в «заговорщики». Британский шпион № 1 в России остался доволен выбором Кроми и со свойственной ему энергией взялся за подготовку очередного заговора.

К августу «Шмитхен» и «Бредис» сумели полностью завоевать доверие британских разведчиков и, получив рекомендательное письмо от Кроми к Локкарту, возвратились в Москву. Здесь руководители ВЧК сделали еще один тонкий ход. Они решили ввести в оперативную игру новую фигуру, которая по своим возможностям не вызвала бы у британского посла сомнений в успехе заговора.

14 августа «Шмитхен» вместе с командиром артиллерийского дивизиона в Кремле Э. Берзиным с целью «политического разговора» посетили квартиру Локкарта в Хлебниковом переулке. Рекомендательное письмо Кроми, представленное «Шмитхеном», и убедительная речь Берзина произвели впечатление на британского дипломата. После встречи с ними он провел беседу с французским генеральным консулом Гренаром и военным атташе генералом Лаверном. Позже к ним присоединился генеральный консул США У. Пул. Они поддержали Локкарта в решимости бороться и свергнуть ненавистную власть большевиков. Непосредственную разработку

плана контрреволюционного переворота и его исполнение поручили Рейли.

Тот немедленно активизировал работу с Берзиным и «Шмитхеном». Получив от Локкарта необходимые денежные средства, Рейли передал им на организационные расходы и подкуп должностных лиц 1,2 млн рублей (оприходованы в кассе ВЧК) и вплотную занялся разработкой плана государственного переворота. В последующем, по признанию самого Локкарта, британское посольство на эти цели израсходовало 1,4 млн рублей.

25 августа в Москве, в здании генконсульства США, состоялась решающая встреча основных организаторов и участников заговора: Пула, Рейли, Лаверна, полковника А. Вертимона (Франция), К. Каламатиано (США), журналиста Р. Маршана (Франция). Участники совещания «послов и шпионов» решили, что в связи с расширением интервенции стран Антанты против советской России (2 августа 1918 года к британскому экспедиционному корпусу, которым командовал генерал Ф. Пуль, присоединились части французских и американских войск) и предстоящим отъездом дипломатов из Москвы, все нити заговора сосредоточить в руках Рейли, Вертимона и Каламатиано.

Дело шло к развязке. В те дни подчиненные Дзержинского не смыкали глаз, отслеживая контакты заговорщиков, и к концу августа перед ними проявилась большая часть «шпионской паутины», сплетенная Локкартом и Рейли. Но они не спешили ее рвать. У разработанной ими операции имелась и другая цель — стратегическая. Согласно оперативному замыслу, Красная армия, отступая перед продвигавшимися к Петрозаводску интервентами, должна была заманить их вглубь территории и затем одновременными ударами во фронт и по растянувшимся тыловым коммуникациям полностью уничтожить.

Но трагические события, которые не могли предвидеть ни заговорщики, ни чекисты, вмешались в ход операции. 30 августа эсер Л. Каннегисер совершил террористический акт против председателя Петроградской ЧК М. Урицкого. В тот же день,

вечером, по окончании митинга на заводе Михельсона было совершено покушение на самого Ленина. В сложившейся ситуации Дзержинский вынужден был действовать и немедленно выехал в Петроград.

Поздним вечером 31 августа подвижный отряд чекистов оцепил посольство Великобритании на Дворцовой площади и после отказа пропустить внутрь здания начал его штурм. В завязавшей перестрелке погибли Кроми и ряд сотрудников ВЧК. При обыске в помещениях было обнаружено большое количество оружия и задержано свыше сорока заговорщиков, в том числе бывшие царские офицеры.

Одновременно с этим в Москве в ночь с 31 августа на 1 сентября оперативная группа ВЧК во главе с комендантом Кремля П. Мальковым на квартире в Хлебниковом переулке арестовала Локкарта и его помощника, капитана Хикса. Британскому послу нечего было сказать. На руках у чекистов находились неопровержимые доказательства его шпионской деятельности — удостоверения, исполненные на бланках посольства и выданные им лично Берзину и Буйкису. В них командованию британского экспедиционного корпуса давались следующие указания: «Предъявитель сего, латышский стрелок, направляется с ответственным поручением в британскую штаб-квартиру в России. Обеспечивайте ему свободный проезд и оказывайте всемерное содействие. Р. Локкерт».

Тем не менее он продолжал категорически отрицать свою причастность к заговору и плану ликвидации Ленина, Троцкого, Зиновьева, Каменева и других большевистских вождей. И только оказавшись на свободе, под защитой британской короны, Локкерт в книге воспоминаний «История изнутри. Мемуары британского агента» позволил себе пооткровенничать. Несостоявшийся заговорщик поведал миру о том, что перед отъездом в Россию британское правительство поставило перед ним главную цель — не допустить ее выхода из войны. Он так пишет об этом: «Моей главной задачей было нанести максимум вреда Германии, вставлять палки в колеса при переговорах (советской делегации с германской стороной — прим.

авт.) о сепаратном мире и всеми силами укреплять сопротивление большевиков в отношении германских требований». Но и здесь Локкарт покривил душой и сказал только часть правды: джентльмену, каковым он, видимо, себя считал, не пристало пачкать руки в «мокрых делах». Он умолчал о том, как планировалось убийство лидеров революции. За него это сказали на допросах в ВЧК другие — Каламатиано и Вертимон.

Вслед за британским послом и Хиксом были арестованы: Вертимон; содержательница явочной квартиры, где иностранные разведчики проводили встречи с другими участниками заговора, актриса Оттен; сотрудница аппарата ЦИК Старжевская; служащий Центрального управления военных сообщений Фриде и другие (всего 30 человек). Позже, 18 сентября, при попытке проникновения в норвежское посольство, где укрылись другие «послы-заговорщики», был задержан Каламатиано. При обыске в его трости следователь В. Кингисепп обнаружил важные улики — денежные расписки агентов, — и перед чекистами полностью открылась вся шпионская сеть. Но тот, кто ее плел — Рейли — сумел ускользнуть.

С «Заговором послов» было покончено. По-разному сложились судьбы его организаторов. Локкарт, находившийся под домашним арестом в Кремле, в октябре 1918 года вместе с другими «послами-заговорщиками» был обменян на задержанных в Великобритании советских дипломатов и выслан из России. Рейли, возвратившись в Великобританию, удостоился одной из высших наград — ордена «Военный крест», затем работал консультантом у будущего премьера У. Черчилля, а осенью 1925 года наконец-то угодил в сети другой операции ОГПУ — «Трест». Каламатиано, так же как и Рейли, приговоренный к смертной казни, в 1921 году был освобожден из тюрьмы и выслан в США.

Таким образом, 1918 год для молодой советской спецслужбы завершился убедительной победой как над внутренней контрреволюцией, так и над иностранными разведками. 7 ноября 1918 года Ленин, выступая на торжественном вечере — концерте ВЧК, посвященном годовщине революции, — дал

следующую оценку результатам ее работы: «Для нас важно, что ЧК осуществляют непосредственную диктатуру пролетариата, и в этом их роль неоценима. Иного пути освобождения масс, кроме подавления путем насилия эксплуататоров, нет. Этим и занимаются ЧК, в этом их заслуга перед пролетариатом».

К концу 1918 года в советской республике действовало 40 губернских и 385 уездных чрезвычайных комиссий. 19 декабря в частях Красной армии были образованы особые отделы ВЧК.

Отдавая должное высокой эффективности и результативности деятельности ВЧК по защите советской власти, все же трудно поверить, что такое быстрое ее становление обошлось без посторонней помощи. Несмотря на выдающиеся организаторские способности Ф. Дзержинского, В. Трифонова, Я. Петерса, И. Ксенофонтова и их опыт нелегальной работы, создание на пустом месте новой спецслужбы в тех сложнейших условиях и в такие сжатые сроки являлось почти безнадежным делом. Если при формировании Красной армии революционной власти пришлось обратиться к помощи так называемых «военспецов», в качестве которых использовались в том числе и царские генералы, то в ВЧК дорога для чинов охранного отделения была наглухо закрыта. Их дух если там и появлялся, то ненадолго и только в тюремных камерах. В связи с этим невольно возникает вопрос: не могла ли в те первые месяцы становления советской власти чья-то опытная рука направлять работу ВЧК? Ответ на него следует искать в архивах, хранивших до недавнего времени в глубокой тайне отношения вождей большевиков с политиками и разведкой кайзеровской Германии.

До августа 1991 года, когда доступ к «особым папкам» и секретным делам имели лишь избранные люди, связанные подпиской о неразглашении, большинству сотрудников ответственных спецслужб и рядовому обывателю была известна лишь одна, официальная версия становления советской спецслужбы. Она достаточно подробно отражена как в закрытой литературе, так и в открытых изданиях.

Вместе с тем, ряд документов, хранящихся в спецфонде Российского государственного архива социально-политической

истории (РГАСПИ, город Москва), а также публикации некоторых отечественных и зарубежных исследователей деятельности советских вождей и спецслужб, в частности Д. Волкогонова «Сталин», «Троцкий», О. Царева и Д. Косстелло «Роковые иллюзии», А. Арутюнова «Ленин. Личностная и политическая биография», К. Эндрю и О. Гордиевского «История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева», содержат любопытные сведения о связях Ленина, Троцкого, Зиновьева и других с германскими военно-политическими кругами, а также о роли разведывательных органов Германии — Разведывательного отделения Генерального штаба — в становлении ВЧК и деятельности партии большевиков в период 1917–1918 годов.

Приведенные в них данные прямо говорят о тесном сотрудничестве германских политиков и сотрудников разведки с рядом видных деятелей большевистской партии: В. Ульяновым (Лениным), Л. Троцким (Бронштейном), Л. Каменевым (Розенфельдом), Г. Зиновьевым (Радомысльским) и другими, а также об оказании им финансовой, организационной и кадровой поддержки в осуществлении октябрьского переворота 1917 года. И это не является чем-то небывалым. Некоторые события прошлого и сегодняшняя действительность убеждают нас в том, что в борьбе за власть и защите национальных интересов возможны самые невероятные союзы, даже с самим дьяволом, а мораль и принципы отходят на второй план.

Большевики, боровшиеся с царизмом не на жизнь, а на смерть в течение двух десятилетий, и дряхлая германская империя, из последних сил пытавшаяся сохраниться на европейской карте, были объективно обречены стать временными союзниками. После трех лет кровопролитной войны экономические ресурсы Германии находились на пределе, и вести борьбу на два фронта ей оказалось не под силу. Поэтому германские политики и спецслужбы предпринимали активные действия по выводу из войны наиболее уязвимого противника. Таковой на тот период оказалась царская Россия, находившаяся в глубочайшем политическом, военном, экономическом и нравственном кризисе. Исторически изжившая, скомпрометировавшая себя

дворцовыми дрязгами и погрязшая в небывалой коррупции монархия содрогалась под ударами революционных волн.

Классическая ленинская формула о революционной ситуации была воплощена в жизнь самой властью. Война довела до бедственного состояния и без того голодающую подавляющую часть населения. «Верхи», то есть государственная машина управления, при безвольном императоре пошла в разнос. Каждый, руководствуясь личными, в большей степени корыстными интересами, «тащил одеяло на себя». Император Николай II на глазах терял своих немногочисленных сторонников не только в армии и на флоте, но и в самом Зимнем дворце. О том положении, в каком находились империя и трон в начале марта 1917 года, точнее всего высказался он сам. 2 марта, передав Акт отречения от престола представителям Временного комитета Государственной думы В. Шульгину и А. Гучкову, бывший император в отчаянии записал в своем дневнике: «Утром пришел Рузский и прочел свой длинейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство из Думы будто бессильно что-либо сделать, так как с ним борется социал-демократическая партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в Ставку, а Алексеев — всем главнокомандующим. К 2¹/₂ (14:30 — прим. авт.) пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которыми я переговорил и передал им подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена, и трусость, и обман!»

Николаю II было от чего прийти в отчаяние: даже те, кто присягал ему на верность, кого он осыпал наградами и должностями, в самый трудный момент предали его. Все четверо главнокомандующих фронтами: А. Брусилов (Юго-Западный), А. Эверт (Западный), В. Сахаров (Румынский), Н. Рузский (Северный), а также командующий Балтийским флотом А. Не-

пенин в докладах Алексею высказались за отречение от престола «помазанника божьего». К ним присоединился бывший Верховный главнокомандующий и родственник государя — великий князь Николай Николаевич.

Последний из династии Романовых оказался не нужен не только собственному народу, но и аристократии с народившейся буржуазией, которым стало тесно в отжившем свой век изношенном «монархическом камзоле». В дальнейшем, за все время пребывания семьи бывшего императора под домашним арестом в Царском Селе и на Урале, никто из бывших подданных не предпринял реальных попыток по ее освобождению. Предпочитали не вспоминать о нем и сиятельные родственники из британской короны, втянувшие его и Россию в войну с Германией. Они ответили черной неблагодарностью, отказавшись приютить у себя ставшего теперь ненужным бывшего императора.

Николай II, лишенный рычагов власти, которые достались от великих предков, оказался не способен защитить даже самого себя и своих близких и безвольно шел к трагической развязке. 17 июля 1918 года в Екатеринбурге, в подвале дома купца Ипатьева, расстрельная команда большевика Я. Юровского расправилась с семьей Н. Романова и покончила с монархией в России.

Но тогда, в роковом для Российской империи феврале 1917 года, когда бывший император пребывал в протрации, а члены Временного правительства находились в эйфории от свалившейся на них власти, члены партий эсеров и большевиков, спаянные крепкой дисциплиной и прошедшие через горнило первой русской революции, каторги и ссылки, только и ждали подходящего момента, чтобы забраться на «государственный корабль», который к осени плыл по воле одних только волн. Им оставалось сделать последний рывок к «рулю власти», но у одних не хватало политической воли, а у других — финансовых средств.

У лидера большевиков Ленина с волей было все в порядке, а в финансовом плане его партия испытывала серьезные затруднения. И здесь ей на помощь пришли крайне заинтересованные «спонсоры» из Германии. Именно они, несмотря на неудачную июльскую 1917 года попытку большевиков свергнуть

Временное правительство, активизировали свою финансовую помощь их лидерам.

Эту самую тайную и деликатную роль взяло на себя Разведывательное отделение германского Генерального штаба. Используя свои негласные возможности, оно обеспечило поступление денежных средств на тайные счета Ленина, Троцкого, Зиновьева, Каменева, Козловского и других в банках Швеции и Финляндии; ранее организовало беспрепятственный транзит из Швейцарии в Финляндию (через Германию и Швецию) группы партийных функционеров во главе с Лениным.

Позже, в 1925 году, эти факты подтвердил и один из руководителей германского Генштаба генерал Э. Людендорф. В своих мемуарах «Мои воспоминания о войне 1914–1918 годов» он писал: «Отправлением в Россию Ленина наше правительство возложило на себя особую ответственность. С военной точки зрения, его проезд через Германию (на тот период обе стороны находились в состоянии войны — *прим. авт.*) имел свое оправдание. Россия должна пасть».

Так ниспровергатели царизма и капиталистических устоев — большевики и представители одной из самых одиозных монархий в Европе Гогенцоллернов — оказались в одной «лодке». После октябрьского переворота эти отношения продолжались. Более того, разведка Германии предпринимала дальнейшие попытки сохранить контроль над новыми институтами власти большевиков, в том числе и спецслужбой. Подтверждением тому может служить обращение начальника Русского отделения германского Генерального штаба О. Рауша к высшим руководителям советской власти. Сразу же после смещения Временного правительства 27 октября (9 ноября) в своем обращении к СНК он писал:

«Правительству народных комиссаров. Согласно происшедшим в Кронштадте в июле текущего года соглашениям между чинами нашего Генерального штаба и вождями русской революционной армии и демократами г. Лениным, Троцким, Раскольниковым, Дыбенко, действовавшее в Финляндии Русское отделение нашего Генерального штаба командирует в

Петроград офицеров для учреждения Разведочного отделения штаба. Во главе Петроградского отделения будут находиться следующие офицеры, в совершенстве владеющие русским языком и знакомые с русскими условиями:

майор Любертц, шифрованная подпись Агасфер,
майор фон Бельке, шифрованная подпись Шотт,
майор Байермейстер, шифрованная подпись Бэр,
лейтенант Гартвиг, шифрованная подпись Генрих.

Разведочное отделение, согласно договору с г. Лениным, Троцким и Зиновьевым, будет наблюдать за иностранными миссиями и военными делегациями и за контрреволюционным движением, а также будет выполнять разведочную и контрразведочную работу на внутренних фронтах, для чего в различные города будут командированы агенты.

Одновременно сообщается, что в распоряжение правительства народных комиссаров командировуются консультанты: по Министерству иностранных дел — г. фон Шенеман, по Министерству финансов — г. фон Толь».

Ниже в обращении имеется приписка в Комиссариат по иностранным делам: «Указанные в настоящей бумаге офицеры были в Революционном комитете и условились с Муравьевым, Бойс и Данишевским о совместных действиях. Все они поступили в распоряжение комитета. Консультанты явятся по назначению. Председатель Военно-революционного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов А. Иоффе. Секретарь П. Кушавич. 27 октября 1917 года».

Советники из германского Разведывательного отделения хлеб даром не ели и работали на большевиков с полной отдачей. Уже 9 декабря 1917 года заместитель начальника Петроградского отделения Р. Бауер информировал советское руководство о результатах работы.

«В(есьма) срочно.

Г. народному комиссару по иностранным делам.

Согласно вашему поручению Разведочным отделением 29 ноября был командирован в Ростов майор фон Бельке,

установивший там разведку за силами Донского войскового правительства. Майором был организован также отряд из военнопленных, которые и принимали участие в боях. В этом случае военнопленные, согласно указаниям, сделанным июльским соглашением в Кронштадте с участием г. Ленина, Зиновьева, Каменева, Раскольниковы, Дыбенко, Шишко, Антонова, Крыленко, Володарского и Подвойского, были переодеты в русскую солдатскую и матросскую форму.

Майор фон Бельке принял участие в командировании (видимо, командовании — *прим. авт.*), но сбивчивые распоряжения официального командующего Арнаутова и бездарная деятельность разведчика Туллака парализовали планы нашего офицера. Посланные по приказу из Петербурга убить генерала Каледина, Алексева и Богаевского агенты оказались трусливыми и не предприимчивыми людьми. К Караулову проехали агенты. Сношения генерала Каледина с англичанами и американцами несомненны, но они ограничиваются денежной помощью. Майор фон Бельке с паспортными данными финна Уно Муури возвратился в Петербург и выступит сегодня с докладом в кабинете председателя Совета в 10 час. вечера».

Это сотрудничество Русского отделения германского Генштаба продолжилось и после образования ВЧК. Свидетельством тому служит следующий документ, направленный начальником отделения ее председателю.

«Весьма секретно.

17 декабря 1917 года.

В Комиссию по борьбе с контрреволюцией.

Разведочное отделение на запрос Комиссии по борьбе с контрреволюцией от 17 декабря имеет честь сообщить список наблюдателей за миссиями союзных России государств.

За Великобританским посольством — германские разведчики: Люце, Тельман, Поссель, Франц и Гизель; русские агенты: Овсяников, Глушенко и Балясин.

За Французским посольством — германские разведчики: Сильвестр, Бутц, Фольгаген; русские агенты: Балашов, Турин, Гаврилов, Садовников и Шило.

За посольством С. А. С. Штатов (Северо-Американские соединенные штаты) — германские разведчики: Штром, Бухгольц, Фаснахт, Турпер; русские агенты: Шпитцберген, Сокольниковский, Тарасов и Вавилов.

За Румынской миссией — германские разведчики: Сутпер, Байдер и Вольф; русские агенты: Куль, Никитин, Золотов и Архипов.

За Итальянским посольством — австрийские разведчики: Кульдер, фон Гезе, Гойн и Бурмейстер; русские агенты: Салов, Алексеевский, Кузмин.

Означенные агенты должны исполнять все поручения миссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем, погромами и пр.

Начальник отделения: Агасфер».

Мастера из немецкой разведки и опытные конспираторы-большевики, наученные царской охранкой, знали, как прятать «концы в воду». Но, как известно, все тайное рано или поздно становится явным. Существуют и другие документальные подтверждения того, что помощь со стороны германской разведки носила не только организационно-функциональный, но и финансовый характер.

Широко распространенные тогда в оппозиционной большевикам прессе и среди обывателей слухи об их связях с немцами имели под собой определенную основу. Молва о том, что лидеры большевиков — «это немецкие шпионы, привезенные в Россию в plombированном вагоне», безусловно, попортила им немало крови. Но молва есть молва, на смену старым слухам приходят новые, а документы остаются. И поэтому, придя к власти, вожди большевиков и их германские «спонсоры» предприняли энергичные меры по уничтожению свидетельств своей тайной связи.

Подтверждением тому является следующий документ.

«Протокол В(оенного) к(омиссариата). Д. № 323», подписанный со стороны Разведочного отделения германского Генштаба адъютантом «Генрихом» (лейтенант Гартвиг), а со

стороны СНК — уполномоченными: Г. Залкиндом, вторая подпись неразборчива, Е. Поливановым, А. Иоффе.

«Сей протокол составлен нами 2 ноября 1917 года в двух экземплярах в том, что нами с согласия Совета народных комиссаров из дел Контрразведочного отделения Петроградского округа и бывш(его) Департамента полиции по поручению представителей германского Генерального штаба в Петрограде изъяты:

1. Циркуляр германского Генерального штаба за № 421 от 9 июня 1914 года о немедленной мобилизации всех промышленных предприятий в Германии.

2. Циркуляр Генерального штаба Флота открытого моря за № 93 от 28 ноября 1914 года о засылке во враждебные страны специальных агентов для истребления боевых запасов и материалов.

Означенные циркуляры переданы под расписку в Разведочное отделение германского Штаба в Петрограде».

Германским агентом «Генрихом» также был получен и другой, не менее важный документ, касающийся финансирования РСДРП(б), который ранее, весной 1917 года, удалось перехватить российской контрразведкой. Прибыв 16 ноября в Народный комиссариат по иностранным делам, «Генрих» имел на руках документ, перед которым открылись двери самых «высоких кабинетов».

«Народный комиссариат по иностранным делам.

(Весьма секретно.)

Петроград, 16 ноября 1917 года.

Председателю Совета народных комиссаров.

Согласно постановлению, вынесенному совещанием народных комиссаров т. Ленина, Троцкого, Подвойского, Дыбенко и Володарского, нами исполнено следующее:

1. В архиве комис(сии) юстиции из дела об «измене» т. Ленина, Троцкого, Козловского, Коллонтай и других изъят приказ Германского императорского банка за № 7433 от 2 марта 1917 года об отпуске денег т. Ленину, Зиновьеву, Каменеву,

Троцкому, Суменсон, Козловскому и другим за пропаганду мира в России.

2. Проверены все книги Хиа-Банка в Стокгольме, заключающие счета т. Ленина, Троцкого, Зиновьева и других, открытые по ордеру Германского императорского банка за № 2754. Книги эти переданы т. Мюллеру, командированному из Берлина.

Уполномоченные народного комиссара по иностранным делам

Е. Поливанов, Г. Залкинд».

В пользу версии о тесной связи вождей большевиков с германским Генштабом говорит и судьба сотрудника ВЧК Я. Блюмкина, казалось бы, не имеющая никакого отношения к их делам. Он стал участником многих загадочных событий, которые до сих пор окутаны плотной завесой тайны: внезапная смерть поэта С. Есенина, с которым «чекист на все руки» был в дружеских отношениях; полная риска и невероятных приключений разведывательная миссия в Тибет, связанная с поисками загадочной Шамбалы; оперативная опека Троцкого, когда тот был выслан советским правительством в Турцию; и, наконец, сошедшее ему с рук убийство германского посла В. Мирбаха 6 июля 1918 года в Москве. В тот день он и другой сотрудник ВЧК, левый эсер Н. Андреев, с документом, на котором стояла подлинная подпись Дзержинского, прибыли в германское посольство якобы для переговоров с Мирбахом о судьбе его брата, графа Роберта Мирбаха. Ничего не подозревавший посол вышел им навстречу и тогда Блюмкин выхватил пистолет и произвел в него три выстрела. В. Мирбах, ища спасения от убийц, ринулся внутрь комнат, но брошенная вслед бомба оборвала его жизнь. Блюмкин и Андреев скрылись, и в тот же день левые эсеры подняли мятеж. Они захватили здание ВЧК на Лубянке, взяли в заложники Дзержинского и ряд руководящих работников.

Вечером СНК выступил с правительственным сообщением. В нем говорилось следующее.

«Сегодня, 6 июля, около 3 часов дня, двое (негодяев) агентов русско-англо-французского империализма проникли к

германскому послу Мирбаху, подделав подпись т. Дзержинского под фальшивым удостоверением, и под прикрытием этого документа убили бомбой графа Мирбаха. Один из негодяев (Блюмкин — *прим. авт.*), выполнивший это провокационное дело, давно уже и многократно связывавшееся в советской печати с заговором русских монархистов и контрреволюционеров, по имеющимся сведениям, левый эсер, член комиссии, изменнически перешедший от службы Советской власти к службе людям, желающим втянуть Россию в войну и этим самым обеспечить восстановление власти помещиков и капиталистов, либо подобно Скоропадскому, либо самарским и сибирским белогвардейцам.

Россия теперь, по вине негодяев левоэсерства, давших себя увлечь на путь савинковых и компании, на волосок от войны...»

Спустя сутки после убийства Мирбаха силами чекистов и «латышских стрелков» мятеж левых эсеров был подавлен. После всего произошедшего, казалось бы, судьба «негодяя»-эсера Блюмкина, спровоцировавшего Германию на продолжение войны, была предрешена, но здесь происходит самое удивительное. Через некоторое время он пришел с повинной в ВЧК и его «простили».

Прошло всего четыре месяца со дня убийства Мирбаха. В ноябре 1918 года в Германии вспыхнула революция, которая смела власть еще одной монархии и освободила большевиков от прежних обязательств. Но не только их, а вместе с ними и тех, кто помогал им укрепиться у власти. «Негодяй» Блюмкин вновь «всплыл» и не где-нибудь, а в ВЧК. Он быстро поднялся по служебной лестнице не только благодаря очевидным талантам, но и, видимо, в знак признания за прошлые «заслуги».

В 1929 году, будучи резидентом-нелегалом в Стамбуле, Блюмкин занимался не только укреплением советской агентурной сети в Турции, но и выполнял весьма деликатную миссию. Под «крышей» торговой фирмы зарабатывал средства продажей хасидских древнееврейских рукописей, поступавших к нему по конспиративным каналам из фондов Государственной

библиотеки им. В. Ленина, для проведения боевой деятельности против англичан в Турции. «Погорел» он не на том, что часть выручки оседала в его карманах. Руководство органов государственной безопасности и жена-разведчица Елизавета Зарубина, простив ему убийство германского посла, вероятно, закрыли бы глаза и на это прегрешение, если бы не его симпатия к Троцкому.

Блюмкина к тому времени уже начало подташнивать от «кухни» ОГПУ, в которой его острый нюх уже улавливал грядущие запахи гигантской «кровавой бойни»; он все больше проникался уважением к «великому изгнаннику». Между ним и Троцким вскоре сложились доверительные отношения. Блюмкин время от времени оказывал ему материальную помощь, передавал часть средств, вырученных от продажи рукописей. А Троцкий, не терявший надежды на возвращение в СССР, не преминул воспользоваться столь надежным каналом для связи со своими сторонниками. О его письме, которое Блюмкин должен был передать К. Радеку, стало известно супруге Блюмкина. Е. Зарубину потрясла его «измена» и она немедленно доложила в Москву. На этот раз судьба «непотопляемого чекиста» была предрешена. Под благовидным предлогом он вместе с женой был отозван в Москву, там арестован и затем расстрелян.

Но если отрешиться от вполне понятных в таких случаях человеческих чувств и посмотреть на судьбу Блюмкина, убийство германского посла и его последствия глазами политика, то невольно напрашивается вывод о том, что это убийство было выгодно всем. Каждый преследовал свои цели. Левые эсеры, потерявшие на глазах власть и принявшие на заседании ЦК партии 4 июля большинством голосов решение о покушении на Мирбаха, видимо, рассчитывали этим террористическим актом разорвать непопулярный среди значительной части населения мир с Германией и тем самым укрепить свои пошатнувшиеся позиции. Вожди большевиков, опираясь на растущую поддержку армии и ВЧК, оттеснили на второй план неверных союзников-эсеров и теперь горели желанием поскорее избавиться от ставшей обременительной опеки германских «спонсоров».

В своем стремлении к единоличной власти и в выборе средств ее достижения они не были оригинальны, а лишь повторили многочисленные примеры, имевшие место в истории, в том числе и российской.

Политика — это искусство возможного, и в этом отношении Ленин, Троцкий, Дзержинский оказались более искусными, организованными и целеустремленными, чем их конкуренты, кадеты и эсеры, деятельность которых также оплачивалась из одной и той же кассы — германской. Спустя сутки после начала мятежа эсеров в Москве он был подавлен, а их представители изгнаны из СНК и ВЧК. В ответ на убийство посла Мирбаха Германия двинула свои войска на восток и вышла к Дону, но этот успех оказался недолгим. В ноябре 1918 года в Гамбурге, Берлине и других городах вспыхнули восстания и в их огне окончательно сгорели планы «строителей великой Германии».

Весь 1918 год стал испытанием на прочность власти большевиков и проверкой на зрелость вновь созданных государственных институтов: Красной армии, ВЧК и милиции. Против молодого советского государства, казалось, ополчился весь остальной мир. Вслед за мятежом левых эсеров командующий Восточным фронтом генерал М. Муравьев открыл его для восставшего 40-тысячного «чехословацкого корпуса». Бывшие военнопленные: чехи, словаки, венгры, получившие от советской власти разрешение для проезда на Дальний Восток, чтобы затем во Франции начать боевые действия против Германии, поддавшись провокационным заявлениям своего командования о том, что их собираются выдать Австро-Венгрии, в конце мая подняли мятеж. Спустя полтора месяца в руках мятежников оказалась большая часть Сибири, Урал и такие стратегически важные центры на Волге, как Казань и Самара.

В это же время началась интервенция стран Антанты. В Лондоне, Париже, Вашингтоне и Токио, видимо, полагали, что дни большевистской России и страны в целом сочтены, и спешили урвать свой кусок от «лакомого русского пирога». На севере британо-французский экспедиционный корпус захватил

Архангельск и начал продвижение к Петрозаводску. На востоке американские и японские войска оккупировали Дальний Восток. В Закавказье англичане, опираясь на поддержку националистических сил: мусаватистов в Азербайджане, дашнаков в Армении и меньшевиков в Грузии, свергли советскую власть. На юге войска белоказаков под командованием генерала П. Краснова двинулись на Царицын, чтобы отрезать Москву и Петроград от бакинской нефти и хлеба южных районов страны.

Территория, которая контролировалась большевиками, сжималась, словно шагреновая кожа, и им оставалось надеяться только на чудо. И оно произошло. Страна и народ, истерзанные предыдущей трехлетней войной, нашли в себе силы для сопротивления. Теперь им было за что сражаться: крестьянам — за землю, рабочим — за свободный труд. Уже к августу Красная армия выросла до 500 тысяч человек, в ее рядах воевало свыше 20 тысяч добровольцев из числа болгар, венгров, чехов, словаков и немцев. Важную роль в ее становлении сыграли бывшие генералы и офицеры, поддержавшие советскую власть. Цвет императорской армии — 250 генералов и 400 офицеров Генерального штаба продолжили службу в Красной армии. В их числе были широко известные и авторитетные в армейской среде граф А. Игнатъев, генералы Н. Потапов, А. Самойло, А. Свечин и другие. На стороне ее противников воевало около 750 представителей Генштаба. Все это вместе взятое и предопределило успех Красной армии на фронтах Гражданской войны. К концу 1922 года она наголову разбила войска Антанты, белогвардейцев, белоказаков и, как пелось в революционной песне тех лет, «на Тихом океане свой закончила поход». Бывшие прапорщики, мичманы и есаулы: М. Тухачевский, В. Блюхер, С. Буденный, П. Дыбенко, В. Антонов-Овсеенко и другие одержали верх в войне с царскими генералами, адмиралами и атаманами: А. Корниловым, А. Колчаком, А. Калединым, А. Деникиным, П. Врангелем.

Советская власть, которой в октябре 1917 года многие пророки предрекали всего несколько дней жизни, от силы — месяц, не только устояла, а «всерьез и надолго» утвердилась на

громадном пространстве от Одессы до Владивостока. Тогда, в смутном 1917 году, многим в России и на Западе казалось, что октябрьский переворот станет последним трагическим актом в крушении бывшей Российской империи, а ее колоссальные природные ресурсы станут достоянием «империалистических акул». В Париже, Лондоне, Вашингтоне, Токио и Берлине уже спешили перекраивать ее под себя, но здесь произошло настоящее чудо!

Россия Романовых, Россия Керенского, бросившая гнить в окопах миллионы крестьян и рабочих, истерзанная бессмысленной кровопролитной войной, поднялась с колен и потом еще целых пять лет сражалась со всем остальным капиталистическим миром. Они бились за свою власть, которая дала им то, о чем мечтали многие столетия поколения русских крестьян — землю.

Своим обращением от 25 октября (7 ноября) 1917 года к гражданам России большевики перевернули, а затем возродили страну. Оно заняло всего четверть страницы, но перевесило все многопудовые заявления и постановления Временного правительства и заслуживает того, чтобы привести его полностью.

«К ГРАЖДАНАМ РОССИИ!»

Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства — это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!

Военно-революционный комитет
при Петроградском Совете
рабочих и солдатских депутатов.
25 октября 1917 года, 10 час. утра».

Передав крестьянам в безвозмездное пользование бывшие помещичьи земли, большевики заручились такой поддержкой, что теперь могли не опасаться серьезных выступлений внутренней контрреволюции. Линия фронта борьбы с ней переместилась за границы советского государства: в Польшу, Турцию, Югославию, Маньчжурию, Францию и Великобританию — туда, где осела русская эмиграция. Острая необходимость в проведении ВЧК «быстрой и беспощадной к эксплуататорским классам» репрессии отпала. По предложению Ленина, 28 декабря 1921 года девятый Всероссийский съезд Советов принял резолюцию. В ней делегаты отмечали «героическую работу, выполненную органами Всероссийской чрезвычайной комиссии в самые острые моменты Гражданской войны, и громадные заслуги, оказанные ими делу укрепления и охраны завоеваний Октябрьской революции от внутренних и внешних покушений». Делегаты признали необходимым, что «ныне укрепление Советской власти во вне и внутри позволяет сузить деятельность Всероссийской чрезвычайной комиссии и ее органов, возложив борьбу с нарушением законов советских республик на судебные органы». Съезд поручил «Президиуму Всероссийского центрального исполнительного комитета в кратчайший срок пересмотреть положение о Всероссийской чрезвычайной комиссии и ее органах в направлении их реорганизации, сужения их компетенции и усиления начал революционной законности».

В развитие этого решения Политбюро ЦК РКП(б) 23 января 1922 года постановило (протокол № 91):

«1. Всероссийскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности упразднить.

2. Все дела о преступлениях, направленных против советского строя или представляющие нарушения советских законов, разрешаются в судебном порядке революционным трибуналом или народными судами по принадлежности.

3. В составе НКВД создать Государственное политическое управление при НКВД, действующее на основании особого положения, под председательством народного комиссара внутдел и назначаемого СНК его заместителя» (ЧК были преобразованы в ГПУ на Украине и в Белоруссии. В республиках Закавказья Чрезвычайные комиссии сохранились до 1926 года — *прим. авт.*).

В соответствии с этим решением ЦК РКП(б) характер деятельности ГПУ по своим новым задачам все более приближал его к классической спецслужбе. Теперь в его компетенцию входило:

- «...а) специальная борьба со шпионажем, бандитизмом и подавление открытых контрреволюционных выступлений;
- б) охрана железнодорожных и водных путей и следующих по ним грузов;
- в) политическая охрана границ Республики, борьба с контрабандой...»

Имелись и другие причины, приведшие к упразднению ВЧК, которые не были связаны с ослаблением внешней и внутренней угрозы существованию советской власти. Первая из них была вызвана объективными обстоятельствами: убийство председателя Петроградской ЧК Урицкого, покушение на Ленина, мятеж левых эсеров, интервенция стран Антанты и начавшаяся Гражданская война вынудили вождей большевиков ответить на «белый» террор «красным» террором. В качестве меры «социальной защиты» они снова восстановили смертную казнь, ввели систему заложничества, а Комиссию по борьбе с контрреволюцией наделили правом внесудебной расправы. И эта зачастую неоправданная жестокость в ее деятельности, приводившая в ужас обывателя и в какой-то степени еще оправдываемая военным временем, в мирные дни была по самой власти.

Кроме объективной существовала и субъективная причина того, что на смену ВЧК пришло ГПУ. Она была связана с низким профессионализмом сотрудников и присутствием в ее

рядах авантюристов, карьеристов и врагов новой власти, особенно в низовом звене — уездных комиссиях. Уже с первых дней существования ВЧК на Дзержинского, Ленина и других руководителей обрушился поток жалоб на ее сотрудников. Так, 19 июля 1918 года управляющий делами СНК В. Бонч-Бруевич писал Ленину: «Вы сказали мне напомнить Вам переговорить со Стучкой по поводу доклада о неурядицах, воровстве и прочем в Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем».

17 августа 1918 года уже сам Ленин вынужден был реагировать на произвол начальника одной из уездных ЧК Вятской губернии (ныне Кировской области) и направил телеграмму в местный исполком:

«Котельнич(ескому) исполкому.

Копия: Вятка, исполкому.

Получил жалобу Лубниной на то, что ее мужа, Лубнина, избил Никитин, председатель чрезвычайной комиссии, и что Лубнина напрасно держат в тюрьме. Предписываю затребовать тотчас объяснений от Никитина и телеграфировать мне, а также мнение Вятского губисполкома, нельзя ли освободить Лубнина, если он не контрреволюционер».

22 сентября 1918 года председатель Котельнического уездного исполкома направил на имя Ленина телеграмму, в которой сообщил, что Лубнин освобожден.

Ранее, 17 августа, Ленин вынужден был запрашивать руководителя Брянской ЧК И. Визнера о причинах ареста председателя Бежецкого исполкома Д. Тернавского. Тот был арестован как контрреволюционер, потому что так считал Визнер. 18 августа в ответной телеграмме он сообщил: «Председатель исполкома Тернавский арестован мною как ответственное лицо за издание «Бежецких известий», которые считаю контрреволюционным органом. Сегодня закончится предварительное следствие, и Тернавский будет освобожден на поруки партийным товарищам».

Таких фактов в деятельности ВЧК было предостаточно, а наступившая Гражданская война их только множила. После ее окончания эта репрессивная машина, набравшая полные обороты, требовала себе новых врагов и своими действиями начинала дискредитировать саму власть, и потому власть вынуждена была принимать меры. Упразднив ВЧК и тем самым «стреножив» родившуюся в «революционной колыбели» и быстро вставшую на ноги спецслужбу, большевистские вожди, сузив сферу репрессии ГПУ, расширили его возможности в другой и весьма специфической области — негласного политического сыска. Они, познавшие на себе мощь сети осведомительского аппарата царской охраны и первоначально отказавшиеся от его использования в силу «аморальности», после четырех лет борьбы с внутренней контрреволюцией и иностранными спецслужбами пришли к выводу, что более эффективного и надежного средства контроля за политическими противниками, чем агентура, еще не придумано. И потому, отбросив в сторону «моральные нормы», Политбюро ЦК РКП(б) нацелило ГПУ на широкое использование агентуры не только в оперативной деятельности, но пошло гораздо дальше печально знаменитого охранного отделения, рассчитывая с ее помощью обеспечить тотальный контроль за обществом. В частности, в затерявшемся среди других положений того январского постановления Политбюро ЦК РКП(б) подпункте «а» пункта 8 и содержится ключ к будущему всемогуществу советской спецслужбы. В нем записано: «...Центр деятельности ГПУ должен быть сосредоточен в постановке дела осведомления, внутренней информации и изучения всех контрреволюционных и антисоветских деяний во всех областях».

Этим партийным решением был положен конец дискуссии в среде чекистов о месте агентуры в оперативной работе. С тех пор она стала играть все более важную роль при проведении оперативных разработок как против внешних, так и внутренних противников власти. С течением времени мощнейшая

агентурно-осведомительская сеть советской спецслужбы опутала не только основные государственные органы: армию, флот, наркоматы, но и самые глухие деревни, станицы и аулы. Даже малейший «антисоветский чих» на забытом Богом Медвежьем острове в Северном Ледовитом океане мог быть услышан на Лубянке. Все это было впереди, а пока преобразованная советская спецслужба направила острие своего меча против зарубежных белоэмигрантских центров и иностранных разведок.

Недетские «игры»

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут.
В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас еще судьбы безвестные ждут.

Г. Кржижановский

После упразднения ВЧК председатель ГПУ Дзержинский предпринял энергичные организационные и кадровые меры по реформированию спецслужбы. Ряд уездных ЧК, где наиболее часто имели место произвол и злоупотребления властью со стороны сотрудников, был ликвидирован. Параллельно прошла партийная и профессиональная чистка, в результате которой из кадрового состава было уволено большинство бывших меньшевиков, правых и левых эсеров.

В связи с сокращением репрессивных функций центр тяжести в работе ГПУ все больше перемещался в сферу оперативно-розыскной деятельности. И здесь важным шагом в развитии советской спецслужбы стало создание в мае 1922 года Контрразведывательного отдела. Это было объективно обусловленное решение. Контрреволюция и правительства стран Антанты, потерпев военное поражение в борьбе с большевиками, не смирились с наличием государства рабочих и крестьян. Уже само его существование провоцировало революции в их собственных странах. И они изменили тактику своих действий, рассчитывая подорвать молодую советскую власть изнутри путем экономической блокады и инспирирования восстаний на почве разрухи и голода. Главная роль в реализации этих планов отводилась иностранным спецслужбам и зарубежным антисоветским организациям, находившимся под их полным контролем.

В руководстве ГПУ своевременно уловили изменения стратегии и тактики действий противника. 8 мая 1922 года состоялось заседание Коллегии. По его результатам было принято решение: для борьбы «со шпионажем, с белогвардейской контрреволюцией и заговорами, контрабандой и незаконным переходом границ сосредоточить эту работу в самостоятельном отделе и наименовать его Контрразведывательным отделом Секроперупра (Секретно-оперативного управления — прим. авт.) ГПУ».

Руководителем КРО назначили опытного чекиста, имевшего большой опыт революционной борьбы и контрразведывательной работы, А. Артузова (Фраучи). Родился он в 1891 году в деревне Устиново Кашинского уезда Тверской губернии, в семье итальянца, иммигрировавшего в Россию из Швейцарии. Отец его, кустарь-сыровар, сумел дать сыну хорошее образование. Получив общие знания в классической гимназии, Артур в 1909 году поступил и в 1917 году с отличием окончил Санкт-Петербургский политехнический институт. К тому периоду относится и начало его участия в деятельности партии большевиков. Революционные взгляды Артузова формировались под влиянием таких опытных наставников, ставших впоследствии видными деятелями РСДРП, как М. Кедров и И. Подвойский (оба были женаты на сестрах его матери).

Недолго поработав в качестве инженера-проектировщика в Металлическом бюро Грум-Гржимайло, с началом революции он активно включился в работу партии большевиков. С декабря 1917 года по март 1918 года исполнял обязанности секретаря ревизионной комиссии наркомата по военным делам. С началом интервенции стран Антанты добровольно ушел воевать на Северный фронт. Будучи начальником партизанского отряда, с минимальными потерями провел ряд успешных разведывательных и диверсионных операций в тылу британского экспедиционного корпуса. Уже тогда Артузов привлек внимание старших начальников обстоятельностью, творческим и неординарным подходом к постановке «разведывательного дела», и очередное назначение не заставило себя долго ждать. В сентябре 1918 года

его выдвинули на новый участок работы — начальником военно-осведомительского бюро. Спустя два месяца он уже руководил «активной частью» отдела военного контроля (ВК) всего Северного фронта, в задачу которого входило проведение в тылу противника разведки и осуществление диверсий.

С образованием в декабре 1918 года в частях Красной армии особых отделов (ОО) ВЧК, взявших на себя функции ВК, оперативно-боевой опыт Артузова был востребован. В январе 1919 года он в качестве особоуполномоченного ОО ВЧК получил назначение на Западный фронт. Там наиболее ярко раскрылись его незаурядные способности разведчика-контрразведчика и мастера нестандартных оперативных комбинаций.

В результате разработанных им операций удалось захватить в плен командира польских диверсионных отрядов полковника А. Сеньковского и резидента военной разведки И. Сосновского. Оба являлись мастерами своего дела и последовательными противниками советской власти. Но разведка, как и контрразведка, — это прежде всего поединок умов, и тут Артузов оказался более искусным, чем его противник Сосновский: он нашел путь не только к уму, но и к сердцу польского резидента. Как подобает настоящему офицеру, Сосновский взял всю вину на себя, категорически отказался назвать имена своих агентов, и тогда Артузов сделал психологически тонкий ход. Опираясь на его порядочность и неприятие тактики и методов действий польских диверсионных отрядов, жертвой которых в большинстве случаев становилось мирное население, он предложил под свое честное слово не преследовать тех агентов, кто выполнял задания из «патриотических побуждений», «отдать под суд только тех, кто сотрудничал за деньги», а самому Сосновскому перейти на сторону советской власти. Польский резидент, считавший свою участь предрешенной, вряд ли ожидал такого поворота в деле. Сам далеко не новичок в делах разведки, имевший на своем счету десятки вербовок агентов, он находился в растерянности, но когда честное слово Артузова подтвердил Дзержинский, то заговорил. Они свое слово сдержали, и это послужило для Сосновского важным мотивом, определившим

его отношения с советской спецслужбой. В последующем он сыграл ключевую роль в пресечении враждебной деятельности разведывательной сети 2-го отдела Генштаба Польши в Петрограде и Москве. После этого Сосновский выполнил ряд ответственных заданий, в том числе с его помощью была обезврежена группа польских террористов, готовившая покушение на командующего фронтом М. Тухачевского.

В том, что убежденный противник советской власти Сосновский перешел на ее сторону, а в последующем стал кадровым сотрудником органов государственной безопасности и был награжден орденом Красного Знамени, несомненно заслуга Артузова. Особый дар убеждения, которым он обладал, помноженный на талант контрразведчика и разведчика, позволял ему привлекать к сотрудничеству самых ярых врагов советской власти. 18 июля 1921 года за заслуги в «борьбе с врагами советской власти» он был награжден орденом Красного Знамени. Все это вместе взятое и определило выбор Дзержинского в пользу Артузова при назначении на должность начальника КРО. К этому времени за его спиной уже были служба в качестве руководителя военной контрразведки по 12-й армии, а затем работа в центральном аппарате заместителем начальника ОО ВЧК — ГПУ РСФСР.

С первых дней своего существования отдел развернул масштабные и дерзкие по оперативному замыслу операции против зарубежных антисоветских центров и иностранных спецслужб. В условиях экономической блокады и большой вероятности начала новой военной агрессии против молодого советского государства, Дзержинский и Менжинский, курировавший КРО, вместе с Артузовым основные усилия в организации работы отдела направляли на сковывание повстанческой, террористической и диверсионной деятельности основных антисоветских организаций: «Народного союза защиты Родины и свободы» (НСЗРС), руководимого неуловимым Савинковым; «Высшего монархического совета» (ВМС), в который входили монархисты всех мастей, объединившиеся вокруг одного из претендентов на царский престол, великого князя Николая Николаевича;

военной организации «черного барона» П. Врангеля, а также стоящих за их спинами спецслужб Великобритании, Франции, Польши и ряда других стран.

В этих целях Дзержинским, Менжинским и Артузовым были спланированы и проведены неординарные в оперативном отношении и многоходовые в организационном плане контрразведывательные операции. Их замыслом предусматривалось доведение до руководителей НСЗРС, ВМС и иностранных спецслужб информации о наличии в Советском Союзе крупных и глубоко законспирированных антисоветских организаций. Это, по расчетам руководства ГПУ, несомненно, должно было их заинтересовать, что позволит затем поставить враждебную советскому государству деятельность под управляемый оперативный контроль.

К концу 1922 года несколько таких легендированных организаций было создано, а их представители выведены на функционеров НСЗРС и ВМС. С этого времени оперативные замыслы руководства ГПУ и КРО, на реализацию которых ушли значительные интеллектуальные усилия и материальные средства, стали приносить свои плоды. Теперь эмиссары и боевики зарубежных антисоветских организаций и стоящие за ними спецслужбы Великобритании, Франции, Польши и Финляндии вели «бой с тенью советской власти», искусно создаваемой подчиненными Артузова.

Кроме того, по каналам НСЗРС и ВМС до правительств западных стран через надежную агентуру КРО доводилась стратегическая дезинформация. В ней подавались выгодные для советского руководства материалы, содержащие завышенные данные о боевых возможностях Красной армии и состоянии экономики, что сыграло сдерживающую роль в агрессивных намерениях правителей Польши, Франции, Финляндии и Великобритании.

Через два года, в ноябре 1924 года, в докладе руководству ОГПУ по итогам деятельности КРО Артузов отмечал: «...Нам удалось поставить свою работу так, что в настоящее время главные штабы иностранных государств снабжаются на 95 %

материалом, который разрабатывается КРО ОГПУ совместно с военным ведомством, по указанию Наркомвоена и НКВД. Таким образом, иностранные штабы имеют о Красной армии, ее численности те сведения, которые желательны нам».

Лучшим подтверждением успешных действий молодой советской спецслужбы могут служить две наиболее значимые в политическом и оперативном плане операции — «Синдикат-2» и «Трест», проводившиеся в течение нескольких лет.

Началу операции «Синдикат-2» предшествовал захват летом 1922 года на западной границе эмиссара НСЗРС и ближайшего соратника Б. Савинкова — Л. Шешени. За бывшим сотником тянулся широкий кровавый след, оставленный савинковскими бандами на западных территориях Белоруссии. Спасая свою жизнь, он дал развернутые показания, раскрыл известную ему нелегальную сеть НСЗРС в России и рассказал о связях его лидеров с польской военной разведкой. Вскоре после этого, по наводкам, полученным от Шешени, контрразведчикам удалось конспиративно задержать еще двоих эмиссаров НСЗРС: В. Герасимова и М. Зекунова. У первого были руки по локоть в крови, и поэтому над ним вскоре состоялся публичный судебный процесс. Зекунов в этом отношении оказался «чище» и, спасая свою жизнь, активно пошел на сотрудничество.

С учетом этих обстоятельств руководство КРО решило через него и Шешеню завязать оперативную игру с Савинковым и его окружением, получившую кодовое название «Синдикат-2». На тот период НСЗРС являлась наиболее опасной, сплоченной и агрессивной из всех зарубежных антисоветских организаций. Ее боевые группы при поддержке британской и польской разведок совершали постоянные вооруженные вылазки в приграничные районы и вели активную разведывательную деятельность. Лидер Савинков пользовался большой поддержкой в правительственных кругах Польши, Франции и Великобритании. Одно время он был на «короткой ноге» с самим У. Черчиллем. Впоследствии в своих воспоминаниях «Great Contemporaries» («Великие

современники») тот не без восхищения писал о Савинкове: «Принимая во внимание все, что было сказано и сделано, и учитывая все, даже неприятные моменты, мало кто так много делал, так много отдавал, так много страдал и так много жертвовал во имя русского народа».

Имея в лице Савинкова такого многоопытного и искушенного противника, Дзержинский, Менжинский и Артузов, начиная операцию, вряд ли рассчитывали на большее, чем выявление и нейтрализацию боевых звеньев НСЗРС в России. Поэтому на первом ее этапе, чтобы не породить у него подозрений, было принято решение легендировать долгое молчание эмиссаров НСЗРС их арестом. По разработанной контрразведчиками легенде, Зекунова якобы задержала милиция по подозрению в краже, но, «разобравшись», отпустила. Для энергичного Шешени придумали более «героическое» объяснение. Он «бежал» из ГПУ, но, чтобы исключить его вызов Савинковым в Париж, боевого сотника «ранили».

На втором этапе Зекунов, уже по поручению созданной подчиненными Артузова легендированной подпольной антисоветской «Либерально-демократической организации» (ЛД), возвратился в Варшаву с личным письмом Шешени к Савинкову. Там он встретился с активным функционером НСЗРС И. Фомичевым. Тот не заподозрил, что ЛД — это детище контрразведчиков, а ее член, «бывший офицер» А. Мухин, спутник Зекунова, на самом деле кадровый сотрудник КРО А. Федоров.

Информация Фомичева о наличии в России разветвленной подпольной организации, в состав которой входили военные и государственные чиновники, поступившая в Париж к Савинкову, явилась настоящей находкой для него самого и его покровителей из разведки. Во 2-ом отделе (разведывательном) Генштаба польской армии также активно пошли на контакт с Зекуновым, поскольку тот приехал не с пустыми руками и привез с собой «секретные материалы», собранные его «единомышленниками». Но «стрелянный воробей» Савинков на первом этапе повел себя осторожно, не спешил принимать предложение ЛД

взять руководство ею на себя и поручил Фомичеву «выехать на место с проверкой».

В апреле 1923 года по «нелегальному каналу ЛД» тот прибыл в Москву и провел переговоры с ее руководителями, роль которых успешно сыграли сотрудники и агенты КРО. После этого если у Фомичева и возникали сомнения в существовании крупной антисоветской организации, то они быстро рассеялись. ЛД функционировала, как швейцарские часы. Машины точно ко времени прибывали к подъезду. Конспиративные квартиры, где ему приходилось проживать, имели надежное прикрытие, а охрана не допустила ни одного эксцесса с милицией.

Спустя два месяца Фомичев вместе с Мухиным возвратился в Париж для доклада Савинкову. Помимо них на встрече присутствовали его «правая рука» полковник С. Павловский и неугомный ниспровергатель власти большевиков С. Рейли. Сообщение Мухина о деятельности и возможностях ЛД, подтвержденное Фомичевым, все же не рассеяло сомнений Савинкова в том, что организация ЛД — это мираж, которым советская спецслужба пытается завлечь его в западню. Но искушение в очередной раз проверить крепость советской власти оказалось сильнее опасности, и он решил послать Павловского с инспекторской проверкой в Москву.

Через месяц после встречи в Париже, в сентябре 1923 года, Павловский нелегально перешел польско-советскую границу и прибыл в Москву, где был негласно арестован на конспиративной квартире ОГПУ, явку на которую дал ему Мухин. Как и Шешеня, «правая рука» Савинкова под грузом совершенных преступлений быстро «поплыл» на допросах и начал давать признательные показания. В дальнейшем, выторговывая себе жизнь, пошел на сотрудничество и затем под диктовку контрразведчиков исправно писал в Париж письма — отчеты своему шефу, убеждая того в надежности и мощи ЛД.

Но Савинков все никак не решался возвращаться в Россию и брать на себя непосредственное руководство ЛД и нелегальной сетью НСЗРС. Ситуация зависла, и тогда контрразведчики предприняли еще один рискованный ход. В Париж вместе с Му-

хиним отправили Шешеню. Одновременно по другому каналу от «московского комитета НСЗРС» с письмом Павловского к нему выехал курьер — сотрудник КРО Г. Сыроежкин.

В апреле в Париже состоялась встреча Мухина и Шешени с Савинковым. Беседа носила острый характер. Савинкову для отчета перед своими хозяевами, спецслужбами, и получения от них новых денежных средств необходимы были не слова и письменные отчеты, а конкретные дела. Он требовал от АД более решительных действий — террористических актов и диверсий. Мухин аргументировал выжидательную позицию лидеров организации необходимостью накопления сил, чтобы в нужный момент поднять восстание. По его словам, до начала «выступления осталось совсем немного, а при руководстве таким признанным и авторитетным вождем, каким является он (Савинков), оно обречено на успех». Тот не устоял перед искушением и решился на поездку в Россию, но с двумя условиями: возвращением в Париж своего «верного» помощника Павловского и согласием на нее членов ЦК НСЗРС. Операция «Синдикат-2» вновь оказалась под угрозой срыва. И тогда Артузов с подчиненными решили сыграть на болезненной склонности бывшего террориста Савинкова к «эксам» и боевым акциям. Их изобретательный ум нашел решение. Они придумали оперативную комбинацию, которая позволяла оставить Павловского в игре и одновременно исключала его прибытие в Париж.

В мае 1924 года контрразведчики, имитируя активность АД, в целях пополнения кассы организации при непосредственном «руководстве» Павловского запланировали проведение «экса». В качестве объекта налета был выбран один из банков в Ростове-на-Дону. Перед тем как отправиться на «дело», на конспиративной квартире ему была организована встреча с «глазами и ушами» Савинкова в России Фомичевым.

Павловский безукоризненно сыграл отведенную ему роль и у эмиссара НСЗРС не возникло тени сомнений. Он лишний раз убедился, что АД не только существует, но и действует. Однако дальнейшее успешное развитие операции «Синдикат-2» на-

ходило под вопросом. Савинков продолжал настаивать на возвращении Павловского в Париж, и тогда Артузов сделал очередной хитроумный ход.

10 июля 1924 года, во время заседания ЛД, на котором присутствовал и Фомичев, поступила срочная телеграмма от Павловского. Несмотря на содержащиеся в ней условности, присутствующим стало ясно, что налет на банк провалился, а сам он ранен. Эмиссар Савинкова немедленно выехал в Ростов, но не застал там «налетчика»: того уже «отправили» в Москву. Встретил его «начальник партизанских отрядов Султан-Гирей». Не пожалев красок, он рассказал Фомичеву об акции и обстоятельствах «ранения» Павловского. Тот возвратился в Москву и на конспиративной квартире встретился с «героем». Несмотря на «ранение», полковник держался молодцом, сохранил боевой настрой и верил в возможности ЛД «осуществить давнюю их мечту» — поднять восстание в России. Закончилась беседа тем, что Павловский передал Фомичеву «личное» письмо для Савинкова и выразил надежду на скорую встречу с ним. С этим «посланием» Артузова и его коллег Фомичев, а вслед за ним Мухин в июле 1924 года отправились в Париж к Савинкову. Тот, выслушав их доклады и прочитав письмо, в котором Павловский, не жалея слов, расписывал возможности ЛД и сетовал на отсутствие «твердой руки», наконец принял решение возвратиться в Россию и возглавить повстанческую деятельность.

15 августа 1924 года с документами на гражданина Степанова Савинков вместе с Мухиным, Фомичевым и супругами Диктоф-Деренталь нелегально перешел польско-советскую границу. На следующий день в Минске, на конспиративной квартире ОГПУ, он был арестован. На этом карьера ниспровергателя самодержавия, бывшего товарища военного министра в правительстве Керенского, бывшего военного генерал-губернатора Петрограда и организатора антисоветских заговоров закончилась.

Оказавшись во внутренней тюрьме на Лубянке, Савинков, в отличие от соратников, не стал вымаливать себе прощения и

держался с достоинством. Проиграв как политик и последовательный борец с тиранией свою самую долгую и любимую «игру», он не стал изворачиваться и признал поражение.

27 августа 1924 года на судебном заседании, носившем открытый характер, Савинков полностью признал свою вину. Его последнее слово по своему содержанию не похоже на выступление подсудимого, скорее, оно может быть названо завещанием всем тем, у кого нет и не может быть другой Родины, кроме России: «Я полностью и безоговорочно признаю только Советскую власть и никакую другую. Каждому русскому, кто любит свою страну, я, прошедший весь путь этой кровавой, тяжелой борьбы против вас, я, отрицавший вас как никто другой, я говорю ему: если ты русский, если ты любишь свой народ, ты поклонись в пояс рабоче-крестьянской власти и безоговорочно признаешь ее».

Нет оснований не верить в искренность этих слов. Русский патриот и борец против любой диктатуры, не один раз смотревший смерти в глаза, Савинков в такие минуты вряд ли стал бы кривить душой. Он, без сомнения, любил Россию не меньше, чем его противники: Ленин, Дзержинский, Артузов, Федоров, — но ее будущее видел не в красных тонах.

29 августа 1924 года Военная коллегия Верховного суда СССР вынесла ему смертный приговор, замененный ЦИК на 10 лет лишения свободы. Но что это означало для человека неумной энергии, постоянного действия и великих целей, к каким всегда стремился Савинков. Для него подобное наказание было хуже самой смерти. 7 мая 1925 года он ушел из жизни.

О Савинкове много написано, снято фильмов, но, пожалуй, ничто так не отражает трагедию этого неординарного и яркого человека, непримиримого борца с самодержавием и тиранией, искренне любившего Россию, но в силу политических разногласий оказавшегося по другую сторону баррикад с большевиками, как его обращение к председателю ОГПУ Дзержинскому. В нем он писал: «Когда меня арестовали, я был уверен, что может быть только два исхода. Первый, почти несомненный, — меня поставят к стенке, второй — мне поверят и, поверив, дадут ра-

боту. Третий исход, то есть тюремное заключение, казался мне исключенным: преступления, которые я совершил, не могут караться тюрьмой, «исправлять» же меня не нужно — меня исправляла жизнь... Я обращаюсь к Вам, гражданин Дзержинский. Если Вы верите мне, освободите меня и дайте работу, все равно какую, пусть самую подчиненную. Может быть и я пригожусь: ведь когда-то я был подпольщиком и боролся за революцию. Если же Вы мне не верите, то скажите мне это, прошу Вас, ясно и прямо, чтобы я в точности знал свое положение». Ответа Савинков не получил. Он так и не понял, что его время, время революционной романтики, безвозвратно ушло.

Следующий, еще более мощный удар КРО совместно с разведкой (ИНО) нанесли блоку монархических организаций «Высшему монархическому союзу» (ВМС) и «Российскому общевоинскому союзу» (РОВС). Костяк последнего составляли бывшие генералы и офицеры. Возглавлял его человек с железной волей, твердыми политическими убеждениями и хорошими организаторскими способностями генерал А. Кутепов. При поддержке правительств и спецслужб Франции, Великобритании и Польши обе организации вели активную разведывательную, повстанческую и террористическую деятельность, направленную на свержение советской власти.

В целях ее нейтрализации руководство ОГПУ приняло решение подставить лидерам ВМС и РОВС идейно близкую им легендированную антисоветскую организацию «Монархическое объединение Центральной России» (МОЦР). Ведущая роль в ней принадлежала ответственному работнику наркомата внешней торговли РСФСР А. Якушеву, привлеченному к сотрудничеству с КРО незадолго до начала операции, которая получила кодовое название «Трест». Первый сигнал о существовании в России крупной подпольной антисоветской организации он дал осенью 1921 года, во время встречи в городе Ревеле с членом ВМС Ю. Артамоновым. Тот живо отреагировал на это сообщение и затем доложил своим вождям. Они не оставили без внимания его информацию, а когда узнали, что в руководство МОЦР входят генерал А. Зайончковский,

генерал-квартирмейстер императорского Генштаба Н. Потапов, сослуживец Кутепова по гвардейскому Преображенскому полку полковник Д. Зуев, то отпали последние сомнения в ее существовании. Особый вес организации в глазах Кутепова и Н. Маркова, председателя ВМС, придавало то, что их бывшие однополчане действительно занимали важные посты в Красной армии.

С 1922 года между МОЦР, ВМС и РОВС начались активные контакты. По поручению Кутепова Артамонов выехал в Варшаву, чтобы быть ближе к центру событий и координировать совместную деятельность. Уже к концу года Якушев вышел на прямые контакты с великим князем Николаем Николаевичем, председателем ВМС Марковым, генералами Кутеповым, Врангелем и Миллером. Вслед за ним МОЦР, а точнее советская спецслужба, проникла в большинство антисоветских организаций, действовавших в Европе, и поставила под свой контроль деятельность в России разведок Финляндии, Польши, Латвии, Франции и Великобритании. Якушев, Потапов, «выполнявший обязанности начальника военного штаба МОЦР», Зуев и их соратники, роль которых играли сотрудники КРО, регулярно снабжали спецслужбы этих стран выгодной для советского руководства в политическом и военном плане стратегической дезинформацией, разработанной на Лубянке и в Генштабе Красной армии. Эти их «заслуги» были высоко оценены руководством РОВС, ВМС и западными спецслужбами. За вклад в «борьбу с большевизмом» Якушев, Потапов и ряд других участников операции «Трест» удостоились высоких наград.

В течение почти шести лет Кутепов, Марков и их покровители из иностранных разведок сдерживали террористическую и диверсионную деятельность своих боевых групп, добросовестно снабжали деньгами МОЦР и направляли эмиссаров в ловушки, ловко расставленные КРО. Все эти годы они жили надеждой на скорый повстанческий взрыв внутри России и находились в плену иллюзий, порожденных докладами Якушева и Потапова о мощи организации и проведенных ею актах крупного саботажа.

Не избежал западни «Треста» и британский «супершпион», а скорее международный авантюрист и искатель приключений, С. Рейли, по которому с 1918 года, после провала «Заговора послов», «плакал» смертный приговор, вынесенный заочно Ревтрибуналом РСФСР. В 1925 году, после прихода к власти правительства консерваторов, занимавшего негативную позицию к советской России, и в условиях нарастающей активности Коминтерна в Западной Европе и самой Великобритании Рейли снова оказался востребованным. После неудач с антисоветскими заговорами, он с присущей ему энергией с головой окунулся в мутные воды бизнеса, но «золотой рыбки» так и не поймал. Торговля чешским радиом и «чудодейственным» препаратом «гумагсоланом» не принесла ему желанного морального удовлетворения и материального благополучия. Поэтому, услышав призывный звук «шпионской трубы», Рейли решил вернуться в строй и «тряхнуть стариной». В апреле 1925 года по каналу РОВС он направил письмо в адрес руководителей МОЦР. В нем предлагал свои услуги и план действий. На первом этапе предполагалось проведение силами организации крупного теракта, который «произвел бы потрясающее впечатление и всколыхнул бы по всему миру надежду на близкое падение большевиков, а вместе с тем деятельный интерес к русским делам».

Руководство ОГПУ «приняло» его предложение и поручило КРО разработать операцию по выводу в России и последующему аресту уже порядком надоевшего ниспровергателя советской власти. Ответ МОЦР не заставил себя ждать: там «приняли» план Рейли и, обращаясь к его богатому опыту, предложили использовать в этих целях возможности организации. Тут же к этому приглашению подключился его старый приятель и подельник по «Заговору послов», резидент британской разведки в Финляндии капитан Э. Бойс, курировавший по своей линии деятельность МОЦР. В январе 1925 года он отправил в Нью-Йорк письмо Рейли, в котором предлагал ему встречу в Париже с представителями организации. Тот, не раздумывая, бросил свой чахлаый бизнес и отправился во

Францию, где встретился с Бойсом и генералом Кутеповым. Последний, после ареста и суда над Савинковым, стал весьма настороженно относиться к любой нелегальной деятельности в России, в том числе и МОЦР. Он пытался предостеречь Рейли от поспешных шагов и предлагал еще раз проверить надежность нелегальных каналов организации. Руководители операции «Трест», не желая упустить инициативу, поспешили рассеять сомнения в могуществе МОЦР и в подтверждение его дееспособности нелегально переправили из России в Финляндию Бориса Бунакова, брата агента Бойса Николая Бунакова. Вслед за ним с очередным курьером МОЦР границу пересекла и его раритетная скрипка. После таких убедительных доказательств Рейли, отбросив последние сомнения, покинул Францию и 21 сентября 1925 года прибыл в Хельсинки. Не мешкая, в сопровождении Н. Бунакова и доверенного лица Кутепова, М. Захарченко-Шульц, не подозревавшей, что она уже давно «втемную» используется ОГПУ, выехал в Выборг для встречи с Якушевым.

Импозантный вид и уверенный тон руководителя МОЦР произвели впечатление на Рейли, а рассказ о кадровом составе и возможностях организации разожгли в нем шпионский азарт. В дальнейшем разговоре Якушев, умело играя на чрезмерном честолюбии и завышенной самооценке британского шпиона, сумел убедить его совершить кратковременную инспекционную поездку в Россию и пообещал, что 30 сентября, к отходу парохода на Штеттин, он успеет вернуться в Хельсинки. Непомерные амбиции и авантюризм Рейли заставили пренебречь опасностью, и в ночь с 25 на 26 сентября он вместе с Якушевым через «окно» на финляндской границе перешел в СССР. Перед тем как покинуть Финляндию, британский «супершпион» оставил письмо для жены Пепиты, в котором самоуверенно писал: «Если в России меня вдруг арестуют, то мне, скорее всего, предъявят какое-нибудь незначительное обвинение и скоро отпустят, поскольку мои новые друзья обладают достаточной властью». И он не ошибся: «друзья» действительно обладали достаточной властью, возможностями и умом. В течение всей

поездки до Москвы и потом, во время встречи с руководством МОЦР, у такого «тертого шпионского калача», как Рейли, не шевельнулось даже тени подозрений, что его — асса разведки — все это время банально «водили за нос». Он был в восхищении от увиденного и услышанного, и контрразведчики, умело играя на чувствах, склонили его направить из «сердца большевизма» Москвы открытку Бойсу. Ею Рейли лишний раз подтверждал возможности и силу МОЦР и снимал подозрения, что оно является порождением ОГПУ.

Теперь, когда «шпионская миссия» подошла к концу, по дороге на вокзал он был негласно арестован. Затем наступил последний акт в спектакле, мастерски разыгранном контрразведчиками. В ночь на 28 сентября Н. Бунаков и М. Захарченко-Шульц залегли у «окна» на финской границе, неподалеку от деревушки Аллекул, и с нетерпением ждали возвращения Рейли. Подошло назначенное время и тут предрассветную тишину на советской стороне взорвали выстрелы. Ожесточенная перестрелка длилась несколько минут и когда закончилась, то перед окулярами бинокля Бунакова проплыли носилки с тремя телами. Позже советский представитель передал финской стороне материалы расследования происшествия, произошедшего на границе 28 сентября 1925 года. В числе убитых нарушителей оказался Рейли.

«Похоронив» Рейли, в руководстве КРО рассчитывали тем самым продлить жизнь АД и продолжить оперативную игру с иностранными спецслужбами. Сам он, оказавшись во внутренней тюрьме на Лубянке в качестве узника № 73, долго не упорствовал и начал давать развернутые показания о подрывной деятельности против СССР британской и финской разведок. Как и его предшественник Савинков, Рейли обратился с письмом к председателю ОГПУ Дзержинскому и, выторговывая себе жизнь, предложил свои услуги. Но они не были приняты, и 5 ноября 1925 года в отношении Рейли был приведен в исполнение заочный приговор, вынесенный еще в декабре 1918 года.

«Гибель» Рейли при переходе границы на глазах свидетелей, умело разыгранная сотрудниками КРО, тем не менее по-

колебала веру вождей РОВС и ВМС во всемогущество МОЦР. Тогда Артузов с подчиненными сделали еще очень серьезный ход в игре, имевший впоследствии исключительно важный пропагандистский результат.

Несколько ранее к руководителям МОЦР обратился видный деятель белой эмиграции В. Шульгин — тот самый, который принимал отречение у императора Николая II. Он высказывал просьбу организовать его нелегальную поездку в Россию для поиска сына, пропавшего во время Гражданской войны. И такая поездка состоялась. 23 декабря 1925 года по «каналу МОЦР» Шульгин въехал в Россию. В поисках сына ему пришлось побывать в Ленинграде, Москве и Киеве. Рядом с ним постоянно находились сотрудники КРО или их агенты, но они не закрывали ему глаза и не затыкали рот. И Шульгин, при всей своей ненависти к большевикам, сумел разглядеть то, что не хотели видеть многие из его единомышленников.

В 1919 году ему пришлось бежать из истерзанной войной и разваливавшейся на части некогда могущественной империи. Спустя всего шесть лет он снова увидел отблески ее будущего величия. В ужасающей разрухе и бедности, смотревших на него со всех углов, Шульгин сумел усмотреть новую Россию, поднимающуюся из мглы гигантскими стройками. Как истинно русский человек, он почувствовал сердцем ту могучую народную энергию, что пробудила революция в людях. Страна на глазах сосредотачивалась для гигантского, фантастического рывка в будущее. Впоследствии он так вспоминал об этом: «...Я думал, что я еду в умирающую страну, а я вижу пробуждение мощного народа... Я был глубоко потрясен всем тем, что увидел на первых порах, и той громадной разницей, которая произошла в культурном отношении».

Вынесенные Шульгиным из поездки по России впечатления, которыми он делился со своими собеседниками, а затем выступил в эмигрантской прессе, а также изданная на их основе книга «Три столицы» у одних подорвали веру в возможность свержения советской власти, а у других вызвали чувство вины и еще больше усилили ностальгию по Родине. В этом, пожалуй,

и состоял главный итог операций «Трест» и «Синдикат-2». Во многом благодаря им, на время удалось приостановить масштабную братоубийственную войну.

Другим, не менее важным результатом этой работы советских спецслужб стало укрепление ее позиций на таком важном и новом направлении в ее деятельности, как разведка. Перед ней открылись широчайшие возможности для проведения вербовок в высших сферах белой эмиграции. Генералы Скоблин, Монкевиц, Дьяков, Штейфон, Ветренко, адмирал Крылов и другие добровольно и бескорыстно, из патриотических побуждений выполняли многие ответственные разведывательные задания.

Молодой советской разведке, как и контрразведке, многое приходилось начинать с нуля. Несмотря на то что в наследство от прежней власти большевикам достался не слишком разваленный организационными перетрясками Временного правительства Отдел 2-го генерал-квартирмейстерства (Огенкварт) Главного управления Генерального штаба, занимавшийся разведкой и контрразведкой, в нем не доставало главного — агентуры. Большинство военных атташе, находившихся за границей, отказались признавать советскую власть. Одни передали созданные ими разведывательные сети спецслужбам стран Антанты, а другие прекратили связь с агентурой и уничтожили имевшиеся на нее материалы.

Просуществовал Отдел до мая 1918 года. На смену ему пришли разношерстные «карманные» разведки: разведывательное отделение Оперативного управления Высшего военного совета (март — сентябрь 1918 года); разведывательное отделение Оперативного отдела наркомата по военным и морским делам (май — сентябрь 1918 года); военно-статистический отдел Оперативного управления Всероссийского главного штаба (май — сентябрь 1918 года); разведывательный отдел штаба Революционного военного совета Республики (сентябрь — октябрь 1918 года).

В конечном итоге все они оказались неэффективными, поэтому 5 ноября 1918 года приказом Реввоенсовета № 197/27

был образован Полевой штаб Революционного военного совета Республики, а при нем создана централизованная разведка — Регистрационное управление (РУ). В его состав вошли два отдела: агентурный (разведка) и военного контроля (контрразведка). 13 ноября 1918 года было создано еще одно подразделение — приемно-контрольная станция в городе Серпухове, с течением времени выросшая в мощную службу радиотехнической разведки. По характеру своей деятельности и методам работы РУ скорее напоминало войсковую, чем классическую разведку. В ее арсенале наиболее часто использовались такие приемы, как захват «языка», отправка разведчиков-ходоков за линию фронта с целью сбора информации о противнике, организация засад и перехват курьеров с донесениями.

Возглавил РУ видный большевик С. Аралов. Свою революционную деятельность он начал еще в 1902 году. В 1905–1907 годах принимал участие в вооруженном восстании и был заочно приговорен к смертной казни. Во время Первой мировой войны за «отличия в боях против неприятеля» пять раз награждался различными орденами и получил звание штабс-капитана. После октября семнадцатого занимал командные должности в Красной армии.

С образованием в декабре 1918 года в частях Красной армии особых отделов ВЧК Регистрационное управление стало яблоком раздора между двумя влиятельными вождями революции — председателем Комиссии по борьбе с контрреволюцией Дзержинским и председателем Реввоенсовета Троцким. Едва ставшая на ноги спецслужба вряд ли привлекла их внимание своими разведывательными возможностями, в ее распоряжении имелся другой, более важный для них инструмент — негласный аппарат, обеспечивавший контроль за состоянием духа армии и политическими настроениями командного состава. В 1918 году, когда судьба советской власти решалась на фронтах войны, тот, кто контролировал Красную армию, владел всем.

И здесь Ленин, неожиданно для Троцкого, поддержал Дзержинского. В июле 1919 года из состава РУ был выведен отдел военного контроля и передан в распоряжение ВЧК.

Оставшийся агентурный отдел сосредоточился на разведывательной работе. В декабре его деятельность уже регулировалась нормативными актами. В частности, были приняты «Положение о регистрационном управлении фронта» и «Положение о регистрационных отделах армии и дивизий». «Инструкцией о взаимоотношениях Региструпра Полевого штаба РСВР с зарубежными бюро РКП(б)» определялся их функционал в решении разведывательных задач за границей.

В сентябре 1920 года произошла очередная реорганизация РУ, которая приблизила его к классической военной разведке, известной ныне как ГРУ Генштаба. В принятом новом «Положении о Региструпре» было записано, что управление является самостоятельным органом стратегической агентурной разведки глубокого тыла. В его составе появилось новое подразделение — Оперативный отдел, который возглавил Я. Берзин (П. Кюзис), будущий руководитель советской военной разведки. Главным направлением его деятельности стало добывание разведывательной информации о военных планах противника.

В апреле 1920 года усилиями Дзержинского в составе Особого отдела ВЧК была создана своя разведка — иностранное отделение. Его руководителем стал опытный большевик с дореволюционным стажем Я. Давтян (Давыдов). Просуществовало оно не более полугода. После неудачного похода частей Красной армии на Варшаву, в сентябре 1920 года причины его провала были вынесены на заседание Политбюро ЦК РКП(б). В повестку дня наряду с этим был включен и другой вопрос — «О состоянии разведывательной работы». После обсуждения участники заседания приняли решение «создать специальную комиссию во главе с председателем ВЧК т. Ф. Дзержинским, И. Сталиным» и другими видными большевиками, которой предстояло проанализировать причины имевших место провалов. На основании результатов ее работы 20 декабря 1920 года Дзержинский подписал приказ № 169, согласно которому в составе ВЧК был образован самостоятельный разведывательный орган — Иностранный отдел (ИНО). Непродолжительное время им руководил Я. Давтян (Давыдов), а затем его сменил

С. Могилевский. В 1922 году только-только встававшую на ноги советскую разведку возглавил и до конца 1920-х годов направлял ее деятельность профессиональный революционер, хорошо знакомый с методами разведывательной и контрразведывательной работы, М. Трилиссер. С 1901 года и вплоть до начала Первой мировой войны он занимался преимущественно выявлением агентов охранного отделения и полиции в большевистской среде. С его приходом разведывательная работа приобрела более системный, масштабный и наступательный характер. Основными объектами ее устремлений являлись органы управления враждебных молодому советскому государству армий и различные белоэмигрантские организации и движения. Первоочередными задачами ИНО являлись получение упреждающей информации о военных приготовлениях, в первую очередь Польши и Японии, а также выявление замыслов лидеров белого движения по инспирированию в стране восстаний и организации «саботажных действий».

Динамика внешней политической ситуации и образование Союза ССР привели к очередной реорганизации органов государственной безопасности. В июле 1923 года ГПУ было преобразовано в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) СССР. Но ИНО не только сохранился в составе Секретно-оперативного управления, но и существенно укрепился. В 1925 году в его составе наряду с традиционными отделениями — легальной и нелегальной разведками — появились другие, в том числе ставшее впоследствии знаменитым 8-е отделение, занимавшееся сбором за границей информации о перспективных научных и технических разработках. Именно его сотрудники и их агентура первыми вышли на секреты атомного проекта США.

В феврале 1925 года Мелитопольский окружной комитет комсомола рекомендовал на службу в органы государственной безопасности будущего выдающегося организатора разведывательно-диверсионной деятельности, первого и бессменного руководителя знаменитого 4-го управления НКВД — НКГБ СССР Павла Анатольевича Судоплатова.

Жизнь этого талантливого и цельного человека, надежного и верного товарища, непревзойденного мастера разведывательных и контрразведывательных операций достаточно подробно описана в художественной и научно-популярной литературе. К его общеизвестному образу можно добавить лишь два штриха, которые, пожалуй, наиболее полно отражают незаурядную личность Павла Анатольевича — это верность избранным идеалам, своим друзьям и душевная щедрость. Прочитав от корки до корки «Азбуку революции», написанную Н. Бухариным, он двенадцатилетним подростком в 1919 году ушел из дома на фронт и стал бойцом 1-го Мелитопольского рабоче-крестьянского полка. Позже, в автобиографии, написанной 14 ноября 1945 года (при назначении на должность начальника отдела «С» МГБ СССР), Павел Анатольевич так вспоминал об этом: «...26.06.1919, когда белая армия приближалась к Мелитополю, многие рабочие города, активно участвовавшие в борьбе за установление советской власти, уходили из города вместе с отступающими частями Красной армии. Я, до этого дважды удиравший из дома с целью поступления в Красную армию (один раз сам вернулся, другой раз меня вернули), решил еще раз попытать счастье и снова удрал из дома. На этот раз я ушел из города вместе с уходящими мелитопольскими рабочими. Километрах в 30 от города, в селе Веселое, комиссар сделал было попытку вернуть меня домой, но из этого ничего не получилось. Я удрал от него в роту, и бойцы оставили меня у себя».

Приняв идеалы революции, Павел Анатольевич остался им верен до конца. Его не смогли сломить ни враги, среди которых он провел не один год, выполняя разведывательные задания; ни малодушие своих коллег, предавших его в 1938 году, когда советская разведка подверглась репрессиям; ни обвинение его в 1953 году как участника «заговора Берии», в результате чего он, без вины виноватый, провел пятнадцать лет в советских тюрьмах.

Другой эпизод, раскрывающий высокие человеческие качества Павла Анатольевича, относится к 1930 году. В тот год

уже зрелый оперативный сотрудник Судоплатов вместо повышения по службе получил неожиданное назначение — стал заведующим культурно-воспитательной части, а через некоторое время — комиссаром трудовой коммуны (спецколонии) ГПУ Украины для малолетних преступников и беспризорников. В своем назначении руководители не ошиблись. Ребята, лишённые детства, потянулись к нему. Это произошло не потому, что большую часть своей зарплаты Павел Анатольевич отдавал на их нужды. Немало хлебнувший своего и чужого горя, он знал, как найти дорогу к сердцу человека, пусть даже и преступника. И потом, во времена массовых репрессий, когда несправедливость начальников и трусость коллег едва не стоили Павлу Анатольевичу жизни, он не очерствел и не озлобился.

В июле 1941 года, став начальником Особой группы при наркоме НКВД, он не побоялся представить рапорты Берии, Калинину и затем добился освобождения из тюрем и лагерей «врагов народа» — испытанных боевых товарищей: Я. Серебрянского (Бергмана), И. Каминского, Д. Медведева и других. Потом, спустя двенадцать лет, советские вожди за верную службу «отплатили» ему черной неблагодарностью. После пятнадцати лет, проведенных в тюрьмах, Павел Анатольевич не изменил ни себе, ни своим принципам, и об этом лучше всего говорят сама его жизнь и написанные им книги: «Горизонты», «Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы».

Но тогда, в середине 1920-х годов, он только учился делать первые шаги в разведке, а она все шире расправляла свои крылья. В 1926 году в ее составе появилось еще одно и самое закрытое подразделение — Разведывательный центр, впоследствии Особая группа при председателе ОГПУ — нарком НКВД СССР, более известная среди сотрудников органов государственной безопасности как «группа Яши». В связи с сохраняющейся угрозой войны руководство ОГПУ рассчитывало с учетом будущих оперативных возможностей Центра осуществлять в глубоком тылу противника диверсии на крупных транспортных узлах, в морских портах, а также проводить акции по устранению лидеров зарубежных анти-

советских организаций и предателей. С 1929 года и до дня своего ареста в ноябре 1938 года руководителем этого спецподразделения являлся человек-легенда в советской разведке Я. Серебрянский. Родился Яков в 1892 году в Минске, в семье кустаря-подмастерья. В 1907 году, после окончания четырех классов городского училища, в связи с болезнью отца вынужден был с пятнадцати лет зарабатывать себе на жизнь и помогать семье. Революционную деятельность начинал в партии эсеров. Входил в так называемую «группу борьбы с провокаторами», которая занималась выявлением среди членов партии агентов охранного отделения и полиции. Принимал личное участие в их ликвидации. Революцию Серебрянский встретил на Урале, в городе Реште, где отбывал ссылку, и с первого дня принял деятельное участие в установлении новой власти. Его опыт конспиративной и боевой работы, смелость и «железная» хватка были востребованы. До ноября 1919 года он руководил общим отделением в Особом отделе ВЧК. В декабре был переведен по службе в центральный аппарат в Москву, но долго там не задержался. В связи с упразднением ВЧК и сокращением штата ГПУ места в нем для него не нашлось: сказалось эсеровское прошлое. Поработав около полугода заведующим канцелярией в «Москватопе», он перешел на должность счетовода в издательство «Известия ВЦИК».

Но такие, как Серебрянский, на «обочине жизни» не остаются. В декабре 1923 года о нем вспомнили и вернули на службу в ИНО ОГПУ. Трилиссер в нем не разочаровался. В течение пяти лет, до своего назначения руководителем Особой группы, Серебрянский принимал участие в ряде оперативно-боевых операций и проявил себя блестящим организатором, мастером вербовки и «человеком без нервов». Ему и ИНО работы в те годы хватало. Операции «Синдикат-2» и «Трест», позволившие сковать на время разведывательную, диверсионную и террористическую деятельность НСЗРС, ВМС, РОВС, других зарубежных антисоветских центров, были завершены. Сотни тысяч долларов, фунтов стерлингов и золотых, затраченных иностранными спецслужбами на подрыв советской власти,

оказались выброшенными на ветер или были оприходованы в кассе ОГПУ. Десятки засланных эмиссаров и агентов-боевиков так и не произвели ни одного выстрела и не взорвали ни одного стратегического объекта.

Подобно мухам, они вязли в густой сети «мощных подпольных организаций» — «Либерально-демократической организации» и «Монархического объединения Центральной России», которые умело легендировались сотрудниками ОГПУ перед зарубежными эмиссарами. Ничего не подозревавшие «засланцы» НСЗРС и ВМС от имени руководителей ЛД в течение ряда лет исправно слали «секретные донесения» в Париж, Берлин и Варшаву о готовом вспыхнуть вот-вот всеобщем восстании в ненавистной совдепии. В итоге для них и их хозяев, иностранных спецслужб, все закончилось крахом, и тогда озлобленные вожди белого движения на свое поражение ответили актами террора.

С конца 1926 года боевики РОВС с территории Польши и Румынии активизировали бандитские вылазки на западные территории Советского Союза. Ряд террористических актов им удалось совершить в центре страны. В Ленинграде они сумели проникнуть в партийный клуб и бюро пропусков ОГПУ, заложить бомбы и привести их в действие. В результате взрывов погибли десятки человек. Аналогичные террористические вылазки были осуществлены в отношении советских учреждений и их представителей в Варшаве и Париже.

Все это вынудило партийное руководство страны принять решение о нейтрализации главных организаторов этих акций. Выполнение данной задачи было возложено на ОГПУ. После смерти Савинкова и Рейли, главной его целью стал глава РОВС А. Кутепов. Несмотря на серьезные потери, понесенные «Союзом» в ходе операции «Трест», генерал с маниакальным упорством продолжал верить в то, что внутри России еще остались силы, опираясь на которые ему удастся свергнуть власть большевиков. В этом заблуждении его не могли разубедить даже такие авторитетные лидеры белого движения, как П. Врангель и А. Деникин. В ноябре 1929 года в одной из бесед с Деники-

ным, когда тот пытался убедить Кутепова в невозможности существования в СССР мощной антисоветской организации, с помощью которой можно было бы свергнуть власть большевиков, он заявил: «Великие движения распространяются по всей России. Никогда еще прежде так много людей «оттуда» не приходили ко мне с просьбой о сотрудничестве с их подпольными организациями».

Эту иллюзию у главы РОВС искусственно поддерживали агенты ОГПУ, которых хватало в его ближайшем окружении. До последнего своего дня он не подозревал о том, что «правая рука» и бывший начальник штаба во время Гражданской войны генерал Штейфон уже давно сотрудничал с советской разведкой. Несколько «успешных» нелегальных поездок Штейфона в Россию, из которых он привез «обнадеживающую» информацию о зыбкости режима большевиков, еще больше укрепили решимость Кутепова. Но генералу, в отличие от Савинкова и Рейли, хватало ума не совать голову в петлю, подготовленную ОГПУ. И тогда в ИНО была разработана операция по его похищению.

Общее руководство осуществлял признанный мастер оперативных комбинаций Артузов, сменивший в 1930 году на посту начальника ИНО Трилиссера. К участию в ней были привлечены силы нелегальной резидентуры во Франции и так называемой «группы Яши». Ключевая роль в операции отводилась агентуре, именно ей предстояло усыпить бдительность Кутепова и заманить его в ловушку. Для непосредственного руководства операцией в январе 1930 года в Париж прибыл сотрудник центрального аппарата ИНО С. Пузицкий, проявивший себя в предыдущих операциях «Синдикат-2» и «Трест».

Чтобы не вызвать подозрений у Кутепова и отсечь охрану, замыслом операции предусматривалось доведение до него через агентуру информации о приезде из России курьеров подпольной антисоветской организации. Их роль предстояло исполнить резиденту ОГПУ в Париже Н. Кузьмину и агенту-нелегалу А. Фихнеру. Прикрытие встречи должны были обеспечивать боевики из «группы Яши». В качестве подстраховки,

на случай сопротивления Кутепова, один из них должен был сыграть роль полицейского. И когда наконец все было готово, Штейфон сообщил генералу о приезде в Париж двух курьеров. Тот без колебаний согласился на встречу с ними. Чтобы «уйти» из-под наблюдения агентов ОГПУ, о которых только и говорили в РОВС, она была назначена в такси.

26 января 1930 года Кутепов, соблюдая требования конспирации, никого не поставил в известность, вышел в город и отправился на явку с «курьерами». Такси находилось на обусловленном месте, и когда генерал стал в нее садиться, что-то заподозрил, но было поздно, «полицейский» запихнул его внутрь. После короткой борьбы, когда ему в нос ткнули пропитанный усыпляющим средством платок, все было кончено. И пока соратники Кутепова с французской полицией пытались отыскать его следы, три машины, в одной из которых находился генерал, неслись на север, в порт Гавр. Там ждал советский пароход, чтобы взять на борт «груз» и доставить на Лубянку. Но живым Кутепова не довезли: в дороге у него отказало сердце.

Значительных успехов ИНО удалось добиться не только в борьбе с зарубежными антисоветскими организациями, но и с иностранными спецслужбами. Советская агентура смогла проникнуть не только в военные штабы, но и в разведывательные органы Польши, Германии, Франции и Китая. Значительный вклад в индустриализацию страны внесли как легальные, так и нелегальные резидентуры. Разрушенная многолетней войной промышленность страны, потерявшая огромное количество квалифицированных кадров, значительная часть которых после революции выехала за рубеж, остро нуждалась в новейших технологиях, чтобы совершить прорыв в будущее. И здесь важную роль сыграла разведка. В Германии на заводах Круппа ей удалось получить доступ к секретам технологии изготовления искусственных алмазов, что позволило совершить революцию в отечественном станкостроении. Там же, на авиационных предприятиях фирмы «Юнкерс», путем внедрения и вербовок среди инженерно-технического состава были добыты важные чертежи и отдельные узлы новейших разработок.

Наряду с успехами в деятельности советской разведки в конце 1920-х годов имели место и серьезные провалы, сопровождавшиеся громкими политическими скандалами. В марте 1927 года оказалась «засвеченной» вся агентурная сеть в Варшаве. Спустя месяц в Пекине была арестована группа советских агентов, а после проведения полицией обысков в помещениях консульства было обнаружено большое количество материалов шпионского характера. Следующий, не менее мощный удар по разведке нанесла французская контрразведка. Ей удалось выявить действовавшую во Франции резидентуру, и все ее восемь агентов во главе с Ж. Креме, видным функционером французской компартии, были арестованы.

Но самое сокрушительное поражение ИНО понес в Великобритании. В руки контрразведки (МИ-5) попали секретные коды советских дипломатов. Кроме того, ей удалось внедрить своего агента в состав британской резидентуры, действовавшей под «крышей» англо-советского торгово-промышленного общества «Аркос». После того как у контрразведки оказались неопровержимые доказательства шпионской деятельности, она произвела налет и обыск в помещениях «Аркоса». Его результаты превосходили все ожидания: в руках МИ-5 оказались горы шпионского материала. Разразился грандиозный политический скандал. Премьер-министр С. Болдуин потребовал выдворения из Великобритании в полном составе сотрудников советского посольства, торгпредства и объявил о разрыве дипломатических отношений, которые были восстановлены только в июне 1929 года с приходом к власти лейбористов во главе с Р. Макдональдом. Правительство консерваторов, с самого начала не принявшее власть большевиков, теперь, поймав их «за руку», торжествовало свою победу. Министр иностранных дел О. Чемберлен не преминул лишиться раз насладиться ею. 26 мая 1927 года при беседе с советским поверенным в делах Великобритании А. Розенгольцем, он в жесткой форме сообщил о разрыве дипломатических отношений. Тому в ответ нечего было сказать, поскольку в распоряжении Чемберлена находились не только шпионские материалы, захваченные МИ-5 в

«Аркосе», но и расшифровка его собственной секретной телеграммы, направленной 1 апреля в НКВД. Британский министр не удержался от того, чтобы снова принизить Розенгольца, и в язвительном тоне озвучил ее содержание: «В ней вы просите материалы, которые позволят вам поддержать политическую кампанию против правительства его величества».

За все послереволюционное время это был самый болезненный удар по политическому престижу СССР и отечественной разведке. Она на целых два года потеряла официальные прикрытия для своей деятельности в Великобритании. Не намного лучше ее положение было и во Франции. После провала парижской резидентуры и побега в октябре 1929 года из посольства поверенного в делах Франции Г. Беседовского, выступившего с разоблачениями «гнезда шпионажа на улице Гренель», где размещалось здание советской дипмиссии, все его работники оказались под плотным «колпаком» контрразведки.

В связи с этим в руководстве НКВД и ИНО были проанализированы причины имевших место провалов. Одна из них, лежавшая на поверхности, становилась все более очевидной и заключалась в положении самих резидентов. Большинство из них организовывало работу с агентурой с легальных позиций: посольств, консульств и торгпредств. В случае предательства агентов или попадания их в поле зрения иностранных спецслужб, следы неизбежно вели в официальные советские представительства за рубежом. Существенно снижало эффективность работы резидентур и делало их более уязвимыми для иностранных спецслужб еще и то обстоятельство, что при вербовке агентов акцент делался на активистов местных коммунистических и социалистических партий, которые, как правило, находились под жестким оперативным контролем полиции и контрразведки.

Другая и немаловажная причина имевших место провалов была связана с недостатками организационного характера. В частности, в переписке с Москвой дипломаты и сотрудники резидентуры для закрытия информации использовали долговременные коды, что облегчало иностранным спецслужбам их

расшифровку. В довершение ко всему секретные материалы годами хранились в помещениях посольств и зарубежных представительств.

Кроме того, быстрый и значительный рост количества резидентур привел к кадровому голоду. В начале 1930-х годов они действовали в большинстве стран Западной и Восточной Европы, на Ближнем Востоке, Китае и Северной Америке. В помощь к разведчикам, имевшим опыт подпольной революционной борьбы, пришло много молодежи, слабо владевшей приемами конспирации, самонадеянно полагавшей, что в «загнивавшем капиталистическом обществе» большинство является их союзниками, а не противниками, и потому допуская небрежность в работе с агентурой.

На эти провалы в разведке жестко отреагировали и партийные органы. В январе 1930 года на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) ее деятельность была подвергнута жесткой критике. После этого вся переписка посольств и резидентур с Москвой стала зашифровываться разовыми «ключами». Секретные материалы хранились на местах не более месяца, а затем диппочтой отправлялись в архивы наркоматов или уничтожались.

Наиболее радикальные решения коснулись резидентур. В целях повышения эффективности их работы, а также минимизации политического ущерба в случае провала агентуры, значительная часть из них была выведена из-под «крыш» советских представительств за рубежом и перешла на нелегальное положение. Наряду с этим были приняты и организационно-кадровые решения. Трилисера на посту руководителя ИНО сменил Артузов, штатная численность отдела возросла до 122 человек, из которых половина работала за границей в составе резидентур. Значительно увеличилось и финансирование разведывательной деятельности: если в 1930 году ее официальный бюджет составлял 300 тысяч рублей, то через несколько лет он вырос более чем втрое и достиг 1 млн рублей, а к середине 1930-х годов составлял около 8 млн рублей.

Спустя четыре года советская спецслужба, и в частности разведка, подверглись очередной реорганизации. 10 июля

1934 года постановлением ЦИК СССР был образован Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) СССР, в составе которого было создано Главное управление государственной безопасности (ГУГБ), и основные функции ОГПУ перешли к нему. Иностраный отдел стал 5-м отделом и в полном составе вошел в него. Перед руководством и сотрудниками отдела партийное руководство поставило следующие задачи.

1. Выявление направленных против СССР заговоров и деятельности иностранных государств, их разведок и генеральных штабов, а также антисоветских политических организаций.

2. Вскрытие диверсионной, террористической и шпионской деятельности на территории СССР иностранных разведывательных органов, белоэмигрантских центров и других организаций.

3. Руководство деятельностью закордонных резидентур.

4. Контроль за работой бюро виз, въездом из-за границы иностранцев, руководство работой по их регистрации и учету в СССР.

Штат отдела утвердили в количестве 210 человек, в его составе создали 13 подразделений, из которых 7 по географическому принципу руководили зарубежными резидентурами, а остальные выполняли функции координации и обеспечения разведывательной деятельности. Бывший ИНО, а теперь 5-й отдел, хотя и небольшой по численности, обрел накануне войны достаточно развернутую и продуманную структуру, нацеленную на работу в широких масштабах.

В то время как разведка — этот «меч Лубянки» — набирала силу и все острее разила противника, то контрразведка — ее «щит» — в руках Сталина превращалась в «кувалду», которая безжалостно плющила как настоящих, так и мнимых врагов. Последних, по мере усиления его единоличной власти, становилось все больше.

ВВКП(б) нарастал глухой ропот, исходивший от оппозиции в лице «старой ленинской гвардии» — Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина, Рыкова и других, — авторитарному стилю руководства Сталина и его модели строительства социализма.

Сворачивание им и его сторонниками новой экономической политики, позволившей стране в кратчайший срок преодолеть голод и разруху, а также оттеснение на второстепенные роли молодыми выдвиженцами из партийного аппарата вождей революции вызывали со стороны последних ожесточенное сопротивление.

С середины 1920-х годов в партии развернулись острые дискуссии о путях развития страны. И пока Троцкий со товарищи спорили со Сталиным и его сторонниками на партийных конференциях, выступали с обличительными статьями в прессе, он действовал. И в этой борьбе за власть органы государственной безопасности, имевшие в своем распоряжении огромный негласный аппарат и накопившие значительный опыт тайной войны с контрреволюцией, все больше попадали под власть партийного аппарата и превращались в руках Сталина в важнейший инструмент расправы над оппозицией. Они отходили от борьбы с реальным противником и переключались на подавление внутренней оппозиции и инакомыслия.

Главным врагом на пути Сталина к неограниченной власти над партией и страной стал ближайший соратник Ленина — Троцкий.

Между молотом и наковальней

У чекиста есть только два пути:
на выдвижение и в тюрьму.

И. Сталин

Смерть Ленина 21 января 1924 года не примирила двух, как он называл в своем, тогда еще малоизвестном широкому кругу партийцев письме-завещании, «выдающихся вождей» — Троцкого и Сталина. Еще не успело остыть его тело, как они сошлись в непримиримой схватке за власть над партией и гигантской страной. Ради нее каждый готов был переступить не то что через партийные принципы, а и родную мать. В этой битве двух «титанов» именно органы государственной безопасности ОГПУ — НКВД сыграли ключевую роль в победе Сталина.

В те стылые январские дни 1924 года только внимательный наблюдатель мог рассмотреть, как рука Сталина постепенно разворачивала «карающий меч революции» ВЧК — ОГПУ против своих политических оппонентов. И как бы неожиданно это не звучало, но свое первое движение он совершил за тысячи километров от Москвы, в крохотной советской республике Абхазии. Там, под ярким южным солнцем, в тени пальм, на берегах теплого моря, самым непостижимым образом трагически переплелись судьбы главных вождей революции. И там же выросло чудовищное зло, которое затем на долгие годы погрузило всю страну в омут массовых репрессий.

Одной из первых жертв этого «кровавого Молоха» стал главный претендент на власть Троцкий. Незадолго до смерти Ленина «неистовый Лев», председатель Реввоенсовета и Наркомвоенмор, внезапно заболел странной болезнью. К вечеру его охватывал сильный жар, а по утрам мучила слабость. Лучшие врачи и лекарства не могли побороть загадочный недуг.

14 января 1924 года, несмотря на сложное положение в партии, И. Сталин, М. Фрунзе, С. Орджоникидзе и Ф. Дзержинский настояли на том, чтобы Троцкий отправился на лечение на юг. Тот словно предчувствовал свое будущее крушение и не хотел покидать Москвы, но по настоянию доктора Ф. Гетье, крайне встревоженного его состоянием, 16 января вынужден был вместе с женой отправиться в Абхазию.

Вслед за ним на имя председателя Совнаркома этой маленькой южно-кавказской республики Нестора Лакобы ближайшие соратники Сталина — Дзержинский из Москвы, а Орджоникидзе из Тифлиса — отправили строго конфиденциальные письма.

В частности, Дзержинский писал:

«Дорогой товарищ! По состоянию болезни т. Троцкого врачи посылают в Сухум. Это стало широко известно даже за границей, а потому я опасаясь, чтобы со стороны белогвардейцев не было попыток покушения. Моя просьба к Вам иметь это в виду: т. Троцкий не будет по состоянию здоровья в общем выезжать из дачи, а потому главная задача — не допустить туда посторонних, неизвестных. Прошу Вас по вопросу об охране сговориться и согласовать мероприятия с т. Кауровым.

Сердечный Вам и абхазцам коммунистический привет.

Ваш Ф. Дзержинский.

18.01.1924».

На первый взгляд в письме нет ничего настораживающего, если не считать того, что подобное письмо Дзержинский не отправил в адрес руководителя Закавказского ГПУ С. Могилевского, а кто, как не он, должен был первым отвечать за безопасность Троцкого. Несколько позже, 22 марта, по трагической случайности или чьему-то злому умыслу Могилевский, а вместе с ним член Президиума ЦИК СССР А. Мясников и уполномоченный СССР в Закавказской Советской Федеративной Социалистической Республике (ЗСФСР) Г. Атарбеков погибли в авиакатастрофе. «Юнкерс», на котором они вылетели из Тифлиса (Тбилиси) в Сухум, где им предстояла встреча

с Троцким, не набрав высоты, загорелся в воздухе и рухнул на землю вблизи аэродрома.

Ключ к этой трагедии и последующим событиям, связанным с пребыванием Троцкого в Абхазии, видимо, следует искать в характере отношений между Сталиным, Дзержинским, Орджоникидзе и Лакобой. Столь доверительный характер письма Дзержинского к Нестору и деликатность поручения могли быть обусловлены следующим. Ранее, в ноябре 1922 года, руководителю ВЧК — ОГПУ по настоянию Ленина пришлось заняться так называемым «грузинским делом» — конфликтом между Орджоникидзе и группой Б. Мдивани. Нестор, хорошо знавший мир Кавказа, оказался весьма полезен в том весьма деликатном деле, где мнения Ленина и Сталина принципиально разошлись.

Но не только это заставило Дзержинского и Орджоникидзе проникнуться доверием к Лакобе. Они, прошедшие через царскую каторгу и сито жандармских провокаций, мало доверяли словам, а верили только делам. Лакобе можно было доверять. Ранее, в декабре 1920 года, он нелегально выезжал в Турцию по поручению Кавказского бюро РКП(б) и там в течение четырех месяцев вел активную конфиденциальную работу среди выходцев из Абхазии, занимавших видное положение в правительстве К. Ататюрка. Советская Россия, находившаяся тогда в международной блокаде, предпринимала отчаянные усилия, чтобы ее прорвать, и Лакоба блестяще справился с порученным ему делом. Турция одной из первых признала правительство Ленина.

Что касается «грузинского дела», то нельзя исключать того, что линия «нейтрального судьи», которую Ленин отводил Дзержинскому, не была им выдержана преднамеренно. «Железный Феликс» не был лишен политической амбиций, но Ильич достаточно скептически оценивал его возможности на поприще хозяйственной деятельности в СНК и с декабря 1917 года продолжал держать на неблагодарной полицейской должности. При таком отношении к себе, Дзержинский все больше ориентировался на Сталина и Орджоникидзе, которые

из-за ухудшения здоровья Ленина с каждым днем усиливали свои позиции и влияние в партии и госаппарате. В связи с этим помощь Лакобы была на руку Дзержинскому, так как укрепляла его отношения со Сталиным.

Ленин остался крайне недоволен результатами расследования и потребовал от ЦК «примерно наказать Орджоникидзе, а политическую ответственность возложить на Сталина и Дзержинского». Позже, 5 марта 1923 года, в письме Троцкому он писал: «Я очень просил бы Вас взять на себя защиту «грузинского дела» по ЦК партии. Дело это находится под «преследованием» Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастность. Даже совсем напротив...»

Так Сталин, Дзержинский, Орджоникидзе и Лакоба оказались в одной «политической лодке». И если теперь смотреть на содержание письма Дзержинского к Лакобе через призму этих его, а также Орджоникидзе и Сталина отношений с Лениным и Троцким, то некоторые строчки приобретают совсем иное значение. В частности, что подразумевал Дзержинский, когда писал: «...Я опасаюсь, чтобы со стороны белогвардейцев не было попыток покушения. Моя просьба к Вам иметь это в виду: т. Троцкий не будет по состоянию здоровья в общем выезжать из дачи, а потому главная задача — не допустить туда посторонних, неизвестных». Каких посторонних?! Какое они имели отношение к белогвардейцам? Складывается впечатление, что кому-то очень хотелось на время связать по ногам и рукам Троцкого.

Это предположение еще более усиливает письмо Орджоникидзе, направленное тому же Лакобе в те дни из Тифлиса. В нем он настойчиво рекомендует:

«Дорогой Нестор!

К Тебе на лечение едет т. Троцкий. Ты, конечно, великолепно понимаешь, какая ответственность возлагается на Тебя и всех нас в связи с его пребыванием у Тебя. Надо его так обставить, чтобы абсолютно была исключена какая-нибудь пакость. Мы все уверены, что ты сделаешь все, что необходимо.

Так дела здесь идут замечательно хорошо...Целую Тебя. Твой Серго».

О каких именно «делах» вел речь Орджоникидзе? Как они могли идти «замечательно хорошо», когда болезнь Ильича приобретала все более тяжелый характер, а партию раздирали непримиримые противоречия. Но Орджоникидзе, вероятно, знал, что писать. Спустя три дня скончался Ленин — святая икона для рядовых большевиков, но не для кучки его соратников. Ответы на вопросы, которые порождают письма Дзержинского и Орджоникидзе, видимо, надо искать в поведении и действиях Лакобы.

После похорон Ленина он сделал все, чтобы быстро идущий на поправку соперник Сталина в борьбе за власть как можно дольше задержался в солнечной и гостеприимной Абхазии. Видимо, «забыв» про предупреждение Дзержинского о возможном «покушении белогвардейцев», Нестор взял на себя смелость стать «телохранителем» Троцкого. За три месяца они объездили всю республику, поднимались в горы, побывали в самых отдаленных селах, охотились и рыбачили. Гостеприимство абхазцев не знало границ, и окрепший Лев, покоренный им, лишь 10 апреля на борту миноносца «Незаможный» с сожалением покинул утопавший в буйном цветении субтропиков Сухум, чтобы возвратиться в бурлящую политическими страстями холодную Москву.

Впоследствии, прячась от летучих групп боевиков НКВД в далекой Мексике, он, откликаясь на загадочную смерть Лакобы (по данным С. Лакобы, тот, вероятно, был отравлен за ужином в доме Берии в Тбилиси), в январе 1938 года писал: «Мы жили с женой на Кавказе в Сухуме под покровительством Нестора Лакобы, общепризнанного главы Абхазской республики, моего верного телохранителя во время отдыхов в Абхазии».

Как раз в те самые дни, о которых Троцкий вспоминает с таким восторгом, чекистами Закавказья была вскрыта и ликвидирована крупная подпольная организация из числа грузинских меньшевиков. Но Лакоба не стал беспокоить его такими «мелочами» и продолжал под «надежной охраной» лучших певцов, танцоров и народных сказителей колесить по Абхазии.

Но это было потом, а тогда, в январе 1924 года, Троцкий, вырвавшийся из «кремлевского политического котла», был очарован природой Абхазии и покорен вниманием и заботой Лакобы. После московских метелей и морозов южные субтропики казались ему сказкой, но больше всего радовало то, что здоровье быстро пошло на поправку.

В это же время в Горках, отрезанный от своих соратников и друзей охраной, приставленной к нему Сталиным, мучительно умирал Ленин. Неожиданное известие о его смерти потрясло Троцкого и, несмотря на сохраняющуюся слабость, он решил немедленно отправиться на похороны в Москву. Здесь в игру вступил сам Сталин и направил в Сухум срочную шифрограмму: «Передать т. Троцкому. 21 января, в 18:30, скоростно скончался т. Ленин. Смерть наступила от паралича дыхательного центра. Похороны в субботу 26 января. Сталин». Троцкий тут же в ответной телеграмме сообщил: «Считаю нужным вернуться в Москву».

Но Сталин не был бы Сталиным, если бы не прибегнул очередной коварный ход. Через час в Сухум пришел ответ: «Похороны состоятся в субботу, не успеете прибыть вовремя. Политбюро считает, что Вам по состоянию здоровья необходимо быть в Сухуме. Сталин».

К субботе Троцкий никак не успевал на похороны, и Сталин, убедившись, что он остался на месте, перенес их на воскресенье. Одураченный «Лев» остался нежиться в солнечной Абхазии до середины апреля. Покоренный ею и гостеприимством Нестора, при расставании с ним Троцкий дружески пошутил: «Абхазию следовало бы переименовать в Лакобистан».

В восторге от Лакобы был не только Троцкий. Еще больше им остались довольны Дзержинский с Орджоникидзе и, конечно, Сталин. С того дня он стал выделять из числа своего окружения невзрачного и глуховатого Председателя СНК крохотной республики. Во время приездов на отдых в Новый Афон или госдачу «Холодная речка», располагавшуюся в глухом урочище под Гагрой, Сталин регулярно приглашал Лакобу к себе в гости. Во время застолий или игры в бильярд,

подчеркивая его близость к себе, Вождь не редко подшучивал: «Я — Коба, а ты — Лакоба, почти родственники».

Это возвышение подчиненного пугало и било по болезненному самолюбию Первого секретаря ЦК КП(б) Грузии Берии. Помимо всего прочего, в его сердце острой занозой сидела обида на Лакобу и его жену Сарию за то унижение, которое он перенес осенью 1935 года. В тот год по установившейся уже традиции Сталин приехал на отдых и остановился на госдаче в Новом Афоне. Наступил «бархатный» сезон, погожие дни сменяли звездные ночи, и по вечерам в бильярдной к нему присоединялась дружная компания из маршалов А. Егорова, М. Тухачевского и К. Ворошилова. Нередко к ним в гости заезжал Нестор, Сария и артисты местного театра, и тогда под сумрачные своды дачи, казалось, входила сама солнечная и звонкоголосая Абхазия. Сталин был доволен и бросал многозначительные взгляды на Сарию. В тот вечер она была как никогда хороша. Ее тонкое и нежное лицо светилось особенным светом, а большущие черные глаза таили в себе загадку. Точеный бюст, округлые бедра волновали и возбуждали кровь не только одному Вождю. От него не укрылись плотоядные взгляды, которые украдкой бросал из дальнего угла Берия, он хмыкнул и ехидно заметил: «Смотри, Лаврентий, Нестор хоть и глухой, но видит хорошо, а стреляет еще лучше». Тот промолчал, а Лакоба пропустил шутку мимо ушей и продолжил во всю «чесать» маршалов за бильярдным столом. Тухачевский побагровел от досады, красивое и надменное лицо маршала выглядело, как у обиженного ребенка, которого лишили любимой игрушки. Ворошилов горячился, хлопал себя по бедрам, приседал и следил за ногами Нестора, стараясь поймать того на нарушении правил. А он хитровато улыбался и продолжал шустро орудовать кием. Несмотря на маленький рост, ухитрялся дотягиваться до самых дальних шаров и с треском загонял их в лузы. Хозяин поглядывал на военных и посмеивался: «Играет лучше вас и стреляет лучше». Ворошилов поджал губы и бросил кий. Сталин сам встал к столу, но Нестор никому не давал спуска. Игра шла не в пользу Хозяина, он опустил кий,

похлопал его по плечу и шуточно сказал: «За то прощаю, что маленький такой». Командармы сдержанно рассмеялись. Сталин подмигнул и, глянув на насытившегося в углу Берию, с хитрой улыбкой спросил: «А ты, Лаврентий, чего не играешь и за шары держишься? Глухого боишься?» Стены вздрогнули от громового хохота. Ворошилов сложился вдвое, его широкая и плотная спина, казалось, вот-вот прорвет рубашку, крупные, как горошины, слезы катились по щекам. Сария рассмеялась, бросила на Берию уничижительный взгляд и вышла на летнюю террасу. Тому ничего другого не оставалось, как только молча проглотить обиду: Лакоба находился в фаворе у Хозяина.

Так продолжалось до 1 декабря 1935 года. В тот день, по данным абхазского историка С. Лакобы, на встрече со Сталиным Нестор отказался от предложения занять пост наркома НКВД, и тогда тот резко к нему охладел. Тут настал час мести для Берии. 27 декабря 1936 года, после совещания в ЦК КП(б) Грузии, поддавшись на уговоры матери своего завистника, Лакоба отправился к нему на ужин. Тот не ударил в грязь лицом и с кавказской щедростью накрыл стол. Несмотря на все ухаживания Берии, Нестор чувствовал себя не в своей тарелке и с трудом дождался, когда подошло время идти в театр. Не досидев до конца спектакля, он возвратился в тбилисскую гостиницу «Ориент». Острые боли в желудке не прошли, и через несколько часов «несгибаемого Нестора» не стало. Перед отправкой его тела в Сухум с ним пришел проститься Берия с женой и положил к ногам венка, на котором было написано: «Близкому другу — товарищу Нестору. Нина и Лаврентий Берия». Сталин промолчал и даже не прислал обычной в таких случаях телеграммы с соболезнованиями. Это был зловещий знак.

В Абхазию доставили не тело Лакобы, а скорее его оболочку. Тбилиссские хирурги из больницы имени Камо после проведения вскрытия удалили не только все внутренности, но даже вырезали гортань и вены, чтобы, как полагают специалисты, было невозможно обнаружить следов яда. На Родине искренне оплакивали «нашего Нестора», спасшего абхазское

крестьянство от варварской коллективизации и сохранившего на свободе бывших князей, многие из которых получали пособия от советской власти.

Тем временем в Тбилиси шумно и весело отпраздновали новогодние праздники. Когда винные бочки со знаменитой хванчкарой опустели, будущий «главный палач» СССР Берия, используя НКВД Грузии, приступил к «зачистке» абхазской партийной номенклатуры. В начале февраля 1937 года «близкий друг» вскрыл в Абхазии разветвленный «заговор», во главе которого стоял не кто иной, как покойный Лакоба. Сталин и на этот раз промолчал, и тогда «грузинский кинжал» принялся безжалостно вырезать невинных.

Подручные Берии из НКВД Грузии — Б. Кобулов, З. Давлианидзе и Г. Хазан — в ходе следствия установили, что «обербандит» Лакоба в сговоре с другими бывшими партийными руководителями республики создал контрреволюционную, диверсионно-вредительскую, шпионскую, террористическую, повстанческую организацию в Абхазии».

Кроме самоговоров, которые садисты-следователи «выбили» из невинных жертв, в уголовном деле отсутствовали какие-либо вещественные доказательства их «вины». Но это мало заботило устроителей трагического «спектакля» — судебного процесса, проходившего по злой иронии в здании государственного театра Абхазии с 30 октября по 3 ноября 1937 года. Еще за неделю до начала суда судьба первых лакобовцев была предрешена в кабинете Берии. В общем списке подсудимых напротив десяти фамилий стояла его короткая подпись — «расстрелять». Все они обвинялись в том, что входили «в диверсионно-террористическую группу обербандита Н. Лакобы, готовившего покушение на Вождя народов товарища Сталина».

В своей зависти к Нестору, которая питалась прошлым расположением к нему Вождя, Берия перешагнул все мыслимые и немыслимые границы. После ареста жены Лакобы Сарии 31 октября 1937 года был заключен в тюрьму его 14-летний сын Рауф. Степень их «вины» мало интересовала

Берию, а еще меньше — Сталина. Обоих занимал личный архив Нестора, в котором могли храниться компрометирующие их материалы. Чтобы заполучить его, подручные Берии садистски истязали Сарию и Рауфа. На глазах матери пытали сына, а затем насильовали ее, бросали в карцер, наполненный крысами, подсаживали в камеру душевнобольных, но так и не заполучили архив.

16 мая 1939 года, не выдержав пыток, в возрасте 34 лет в Ортачальской тюремной больнице Тбилиси скончалась великомученица Сария Лакоба. Ее сын Рауф, а вместе с ним его двоюродные братья: Николай, Тенгиз, Кока Инал-ипа — 1 апреля 1939 года были переведены из Тбилиси в Москву и заключены в одну из самых страшных тюрем — Сухановскую. На первых допросах они отказались от своих предыдущих показаний. В частности, Рауф в своем заявлении писал: «На следствии в Грузинском НКВД в сентябре 1939 года меня вынудили признать таковые обвинения, от которых я категорически отказываюсь...» Б. Кобулов, З. Давлианидзе и Г. Хазан заставили его признаться в том, что он «создал антисоветскую террористическую группировку в сухумской школе, занимался вместе с членами этой группировки клеветническими измышлениями и имел террористические намерения в отношении товарища Берии».

Но это заявление Рауфа, отправленное 20 апреля на имя Берии, уже ничего не могло изменить, а лишь снова заставило пройти его все круги «земного ада». Продержался он до 11 мая 1940 года. Следователи Хват и Кушнарев, применив изощренный пыточный арсенал, после 13 часов издевательств «сломали» юношу и добились «признательных показаний». Потом еще около года абхазские юноши содержались в тюрьме и были расстреляны 27–28 июля 1941 года. На момент исполнения приговора никому из них не было и 18 лет.

«Кинжал грузинского» НКВД безжалостно «вырезал» всю семью Лакобы, семьи его родственников и друзей. В живых остались лишь малолетние Саида и Зина, дочери братьев Лакобы, Михаила и Василия. Но это уже другая, одна из множества

трагедий того времени, а тогда, в январе 1924 года, изолировав Троцкого в Сухуме, Сталин спешил закрепить свой успех.

Отсутствие Троцкого на похоронах Ленина, а затем на чрезвычайном съезде РКП(б) произвело тягостное впечатление на сторонников, без него они проигрывали одну схватку за другой. Власть над партией, а затем и страной ускользала из его рук. Потом, изгнанный из страны, он с горечью признавал: «Заговорщики обманули меня. Они правильно все рассчитали, что мне и в голову не придет проверять их, что похороны Ленина состоятся не в субботу 26 января, как телеграфировал мне в Сухум Сталин, а 27 января. Я не успевал приехать в Москву в субботу и решил остаться. Они выиграли темп».

Сталин выиграл темп, а потом и власть. И как знать, если бы не это вынужденное «сухумское затворничество» Троцкого и окажись он в те январские дни 1924 года в Москве, то, возможно, у нас была бы другая страна и другая история. Но история не терпит сослагательного наклонения. «Сухумский ход» Сталина позволил ему перехватить инициативу, но Троцкий не думал сдаваться на милость победителя и продолжил борьбу. Однако, несмотря на то, что его сторонники мобилизовали все силы, шансов на успех у них не было. На стороне Сталина к тому времени находилась большая часть партийного аппарата и, что важнее, хорошо отлаженная в борьбе с иностранными спецслужбами и внутренней контрреволюцией машина органов государственной безопасности.

После смерти авторитетного и принципиального Дзержинского, болезненный и мягкий по характеру новый председатель ОГПУ В. Менжинский стал удобной фигурой в руках Сталина. Используя мощь громадного агентурно-осведомительского аппарата органов, он контролировал каждый шаг и каждое слово Троцкого. Тот, как муха, безнадежно бился в невидимой паутине, которая с каждым месяцем становилась все плотнее и плотнее.

Вскоре подвернулся подходящий случай для нанесения решающего удара. В сентябре 1927 года ОГПУ были получены оперативные данные о том, что в одной из типографий

печатались программные и другие документы троцкистов, содержащие жесткую критику «генеральной линии» и самого Сталина. Среди ее работников обнаружился «врангелевский офицер», после чего остальное стало делом техники. Имея на руках такой «козырь», партийно-полицейская машина заработала на полную мощь и принялась дискредитировать Троцкого.

Спустя месяц, после мощнейшей «артподготовки» в прессе, в ноябре 1927 года он и другой лидер так называемой «левой оппозиции» Г. Зиновьев были лишены всех своих постов в партии и исключены из нее. Но на этом Сталин не остановился и сделал следующий далеко идущий ход. После «работы» с Зиновьевым тот согласился покаяться, осудил Троцкого, троцкизм и был снова восстановлен в партии, но это его не спасло. Через десять лет он стал главной фигурой другого громкого политического процесса. Самого же Троцкого отправили в ссылку в Казахстан, но и там он долго не задержался.

В феврале 1929 года его навсегда выслали из России. То ли по иронии судьбы, а скорее по злой воле Сталина, но одесский порт Троцкий вместе с женой и старшим сыном покидали на борту парохода «Ильич». Больше в «колыбели революции» он уже не появился. В отличие от большинства своих сторонников, Троцкому повезло гораздо больше: ему пока еще позволили жить. Лишь спустя одиннадцать лет, 20 августа 1940 года, в далекой Мексике ледоруб в руке агента-боевика НКВД Р. Меркадера раскроил его череп и поставил последнюю точку в затянувшейся на двадцать лет схватке двух вождей революции.

Более горькая участь и значительно раньше постигла троцкистов, которые еще оставались в партийном аппарате, армии и на флоте. Их тысячами исключали из партии, снимали со всех постов и затем отправляли на «перековку» в СЛОИ (Соловецкий лагерь особого назначения). Сталин безжалостно «выкорчевывал» как саму идеологию троцкизма, так его носителей.

Вскоре вслед за ними наступил черед старой «ленинской гвардии»: «покаявшегося» Г. Зиновьева, М. Томского, Р. Рыкова, К. Радека, М. Рютина, «любимца партии» Н. Бухарина и других, — еще позволявшей себе смелость фрондировать перед начавшим возвышаться над «партийной массой» новым Вождем. С ними Сталин поступил по-иезуитски. Сначала, не без их помощи, идейно разгромил троцкизм, а потом, с присущим ему коварством, суля одним прощения за «мелкобуржуазные» заблуждения, а другим — сохранение постов, стравил между собой. И они, испытанные борцы, прошедшие через царские тюрьмы и, казалось, не знавшие страха, дрогнули. Опасение за свои семьи, заразительная болезнь властолюбия и обычные человеческие слабости — тщеславие и зависть — заставляли их изменять самим себе и топить друг друга. На партконференциях и страницах газет Зиновьев, Рыков, Бухарин, Радек соревновались в обличении друг друга и славословили Сталина. Дискредитируя и втоптывая себя в грязь, они тем самым возвышали его и приложили руку к будущему культу личности.

Но Сталин не остановился на полпути. Униженные, оскорбленные, но живые оппозиционеры представляли собой постоянную угрозу и она должна быть уничтожена. К этому подталкивали и объективные обстоятельства: в стране и партии нарастал глухой ропот, вызванный варварской коллективизацией и индустриализацией. Но теперь, когда в его руках была сосредоточена вся полнота власти, он мог смело приступить к последнему акту задуманной им «пьесы» — физическому устранению политических оппонентов.

Поводов для этого было более чем достаточно: мятежи на национальных окраинах, участвовавшие аварии на производственных предприятиях, строительство которых гнали бешеными темпами. Оставалось только найти врагов. Таковых долго искать не пришлось, их фамилиями пестрели заголовки газет. Зиновьев, Рыков, Рютин, Бухарин, Радек и другие оказались в ловушке, ловко устроенной Сталиным. Дело оставалось за малым: вынудить их сознаться в тех чудовищных преступлениях, которых они не совершали. И здесь самым подходящим

инструментом в его руках оказались органы государственной безопасности. Так сотрудники ОГПУ — НКВД по злой воле Вождя оказались между молотом и наковальней. Заместитель председателя ОГПУ, а при больном Менжинском фактический хозяин Лубянки Г. Ягода стал послушным исполнителем в руках самого большого мистификатора и «режиссера» — Сталина в организации грандиозных «политических спектаклей», связанных с «разоблачением врагов народа».

Одним из первых пробных «камней», вызвавшим в стране последующую лавину разоблачительных процессов над видными деятелями партии, стало так называемое «шахтинское дело». Его жертвами стали десятки специалистов «старой буржуазной» школы, на которых повесили всех «дохлых кошек». Они оказались виновными в авариях на шахтах и срыве выполнения плановых заданий. Инициировал это дело весной 1928 года полномочный представитель ОГПУ на Северном Кавказе Е. Евдокимов. Поводом для начала оперативной разработки и последующего возбуждения уголовного дела послужили ряд аварий, произошедших на шахтах города Шахтинска, и материалы переписки некоторых инженеров с родственниками, проживавшими за границей, перехваченные органами ОГПУ на почтовом канале. В письмах ретивые подчиненные Евдокимова усмотрели связь «спецов» с зарубежными контрреволюционными центрами, которые направляли «руку саботажников и вредителей».

По материалам оперативной разработки прошло пятьдесят советских и три немецких специалиста. Следствие по делу было скорым, и уже в мае 1928 года «саботажники» предстали перед судом. Процесс носил публичный характер и проходил в Москве, в Доме Союзов. В ходе судебного разбирательства, широко освещавшегося в прессе, внешне была соблюдена формальная сторона дела: прокуроры, как положено, обвиняли, адвокаты защищали, судьи выслушивали прения сторон и самих обвиняемых. Завершился процесс вынесением относительно «мягкого» приговора: одиннадцать «саботажников» приговорили к смертной казни, а шестерых оправдали. Но его итог был

предопределен еще за месяц до открытия судебных слушаний. В апреле, выступая на пленуме ЦК ВКП(б), Сталин, ссылаясь на материалы еще не переданного в суд «шахтинского дела», зловеще вещал: «...Было бы глупо полагать, что международный капитал оставит нас в покое. Нет, товарищи, это неправда. Классы существуют и существует международный капитал, и он не может спокойно смотреть, как развивается строящийся социализм. Ранее международный капитал пытался свергнуть Советскую власть с помощью прямой военной интервенции. Эта попытка провалилась. Теперь он пытается и будет пытаться в будущем ослабить нашу экономическую силу с помощью невидимой экономической интервенции...»

Однако политический результат «шахтинского дела» вряд ли в полной мере мог удовлетворить Сталина. Он показал, что не все еще подвластно его воле. Одиннадцать осужденных из пятидесяти трех — это не то, на что он, видимо, рассчитывал. «Засоренность» партии и органов троцкистами и зиновьевцами мешали Вождю в проведении его линии на построение социализма в стране.

Прошло совсем немного времени, и следующий процесс над «вредителями», «саботажниками» и «контрреволюционерами», проходившими по так называемому делу «Промпартии», на этот раз оказался весьма близок к сценарию «главного режиссера» — Сталина. Свыше двух тысяч осужденных инженерно-технических работников, пытавшихся «сорвать выполнение плана первой пятилетки», стали убедительным доказательством его теории обострения классово-борьбы в условиях активного строительства социализма.

На этот раз ОГПУ не подкачало и наглядно продемонстрировало свои неограниченные возможности в борьбе с политическими противниками и инакомыслящими. Теперь Сталин мог не сомневаться в исходе схватки с такими политическими тяжеловесами, как Зиновьев, Каменев, Томский, Рыков, Радек, Рютин, Бухарин и другими, время от времени продолжавшими выступать против его подходов к проведению индустриализации и коллективизации в стране. С 1935 года один за другим

в стране «разворачиваются» все более масштабные судебные процессы над участниками «Московского центра», «Ленинградского центра», «Троцкистско-зиновьевского террористического центра».

Испытанные «бойцы революции», прошедшие через «сито» царской охранки и каторгу, после нескольких месяцев пребывания во внутренней тюрьме на Лубянке «сознались» в тех преступлениях, которых не совершали. В ходе судебного процесса лидеры Зиновьев и Каменев в очередной раз рассказали, признали себя виновными и были приговорены к 10 и 5 годам тюремного заключения. Такие приговоры, несмотря на тяжкие обвинения в террористической деятельности, многим могли показаться слишком мягкими. Но все самое страшное как для «левой оппозиции» в лице ее лидеров Зиновьева и Рютина, так и «правой» — Бухарина, было еще впереди.

После очередного, июльского 1936 года, пленума Политбюро ЦК ВКП(б) направило в партийные организации секретный циркуляр. В нем говорилось: «Теперь, когда стало ясно, что троцкистско-зиновьевские выродки объединяют на борьбу против Советской власти всех самых озлобленных и заклятых врагов нашей страны — шпионов, провокаторов, саботажников, белогвардейцев, кулаков и т. п., теперь, когда стерлись все различия между этими элементами с одной стороны и троцкистами и зиновьевцами с другой, все наши партийные организации, все члены партии должны понять, что бдительность коммунистов требуется на любом участке и в любом положении. Неотъемлемым качеством большевика в современных условиях должно быть умение распознать врагов партии, как бы хорошо они не маскировались».

После этого участь Зиновьева, Каменева и тысяч их сторонников была предрешена. 19 августа 1936 года над ними начался очередной судебный процесс, закончившийся смертными приговорами. Теперь, когда с политическими оппонентами было покончено, настал черед тех, кто «ломал» и «выбивал» признательные показания и заставлял публично каяться прошлых кумиров «партийной массы» в самых чудовищных преступлениях.

ниях. Главные исполнители режиссуры Вождя — Ягода и его ближайшее окружение, — сделав свое «дело», стали лишними и опасными свидетелями.

29 сентября 1936 года Ягоду освободили от должности наркома НКВД СССР и, по сложившейся тогда практике, «подвесили» министром связи. Прошло еще пять месяцев и 18 марта 1937 года на собрании руководящего состава НКВД новый нарком Н. Ежов объявил о раскрытии очередного грандиозного заговора, и не где-нибудь, а в «боевом отряде партии» — органах НКВД. И возглавлял его не кто иной, как сам Ягода, оказавшийся агентом «царской охранки и давним шпионом германской разведки». Он же был «виновным» в организации убийства С. Кирова и отравлении пролетарского писателя М. Горького. На это сообщение присутствовавшие в зале ответили «вялыми аплодисментами», многие из них, и не без оснований, полагали, что вскоре сами окажутся в числе заговорщиков.

Спустя неделю, 23 марта 1937 года, Ягоду арестовали и предъявили обвинение «в организации шпионской, диверсионно-террористической деятельности правотроцкистского блока», а через год расстреляли. Вслед за ним Ежов принялся «зачищать» центральный аппарат, республиканские, краевые и областные управления НКВД. В результате «Большого террора» к концу 1938 года все 18 комиссаров государственной безопасности были либо расстреляны, либо посажены в тюрьмы, за исключением Слуцкого, скончавшегося при невыясненных обстоятельствах в кабинете заместителя наркома М. Фриновского. Из 122 высших офицеров центрального аппарата НКВД на своих местах остался только 21 человек.

Авторы историко-документального сборника «Лубянка» приводят следующие данные по «зачистке» в органах государственной безопасности: «За период с 1 октября 1936 года по 1 января 1939 года по Центру и периферии убыль руководящего и оперативного состава при общей численности в 24 500 составила 5898 человек. Из них: арестовано — 1373, уволено вовсе и в запас — 3048, переведено в другие организации — 1324

(значительная часть из них, по сложившейся тогда практике, в дальнейшем была арестована — *прим. авт.*), умерло — 153. Количество арестованных по руководящим должностям соответственно составило: нач. УНКВД, наркомы, их замы и помы — 59; нач. отделов УГБ, их замы и помы — 98; нач. ОКРО, ГО РО, их замы и помы — 23; нач. райгортделений — 194; нач. отделений, их замы и помы — 157; нач. оперпунктов 6-го отдела — 29».

Последний и один из самых страшных «укосов» по числу жертв и своим последствиям имел место незадолго до войны. «Верный сталинский нарком» Ежов и его подручные в июле 1938 года раскрыли еще один «заговор» — в Красной армии. Известные герои Гражданской войны и видные военначальники: М. Тухачевский, В. Блюхер, А. Егоров, И. Уборевич, И. Якир и другие, как выяснилось, «вступив в сговор с Троцким и нацистской Германией, готовили военно-фашистский переворот». Вслед за ними были уничтожены 75 из 80 членов Реввоенсовета и несколько десятков тысяч командиров рангом ниже.

Накануне войны Красная армия оказалась обезглавленной. По данным авторов сборника «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне», составленного на основе архивных документов НКВД — ФСК РФ, она понесла такие потери, от которых любая другая страна вряд ли бы оправилась. В частности, в ноябре 1938 года на Военном совете при наркоме обороны до нового руководящего состава Красной армии было доведено, что «из Красной армии «вычистили» 40 тысяч человек, то есть было уволено, а также репрессировано около 45 % командного состава и политработников РКК».

Одновременно с разоблачением главных заговорщиков в Москве и Ленинграде в республиках, краях и областях, подобно тифозным вшам на теле тяжелобольного, десятками множилось свои «параллельные» и «резервные» «левые» и «правые заговоры». Ретивые первые секретари и начальники управлений НКВД, демонстрируя свою преданность Вождю,

стремились перешеголять друг друга в достижении чудовищных показателей по количеству уничтоженных и осужденных «врагов народа».

Деятельность и судьба одного из наиболее одиозных исполнителей сталинской теории перманентных заговоров — комиссара государственной безопасности 3 ранга, кавалера ордена Ленина, «Почетного работника ВЧК — ГПУ» Г. Люшкова может служить наглядным примером той безжалостной борьбы за власть и того самопожирания, что имели место в те годы в партии и органах государственной безопасности. Его путь в революцию и послужной список типичен для того времени. Родился Люшков в 1900 году в Одессе, в семье портного. В пятнадцать лет закончил шесть классов казенного училища и, возможно, так же, как и отец, всю жизнь шил бы толстовки и косоворотки на чужое плечо, если бы не грянувшая революция. С первого дня юный Генрих безоглядно окунулся в ее кипящий омут и вскоре вступил в Красную гвардию. Во время оккупации Одессы белогвардейскими войсками ушел в подполье, был арестован, но бежал из-под стражи и пробился к частям Красной армии в городе Николаеве. Службу начал рядовым, но природный ум, хватка и ораторские способности не остались незамеченными командирами и в феврале 1919 года его назначили на должность политработника 1-го Николаевского советского полка. Спустя десять месяцев, в декабре 1919 года, Люшков уже возглавил политотдел 2-й бригады 57-й стрелковой дивизии, и здесь на него обратили внимание особисты. В его судьбе происходит резкий поворот: в июне 1920 года он переходит на службу в Особый отдел ВЧК по 57-й дивизии. С этого момента вся дальнейшая жизнь Люшкова будет связана с органами государственной безопасности.

К 1924 году он сменил одиннадцать рядовых должностей и помотался по многим уездным городкам юго-западной Украины, пока судьба не свела с М. Леплевским. Сын офицанта из харьковского ресторана, он, как и Люшков, поднялся на гребне революционной войны. Но его карьера складывалась более удачно, к моменту их встречи Леплевский уже занимал

высокую должность в ГПУ Украины и был награжден орденом Красного Знамени. Они быстро сработались. В должности начальника Проскурковского окружного отделения ГПУ, замыкавшегося на Подольский губернский отдел, которым руководил Леплевский, Люшков проявил себя как способный агентурист и умелый разработчик. Из его отделения (с 1 августа 1925 года — отдела) валом валили перспективные дела. Он знал, как «развернуть показания» арестованных, чтобы «дело получило резонанс». Здесь что Люшков, что Леплевский могли дать фору многим.

В Харькове, до 1939 года столице советской Украины, в центральном аппарате заметили перспективных работников, и в октябре 1925 года Леплевского первым выдвинули на более ответственный участок, назначив начальником губернского ГПУ в Одессу. Он в свою очередь не забыл «способного агентуриста-разработчика» Люшкова и рекомендовал в центральный аппарат: «свои люди» наверху всегда нужны. На должности начальника информационно-осведомительского отдела (ИНФО) ГПУ Украины Люшков «просидел» целых пять лет. Несмотря на то что ему удалось раскрыть «террористическую группу», готовившую покушение на председателя ВУЦИК Г. Петровского, эти заслуги так и не были оценены. В круг соратников Председателя ГПУ он не входил, но все изменилось с приходом в Харьков на должность начальника Секретно-оперативного управления ГПУ Украины старого покровителя — Леплевского.

Вскоре, 3 мая 1930 года, Люшков был назначен начальником СО СОУ ГПУ УССР и наконец попадал в номенклатурную обойму. Под руководством Леплевского он принимал самое активное участие в оперативной разработке подпольных «контрреволюционных, повстанческих организаций»: «Украинского национального центра», «Военно-офицерской организации» и других. Эта их работа не осталась незамеченной. Новый председатель ГПУ УССР В. Балицкий так оценил вклад в нее Люшкова: «Личные выезды т. Люшкова в районы, руководство агентурой, результативные допросы ряда крупных

фигурантов во многом способствовали раскрытию и ликвидации упомянутых организаций».

Не обошли стороной и покровителя Люшкова, Леплевского. В его адрес Балицкий не жалел громких слов и подчеркивал, что «благодаря исключительной энергии, четкости и оперативному руководству и непосредственному участию в практической работе со стороны т. Леплевского были ликвидированы крупные контрреволюционные организации».

Однако через шесть лет и Леплевский с Балицким, стравленные Сталиным и Ежовым, грызли друг друга, как пауки в банке, а спецгруппы НКВД сновали по всей стране, разыскивая их выдвиненцев. Но тогда, в начале 1930-х годов, Украина и они «гремели» своими результатами в борьбе с контрреволюцией и этот гром слышали в Кремле.

Первым взяли в Москву Леплевского. Вслед за ним 17 августа 1931 года в центральный аппарат ОГПУ СССР отправился Люшков и там за короткий срок вырос до заместителя начальника одного из ведущих отделов — Секретно-политического (СПО) ГУТБ НКВД СССР, занимавшегося оперативной разработкой политической и внутрипартийной оппозиции. Здесь за пять лет совместной работы у него сложились близкие отношения с начальником отдела Г. Молчановым, игравшим одну из ключевых ролей в планах Сталина по ликвидации партийной оппозиции. Впоследствии эта близость с Молчановым и Леплевским сыграла роковую роль в судьбе Люшкова, а пока он шел в гору. 29 ноября 1935 года ему было присвоено генеральское звание — комиссар госбезопасности 3 ранга, а затем, 29 августа 1936 года, его назначили начальником на важнейший участок — УНКВД громадного Азово-Черноморского края, площадь которого занимала территории нынешней Ростовской области и Краснодарского края. Направляя Люшкова в Ростов, глава НКВД СССР Ягода преследовал вполне конкретную цель — ослабить позиции своего возможного соперника, полпреда ОГПУ на Северном Кавказе Евдокимова. Но уже в сентябре Ягода был снят с должности и его место занял очередной выдвиненец Сталина — Ежов. Он поставил перед

Люшковым новую задачу: убрать авторитетного секретаря крайкома Б. Шеболдаева и «зачистить» местные партийные организации, сильно «засоренные троцкистским и оппортунистическим элементом».

Люшков сразу понял, куда подул ветер, и с учетом прошлого опыта принялся плести вокруг Шеболдаева плотную оперативно-осведомительскую сеть. Но тот оказался тертым калачом, по-крупному нигде не подставился. Тогда Люшков зашел к нему с другой стороны: начал разработку его ближайшего окружения — Белобородова и Глебова. Осведомители ловили каждое неосторожно оброненное ими слово в адрес Сталина и критические высказывания в адрес «генеральной линии». Сын портного знал, как «шить» политические дела, и к ноябрю 1936 года, помимо троцкистов и зиновьевцев Белобородова и Глебова, в тюрьме УНКВД оказалось свыше двухсот человек. Результаты проделанной Люшковым «работы» оценили не только в наркомате НКВД, но и выше. 2 января 1937 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло специальное постановление «Об ошибках секретаря Азово-Черноморского края т. Шеболдаева и неудовлетворительном политическом руководстве крайкома ВКП(б)». После такого разгромного постановления судьбы Белобородова, Глебова и остальных «коммунистов-перерожденцев» были решены. Не избежал их участи и сам Шеболдаев. Сработала известная схема: сначала его «задвинули» в курский обком, потом сняли с должности, исключили из партии и репрессировали.

Казалось бы, Люшков снова «на коне», но тут на место Шеболдаева был назначен Евдокимов, а через несколько месяцев, на февральском пленуме ЦК ВКП(б), Ежов обвинил бывшего его покровителя Ягodu в том, что тот позволил «предателям» и «вредителям» проникнуть в центральный аппарат. Люшков оказался в подвешенном состоянии и, страхуя себя от обвинений в связях с «врагами народа», сделал ловкий ход: одним из первых выступил застрельщиком в избличении перерожденцев-предателей в рядах сотрудников органов государственной безопасности и «развернул» дела на своих

подчиненных, начальника Таганрогского горотдела УНКВД Е. Баланюка и Новочеркасского райотдела УНКВД Д. Шаповалова. Это его «начинание» подхватили ретивые начальники из других управлений и завалили Центр докладами о разоблаченных «предателях». Кровавое колесо репрессий в органах безопасности сделало свой очередной поворот.

Наряду с политической задачей — «зачисткой» парторганизации края — перед Люшковым стояла и другая, не менее важная задача, связанная с оперативным обеспечением безопасности Сталина во время его пребывания на спецобъектах — черноморских госдачах. Один из таких спецобъектов строился в Сочи — «Сосновая роща».

Перед его сдачей Люшков оттуда не вылезал, вместе с архитектором М. Мержановым подчищали последние «хвосты». Приехав на объект, Хозяин остался доволен, и награда не заставила себя ждать. 3 июля 1937 года Люшков был награжден орденом Ленина и, казалось бы, трамплин в Москву готов, но неудача свалилась оттуда, откуда ее не ждали.

Его давние покровители, Леплевский и Балицкий, не могли поделить власть в Киеве. Последнего в мае сняли с должности наркома и направили с понижением начальником УНКВД по Дальневосточному краю.

Новый нарком НКВД Украины Леплевский, долгое время проработавший «правой рукой», заместителем Балицкого, припомнил тому прошлые обиды и вскоре вскрыл «заговор» среди украинских чекистов. К августу 1937 года были сняты с должностей и затем арестованы все заместители Балицкого, большинство начальников отделов центрального аппарата и областных управлений. В своей мести Леплевский зашел так далеко, что бывших выдвиженцев Балицкого оперативные группы разыскивали и арестовывали по всей стране. В далеком Ташкенте отыскивали начальника второстепенного 3-го отдела П. Рахлиса. Вскоре был арестован и сам Балицкий.

Люшкову, на первый взгляд, можно было не опасаться, что волна репрессий накроет его: давний покровитель Леплевский круто шел в гору. Но он не был всемогущ, чтобы «замять» воз-

возможные показания Балицкого и других арестованных коллег Люшкова по прошлой работе в ГПУ Украины. К его радости, они против него ничего не дали, но все-таки он не мог чувствовать себя спокойно. Новый назначенец, начальник ГУГБ НКВД СССР М. Фриновский, близко связанный с Евдокимовым и много лет проработавший в органах на Северном Кавказе, резко негативно воспринял деятельность Люшкова по разоблачению «чекистов-перерожденцев» в УНКВД по Азово-Черноморскому краю и начал под него «копать».

Вывел Люшкова из-под удара Фриновского сам Ежов, с которым он познакомился в Ленинграде во время работы по делу об убийстве Кирова. Тогда, по поручению Сталина, по линии партии Ежов курировал ход расследования, а Люшков с позиций органов вел оперативную разработку. Не желая столкновений Фриновского и Люшкова, нарком «развел» их подальше.

31 июля 1937 года Люшков получил назначение на должность начальника УНКВД Дальневосточного края. Приступив к работе, он всячески старался отвести от себя нависшую опасность и с учетом «ростовского опыта» рьяно взялся за «выкорчевывание» в партийных организациях края и органах «троцкистов», «зиновьевцев» и «предателей». Первый, в ком Люшков распознал «замаскировавшегося врага», был не кто иной, как его предшественник, комиссар госбезопасности I ранга Т. Дерибас. Тот с его подачи оказался одним из «главных организаторов» в крае «правотроцкистского Дальневосточного центра». «Выбить» из Дерибаса нужные показания для «команды костоломов Люшкова» не составило большого труда. После этого оставалось только заполнить схему заговора исполнителями. Их долго искать не пришлось, все они были под рукой — заместители Дерибаса В. Западный и И. Барминский, последнего попутно сделали «японским шпионом». «Заговорщики», естественно, действовали не в одиночку и «втянули в свою преступную деятельность перерожденцев-предателей», начальников областных управлений: Л. Липовского, С. Сидорова, А. Льва, А. Лавтакова и других.

Очистка органов и партийного аппарата Дальневосточного края от «врагов народа» и «изменников» под руководством Люшкова шла такими темпами, что лимиты на приговоры «троек» по «первой категории» — расстрел (2000 человек) и «второй категории» — осуждение к длительным срокам (4000 человек) были исчерпаны к октябрю 1937 года. В наркомате пошли навстречу его настойчивым просьбам и пересмотрели их в сторону увеличения.

От такой работы Люшкова был в восторге первый секретарь Дальневосточного крайкома ВКП(б) И. Варейкис. В частности, в письме Сталину от 8 сентября 1937 года он писал: «После приезда в край нового начальника НКВД Люшкова было вскрыто и установлено, что также активную роль в правотроцкистском Дальневосточном центре занимал бывший начальник НКВД Дерibas». Затем он перечислил остальных участников «центра» и заверил, что «партийные организации и дальше будут беспощадно бороться с «перерожденцами». Варейкис, когда писал эти строчки, вряд ли мог подумать, что благодаря «новому активному начальнику НКВД» уже в октябре он будет снят с должности и затем станет участником того самого «правотроцкистского Дальневосточного центра».

К концу 1937 года в результате «активной деятельности» Люшкова в Дальневосточном крае было репрессировано несколько десятков тысяч человек. В январе 1938 года при подведении итогов работы наркомата НКВД Ежов в своем выступлении поставил другим в пример УНКВД по Дальневосточному краю и его начальника Люшкова. У того оказались самые высокие показатели по стране — 70 000 репрессированных.

После таких лестных оценок перед Люшковым снова открывалась перспектива оказаться на высокой должности в Москве. Но к тому времени Сталин уже раскладывал новый «пасьянс». 14 января 1938 года на пленуме ЦК ВКП(б) с докладом выступил член Политбюро Г. Маленков и подверг резкой критике «перегибы» и «перекосы» в работе партийных организаций, связанные с «необоснованными исключениями коммунистов». По итогам заседания было принято поста-

новление «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии».

Видимо, Сталин посчитал, что пришло время осадить своего «цепного пса» Ежова, а стране и народу в очередной раз явить «врагов» — виновников чудовищных злодеяний и преступлений. Одним из первых «козлов отпущения» стал нарком НКВД УССР Леплевский, наиболее рьяный исполнитель предыдущих разоблачений — «военно-фашистского заговора в Красной армии» и в партийных организациях Украины. В январе его отозвали в Москву, сняли с должности и назначили начальником 6-го отдела ГУТБ НКВД СССР. За это время Фриновский со своей «командой», поработав как следует на Украине, набрали «схему заговора» и подобрали в нее исполнителей. А когда все было готово, настал черед Леплевского. 26 апреля его арестовали и предъявили стандартное обвинение — «участие в правотроцкистской антисоветской организации и проведение контрреволюционной предательской деятельности».

Узнав об аресте Леплевского, Люшков почувствовал, что запахло жареным. Эти опасения подтвердил предстоящий приезд в Хабаровск ставленника Фриновского и Евдокимова, начальника УНКВД по Западно-Сибирской области майора госбезопасности Г. Горбача. О цели своего приезда тот ничего не сообщил, но Люшков догадался, что настал его черед и решил бежать. В ночь с 12 на 13 июля 1938 года, под предлогом встречи с закордонным агентом, он в полосе 59-го Посьетского погранотряда перешел государственную границу и сдался японским властям.

В контрразведке высокопоставленного перебежчика полностью «выпотрошили» — вытащили информацию о зарубежной агентуре, руководящем и оперативном составе управления, а затем, используя знания о системе охраны и порядке передвижения Сталина, решили задействовать Люшкова в организации против Вождя террористического акта. Операция получила кодовое название «Охота на медведя». Покушение по предложению Люшкова намечалось осуществить на водо-

лечебнице, в Мацесте, во время приема процедуры. Люшкову, знавшему там каждый закуток, предстояло с группой боевиков из числа белогвардейцев со стороны моря проникнуть по сточным трубам в помещение, соседнее с ванной комнатой, и, уничтожив немногочисленную охрану, ликвидировать Сталина. Операция была согласована и затем утверждена на самом высоком уровне. Непосредственно ее подготовкой занимался военный разведчик Х. Угаки. Тренировку боевиков проводили на макете, который был точной копией водолечебницы и находился неподалеку от города Харбина. Готовилась операция в глубочайшей тайне, но не от советской разведки. Через своих агентов «Лео» и «Абэ» ей удалось обеспечить оперативный контроль за ходом операции.

В сентябре отряд террористов из двадцати человек был переброшен из Китая в Турцию. Там, в Трабзоне, дождавшись сигнала о том, что Сталин выехал из Москвы в Сочи, они приступили к операции. Первая группа из 12 человек «благополучно» высадилась на морской берег неподалеку от Батума и затаилась. Вслед за ней двинулись остальные боевики во главе с Люшковым, но далеко им пройти не дали. Оперативно-боевая группа НКВД блокировала их в ущелье. В ходе перестрелки раненому Люшкову все-таки удалось вырваться из засады и уйти за границу.

В целях исключения провала харбинской резидентуры и зашифровки ее агентов, одному из боевиков, Пашкевичу, советские контрразведчики подкинули информацию о «предательстве» другого участника группы — Осиповича и потом, как по нотам, разыграли его побег из Батумской тюрьмы. Это позволило отвести тень подозрений от «Лео».

Что касается Люшкова, то по возвращении в Маньчжурию он не успокоился и принялся за подготовку очередного покушения на Сталина. Об этом вскоре также стало известно советской разведке, и она начала охоту за ним, но безрезультатно. «Группа Яши» к тому времени перестала существовать, а попытки харбинской резидентуры самостоятельно ликвидировать предателя ни к чему не привели. Японцы надежно укрыли его,

видимо, в расчете на будущие операции. Еще в течение семи лет высокопоставленный перебежчик болезненной занозой сидел в сознании руководства НКВД, и лишь в сентябре 1945 года, когда советские войска, прорвав оборонительные порядки Квантунской армии в Маньчжурии, ворвались в Китай, по приказу полковника Такеоко, руководителя японской военной миссии, Люшков был убит вблизи города Дайрена.

Но тогда, в конце 1938 года, Люшков, видимо, в душе ликовал. Он избежал мучительных пыток и смерти, в то время как его покровители, Балицкий с Леплевским, и их общие враги, Фриновский с Евдокимовым, были уже мертвы. Не устоял и «железный нарком» Ежов: 25 ноября 1938 года он «сдал пост» Берии, а 10 апреля 1939 года был арестован и спустя девять месяцев расстрелян.

К тому времени все политическое поле Советского Союза было вытоптано. Вместе с бывшими соратниками: Зиновьевым, Рыковым, Пятаковым, Бухариным, Радеком, Томским и другими ушли в небытие и их палачи. Теперь на нем властвовал только он один — великий, непогрешимый и, казалось, вечный земной бог Иосиф Сталин.

Но его власть простиралась не дальше советских границ. Там, за ними, продолжал существовать и активно действовать реальный, а не мнимый противник. На улицах Варшавы, Праги, Берлина, Лондона и Парижа сотни тысяч русских эмигрантов, среди которых было немало «князей голубых кровей», являлись лучшим напоминанием респектабельным господам о том, что их ждет, если под стенами родовых замков и офисов чеканным шагом промаршируют колонны «революционных масс». Кроме того, жуткие воспоминания о неудавшихся социалистических революциях 1918 года в Венгрии, 1923 года в Германии и Болгарии, 1924 года в Эстонии, зловещий «призрак» которых пытались пробудить советские вожди, опутывая Европу невидимой сетью Коминтерна и разведывательных резидентур, вынуждали их «копать подкоп под ненавистную советскую власть».

До конца 1920-х годов у Запада еще существовали некоторые надежды на смену власти в России. Их питали наличие

многочисленной и довольно сплоченной силы в лице различных антисоветских организаций и центров, действовавших в большинстве стран Европы, а также начавшиеся в СССР процессы над политическими противниками Сталина, которые создавали иллюзию слабости его власти. Поэтому, опираясь на более чем трехмиллионную армию русских эмигрантов, иностранные спецслужбы пытались расшатать советскую власть изнутри.

В этих условиях Сталин вынужден был сохранять «меч Лубянки» — ИНО, чтобы использовать его для борьбы и уничтожения внешних врагов.

Три «сталинских удара»

Троцкий должен быть устранен в течение года, прежде чем разразится неминуемая война.

И. Сталин

Приход Гитлера к власти в Германии привел к активизации всех антисоветских и антисталинских сил за рубежом. Начавшееся бурное вооружение вермахта у дальновидных политиков не вызывало сомнений в том, что рано или поздно этот военный каток покатится за границы рейха. В руководстве белой эмиграции, среди украинских националистов, а также в Лондоне и Париже рассчитывали направить его на Восток и наконец раздавить ненавистную власть большевиков в России.

Первыми за реализацию этого замысла взялись, как всегда, спецслужбы, которые принялись вести «подкоп» под «железный занавес» на советских границах. Их основные усилия были направлены на получение данных об экономическом потенциале СССР, состоянии и боеспособности частей Красной армии, а также создание нелегальных сетей для осуществления диверсионной и повстанческой деятельности. В этом им приходилось опираться на помощь услужливых конфиденентов из числа белоэмигрантских и националистических организаций.

К тому времени, после проведенных советской разведкой и контрразведкой операций «Синдикат-2», «Трест», «Весна» и других, «на плаву» оставались лишь РОВС, возглавляемый генералом Е. Миллером, и быстро набиравшая силу «Украинская военная организация» (УВО), с 1929 года называвшаяся «Организацией украинских националистов» (ОУН). Возникла она в 1920 году и первоначально комплектовалась из числа офицерских кадров корпуса «сичевых стрельцов», сформированного в 1917 году из украинцев-галичан, а также

«Украинско-галицкой армии». До 1938 года во главе ее стоял бывший офицер австро-венгерской армии полковник Е. Коновалец. После его ликвидации П. Судоплатовым организацией недолго руководил бывший управляющий имениями митрополита А. Шептицкого полковник А. Мельник. В 1940 году в связи с расколом ОУН возник Революционный провод ОУН, который возглавил амбициозный С. Бандера, также тесно сотрудничавший с фашистской разведкой.

К концу 1940-х годов ОУН уже имела разветвленные организационные структуры как в странах Западной Европы: Германии, Польше, Чехословакии, Австрии, других, так и в Америке: США и Канаде. На их деятельность благосклонно взирала правительства этих стран, а разведки активно использовали в проведении шпионской и подрывной работы против Советского Союза. Но отсутствие единства среди ее лидеров, постаревшего Мельника и молодого Бандеры, и их непомерные амбиции мешали проведению согласованных диверсионных, террористических и повстанческих акций на Украине. Все изменилось, когда на ОУН обратили внимание гитлеровские спецслужбы. В будущих захватнических планах Гитлера Украине отводилась ключевая роль: она должна была подставить подножку «колоссу на глиняных ногах» — СССР. Об этом еще в 1888 году говорил посол Германии в Российской империи, будущий ее «железный» канцлер Бисмарк: «Отрыв Украины был бы тяжелейшей ампутацией для России».

Но в те годы ни Германской, ни Австро-Венгерской империям это было не под силу, и тогда за дело взялся Ватикан. Папа Лев XIII первым оценил духовный потенциал правобережной Украины как плацдарм для последующего завоевания громадных пространств на востоке. Выбор «святых отцов» пал на неординарную и, несомненно, талантливую личность, польского графа и блестящего офицера Романа (Андрея) Шептицкого. И они не ошиблись в своем выборе: будущий митрополит в своей ненависти к России царской, а затем и советской остался верен до конца и ради отторжения Украины готов был служить хоть самому дьяволу.

Приняв монашеский сан, энергичный и деятельный «слуга Ватикана» начал усердно распаивать «духовное поле» Западной Украины для последующего наступления на восток. После октября 1917 года, с приходом к власти ненавистных ему большевиков, Шептицкий продолжил дело с утроенной энергией и в этом опирался на поддержку правительства Польши и ее духовенства. Но после нормализации отношений между Москвой и Варшавой его взор обратился к Берлину. А так как «святому отцу» не пристало афишировать свои связи с теми, кто знается с дьяволом, он поручил заниматься этим единомышленникам — лидерам ОУН. О наличии таких контактов с гитлеровской разведкой свидетельствует письмо Коновальца, направленное Шептицкому после встречи с главой немецкой разведывательной службы полковником В. Николаи, которая состоялась вскоре после прихода Гитлера к власти. Коновалец, в частности, писал: «Преыдущие встречи с второстепенными представителями немецкой разведывательной службы настолько заинтересовали ее ответственных руководителей, что на очередное свидание прибыл собственной персоной полковник Вальтер Николаи. Шеф немецкой разведки интересовался всем: историей создания УВО, ее составом, направлением и масштабами ее деятельности, но больше всего — реальными возможностями УВО на Советской Украине. Он еще и еще раз возвращался к разговору о связи с засланными туда резидентами и о трудностях агентурной работы на советской территории».

Вдохновленный этой встречей, Коновалец развил бурную деятельность. Опираясь на финансовую поддержку германских спецслужб, поступающую к УВО — ОУН через фирмы, возглавляемые их сторонниками в Польше, Германии, Австрии, Канаде и США, лидеры ОУН увеличили заброску своей агентуры на территорию Украины с целью расширения подполья и активизации диверсионно-повстанческой деятельности.

В октябре 1933 года оуновцами был подготовлен террористический акт против представителей советского консульства во Львове. Но довести задуманное до конца террористам не

удалось: боевик Лемек не знал в лицо консула и жертвой его выстрелов стал секретарь консульства А. Майлов.

Нормализация отношений советской России с Югославией и Францией также не входила в планы главарей ОУН и их новых хозяев из германской разведки. Всячески препятствуя этому, они вместе с хорватскими националистами совершили убийство югославского короля Александра и министра иностранных дел Франции Л. Барту.

Другой жертвой их террористической акции, которой руководил сам Бандера, стал министр внутренних дел Польши Б. Перацкий. Этим актом оуновцы мстили ему за свое преследование и пытались вбить клин между Германией и Польшей, заключившими между собой мирный договор.

Еще более масштабная по своим политическим последствиям террористическая акция замышлялась ими против министра иностранных дел М. Литвинова во время его визита в США в ноябре 1933 года. Ее целью был срыв дипломатических отношений между СССР и США. Руку террористов направляли гитлеровские спецслужбы. Союз двух крупнейших в экономическом и политическом плане держав представлял угрозу будущим завоевательным планам, вызревавшим в голове Гитлера, и в Берлине всячески старались помешать этому. Здесь весьма кстати пришлось украинские националисты.

Проведение операции было возложено лично на Коновальца и его ближайших единомышленников. Ее план был разработан и принят на совещании Центрального провода (руководства) ОУН, в котором, помимо Коновальца, участвовали Богуш, Андриевский и Сциборский. Встреча проходила на квартире Андриевского в Брюсселе и, похоже, успех предстоящей террористической акции против Литвинова ни у кого не вызывал сомнений. Во время ее обсуждения они больше внимания уделили не самой подготовке, а последствиям теракта и ломали голову, каким образом и какими способами распропагандировать его среди населения Украины. Осуществление теракта было поручено уже проверенной на акциях пятерке террористов, которую возглавил хорошо известный

Коновальцу боевик Л. Мишуга. В течение нескольких недель шла их интенсивная тренировка. В это же время в одной из типографий города Каунаса оуновцы поторопились тайно изготовить листовки, в которых сообщалось об успехах «в борьбе с «москалями» и убийстве советского наркома». И когда наконец все финансовые, технические и организационные вопросы были решены, в октябре 1933 года «группу Мишуги» перебросили в США, где она затаилась в ожидании приезда советского министра иностранных дел.

Фанатизм участников группы, наличие у них опыта проведения боевых операций, а также мощные и влиятельные связи ОУН среди украинской диаспоры в США могли привести к осуществлению «плана Конавальца», если бы не разведчик ИНО И. Каминский. Добытая им упреждающая информация о готовящемся покушении была немедленно доложена в ОГПУ, а затем Сталину.

Политическое руководство СССР и лично М. Литвинов стояли перед непростым выбором: официально повлиять на деятельность ОУН, а тем более ее нелегальных боевых структур в США, оно не могло. Упреждающий удар по «группе Мишуги» в США мог только подлить масла в огонь противников сближения с СССР, которых в Вашингтоне, да и в самой администрации президента было предостаточно. В этой ситуации Литвинову, видимо, приходилось рассчитывать на удачу и президента Ф. Рузвельта, стремившегося к сближению с Советским Союзом. Но положение осложнялось тем, что в тот период наша страна не имела в США посольства, а значит и официальных каналов выхода советского руководства на президента. Здесь снова ключевую роль сыграла разведка. Накануне визита Литвинова по надежному разведывательному каналу в Амторге, совместной советско-американской торговой организации, до Рузвельта была доведена информация о готовящемся теракте. Получив ее, он поступил решительно и тонко.

7 ноября 1933 года, когда океанский лайнер «Беренгария» с Литвиновым на борту бросил якорь на входе в Нью-Йоркскую бухту, Мишуга и другие участники террористической группы

уже сидели в камерах. Предлог для того, чтобы на время задерживать их, нашелся вполне безобидный, они даже не заподозрили, что на них ведется охота двух спецслужб. Дополнительно, в целях безопасности советского наркома, по указанию президента было выделено десять телохранителей, которые не оставляли его ни на минуту, ни на шаг. Кроме того, все перемещения Литвинова осуществлялись только на бронированном автомобиле и на большой скорости, применялись и другие хитрости, хорошо известные сотрудникам личной охраны.

Не бездействовала и советская разведка. Она не только навела американских коллег на след «группы Мищуги», но и продолжала осуществлять активную агентурную работу среди оуновцев в США и Канаде в целях выявления возможной резервной группы террористов или фанатика-одиночки. Во многом благодаря слаженной работе советских и американских спецслужб, миссия Литвинова завершилась успешно. 18 ноября 1933 года между США и СССР были установлены дипломатические отношения.

Через семь лет именно отношения СССР и США, переросшие в союз против одного общего врага, фашизма, предопределили его поражение. В той встрече был и еще один, не афишировавшийся итог: тогда, в теперь уже далеком от нас 1933 году, американские и советские спецслужбы впервые продемонстрировали, что могут решать самые ответственные задачи, если на то есть политическая воля руководителей стран.

После провала акции по устранению Литвинова можно было ожидать, что озлобленный Коновалец и его единомышленники могут пойти на осуществление еще более дерзких акций. Чтобы предупредить их, политическое руководство СССР приняло радикальное решение — обезглавить ОУН. П. Судоплатов в своей книге «Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы» так вспоминал об этом: «В ноябре 1937 года, после празднования двадцатилетия Октябрьской революции, я был вызван вместе со Слуцким (руководитель ИНО — *прим. авт.*) к Ежову, тогдашнему наркому внутренних дел. Выслушав мое сообщение относительно предстоящих встреч с украински-

ми националистами, Ежов внезапно предложил, чтобы я сопровождал его в ЦК. Я был просто поражен, когда наша машина въехала в Кремль, допуск в который имел весьма ограниченный круг лиц. Мое удивление еще больше возросло после того, как Ежов объявил, что нас примет лично товарищ Сталин».

Это была первая встреча Павла Анатольевича с Вождем, которая, естественно, произвела на него глубокое впечатление. В ходе нее тот подробно расспрашивал о положении в украинском эмигрантском движении, интересовался его оценками лидеров и существующими между ними противоречиями. П. Судоплатов, уже в течение почти двух лет выполнявший разведывательные задания в отношении ОУН и лично хорошо знавший Коновальца, четко доложил и в заключение сделал вывод, что главную угрозу, по его мнению, представляет Коновалец, «поскольку он активно готовился к участию в войне против нас вместе с немцами.

— Ваши предложения? — короткий вопрос Сталина как бы повис в воздухе.

Ежов хранил молчание. Я тоже. Потом, собравшись с духом, я сказал, что сейчас не готов ответить.

— Тогда через неделю представьте свои предложения, — заметил Сталин».

Неделя прошла. За это время П. Судоплатов успел съездить в Киев и там встретиться с председателем ВУЦИК Г. Петровским и руководством наркомата НКВД, чтобы выслушать их мнения и предложения по нейтрализации подрывной деятельности ОУН и ее главаря Коновальца. В архивах и новых оперативных разработках, которые велись контрразведчиками Украины на нелегальные «боевки оуновцев», имелось предостаточно материалов о шпионской, диверсионной и террористической деятельности националистов. Страницы дел буквально сочились кровью тысяч убитых ими сотрудников НКВД, партийных работников и простых граждан, не желавших делить себя по национальному признаку. Самого Коновальца на Украине ждал смертный приговор, вынесенный ему заочно Верховным судом республики еще в 1921 году.

По возвращении в Москву Павел Анатольевич вспоминает следующее.

«Ежов в одиннадцать часов вечера вновь привел меня в кабинет к Сталину. На этот раз там находился Петровский, что меня не удивило. Всего за пять минут я изложил план оперативных мероприятий против ОУН, подчеркнув, что главная цель — проникновение в Абвер (гитлеровская военная разведка и контрразведка) через украинские каналы, поскольку Абвер является нашим главным противником в предстоящей войне. Сталин попросил Петровского высказаться. Тот торжественно объявил, что на Украине Коновалец заочно приговорен к смертной казни за тяжчайшие преступления против украинского пролетариата: он отдал приказ и лично руководил казнью революционных рабочих киевского «Арсенала» в январе 1918 года.

Сталин, перебив его, сказал:

— Это не акт мести, хотя Коновалец и является агентом германского фашизма. Наша цель — обезглавить движение украинского фашизма и заставить этих бандитов уничтожить друг друга в борьбе за власть.

Тут же он обратился ко мне с вопросом:

— А какие вкусы, слабости и привязанности у Коновальца? Постарайтесь их использовать.

— Коновалец очень любит шоколадные конфеты, — ответил я и добавил, что куда бы мы с ним не ездили, он везде первым делом покупал шикарную коробку конфет.

— Обдумайте это, — предложил Сталин.

За все время беседы Ежов не проронил ни слова. Прощаясь, Сталин спросил меня, правильно ли я понимаю политическое значение поручаемого мне боевого задания.

— Да, — ответил я и заверил его, что отдам жизнь, если потребуется, для выполнения задания партии.

— Желаю успеха, — сказал Сталин, пожимая мне руку».

Сразу же после встречи руководители Павла Анатольевича, Слуцкий и его заместитель Шпигельгаз, приступили к разработке операции. Исходя из того положения, которое Судопла-

тов к тому времени занимал в иерархии ОУН, и его близости к Коновальцу, выполнение задания Сталина представлялось вполне реальным. Два года назад внедренный в ОУН, Павел Анатольевич со временем сумел стать доверенным лицом Коновальца на Украине и контролировал ряд ее нелегальных сетей. Этой операции предшествовала рискованная, многоходовая оперативная комбинация.

В 1920 году «правая рука» Коновальца Лебедь, с которым он сошелся еще в 1915 году в лагере для военнопленных австро-венгерской армии под Царицыным, после очередного рейда банды националистов на Украину был захвачен чекистами. Представленный перед выбором — жизнь или смерть, Лебедь пошел на сотрудничество. Со временем он стал ценнейшим советским агентом в ОУН, а Коновалец до самой своей смерти доверял ему и держал в качестве главного «проводника» нелегальной сети на Украине. С учетом этих их отношений руководители ИНО и построили свою оперативную комбинацию. Внедрение П. Судоплатова в ближайшее окружение Коновальца было осуществлено через Лебеда. Главарь ОУН, без тени сомнения, принял «племянника» своего старого «друга» и вскоре проникся к нему еще большим доверием, когда тот на его стороне принял активное участие в борьбе с поднимавшими голову молодыми и резвыми «бандеровцами».

Благодаря работе Лебеда, Судоплатова и Каминского, руководство ИНО было в курсе многих планов ОУН. Кроме того, Лебеда и Судоплатова удалось на время сдерживать террористическую активность ОУН, убедив Коновальца в несвоевременности повстанческой деятельности на Украине. Но приближающаяся в Европе большая война подогрела воинственные настроения оуновцев и они жаждали крови. Поэтому успешное выполнение задания Судоплатовым — ликвидация Коновальца, — как полагали в руководстве наркомата, должно было сбить их активность.

При разработке замысла операции Слуцкий, Шпигельглаз и Судоплатов склонялись к двум вариантам. В первом, при благоприятно складывающейся обстановке, Павел Анато-

льевич должен был застрелить Коновальца из пистолета. Во втором — ликвидировать с помощью взрывного устройства, вмонтированного в «ценный подарок». Взвесив все «за» и «против», они остановились на втором варианте. Он позволял существенно снизить риск захвата Судоплатова охраной Коновальца. Кроме того, взрыв уничтожил все следы и бросал тень на любую из конкурирующих за власть в ОУН группировок.

После одобрения плана у руководства наркомата операция перешла в практическую стадию. И здесь возникли вопросы чисто технического характера. Если «ценный подарок Коновальцу» не вызывал споров — здесь учитывалась его «шоколадная» страсть», — то изготовление начинки потребовало от специалистов отдела оперативно-технических средств недюжинной смекалки. Во-первых, «подарок» предстояло незаметно провести через границу и не попасться на таможне, а во-вторых, требовалось, чтобы взрывное устройство сработало в точно установленное время и не превратило самого П. Судоплатова в жертву. Решение в техническом плане было найдено незамысловатое, но с точки зрения исполнителя весьма рискованное: «шоколадная начинка» должна была сработать через полчаса после изменения положения коробки из вертикального на горизонтальное. В связи с этим руководство наркомата приняло решение: вместе с П. Судоплатовым командировать и самого спеца-изготовителя, сотрудника отдела оперативно-технических средств А. Тимашкова.

Перед отправкой на операцию Павла Анатольевича снова наставлял сам Ежов, а затем несколько часов инструктировал Шпигельглаз. Наконец, когда все приготовления остались позади и взрывное устройство было готово, в феврале 1938 года он и Тимашков отправились в Мурманск. Там под парами стоял грузовой корабль «Шилка». В составе его команды в должности радиста П. Судоплатову предстояло отправиться в свое, возможно, последнее «плавание». В случае неудачи с покушением на Коновальца и возникновении угрозы захвата у него был один приказ — он должен был застрелиться.

Хмурым зимним утром «Шилка» покинула мурманский порт и взяла курс на Норвегию. Теперь Павлу Анатольевичу оставалось надеяться на самого себя, профессиональное мастерство Тимашкова и удачу. Первым норвежским портом, куда зашло судно, оказался Берген. Оттуда он связался по телефону с Коновальцем и после нескольких минут напряженного разговора сумел убедить в нецелесообразности выхода на контакт в Киле (Германия) или Италии, где тот мог оказаться под надежной «крышей» германской разведки, и склонил к встрече в порту Роттердама. К тому времени фашисты еще не чувствовали себя в Голландии как у себя дома.

Потянулись дни томительного ожидания. «Шилка» неспешно утюжила носом свинцовую северную волну и держала курс на Голландию. Наступило 23 мая 1938 года и на горизонте в утренней дымке лесом портовых кранов возник Роттердам. Экипаж высыпал на палубу и стал готовиться к швартовке. Прошло еще несколько минут, гребные винты вспенили воду за кормой, в воздух взлетели швартовые, и судно, ответив мелкой дрожью на работу двигателя, замерло у причала. На борт поднялись представители портовых служб. После окончания проверки и беседы у помполита счастливчики сошли на берег и отправились в увольнение в город. Среди них оказался и судовой радист.

После короткого дождя яркое весеннее солнце щедро заливало теплом и светом улицы и площади Роттердама, веселыми зайчиками поигрывало в лужах и витринах магазинов. Павел Анатольевич, опасаясь оступиться, осторожно ставил ногу на скользкую мостовую и крепко придерживал рукой коробку «конфет», лежавшую во внутреннем кармане пиджака. Одно неловкое движение — и неизвестно, как поведет себя заложенная в нее Тимашковым «адская машинка».

Стрелки часов приближались к двенадцати, когда впереди на солнце блеснула вывеска ресторана «Атлант», но, прежде чем войти, Павел Анатольевич по профессиональной привычке осмотрел подходы. Ничего подозрительного его взгляд не заметил. На входе лениво позевывал швейцар, за окнами зала бестелесными тенями скользили официанты, а за столи-

ками оживленно переговаривались редкие парочки. В одном из окон он увидел Коновальца. Главарь ОУН, не ступавший и шага без своей «тени», Барановского, известного в узких кругах как «Пан инженер», на этот раз был один. Удача в тот день была на стороне П. Судоплатова. Он решительно пересек улицу и вошел в ресторан. Время обеда еще не наступило, и в зале было немногочленно. Коновалец издали увидел своего «посланца» с Украины, расплылся в широкой улыбке и был растроган, когда на стол легла коробка «шоколадных конфет киевской кондитерской фабрики». Часовой механизм взрывного устройства начал отсчет времени. Секунды складывались в минуты, и отпущенные Тимашковым и судьбой последние полчаса земной жизни Коновальца подходили к концу, а он продолжал с жадным интересом расспрашивать о ситуации на Украине и положении «боевки» ОУН.

До взрыва оставалось несколько минут, и только опасения Коновальца, что опоздание его курьера на корабль может вызвать ненужные подозрения у советской контрразведки, заставили прервать встречу и перенести ее на вечер, на 17 часов. Но этого вечера у него уже не было. Едва Павел Анатольевич вышел за дверь ресторана, как в зале прогремел взрыв. Задание Сталина было выполнено — один из самых непримиримых противников советской власти был уничтожен.

Голландской полиции и беспече ОУН так и не удалось выйти на «советский след». Подозрения пали на «своих», и среди верхушки украинских националистов начались разборки. Через год после гибели Коновальца Бандера добился смещения Мельника с поста руководителя ОУН, а затем между ними разгорелась война не на жизнь, а на смерть. К 1942 году боевиками бандеровцев были уничтожены ближайшие сподвижники Коновальца: Барановский, Сциборский, Грибовский, Сушко и другие. «Осколки» взрыва, прозвучавшего 23 мая 1938 года в ресторане «Атлант», спустя четыре года все еще продолжали уносить жизни соратников Коновальца.

В тот майский день Павел Анатольевич больше уже не вернулся на борт «Шилки». Пока голландская полиция допраши-

вала Барановского, на которого пали подозрения, Судоплатов по чешскому паспорту пересек границу и на такси добрался до Брюсселя, там сел на ближайший поезд, следовавший в Париж, и вечером был в столице Франции. В ней тоже не задержался и после встречи с сотрудником разведки И. Агаянцем, работавшим под «крышей» третьего секретаря посольства, отправился в пригород и в течение двух дней отсиживался на явочной квартире. За это время произошло его очередное перевоплощение, с документами гражданина Польши Павел Анатольевич выехал в Барселону. Там у него произошла знаковая встреча с двумя сотрудниками испанской резидентуры: лейтенантом Рамоном Меркадером дель Рио и майором Наумом (Леонидом) Эйтинггоном. Спустя несколько лет их судьбы переплелись самым удивительным образом.

Но тогда Судоплатов и Эйтингон вряд ли об этом думали. В разведке не приятно задавать лишних вопросов. Указание, поступившее в испанскую резидентуру из Центра и содержавшее требование о соблюдении строжайшей секретности при отправке в Москву прибывшего из Франции молодого разведчика, говорило о многом опытному Эйтингону. И он исполнил его со всей тщательностью. В июле 1938 года Павел Анатольевич благополучно добрался до Ленинграда, а через сутки в Москве, на железнодорожном вокзале, его встречали счастливая жена и не скрывавшие своей радости исполняющий обязанности начальника отдела В. Пассов и Шпигельглаз.

Времени на передышку они ему не дали. Уже на следующий день, ранним утром, Павла Анатольевича в своем кабинете принимал пока еще первый заместитель наркома, начальник ГУГБ НКВД СССР Берия. Как потом вспоминал Судоплатов, беседа с ним длилась около четырех часов. В ходе нее Берия вникал во все детали операции и показал себя «высококомпетентным в вопросах разведывательной работы и диверсии человеком».

Результатами операции остался доволен не только он, но и нарком. После той встречи Пассовым были подготовлены два представления: к назначению Павла Анатольевича на должность помощника начальника ИНО и к награждению орденом

Красного Знамени. Спустя полгода они едва не сыграли роковую роль в его судьбе, поскольку Пассов оказался очередным «врагом народа, пробравшимся в органы».

Наряду с операцией по уничтожению главы ОУН несколько ранее ИНО была проведена и другая крупномасштабная операция по нейтрализации разведывательно-диверсионной деятельности РОВС. После похищения его прежнего руководителя, генерала А. Кутепова, Союз в течение долгого времени не мог в прежних масштабах восстановить свою подрывную деятельность против СССР. Пришедший ему на смену генерал Е. Миллер не являлся столь харизматической личностью и не обладал его волевыми качествами. Но следовавшие в Советском Союзе один за другим политические процессы над реальными и мнимыми противниками Сталина породили у руководства РОВС иллюзию зыбкости советской власти и вызвали очередной всплеск антисоветской активности. Находившиеся в ближайшем окружении Миллера агенты ИНО — бывший царский генерал Н. Скоблин (оперативный псевдоним «Фермер») и С. Третьяков («Иванов»), предоставлявший ему свою квартиру для проживания, — сообщили об этом в Москву.

Для нейтрализации враждебной Советскому Союзу деятельности РОВС в НКВД было принято решение о проведении операции, имевшей своей целью похищение его главы. В последующем, в случае склонения Миллера к сотрудничеству, планировалось использовать его в мероприятиях по компрометации деятельности РОВС. Выполнение задачи Ежов возложил лично на начальника ИНО Слуцкого. В декабре 1936 года тот выехал в Париж, чтобы на месте оценить обстановку и спланировать операцию.

Обстановка вокруг РОВС на тот момент была непростой, и Слуцкому с подчиненными пришлось сильно поломать голову. Предыдущее похищение генерала Кутепова заставило белогвардейскую контрразведку быть начеку и наделало много шума на Западе. И хотя французской полиции в тот раз не удалось поймать Москву «за руку», тем не менее на этот счет у нее сохранились серьезные подозрения. Поэтому, чтобы избежать

нежелательных политических последствий, в качестве дымовой завесы в операции было решено использовать так называемый «немецкий фактор».

С 1935 года объединенные ненавистью к общему врагу — Советскому Союзу, гитлеровские спецслужбы и ряд деятелей РОВС активизировали свои контакты. Но это сближение с немцами не всем пришлось по нраву в ближайшем окружении Миллера и раздражало французскую контрразведку. Слуцкий решил сыграть на этом и поручил резиденту в Нидерландах В. Кривицкому подобрать двух надежных агентов, способных безукоризненно исполнить роль немецких офицеров. Их дальнейший вывод на Миллера планировалось осуществить через Скоблина, связи которого в штабе вермахта тому были хорошо известны.

К середине сентября все подготовительные мероприятия были завершены, последнее слово оставалось за Миллером. И здесь расчет Слуцкого полностью оправдался: генерал, в жилах которого текла немецкая кровь, живо откликнулся на предложение Скоблина провести конфиденциальную встречу с военным атташе Германии и сотрудником посольства в Париже. 22 сентября 1937 года лидер РОВС, не подозревая, что это его последний день на свободе, вышел из штаб-квартиры. Следившая за ним группа наружного наблюдения Шпигельглаза, к тому времени прибывшего в Париж для координации действий всех участников операции, не заметила охраны и признаков волнения в поведении генерала.

Казалось, все развивалось строго по плану, если бы не одна мелочь, которую вряд ли могли предусмотреть Шпигельглаз и главный исполнитель Скоблин. Миллер, наученный печальным опытом Кутепова, решил подстраховаться и написал записку своему секретарю, генералу П. Кусонскому. В ней он ставил в известность о том, что у него «на 12:30 назначена встреча с генералом Скоблиным, после которой предстояла беседа с двумя немцами из соседней страны и сотрудником посольства в Париже». В назначенное время Миллер поднялся в квартиру, но там его поджидали не немецкие офицеры, а группа захвата

НКВД. Связанного по рукам и ногам, усыпленного хлороформом генерала доставили на машине в порт Гавра и под видом груза переправили на борт советского судна.

С наступлением вечера в штаб-квартире РОВС почувствовали неладное. Кусонский вскрыл пакет и когда прочел записку Миллера, то подозрения его и генерала Кедрова сразу же пали на Скоблина. Их тень преследовала того еще со дня похищения Кутепова, но тогда не нашлось доказательств, подтверждающих его связь с советской разведкой. Теперь же записка Миллера выдавала Скоблина с головой. Кусонский с Кедровым не стали медлить, вызвали его в штаб-квартиру РОВС и учинили допрос. Тот, не подозревая о существовании записки Миллера, отрицал сам факт встречи с ним и тем самым окончательно разоблачил себя. Но доставить его в полицейский участок Кусонскому и Кедрову не удалось: на пути к нему Скоблин сбежал.

В связи с исчезновением Миллера русской эмиграцией был поднят большой шум, в прессе звучали прямые обвинения в причастности к его похищению агентов НКВД. Власти Франции потребовали от советского посла Сурица в Париже возвращения генерала, но тот отрицал всякую причастность к его исчезновению советской стороны. Крайним во всей этой истории оказался Кусонский, соратники по РОВС обвинили генерала в предательстве.

29 сентября Миллера доставили в Москву и поместили во внутреннюю тюрьму на Лубянке. Руководство НКВД рассчитывало с его помощью, как это уже было с другим видным противником советской власти, Б. Савинковым, нанести еще один мощный удар по РОВС и в целом по белой эмиграции. Кроме того, генерал мог сыграть важную роль в той сложной политической и дипломатической игре, которая велась между СССР, Францией, Великобританией и Германией. Но Миллер на первом же допросе у следователя Власова отказался от предложения выступить с обращением к своим соратникам из РОВС. Но ему сохранили жизнь и даже позволили написать частные письма жене и Кусонскому, рассчитывая, что рано или поздно генерал «сломается» и пойдет на сотрудничество.

Но Миллер остался верен генеральской чести. Он был жив и в то же время перестал существовать. В Париже его считали погибшим, а в советской тюрьме узника с такой фамилией не существовало. В камере № 110 содержался заключенный Иванов Петр Васильевич. Кто на самом деле ее занимал, знали всего несколько человек: сам нарком, следователь Власов, начальник тюрьмы Миронов и ее комендант Блохин.

Оперативная разработка генерала продолжалась, но так и не дала результатов. Не изменил он своих показаний и после допроса у наркома Ежова, который состоялся 27 декабря 1937 года. В них по-прежнему содержались общие сведения о деятельности РОВС, и без того хорошо известные в НКВД, отсутствовали имена и фамилии агентов и курьеров, ни одним словом не упоминалось о проведенных и планируемых организацией повстанческих, диверсионных акциях в СССР и против его представительств за рубежом. Тем не менее ему позволили еще жить: видимо, в том политическом пасьянсе, что раскладывался в Кремле, фигура генерала Миллера еще что-то значила.

Так продолжалось до мая 1939 года. К тому времени на карте Европы произошли стремительные изменения. При молчаливом согласии руководителей Франции и Великобритании 12 марта 1938 года состоялся аншлюс Германией Австрии. Операция «Отто», тщательно готовившаяся в недрах вермахта, в течение суток была завершена. Затем наступил черед Чехословакии. В результате так называемого «мюнхенского сговора» лидеров Великобритании, Франции и Германии она, оставшись один на один с вооруженной до зубов фашистской армией, 30 сентября 1938 года капитулировала. Призывы руководства СССР к правительству Франции выполнить вместе союзнические обязательства и защитить Чехословакию остались без ответа.

В той сложной обстановке, где каждая сторона — Великобритания, Франция и Германия — вела свою игру, Сталин вынужден был маневрировать, чтобы выиграть время перед неизбежной войной. Сдача Австрии и Чехословакии показали

ему, что рассчитывать на Париж и Лондон в обуздании Гитлера не приходится, поэтому в начале мая 1939 года между Берлином и Москвой начались интенсивные переговоры. В этой новой игре фигура генерала Миллера становилась лишней.

11 мая 1939 года нарком НКВД Берия подписал Предписание: «Предлагаю выдать арестованного Иванова Петра Васильевича, содержащегося в камере № 110, коменданту НКВД СССР т. Блохину». Последним документом, который подвел черту под земной жизнью генерала, стал акт, в котором было всего несколько скупых строчек:

«Приговор в отношении сего Иванова, осужденного Военной коллегией Верховного суда СССР, приведен в исполнение в 23 часа 5 минут, и в 23 часа 30 минут сожжен в крематории в присутствии:

Комендант НКВД Блохин.

Начальник внутр. тюрьмы ГУТБ НКВД Миронов».

Не менее трагично сложилась судьба тех, кто многие годы находился рядом с генералом. После бегства из Парижа Скоблин перебрался в Испанию и там при невыясненных обстоятельствах погиб. Его жена, известная русская певица Н. Плевицкая, была арестована французской полицией как соучастница похищения генерала Миллера и в декабре 1937 года осуждена к 20 годам каторжных работ. Скончалась она в тюрьме за несколько месяцев до освобождения Франции от фашистов.

Незадолго до войны советской разведкой была осуществлена еще одна операция, связанная с ликвидацией закланного врага Сталина — Троцкого. Решение на ее проведение, как и в случаях с Кутеповым, Миллером и Коновальцем, принималось на самом верху.

В начале марта 1939 года П. Судоплатов, на этот раз с новым наркомом, отправился в Кремль на встречу со Сталиным. Как позже вспоминал Павел Анатольевич, началась она с доклада Берии, который доложил о результатах «чистки» разведки:

«— По указанию партии мы разоблачили бывшее руководство закордонной разведки НКВД (к этому времени руко-

водители советской разведки Пассов и Шпигельглаз уже были расстреляны — прим. авт.) и сорвали их вероломную попытку обмануть правительство.

Затем Берия предложил Сталину:

— Мы выносим предложение назначить товарища Судоплатова заместителем начальника разведки НКВД.

Сталин ничего не сказал, и после паузы Берия перешел к изложению задач разведки в новых условиях обстановки. Они, по его мнению, должны быть скорректированы, а именно:

— Ее основной задачей должна стать не борьба с эмиграцией, а подготовка резидентур к войне в Европе и на Дальнем Востоке. И здесь важная роль должна принадлежать агентам влияния, то есть людям из деловых и правительственных кругов Запада и Японии, которые придерживаются либеральных взглядов, имеют выходы на руководство этих стран и могут быть использованы для достижения наших целей во внешней политике...»

Надо отдать должное дальновидности Берии. Как показало время, именно агенты влияния, будь то советские, американские или иные, изменяли не только политический вектор тех или иных стран, но и существующие там режимы. Не без их участия в конце 1980-х — начале 1990-х годов произошло крушение советского блока в Восточной Европе, а затем и падение партийной номенклатуры в СССР.

При этом Берия посетовал на то, что Троцкий и его сторонники «сильно мутят воду» среди деятелей либерального толка и предложил «нанести решительный удар по центру троцкистского движения за рубежом. А ответственным за проведение этих операций назначить Судоплатова». И здесь, как вспоминал Павел Анатольевич, слово взял Сталин. Он, в частности, заявил: «В троцкистском движении нет важных политических фигур, кроме самого Троцкого. Если с Троцким будет покончено, угроза Коминтерну будет устранена. Устранение Троцкого в 1937 году поручалось Шпигельглазу, однако тот провалил это важное правительственное задание». Затем, чтобы у Павла Анатольевича не возникало сомнений на сей счет,

категорично потребовал: «Троцкий, или как вы его именуете в ваших документах «Старик», должен быть устранен в течение года, прежде чем разразится неминуемая война. Без устранения Троцкого, как показывает испанский опыт, мы не можем быть уверены в поддержке наших союзников по международному коммунистическому движению в случае нападения империалистов на Советский Союз».

С того дня Павел Анатольевич приступил к выполнению очередного задания Сталина. Ему предстояло решить две сверхзадачи. Одна из них имела политический характер и состояла в том, чтобы после ликвидации Троцкого не вызвать тени подозрений в причастности к данной акции советской разведки. Но прежде чем ее выполнить, ему предстояло решить другую, не менее сложную задачу — добраться до логова Троцкого.

После бегства на запад советского резидента В. Кривицкого и встречи в ноябре 1937 года в Париже с сыном Троцкого Л. Седовым, тот узнал о ведущейся на него охоте агентов-боевиков Шпигельглаза. Позже его слова подтвердил и другой перебежчик, бывший советский резидент в Испании Л. Фельдбин (А. Орлов). В феврале 1939 года он направил письмо Троцкому, в котором предупреждал о готовящемся на него покушении агентов НКВД: «Лев Давидович, будьте на страже, не доверяйте ни одному мужчине или женщине, которых провокатор может прислать или рекомендовать».

После таких предупреждений вилла Троцкого в пригороде Мехико, Койоакане, на Авенида Вьена, стала напоминать неприступную крепость. Круглосуточно ее охраняли десять полицейских, помимо них во внутренних помещениях дежурили телохранители из числа троцкистов. По внешнему периметру было оборудовано несколько огневых точек, а поверх трехметрового каменного забора тянулась проволока, находившаяся под напряжением.

В сложившейся ситуации Павел Анатольевич, казалось, был заведомо обречен на неудачу, но судьба распорядилась иначе. В тот трудный момент она свела вместе двух выдающихся мастеров своего дела. Из всех возможных кандидатур

на должность заместителя руководителя оперативно-боевой группы он выбрал Эйтингона. В его пользу говорил ряд успешно проведенных в Испании разведывательно-диверсионных операций, наличие на связи надежных агентов, в том числе среди троцкистов, а также личные симпатии. Именно Эйтингон в мае 1938 года, после выполнения Павлом Анатольевичем задания в отношении Коновальца, осуществлял его вывод в Советский Союз. Но не только выдающиеся организаторские способности Эйтингона привлекли внимание Судоплатова. Сам не раз смотревший смерти в глаза, он знал не понаслышке, что испытывают те, кому предстоит нажимать на спусковой крючок пистолета или кнопку взрывного устройства. Только вера в правоту своего дела и тех, кто в течение долгих месяцев готовил тебя к операции, дают силы, чтобы преодолеть страх перед собственной смертью. Эйтингон не раз ходил рядом с нею, и ему можно было верить! Кроме того, за ним закрепилась слава «везунчика», а удача Павлу Анатольевичу очень была нужна. В своем выборе Судоплатов не ошибся. Последующие годы подтвердили это, они стали не только единомышленниками, но и друзьями. Участие в операции положило начало крепкой мужской дружбе, которой они остались верны как в минуты славы, так и в часы испытаний, когда им пришлось испытать до дна горькую чашу черной неблагодарности партийных вождей.

Предложение Судоплатова о назначении Эйтингона своим заместителем Берия безоговорочно утвердил. Теперь уже вместе они принялись за планирование операции и подбор ее участников. По предложению Эйтингона, ей присвоили кодовое название «Утка» — в том смысле, что после ликвидации Троцкого должны полететь информационные «утки», которые сбивали бы контрразведку и полицию с советского следа. При разработке самого плана акции они учли печальный опыт Шпигельглаза и наряду с основным вариантом действий предусмотрели резервный.

Согласно основному варианту группе агентов-боевиков, получившей условное наименование «Конь», предстояло штурмом взять виллу Троцкого и затем уничтожить его. В ее

состав вошли бывшие бойцы интербригад: испанцы, мексиканцы, бразильцы, имевшие за своей спиной опыт диверсионных и террористических операций, полученный во время войны в Испании. Возглавил эту группу известный мексиканский художник и коммунист Д. Сикейрос.

Резервный план был намного сложнее основного, а сама оперативная комбинация носила многоходовой характер. На первом ее этапе предусматривалось агентурное проникновение в ближайшее окружение Троцкого, затем выход на прямой контакт с ним и в последующем, при благоприятно складывающейся ситуации, его ликвидация. Вторая группа, условно называвшаяся «Мать», была значительно меньше по составу. Ключевая роль в ней отводилась тому самому лейтенанту Рамону Меркадери, с которым Павел Анатольевич мимолетно встречался в Испании в 1938 году, когда возвращался на Родину после выполнения задания по Коновальцу. Ему предстояло в одиночку уничтожить Троцкого.

Выбор кандидатуры Р. Меркадера был не случаен. Рамона и его мать, Каридад, происходившую из знатной испанской семьи, но порвавшую с ней и посвятившую себя революции, Эйтингон знал давно и очень хорошо. Под ее влиянием сын также стал профессиональным революционером. Вместе они храбро сражались в Испании, там познакомились с Эйтингоном и вскоре стали выполнять его задания в интересах советской разведки. Кроме того, твердые коммунистические убеждения, опыт боевых операций и ненависть к троцкистам, которые сделали немало для того, чтобы в войне в Испании победили фалангисты, а также внешние данные Рамона убедили Судоплатова и Берия в том, что именно он способен довести до конца задуманную ими операцию.

В июне 1939 года Судоплатов с Эйтингоном выехали в Париж и там поочередно встретились с участниками групп «Конь» и «Мать». Результаты бесед с ними убедили Павла Анатольевича в правильности выбора своего заместителя, и операция «Утка» перешла в практическую стадию. В сентябре первая группа перебралась поближе к Троцкому, в Мексику.

Вслед за ней отправился и Эйтингон, позже к нему присоединился опытный разведчик — нелегал И. Григулевич.

К тому времени Меркадер, по легенде Жак Морнар, сын бельгийского дипломата, во время работы в Париже 4-го Интернационала, объединявшего сторонников Троцкого, познакомился с убежденными троцкистками, сестрами Агелофф. Одна из них, Сильвия, входившая в ближний круг Троцкого и иногда исполнявшая обязанности секретаря, обратила внимание на симпатичного молодого человека. Между ними быстро вспыхнул любовный роман, но вскоре Сильвия вынуждена была по делам отправиться в Нью-Йорк. Разлука продолжалась недолго, в феврале к ней приехал уже не Жак, а канадец Фрэнк Джексон. Объяснение Меркадера, что он вынужден был сменить имя и паспорт, чтобы избежать призыва в армию, Сильвию вполне удовлетворило.

И пока Рамон старательно играл перед ней роль влюбленного, группа «Конь» вплотную подобралась к вилле Троцкого. К середине мая 1940 года Эйтингону и Сикейросу стали известны система ее охраны, порядок смен постов и расположение комнат, а Григулевич сумел сблизиться и наладить дружеские отношения с одним из охранников, Ш. Хартом. Раннее утро 23 мая 1940 года стало последним в его жизни. Григулевич неспешным шагом подошел к воротам виллы и постучал. Харт выглянул в прорезь и, узнав приятеля, в нарушение инструкции приоткрыл створку, тем самым подписав себе смертный приговор. Находившиеся в засаде боевики, переодетые в форму полицейских, ринулись на штурм виллы. Их натиск оказался столь стремителен, что охрана не сумела оказать сопротивления, но результат атаки оказался нулевым. Боевики Сикейроса обрушили шквал огня на комнату, где заперся Троцкий с женой и внуком, но они остались живы. Мексиканская полиция сработала на удивление быстро: по горячим следам вышла на Сикейроса и арестовала.

После неудавшегося покушения в прессе поднялась невероятная шумиха, попортившая немало крови советскому руководству. Троцкий, опираясь на свои связи и финансовые

ресурсы американского медиамагната Херста, раструбил на весь мир об очередном преступлении «Каина-Сталина».

Павел Анатольевич в те дни находился в Москве и, видимо, уже не надеялся на благополучный для себя исход, когда вместе с Берией отправился на встречу со Сталиным. По его воспоминаниям, тот встретил их на удивление спокойно и, несмотря на неудачу, не стал распекать и подтвердил неизменность своего решения. «Акция против Троцкого будет означать крушение всего троцкистского движения. И нам не надо будет бросать деньги на то, чтобы бороться с ними и их попытками подорвать Коминтерн и наши связи с левыми кругами за рубежом, — заявил Сталин и затем потребовал: — Приступите к выполнению альтернативного плана, несмотря на провал Сикейроса, и пошлите телеграмму Эйтингону с выражением нашего полного доверия».

Теперь все надежды Павла Анатольевича и Эйтингона были связаны с Меркадером. А тот медленно и уверенно приближался к намеченной цели. Еще до неудачного покушения он уговорил Сильвию перебраться в Мехико, где у него были неотложные дела в экспортно-импортной конторе, на самом деле служившей прикрытием для выполнения задания. И она, движимая глубокими чувствами к будущему жениху, оставила Нью-Йорк, вместе с ним отправилась в Мексику и там поспешила на встречу со своим «духовным отцом». Троцкий радушно принял ее и попросил взять на себя исполнение секретарских обязанностей. С того дня в его доме все чаще стала звучать фамилия жениха Сильвии. К элегантному, вежливому господину, проявлявшему трогательную заботу о своей невесте, вскоре привыкла и охрана. С завидной регулярностью, утром и вечером, он подвозил и забирал ее после работы на вилле.

Советская разведка сделала еще один важный шаг к своей цели. Время шло, и здесь удачный случай открыл перед Меркадером дверь в дом-крепость. Произошло это в марте 1940 года. Проживавший на вилле близкий друг Троцкого А. Росмер внезапно заболел, и Рамон, вовремя оказавшийся под рукой,

отвез его в больницу. После выздоровления он привозил ему лекарства и еще несколько раз поднимался в дом.

28 мая 1940 года, на пятый день после неудачного покушения на Троцкого боевиков Сикейроса, Меркадер впервые встретился с ним. Скромный, хорошо воспитанный и далекий от политики молодой человек произвел на хозяина и Росмеров положительное впечатление. В те минуты Троцкий, видимо забывший о предупреждении Орлова, что его убийца может предстать перед ним в лице молодого «мужчины или женщины», отнесся доброжелательно к жениху своей секретарши.

По приглашению Троцкого и его супруги 29 июля Меркадер и Сильвия приехали на чай. В ходе завязавшегося разговора Рамон, умело играя отведенную ему роль, исподволь подталкивал Троцкого к политической дискуссии. Закончилась она очередной «победой» Вождя, ему удалось пробудить у аполитичного бизнесмена интерес к своим взглядам. Меркадер пообещал поддержать движение не только материально, но и попытаться выступить в его защиту с публикациями в прессе.

17 августа он снова приехал к Троцкому, чтобы показать набросок будущей статьи, в которой пробовал себя как журналист троцкистских взглядов. Тот прочитал, высказал свои замечания, и Меркадер отправился править статью.

Эйтингон мог быть доволен: «генеральная репетиция» прошла успешно. Теперь у Рамона был убедительный предлог, чтобы в любое время пройти на виллу и встретиться с Троцким. С этого часа операция «Утка» перешла в решающую стадию. Собравшись на конспиративной квартире, Эйтингон, Рамон и его мать еще раз просчитали каждый свой шаг и убедились в том, что на этот раз план должен был сработать.

День 20 августа на вилле мало чем отличался от всех предыдущих. Утром Троцкий поработал в своем кабинете над рукописью, затем пообедал, а после того, как на дворе спала жара, спустился в сад. В это время у ворот появился Меркадер с переработанным вариантом статьи. Охрана, не предполагавшая, что под плащом были спрятаны пистолет, кинжал и ледоруб, не стала обыскивать его и пропустила во двор. Ничего не подозре-

вавший Троцкий, кормивший в это время кроликов, прервал занятие и вместе с ним поднялся в кабинет. Теперь они были одни, охрана осталась за дверью. Троцкий присел за стол и склонился над листом бумаги. Меркадер собрался с духом, вытащил из-под плаща ледоруб и обрушил на его голову. Удар пришелся вскользь, и истошный вопль поднял на ноги охрану. Через мгновение она ворвалась в кабинет, но Рамон не смог воспользоваться пистолетом, так как был сбит с ног и затем скручен.

Что пережила в те мгновения мать, ожидавшая сына вместе с Эйтинггоном и бойцами из группы прикрытия в какой-то сотне метров от виллы, известно лишь ей одной. Год назад, давая согласие Эйтинггону на участие Рамона в операции, она, как опытная разведчица, в полной мере осознавала всю степень ее риска. Но что значила для нее, сына, Сикейроса, Эйтинггона, Судоплатова и сотен других разведчиков собственная жизнь? Видимо, немного, когда на чашу весов ложились политические убеждения, будущее счастье миллионов людей, а впереди стояли великие цели — освобождение человечества от материального и духовного рабства.

Удача на этот раз изменила Каридад и ее сыну. Вилла Троцкого оцетинилась десятками ружейных стволов, а подоспевшее на помощь подкрепление перекрыло все подходы. Идти на ее штурм и освобождение Рамона было чистым безумием, и разведчики отступили. Лишь через несколько дней из сообщений прессы они и Москва узнали о смерти Троцкого и аресте его убийцы — Ф. Джексона.

Спустя год, в июне 1941 года, закрытым указом Президиума Верховного совета СССР К. Меркадер и Н. Эйтинггон были награждены орденом Ленина, П. Судоплатов — орденом Красного Знамени, И. Григулевич — орденом Красной Звезды.

Но для Каридад была важнее не награда, а сын. Прежде всего она являлась не разведчицей, а матерью и потому начала отчаянную и изнурительную борьбу за Рамона. Она просила, а затем начала требовать от руководства советской разведки и Берии конкретных действий по его освобождению. И они делали все, что было в их силах, но, несмотря на значительные

денежные средства и помощь лучших адвокатов, Р. Меркадера так и не удалось освободить. Потерпела неудачу и попытка оперативно-боевой группы НКВД организовать его побег из тюрьмы. Но Рамон не отчаивался и продолжал стойко держаться. Попытки, издевательства уголовников, которых натравливали троцкисты, не смогли сломить его воли. Как ни старались следователи, они так и не смогли добиться от него признания в связях с советской разведкой. Он твердо стоял на своем, что убил Троцкого по личным мотивам, из чувства ревности.

Несмотря на все усилия, контрразведке и полиции так и не удалось продвинуться в расследовании этого дела и установить истинные мотивы убийства и личность самого убийцы. Тот продолжал утверждать, что является Фрэнком Джексоном, и только в 1946 году, после бегства из СССР на Запад одного из членов испанской компартии, стала известна его подлинная фамилия. И даже после этого Рамон продолжал отрицать свою причастность к советской разведке. Борьба продолжалась, но со смертью Сталина, а затем арестом и расстрелом Берии, новые хозяева в Кремле потеряли интерес к этому делу.

Прошло еще семь долгих лет, и только 20 августа 1960 года Р. Меркадер, отсидев весь срок в мексиканской тюрьме, наконец вышел на свободу. Правительство Чехословакии предоставило ему политическое убежище. Новые советские вожди предпочитали не пятнать свою репутацию прошлыми «кровавыми делами» и потому поручили Рамона чешским «друзьям». Но в Праге он так и не появился, а через Кубу нелегально прибыл в СССР.

Что подумал Рамон, когда сошел с трапа самолета? Каковы были его первые впечатления о стране Советов? Одно можно с уверенностью сказать — это был уже не тот мир, мыслями о котором он жил все годы, пока находился в мексиканской тюрьме. В нем не было Сталина, Берии и романтиков-революционеров, а идеи социализма, за которые они с матерью так самоотверженно боролись, заметно потускнели. По приезду в Москву его ждала самая высокая награда — Звезда Героя Советского Союза. Ее вручил председатель КГБ СССР В. Семичасный.

В разведку Р. Меркадер больше не вернулся и занялся рутинным делом: работал старшим научным сотрудником в Институте марксизма-ленинизма. По советским меркам он был обеспечен всем, о чем только мог мечтать простой обыватель: четырехкомнатной квартирой, госдачей и персональной пенсией, не уступавшей генеральской. Но что они значили для человека, в свое время отказавшегося от богатства? Вероятно, ровным счетом ничего! Рамон задыхался в советском бюрократическом социализме и рвался на Кубу, где пламенный Ф. Кастро принимал отчаянные попытки сохранить дух революции. В 1973 году ему разрешили уехать в Гавану в качестве советника команданте. А спустя три года Меркадер, один из последних и трагических героев своего бурного и противоречивого времени, ушел из жизни. Он до конца жизни оставался революционером, трагизм положения которого как нельзя точно передают слова, однажды сказанные Рамоном П. Судоплатову: «Если бы пришлось заново пережить сороковые годы, я сделал бы все, что сделал, но только не в сегодняшнем мире. Никому не дано выбирать время, в котором живешь». Похоронили Героя Советского Союза Рамона Меркадера, как и положено разведчикам, скромно и тихо на Кунцевском кладбище под именем Рамона Ивановича Лопеса.

Он выполнил задание Вождя: его главного и непримиримого врага, Троцкого, не стало. К концу 1940 года на политическом поле Советского Союза несокрушимой глыбой высился только он один — «великий, мудрый и непогрешимый товарищ Сталин». Зарубежные противники — полуразложившийся РОВС и раздираемая противоречиями ОУН — еще продолжали «покусывать» и постреливать из-за угла, но их укусы и выстрелы не были смертельно опасны. Что касается внутренней оппозиции, то ее остатки под присмотром армии надзирателей постепенно превращались в «лагерную пыль».

После победы в Великой Отечественной войне казалось, что «социализм Сталина» восторжествует не только в Восточной Европе, Азии, но и в самой цитадели империализма — США. В 1959 году у всемогущей Америки прямо под носом

завелась революционная Куба. Но прошло всего 46 лет с того дня, когда над Кремлем громовыми раскатами прозвучали победные салюты, как в августе 1991 года гигантская советская империя рухнула.

Столь стремительное крушение было полной неожиданностью не только для большинства граждан Советского Союза, но и для тех на Западе, кто спал и видел себя хозяином ее неслетных богатств. Винить в этом одни только иностранные спецслужбы, хотя и они приложили к тому свою руку, глупо и наивно. И тем не менее их радиоголоса — «Голос Америки», «Свобода», «Свободная Европа» — сделали гораздо больше, чем все вместе взятые и разоблаченные НКВД — МГБ — КГБ шпионы. Изо дня в день методично и тонко они «промывали мозги» советскому обывателю, замордованному постоянным стоянием в бесконечных очередях и уставшему ждать обещанных очередным советским вождем «молочных рек с кисельными берегами».

Спустя 74 года после своего образования и через 38 лет после смерти Сталина советская власть сгнила на корню. В конце 1980-х годов правящая партийная номенклатура уже не имела ничего общего с теми «кремлевскими мечтателями», которые, движимые благими намерениями, пытались сохранить российскую империю и на ее развалинах построить «земной рай». Но именно тогда, в далеком 1917 году, ими были заложены мины замедленного действия под фундамент здания социализма.

Большевистские вожди, в большинстве своем бывшие арестанты и ссыльные, как всякая новая власть, став у государственного руля, поспешили обнародовать злоупотребления старой и тут же принялись совершать свои. Закон подменили политической целесообразностью. Голодные обмороки наркомов, убийство председателя Петроградской ЧК Урицкого и покушение на Ленина породили как временную меру социальной защиты спецхрану и спецпайки для членов Совета народных комиссаров. О своих привилегиях вожди революции открыто не объявили и продолжали твердить народу о всеобщем братстве, равенстве, начав при этом жить спецжизнью. А в это время

страна под оглушительный гром партийных фанфар, возвещавших народу об очередной победе социализма, стремительно погружалась в одну огромную лагерную зону.

Со смертью Сталина в марте 1953 года были отменены 58-я и другие «мокрые» статьи, упразднены «особые со-вещания» и ликвидированы наводившие на всех ужас суды так называемых «троек». С того дня закончилось всевластие органов государственной безопасности над партией. Теперь без согласования с секретарями ЦК областей, краев и республик им запрещалось вести оперативную разработку правящей но-менклатуры. Но, обезопасив себя и партийный аппарат от по-литической охраны, Первый секретарь ЦК КПСС Н. Хрущев одновременно утратил единственное средство контроля над ним и тем самым заложил еще одну мину замедленного действия под фундамент «сталинского социализма». История показала, что диктатура партии или вождя существует до тех пор, пока сохраняется всеислие политической полиции.

К октябрю 1964 года власть Коммунистической партии трансформировалась во власть ее гигантского аппарата. Окрепнув и осознав свою силу, этот идеологизированный ад-министративный монстр, исподволь поглядывавший на жизнь подобных чиновников на Западе, далеко не из преданности идеалам марксизма-ленинизма, а из-за угрозы потери своих привилегий сместил Хрущева с должности. На этот раз обо-шлось без шумных разоблачительных процессов и расстрелов, договорились тихо и мирно. «Товарищи» по партии приняли запоздалое покаяние Хрущева в возрождении культа личности (как говорится, кого черт не путал) и по «состоянию здоровья» отправили в отставку, под присмотр КГБ, растить так любимую его сердцу кукурузу.

Новый Генсек ЦК КПСС Л. Брежнев в течение несколь-ких лет пытался навести глянец на изрядно потускневший облик социализма, но вскоре утомился и, грубо говоря, «лег на должность». Наступил «золотой век» застоя. Новая общ-ность людей — «советский народ» — пока еще с энтузиазмом продолжала строить «развитой социализм». Сотни тысяч

романтиков в дремучей сибирской тайге возводили БАМ — эту магистральную дорогу в коммунизм, а в Кремле дряхлеющий Генсек едва успевал принимать одну награду за другой. И хотя от них за версту веяло запахом несомненной «липы», тем не менее он все сильнее кружил ему голову. И чем тяжелее становился этот «иконостас» на груди Брежнева, тем скуднее выглядели прилавки магазинов. Магическое слово «дефицит» стало главным лозунгом эпохи застоя. И вот тогда наиболее циничная и дальновидная часть партийной номенклатуры принялась, не покладая рук, закладывать фундамент своего будущего благополучия.

Приписки и искажения плановой отчетности, захлестнувшие страну в начале 1980-х годов, фактически ознаменовали окончательное установление экономического союза между партийными аппаратчиками и дельцами теневого бизнеса. Приход к власти в 1985 году Генсека М. Горбачева, верного старому партийному принципу — «сдай ближнего и все вали на нижнего», подтолкнул предусмотрительных номенклатурщиков и «теневиков» к решительным действиям.

Сначала в самых радужных красках народу обрисовали завораживающую картину «социализма с человеческим лицом», а потом, как быка на бойне, грохнули по сознанию звериным обликом сталинизма и породили в умах великую смуту. Вслед за этим, словно по команде, на телевидении и в прессе стали тиражироваться «архангельские мужички» и «сибирские строители», которые своим «освобожденным трудом» кормили не только себя, но и охотно еще «семь генералов».

Лед тронулся, и страна еще раз приготовилась к очередному чуду — в 2–3 года решить свои проблемы за счет «архангельских мужичков». Где они сейчас и кто о них теперь вспомнит? Послужив хорошей ширмой, они канули в никуда. На смену им пришли уверенные в себе и своем будущем нахальные рыжие «молодцы», исподволь внушавшие с экранов телевизоров окончательно потерявшим голову гражданам старый большевистский лозунг о том, что стоит только поделить наследие проклятого тоталитаризма и жизнь тут же засверкает всеми красками западной рекламы.

Август 1991 года стал последним действием, когда партийно-комсомольская номенклатура и крепко ставшие на ноги нувориши руками наивных «победителей» убрали бездарную, прогнившую насквозь и даже не способную защитить себя верхушку КПСС. В их лице они смели последние атрибуты так называемого «социализма с человеческим лицом». Затем, предоставив возможность доморощенным демократам политически и морально добивать оставшихся коммунистических ортодоксов, «прорабы перестройки», засучив рукава, занялись настоящим делом — принялись отнимать и делить «общенародную собственность». Так на развалинах «развитого социализма» возникло незримое, но фактически существовавшее мафиозное государство. Государство, в котором неограниченный произвол чиновников и нормы «зоны» олицетворяли собой закон, а расстрельные команды киллеров выступали его исполнителями.

Все это в далеких 1930–1950 годах Павлу Анатольевичу и его боевым товарищам вряд ли могло присниться даже в самом кошмарном сне. Они, 13–18-летние юноши, призванные в октябре 1917 под знамена революции, освещенные словами: свобода, равенство, братство, остались верны своим идеалам до конца. В самые трудные годы, когда репрессии обрушились на страну и органы государственной безопасности, из сотен разведчиков-нелегалов, резидентов и агентов, для которых не составляло большого труда незаметно исчезнуть и раствориться в окружающем их сытом мире, лишь единицы сбежали на Запад. Те же, кто уцелел от чужих и «своих», продолжали самоотверженно служить своей суровой Родине. Следующий экзамен им пришлось сдавать в Испании.

Испанский «урок»

В дальнюю область, в заоблачный плес
Ушел мой приятель и песню унес.
С тех пор не слышали родные края:
«Гренада, Гренада, Гренада моя!»

М. Светлов

Палящий июльский зной, от которого, казалось, плавилась пески в испанском анклав Марокко, а в столице метрополии Мадриде иссякла вода в фонтанах, еще больше подогрел градус противостояния между победившими на недавних выборах в кортесы (парламент) сторонниками Народного фронта и их непримиримыми противниками из правых партий — фалангистами. В воздухе запахло порохом, сердца миллионов испанцев сжались в предчувствии неминуемой войны, и она грянула.

Ранним утром 17 июля 1936 года руководитель военного заговора генерал Х. Санхурхо направил генералам Ф. Франко и М. Годеду зашифрованные радиোগраммы: «17-го в 17». План государственного переворота, который еще весной разработал командующий войсками в провинции Наварра Э. Мола, был приведен в действие.

Франко, накануне прибывший в Марокко чартерным британским рейсом, опираясь на верные ему части, быстро и без больших потерь взял власть в свои руки. Его поддержали Иностранная легион и Африканский корпус. На следующее утро радиостанция города Сеуты (Марокко) передала в эфир условный сигнал к остальным мятежникам: «Над всей Испанией безоблачное небо».

Мятеж, подобно лесному пожару, охватил территорию метрополии, но здесь Санхурхо не получил той поддержки, какую имел молодой и амбициозный Франко в Марокко.

Центральная Испания, Каталония и Страна басков сохранили верность законно избранному правительству. Заговор грозил обернуться провалом и тут очень вовремя вмешался то ли случай, то ли чья-то опытная рука: генерал Санхурхо погиб в авиакатастрофе.

Энергичный Франко, к которому перешло командование мятежниками, не стал медлить и 22 июля обратился за военной помощью к правительствам Германии и Италии. Его противник, премьер-министр республиканцев Х. Хираль, тоже не терял времени даром и принялся искать поддержки во Франции. Но правительство умеренного социалиста Л. Блюма заняло нейтральную позицию и ограничилось тем, что запретило ввоз в Испанию всех видов вооружений и военных материалов.

В отличие от Парижа, в Берлине и Риме немедленно откликнулись на обращение Франко. По распоряжению фашистских вождей Гитлера и Муссолини, на военных аэродромах Марокко тайно приземлились 20 транспортных самолетов «Юнкерс-52» и 12 бомбардировщиков «Савойя-81» с оружием и боеприпасами на борту. Воздушный мост помощи мятежникам заработал на полную мощь, но 30 июля, после вынужденной посадки итальянского бомбардировщика в Алжире, эта тайна раскрылась. В Париже и Лондоне подняли шум, а затем французский премьер-министр Блюм выступил с новой инициативой о подписании всеми заинтересованными сторонами «Пакта о невмешательстве». Позднее, 23 августа, советское руководство официально присоединилось к нему, его также поддержали Германия с Италией. Но эти договоренности не просуществовали и месяца, уже в сентябре Берлин и Рим возобновили поставки боевой техники и направили инструкторов в части генерала Франко.

Война набирала обороты, и Испания все больше разделялась не только территориально, но и по духу. Социалистические идеи, столь популярные в то время в мире и активно эксплуатировавшиеся советским руководством, столкнулись на испанской земле в жестком противоборстве с неоконсерватизмом, густо замешанном на фашизме. Масла в огонь

противостояния поспешил подлить Троцкий. Его сторонники занимали далеко не последние позиции в республиканском правительстве, и он, желая отомстить Сталину, видимо, лелеял в душе планы построения в Испании «своего социализма». Троцкисты боролись за власть не столько с мятежниками, сколько со своими «союзниками», социалистами и коммунистами.

В Кремле уже одно только упоминание имени Троцкого вызывало приступ бешеной ярости. Сталин не мог позволить своему заклятому врагу перехватить пальму первенства в Испании и начал действовать. После неудачных попыток совершения социалистических революций в Венгрии в 1918 году, в Германии и Болгарии в 1923 году и в Эстонии в 1924 году, в советском руководстве не хотели упускать шанс разорвать кольцо враждебного капиталистического окружения вокруг страны, и с позиций далекой Испании решили снова пойти на штурм капиталистических твердынь. О том, что это было именно так, лишний раз свидетельствует телеграмма Сталина лидеру испанских коммунистов Х. Диасу, направленная в его адрес 16 октября 1936 года. В ней он писал: «...Испанская война — это не частное дело испанцев. Это общее дело всего передового и прогрессивного человечества...»

Позиция Сталина была подкреплена и конкретными действиями. На третий день после начала мятежа состоялось закрытое заседание Политбюро ВКП(б). В ходе него обсуждалось положение в Испании и был принят ряд организационных решений, направленных на оказание помощи республиканскому правительству. На первом этапе советское политическое руководство предпочло действовать через подконтрольный ему Коминтерн. Его разветвленные структуры, существовавшие во многих странах, должны были взять на себя выполнение деликатной задачи — вербовку в ряды республиканской армии добровольцев из числа коммунистов и социалистов. Такой подход позволял Сталину избежать со стороны европейских стран обвинений в нарушении положений «Пакта о невмешательстве» и разжигании войны в Испании.

Руководство Коминтерна оперативно откликнулось на просьбу Политбюро ВКП(б), и уже 26 июля в Праге, на заседании Бюро Профинтерна (одна из структур Коминтерна) было принято решение о формировании нескольких интернациональных бригад из числа добровольцев. С того дня по всей Европе, а также в Америке функционеры Коминтерна развернули масштабную агитационную работу. Тысячи коммунистов и просто честных, смелых людей, ненавидевших фашизм, оставив теплые квартиры, работу и семьи, отправлялись в дальний и рискованный путь. Их не могли остановить ни французские пограничники, перекрывшие границу с Испанией, ни командос фалангистов, рыскавшие у горных перевалов и троп, по которым добровольцы прорывались на помощь республиканцам, ни налеты фашистской авиации, топившие морские суда на подходах к порту Картахены.

К концу 1937 года в Испании уже находилось свыше тридцати тысяч добровольцев. Из них были сформированы семь интернациональных бригад: 11, 12, 13, 14, 15, 129, 159-я. Они стали основной ударной силой республиканской армии и во многих сражениях с фалангистами решали исход сражений. В этом не было ничего удивительного: ими, романтиками-идеалистами, двигали не корысть или жажда славы, а политические убеждения и ненависть к фашизму, растущая угроза которого становилась все более очевидной.

С каждым днем война приобретала все больший размах и ожесточение. Несмотря на то что республиканское правительство поддержало больше половины населения, а значительная часть армии сохранила верность присяге, оно, в силу амбиций и противоречий среди своих лидеров, не смогло организовать достойный отпор фалангистам и уступало одну позицию за другой. В Кремле не могли дальше безучастно наблюдать за тем, как развивались события в Испании, и поручили руководителям военных ведомств и органов государственной безопасности обеспечить в кратчайшие сроки подготовку и последующее направление в помощь республиканцам военных советников и специалистов. По линии наркомата обороны им стал опытный

командир Г. Штерн (генерал «Клебер»), от военной разведки (4-е управление Генштаба Красной армии) — ее бывший начальник Я. Берзин, а от НКВД — А. Орлов («Швед»), личность яркая и незаурядная, оставившая в советской разведке заметный и противоречивый след.

Родился он 21 августа 1895 года в белорусском городе Бобруйске, в семье Лазаря и Анны Фельдбиных. Дед был крупным лесопромышленником и глубоко верующим человеком. Еще в 1885 году, во время поездки в «землю обетованную», он купил на будущее значительный участок земли и назвал его «Врата надежды». Но его внук, Лейба, при обедневшем отце, предпочел искать надежду не на берегах Мертвого моря, а в России, в мутных водах революции. В марте 1917 года, после отречения от престола императора Николая II и с приходом к власти Временного правительства во главе с А. Керенским, в отношении граждан еврейской национальности бывшей Российской империи были отменены «черта оседлости» и другие ограничения, касавшиеся службы в полиции, жандармерии и армии. А. Фельдбин, у которого еще в юности проявились лидерские качества и стремление к военной карьере, наконец смог себя реализовать. После года службы в качестве рядового в резервном полку, в марте 1917 года он успешно сдал экзамены в школе прапорщиков, а спустя некоторое время вступил в РСДРП. Вскоре начинающий революционер познакомился с будущим Генсеком Профинтерна С. Лозовским и с его «легкой руки» стал быстро подниматься по ступенькам карьерной лестницы. С ноября 1917 года и до середины октября 1918 года Фельдбин занимал не последнюю должность в СНК — руководил информационной службой Верховного финансового совета, но вскоре возвратился в Красную армию на офицерскую должность. И там в его судьбе произошел резкий поворот, определивший всю дальнейшую жизнь. Весной 1920 года «преданного бойца партии» назначили на ответственный участок работы — сотрудником Особого отдела ВЧК по 12-й армии, сражавшейся против войск белополяков на Западном фронте. И здесь Фельдбин показал себя не только храбрым человеком,

но и способным организатором разведывательных и диверсионных акций. Под его командованием и при непосредственном участии был проведен ряд дерзких операций в тылу противника. В результате одной из них удалось захватить в плен командира польских разведывательно-диверсионных групп полковника К. Сеньковского.

На инициативного, находчивого и с неординарным умом сотрудника обратил внимание будущий руководитель советской разведки, в то время — особоуполномоченный ОО ВЧК по 12-й армии А. Артузов, и рекомендовал его в центральный аппарат. В Москве 26-летний, обстрелянный в боевых операциях и бегло говоривший на английском и немецком языках Фельдбин долго не задержался. В начале 1921 года его выдвинули на самостоятельный участок работы — начальником секретно-оперативной части (СОЧ) ВЧК в Архангельск.

В те дни северный форпост был буквально наводнен шпионами, завербованными англичанами при оккупации города. Кроме того, в нем продолжали действовать миссии ряда западноевропейских государств. Молодой начальник, к тому времени сменивший фамилию и ставший Никольским, чтобы облегчить вербовки среди бывших царских офицеров, негативно относившихся к лицам еврейской национальности, энергично взялся за выявление антисоветского подполья и агентов британских и американских спецслужб. Свои и усилия подчиненной ему СОЧ направил на оперативное проникновение в иностранные миссии, являвшиеся центрами шпионажа. И эта тактика оправдала себя: вскоре один за другим последовали разоблачения вражеских агентов. Эти успехи не остались незамеченными, и уже осенью он возвратился в Москву.

По решению руководства ВЧК Фельдбину-Никольскому пришлось прервать службу, чтобы усовершенствовать свою теоретическую подготовку в Школе правоведения. После окончания учебы он в течение непродолжительного времени поработал помощником прокурора и в 1923 году возвратился на службу в органы государственной безопасности во вновь созданное экономическое управление (ЭКУ). Прошло еще

два года, и перспективный, инициативный работник был «брошен» на ответственный участок — укреплять советскую границу в Грузии и бороться с происками местных меньшевиков и националистов. Под его рукой находилась бригада в 11 тысяч штыков. С присущей ему напористостью молодой комбриг быстро усмирил непокорных, загнал в горы абреков и перекрыл пути контрабандистам.

Расчетливый, амбициозный и самоуверенный щеголь у многих сотрудников вызывал неприязнь и зависть. Но в Москве на эти недостатки не обращали внимания, в центральном аппарате ОГПУ больше ценили его организаторские способности, железную хватку и знание иностранных языков. В 1926 году Фельдбина-Никольского перевели в разведку и сразу же назначили на должность легального резидента ИНО под «крышу» советского торгпредства в Париже.

В очередной раз сменив фамилию и став Николаевым, он активно взялся за новое для себя дело и вначале провел ревизию агентурной сети. Она произвела на него удручающее впечатление. Одни агенты оказались «засвеченными» перед контрразведкой, другие бездарно растранижили оперативные средства, отпускаемые Центром на создание прикрытия — различных коммерческих фирм. Но главные причины низкой результативности, по его мнению, заключались в слабой подготовке сотрудников и уязвимости агентуры, работа с которой в основном велась с официальных позиций. В своих предложениях, направленных на Лубянку, он настаивал на укреплении резидентуры профессионалами, а не партийными назначенцами и переносе центра тяжести в разведывательной работе на нелегальную сеть. В Москве не спешили прислушиваться к мнению новичка, пока сами обстоятельства не заставили руководство ИНО и ОГПУ пересмотреть свою позицию.

В марте 1927 года в Варшаве польская контрразведка накрыла почти всю советскую разведывательную сеть. И еще не успело ОГПУ оправиться от провала, как снова оказалось в центре нового скандала. Под каток турецкой контрразведки попало торгпредство в Стамбуле. В результате большинство оператив-

ных позиций в Турции оказались утерянными. Спустя месяц, 6 апреля, китайская полиция совершила налет на советское консульство в Пекине и ее добычей стала значительная часть секретной документации, касавшаяся агентурно-оперативной работы резидентуры. Но наиболее серьезный урон разведка понесла в Лондоне. Там ей пришлось полностью свернуть работу.

Следовавшие один за другим провалы резидентур, сопровождавшиеся громкими скандалами в прессе, подрывали и без того не безупречную политическую репутацию СССР. В связи с этим, а также учитывая возросшие требования со стороны советского руководства к качеству и содержанию добываемой разведкой информации, руководство ОГПУ вынуждено было перестраивать свою работу. Время требовало того, чтобы на смену «идейно убежденным» партийцам и «кавалерийским рубкам» пришли интеллектуалы-профессионалы. Но и среди них далеко не всем была по плечу работа в качестве резидента-нелегала.

Николаеву это было дано. Разносторонние знания, обаяние, хладнокровие и тонкий расчет при определенной доле авантюризма с течением времени сделали его одним из лучших вербовщиков в советской разведке. Он мог найти «ключ» как к рафинированному денди, так и к убежденному противнику коммунистических воззрений. Ряд проведенных вербовок из числа троцкистов, представителей белой эмиграции и французских общественных деятелей, а также добытая ценная разведывательная информация заставили говорить о нем в Центре.

После года работы в Париже, в январе 1928 года его перевели под «крышу» торгпредства в Берлин, в те годы ставшего центром европейского шпионажа. Здесь под фамилией Фельдеса, используя в качестве прикрытия торгово-коммерческую деятельность, он продолжил занятие своим прямым делом — разведкой. Напор и щедрость в средствах, выделяемых по статье оперативных расходов, позволили ему быстро обзавестись нужными связями среди промышленников, политиков и приступить к их вербовкам.

Наряду с получением традиционной информации о замыслах белой эмиграции Центр требовал от него материалы, касавшиеся технических новинок. В Советском Союзе приступили к выполнению грандиозного и амбициозного плана первой пятилетки, но на одном только энтузиазме трудовых масс прорыв к индустриальным вершинам был невозможен. Для их достижения требовались новейшие научные разработки, имевшиеся в избытке в компаниях: «Сименс», «АЭГ», «И. Г. Фарбен», «Юнкерс», «БМВ», на которые нацелилась советская резидентура. В результате ее деятельности в этой области, по данным германского «Бюро по борьбе с промышленным шпионажем», действовавшим при «Рейхсфербанд дер дейчен индустрии», нанесенный ущерб составил около 250 млн долларов. Центральная и местная пресса пестрела заголовками о засилье советских шпионов. Не дремала и контрразведка, вскоре над Фельделем, игравшем далеко не последнюю роль в добывании промышленных секретов, нависла угроза расшифровки. Чтобы ее не допустить, в апреле 1931 года он был отозван в Москву и назначен на должность начальника только что образованного 7-го отделения, в задачу которого входило проведение экономической разведки.

В течение двух лет ему пришлось налаживать работу на новом и весьма специфическом участке работы. В это же время он совершил ряд разведывательных поездок за рубеж. В одной из них, в США, сумел обзавестись подлинными документами: 23 ноября 1932 года официальным путем получил паспорт № 566042 на имя Уильяма Голдина.

В 1933 году по предложению руководителя ИНО Артузова его снова направили в Париж, на этот раз для руководства нелегальной резидентурой. С точки зрения будущей карьеры это было перспективное назначение. После того как в Германии к власти пришли фашисты и начали охоту на коммунистов и представителей других левых движений, служивших основной вербовочной базой для советской разведки, ее центр переместился из Берлина в Париж. Перед молодым резидентом была поставлена сверхзадача: путем проведения вербовок проник-

нуть в самое сердце французского Генерального штаба — во Второе бюро, разведотдел. С добытым во время поездки в США подлинным паспортом на имя У. Голдина, теперь уже резидент «Швед» с женой, связной «Жанной», отправились в Швейцарию, чтобы оттуда двинуться на приступ цитадели французской разведки.

Оперативная группа «Экспресс» (такое кодовое название она получила в Центре) в составе всего четырех человек и с 1500 долларов в кармане резидента приступила к операции. Но вскоре ее пришлось свернуть, поскольку предыдущее пребывание в Париже под «крышей» советского торгпредства «подсветило» «Шведа». Несколько случайных встреч со старыми знакомыми грозили расшифровкой, и в Центре, решив не искушать судьбу, переориентировали работу резидентуры на Великобританию, Данию и Швецию. И вот здесь пробил его «звездный час».

15 июля 1934 года в порту Гарвич на Восточном побережье Великобритании на берег сошел американский бизнесмен У. Голдин. Прибыл он на «туманный Альбион» для открытия импортной конторы по поставкам холодильников американского производства, но главная и истинная его цель состояла в том, чтобы принять на связь у резидента А. Дейча агентурную сеть и затем заняться наращиванием разведывательных позиций. В наследство «Шведу» перешло несколько ценных агентов, работавших в лондонском университете и государственных учреждениях, а также ряд перспективных кандидатов на вербовку, в числе которых оказался и Гарольд (Ким) Филби. Первым его изучение начал в 1933 году резидент Т. Малли, затем продолжил А. Дейч, а окончательное решение о привлечении к сотрудничеству с советской разведкой принял «Швед». И он не ошибся. В последующем Филби занял один из ключевых постов в британской разведке (МИ-6) — руководителя секции 9, занимавшейся проведением спецопераций против СССР и стран Восточного блока. Кроме него «Швед» привлек к сотрудничеству еще двоих из ставшей впоследствии знаменитой «великолепной кембриджской пятерки». Будущие

дипломаты, Д. Маклейн и Г. Берджес, с течением времени далеко продвинулись по служебной лестнице и сделали многие тайны британского внешнеполитического ведомства явными для советской разведки. Кроме них советской резидентурой в Великобритании был привлечен к сотрудничеству А. Блант, советник королевы, хранитель Королевской картиной галереи и заодно тайн двора ее величества. Последний и долго находившийся в тени член «кембриджской группы» Д. Кернкросс работал в шифровальной службе и добывал секреты прямо со стола британского премьер-министра. Все пятеро имели не только прямой доступ к ним, но и сыграли важную роль в расширении советской разведывательной сети среди британского истеблишмента. Их оперативные наводки позволили следующим после «Шведа» резидентам провести еще ряд успешных вербовок.

Курс руководства ИНО на создание разведпозиций среди чуждых социальных слоев, в том числе и аристократии, с течением времени оправдал себя. В этом отношении «Швед» одним из первых смог найти наиболее убедительную основу для привлечения к сотрудничеству «сэров» и «пэров» с представителями рабоче-крестьянской власти. Она представляла собой удивительную смесь марксистских и анархистских взглядов, густо замешанную на нигилизме «устаревших буржуазных ценностей». Филби, Берджес, Маклейн, Кернкросс, Блант и другие молодые британские аристократы задыхались в пропитанной фальшью атмосфере «Пит клуба», прочих элитных заведений и, как это свойственно большинству молодежи, жаждали борьбы и острых ощущений. В той атмосфере 1930-х годов, когда западные страны охватила «великая депрессия», дерзкий «русский эксперимент», о котором одни говорили с ненавистью, а другие — с восхищением, вряд ли мог оставить равнодушными пылкие юные сердца. С приходом Гитлера к власти в Германии и попустительством его захватнической политике со стороны руководителей Великобритании и Франции, мотивы к сотрудничеству с советской разведкой получили дополнительное политическое и моральное подкрепление для ее будущих и действующих агентов.

В Испании, в условиях Гражданской войны, где их проверка проводилась боем, вербовочные возможности советской разведки стали практически неограниченными. Защищать молодую республику и социалистические идеалы ринулись десятки тысяч добровольцев. Именно они на долгие годы стали неисчерпаемым резервом пополнения для нелегальных советских резидентур. Данное обстоятельство учитывалось руководством ИНО и НКВД при определении кандидатуры будущего резидента. Для этой роли «Швед» подходил как никто другой, в его пользу говорила результативная работа в Великобритании, Германии и Франции, а также опыт в организации повстанческой деятельности, приобретенный еще во время Гражданской войны.

16 сентября 1936 года майор государственной безопасности теперь уже под фамилией Орлов («Швед») прибыл в Мадрид. В качестве прикрытия для своей деятельности им использовалась должность атташе по политическим вопросам при полпредстве СССР в Испании. К его приезду обстановка в столице и на фронтах была близка к критической. В Мадриде царил хаос, а на передовой разобщенные части республиканской армии терпели от фалангистов одно поражение за другим. В этих условиях ему пришлось на ходу налаживать работу разведки и контрразведки, чтобы обеспечить выполнение задач, поставленных руководством НКВД. А оно требовало от него, а также резидентур во Франции, Италии и Германии следующее.

«1. Незамедлительно предоставить советскому руководству объективную информацию о состоянии и перспективах развития ситуации в Испании.

2. Оказать помощь республиканскому правительству в создании собственных органов безопасности.

3. Обеспечить бесперебойную работу нелегальных каналов поставки в Испанию оружия, боеприпасов и добровольцев.

4. Организовать на базе создаваемых специальных центров обучение разведчиков-диверсантов и руководителей повстанческого движения.

5. Приступить к проведению диверсий в портах и на судах, доставлявших вооружения и военные материалы фалангистам.

6. Заняться подбором, изучением и последующей вербовкой перспективных источников разведывательной информации из числа испанцев и добровольцев-интернационалистов.

7. Не допустить прихода к власти троцкистов и нейтрализовать их лидеров».

«Швед» и Берзин быстро вошли в обстановку и доложили о ней в Москву. Их первые сообщения, поступившие в НКВД и 4-е управление (разведывательное) Генштаба Красной армии, мало чем отличались друг от друга. В обоих констатировалось удручающее состояние не только в области разведки и контрразведки, которых фактически не существовало у республиканского правительства, но и в управлении разрозненными армейскими частями.

Последующий ход боевых действий подтвердил обоснованность и объективность этих выводов. Несмотря на превосходство республиканских войск в живой силе и технике, они значительно уступали в организации боевых действий и под ударами фалангистов все ближе и ближе откатывались к Мадриду. В сложившейся критической ситуации, 13 сентября правительство уполномочило премьер-министра Л. Кабальеро и министра финансов Х. Негрина вывести из столицы золотой запас страны (четвертый в мире по своему объему) — золотые слитки стоимостью около 600 млн долларов — в безопасное место. Таковым оказались пещеры в Южной Испании, вблизи порта Картахена, находившегося под надежной охранной верных республиканцам частей.

К концу сентября положение на фронтах стало угрожающим, а после падения обороны Толедо прямая угроза нависла и над Мадридом. Власть республиканцев держалась на волоске, и тогда Кабальеро с Негрином обратились к правительству Советского Союза с просьбой принять золотой запас страны на хранение. Москва с готовностью приняла предложение. 20 октября на имя Орлова за подписью наркома Ежова поступило подлежащее личной расшифровке спецсообщение. В нем содержалась ссылка на приказ самого Хозяина, Ивана Васильевича (оперативный псевдоним Сталина, использовавшийся в

секретной переписке), который требовал: «Вместе с послом Розенбергом договоритесь с главой испанского правительства Кабальеро об отправке испанских золотых запасов в Советский Союз. Используйте для этих целей советский пароход. Операция должна проводиться в обстановке абсолютной секретности. Если испанцы потребуют расписку в получении, откажитесь от этого. Повторяю: откажитесь подписывать что-либо и скажите, что формальная расписка будет выдана в Москве Государственным банком. Назначаю вас лично ответственным за эту операцию. Розенберг проинформирован соответственно».

Приказ Сталина и обстановка на фронте требовала немедленных действий, и Орлов тут же отправился на встречу с М. Розенбергом. Тот тоже не терял времени даром и пригласил к себе испанского министра финансов Негрина для обсуждения плана вывоза золотого запаса страны. Угроза его осуществлению исходила не только от фалангистов, троцкистов, но и анархистов, которые никому не подчинялись. С предложением Негрина использовать помощь республиканской армии в доставке золота из пещер на борт советского парохода Орлов, опасаясь утечки информации, не согласился и выдвинул альтернативный вариант: задействовать экипажи советских танкистов. Предложение было принято. Дополнительно, чтобы избежать серьезного внутреннего конфликта в самом лагере республиканцев, в котором имелось немало противников все более усиливавшегося советского вмешательства во внутренние дела, до них довели легенду-прикрытие о вывозе золота в США.

План был утвержден, и уже на следующие сутки Орлов прибыл в порт Картахены и там встретился с советским военно-морским аташе Н. Кузнецовым, но даже ему не раскрыл тайны. Не задавая лишних вопросов о причинах такой секретности, тот немедленно связался с командиром военно-морской базы Р. де Тогоресом и договорился с ним о выделении 60 человек для охраны груза. Ни сам Кузнецов, ни тем более Тогорес с его подчиненными так и не узнали, что в тяжелых деревянных ящиках, которые предстояло погрузить на борт советского парохода, находилась не никелевая руда, а золотой запас Испании.

Тем временем сотрудники резидентуры Л. Василевский и В. Савченко отобрали из числа только что прибывших в Испанию экипажей советских танкистов 20 наиболее опытных водителей. Теперь, когда все было готово, наступила самая ответственная часть операции. Несмотря на то что временное тайное хранилище с золотом находилось всего в восьми километрах от порта, конвой, помимо опасности возможного авианалета или атаки диверсионной группы, поджидала и другая, вполне реальная угроза: с наступлением дождей крутой горный серпантин превращался в настоящий каток. К счастью, погода в те дни благоприятствовала «золотому каравану».

В течение трех безлунных ночей, при строжайшем соблюдении светомаскировки, 7800 ящиков общим весом 51 079 529,3 грамма итоговой стоимостью 518 млн долларов были перевезены в порт и затем погружены на борт четырех советских пароходов. Чего это стоило сотрудникам резидентуры, знают только они. Колоссальный груз ответственности, который лег на их плечи, вероятно, был потяжелее страха перед вражеской бомбежкой. И несмотря на то что «золотой караван» не попал под авианалет, им пришлось изрядно поволноваться. На одном из поворотов тяжело груженный грузовик не удержался на дороге и свалился под откос, еще четыре в установленное время не прибыли в порт. Следы их отыскивались только под утро: водители в темноте сбились с дороги. И лишь когда золотой запас Испании оказался на борту советских кораблей, Орлов и его подчиненные смогли наконец перевести дыхание.

Спустя неделю, 6 ноября, «золотой караван» прибыл в порт Одессы и дальше на специальном поезде под надежной охраной был переправлен в Москву. Там посол Испании М. Паскуа передал его по акту в Народный комиссариат финансов СССР. С советской стороны подписи поставили заместитель наркома иностранных дел Н. Крестинский и заместитель министра финансов Г. Гринько.

После войны, в 1952 году, Орлов опубликовал в Нью-Йорке свою книгу «Секретная история Сталинских преступлений»

(The Secret History of Stalin's Crimes), в которой рассказал о тайне «золотого каравана». Она вызвала целую волну обвинений в присвоении советским руководством золотого запаса Испании. Излагая свою версию, он, видимо, желая себя обелить, постарался переложить всю ответственность на Сталина.

В действительности, по согласованию с республиканским правительством, в течение трех лет войны испанское золото использовалось на закупки вооружений, поддержку испанских эмигрантов и финансирование разведывательной деятельности, направленной против фашистских режимов. Более того, в ходе развернувшейся в СССР кампании солидарности в поддержку борьбы испанского народа против фашистской агрессии, советскими гражданами только за август — декабрь 1936 года, по отчетам ВЦСПС, было собрано 115,5 млн рублей. И эта помощь продолжалась в дальнейшем. Окончательно этот «золотой вопрос» перед правительством Испании был закрыт в 1960 году поставками нефти из СССР по клиринговым ценам.

Но тогда, в 1936 году, Орлов и не помышлял уличать Сталина в «воровстве» золота и других преступлениях. Указания, поступавшие от самого Хозяина, несомненно, тешили честолюбие, и он лез из кожи, чтобы выполнить любое его задание. Майор государственной безопасности, имевший «счастье» раз в году, в годовщину образования ВЧК — НКВД, лицезреть в президиуме советских вождей и часами дожидавшийся приема у начальника управления в роскошном номере отеля «Гэйлорд», расположенного неподалеку от знаменитого дворца Прадо, в окружении вооруженной до зубов охраны, вкусив всю сладость почти неограниченной власти, спешил воспользоваться ею сполна. Его модный, надраенный до зеркального блеска ботинок бесцеремонно открывал двери в самые высокие кабинеты испанского правительства. Премьер Л. Кабальеро, министр финансов Х. Негрин, лидеры партий Х. Диас и другие ловили каждое слово самого «представителя Сталина» — так, без лишней скромности, представлял себя Орлов. Его слово весило гораздо больше других советских высокопоставленных советников — Штерна и Берзина, слозивших животами по перед-

нему краю обороны, — так как звучало не только в кабинетах наркомата, но и в Кремле.

Из многочисленных воспоминаний современников Орлова о том периоде его жизни наиболее яркие и достоверные оставляют впечатления, вынесенные после встречи с ним бойцом интербригады, впоследствии — сотрудником советской резидентуры в Испании К. Хенкиным. В числе других добровольцев он по нелегальному каналу прибыл из Франции в Испанию. После бессонной ночи, проведенной в душном, битком набитом добровольцами вагоне поезда, голодный и усталый добрался до Валенсии и отыскал отель «Метрополь», куда переместилась штаб-квартира советской разведки. Пароль, полученный в Париже от ее негласного сотрудника С. Эфрона, открыл ему доступ на особо охраняемый шестой этаж, где проживал Орлов. А дальше слово лучше предоставить самому Хенкину: «Когда мы (Хенкин с телохранителем — прим. авт.) вошли в комнату, Орлов сидел довольно далеко от меня. Я поразился, насколько тщательно он ухаживал за собой. Он только что побрился и сбрызнул себя одеколоном. На нем была утренняя одежда: фланелевые брюки и шелковая сорочка без галстука. На поясе, в открытой замшевой кобуре, виднелся «Вальтер» 7,65 калибра...»

Усталый и голодный доброволец, горевший желанием поскорее сразиться с фалангистами, видимо, ожидал увидеть перед собой изможденного и пропахшего порохом аскетско-коммуниста, отдававшего всего себя фронту и победе. Чем дольше продолжался этот прием, тем все больше он изумлялся. «Я был заморожен и парализован видом роскошного завтрака, накрытого на сервировочном столике, который вкатил слуга в белой униформе. Орлов намазал маслом подрумяненный ломтик хлеба, откусил кусочек и занялся яичницей с ветчиной, время от времени прихлебывая кофе. Он слушал меня рассеяно, иногда задавая вопросы, чтобы смутить меня, но большую часть времени он меня не перебивал. Что касается меня, то я изо всех сил старался не пялиться на еду — не для того, чтобы скрыть, что я голоден, а чтобы не утратить достоинство. Целые сутки у

меня не было крошки во рту. Подобрал яичный желток и допив свою чашку кофе, Орлов вынул пачку «Лаки страйк», зажег сигарету и, показывая, что разговор завершен, сказал: «Мы с вами свяжемся».

Удивлению Хенкина есть вполне простое объяснение. Система власти, которой Орлов до поры до времени служил, вероятно, больше не по совести, а из карьеристских побуждений, с течением времени превратила его в циничного, расчетливого и высокомерного по отношению к тем, кто был ниже по своему положению, бюрократа. Оказавшись вдали от московского начальства и имея почти диктаторские полномочия, он упивался властью.

Но тогда, осенью 1936 года, после отправки в Одессу «золотого каравана» Орлову и другим сотрудникам советской резидентуры некогда было расслабляться. К концу октября войска Франко, не встречая на своем пути серьезного сопротивления, четырьмя колоннами стремительно продвигались к Мадриду и 6 ноября уже стояли у его стен. В самом городе активно действовала «пятая колонна» из числа фалангистов, они были повсюду: в армии, милиции и правительстве. Республиканская власть напоминала головку швейцарского сыра, готовую вот-вот свалиться в пасть фашистского дракона, все сильнее сжимавшего кольцо осады вокруг столицы. В этих условиях Орлову, его заместителю Эйтингону, Василевскому, Цветкову и другим сотрудникам резидентуры совместно с советскими военными советниками и бойцами из интербригад приходилось предпринимать титанические усилия, чтобы организовать разношерстные войска республиканцев и удержать фронт, трещавший по всем швам под ударами мятежников. В те горячие ноябрьские дни казалось, что еще одно усилие фалангистов — и Мадрид падет к их ногам, а вместе с ним и власть республиканцев, но этого не произошло.

В Москве не стали медлить. На внеочередном заседании Политбюро ВКП(б) было принято решение об оказании республиканскому правительству Испании более масштабной помощи. Операция получила кодовое название «Х». Первые

пароходы с танками Т-26, самолетами СБ, И-15 и военными специалистами на борту вышли из Одессы и взяли курс на Испанию. В начале ноября караван из 16 советских судов пришвартовался в порту Картахены, и обескровленная республиканская армия пополнилась сотнями военных советников и коминтерновцев. Вместе с ними поступило оружие, артиллерийские системы, танки, минометы, сотни тысяч боеприпасов, без которых республиканская армия задыхалась.

Помощь подоспела вовремя, и бригада генерала «Клебера», ядро которой составляли около 500 бойцов-коминтерновцев, не только выстояла перед натиском во много раз превосходящих сил противника, но и перешла в контрнаступление, получив такую мощную поддержку. Войска генерала Франко вынуждены были отступить. Блицкрига не получилось, и война приобрела затяжной характер. Но в силу своей разобщенности, республиканское правительство не смогло воспользоваться плодами победы и погрязло в политических склоках и борьбе за власть.

«Швед», к тому времени создавший разветвленную агентурную сеть в республиканском правительстве и армии, полностью контролировал обстановку и 27 февраля 1937 года в очередном докладе в Центр объективно сообщал следующее.

«Правительство Испании обладает всеми возможностями для победоносной войны. Оно имеет хорошее вооружение, прекрасную авиацию, танки, громадный резерв людей, флот и значительную территорию с базой военной промышленности, достаточную для такой «малой войны» (заводы Испано-суизо и другие), продовольственную базу и прочее. Численность правительственных войск значительно превосходит войска неприятеля. Вся эта машина, все эти ресурсы разъедаются:

1. Межпартийной борьбой, при которой главная энергия людей употребляется на завоевание большего авторитета и власти в стране для своей партии и дискредитирование других, а не на борьбу с фашизмом.

2. Гнилым составом правительства, часть которого ничего общего с революцией не имеющая, пассивно относящаяся к событиям и думающая лишь о своем бегстве в случае крушения.

3. Притуплением у правительства чувства подлинной опасности положения в результате пережитых не раз тревог и чрезмерных паник. Настоящая угроза судьбе республиканской Испании, нависшая сейчас, воспринимается ими как обычная тревога.

4. Безответственностью и саботажем правительственных аппаратов и штабов по обеспечению армии и ее операций.

5. Не использованием сотен тысяч здоровых мужчин, проживающих в городах (Мадриде, Барселоне, Валенсии и ряде других), для тыловых работ и возведения укреплений.

6. Отсутствием подлинного штаба с авторитетным и крупным советником с нашей стороны. Горев военного опыта не имеет. Для такой войны он — младенец. Гришин — хороший партиец, но не специалист, а это — головка нашего командования. При таком руководстве сводятся на нет способности ряда подчиненных им наших специалистов. (Хороши только авиация, танки и их героический личный состав, но они не могут заменить армию).

7. Внутренней контрреволюцией и шпионажем...»

Констатируя столь удручающее положение дел, Орлов не остался сторонним наблюдателем, а, будучи человеком действия, предпринимал энергичные меры. Как профессионал, он хорошо понимал, что в затяжной гражданской войне порой трудно определить, где тыл, а где фронт. Исключительно важная роль принадлежит спецслужбам. Диверсионная и повстанческая деятельность должны были истощить силы противника и перевесить чашу весов в пользу тех, кто окажется более искусным. В этих условиях Орлов начал работу по созданию из разобщенных «карманных» служб безопасности партий единой и централизованной структуры. Выполняя волю Сталина и имея почти диктаторские полномочия, он со свирепостью восточного сатрапа принялся насаждать подходы и методику НКВД в организацию работы такой структуры. Война придала его изворотливому уму еще большее коварство, а в поступки привнесла еще больший цинизм и пренебрежение к человеческой жизни.

Первая попытка оказалась неудачной. Начавшийся под его давлением на республиканское правительство процесс создания центрального аппарата службы безопасности и его структурных подразделений на местах так и не завершился. Во время ноябрьских боев, когда фалангисты были близки к тому, чтобы захватить Мадрид, многие ее сотрудники попросту разбежались, а самого главу, Хустинианосу, арестовали за сотни километров от столицы, в Барселоне. При обыске в его машине обнаружили около 500 килограммов золота и несколько ценных картин. Орлов еще раз утвердился в мысли, что с такими кадрами, как Хустинианоса, испанскую спецслужбу не создать, и 29 декабря 1936 года с горечью доложил в Центр: «Советы, которые мы даем центральному аппарату госбезопасности, и вся наша помощь в виде инструктирования и оперативного руководства на места пока не доходят. Там политическими партиями создаются свои органы контрразведки, ими руководят местные комитеты Народного фронта».

Выход из положения он видел в том, чтобы взять испанскую службу безопасности под свой полный контроль и иметь в ней на ключевых постах «глаза и уши». В начале 1937 года по его настоянию руководство НКВД дополнительно направило в Испанию группу сотрудников, которые в качестве советников вошли в центральный аппарат СИМ (Службы военных расследований) и ее отделения в Барселоне, Бильбао и Альмерии.

Наряду с этими кадровыми мерами для осуществления акций ликвидации Орлов, по типу так называемых «летучих групп НКВД», создал спецподразделения из числа наиболее проверенных и обстрелянных на фронте командиров и бойцов интербригад. Одновременно в Мадриде, Бениамете, а затем в Барселоне, Бильбао и Архене в короткий срок были образованы и начали действовать центры по подготовке специалистов минно-взрывного дела, радистов, организаторов повстанческой деятельности и боевиков. На этом он не остановился и затем организовал секретные тюрьмы, в которых содержались не только пленные фалангисты, но и «неверные» союзники: социалисты, анархисты и троцкисты.

Главные же свои усилия Орлов и другие сотрудники резидентуры направляли на приобретение высококлассной агентуры. Как истинный профессионал, он прекрасно понимал ее исключительную роль и значение. Только она могла обеспечить доступ к самым сокровенным тайнам противника. Под его руководством сотрудники резидентуры действовали дерзко, с размахом и сумели добиться значительных успехов в этом направлении. Им удалось создать надежные оперативные позиции в лагере генерала Франко, в руководстве ПОУМ (Рабочая партия марксистского единства), где первую скрипку играли троцкисты, среди многочисленных иностранных представительств, в журналистском корпусе, не говоря уже об испанском правительстве.

Все это вместе взятое позволило советской резидентуре, несмотря на слабость испанского правительства и ее спецслужбы СИМ, добиться ощутимых разведывательных и контрразведывательных результатов. В частности, в результате агентурного проникновения в разведпост Второго бюро французского Генштаба ей удалось «сфотографировать 6000 документов». Позже, 5 марта 1937 года, Орлов доложил в Москву об очередном успехе: «В Мадриде при нашем участии раскрыты две организации фашистов: 27 и 32 человека. В Валенсии на основе архива итальянского консула арестованы итальянцы, братья Богани и Карлоти Полити, и 13 испанцев. Полити сознались, что вели разведывательную работу в Валенсии по поручению итальянского консула».

В июне 1937 года советская резидентура сумела вскрыть целую шпионскую сеть. Об этих ее результатах он сообщил в Центр: «Арестован шпион-лейтенант интербригады Максим Стар, член НСДАП, агент Гестапо, бывший член штурмового отряда, провокатор в компартии Германии. Арестованы немецкие шпионы Эрнест Клемент и Мюллер. Взят радиопередатчик. В голландском посольстве обнаружен и арестован руководитель германского шпионажа в Испании, бывший атташе посольства Алекс. В результате агентурной разработки по нашему указанию арестован племянник короля Альфонса подполковник

Хосе Бурбон де ла Торе. Следствие выясняет его фашистские связи. В Валенсии выявлен подпольный склад оружия и 400 бомб. Разоблачен и арестован крупный аферист Маркенштейн, получивший от Прието 5000 фунтов на поставку оружия... Арестован агент «Интеллидженс Сервис» индус Эрик Эдуард Дут, прибывший из Саламанки в Валенсию по заданию И. С. В Саламанке Дут был связан с руководителем Гестапо Фишером. При обыске у Дута найдена копия секретного доклада, посланного из Саламанки в И. С., о его деятельности за время пребывания на территории Франко. На основании имевшихся агентурных данных арестован также английский разведчик Кинг, у которого обнаружен вопросник «Интеллидженс Сервис» для заполнения данными о состоянии республиканских войск. Арестованный по этому делу информатор Кинга немец Рудольф Ширман состоял в Интернациональной бригаде».

Но настоящей головной болью для резидентуры являлась не столько шпионская деятельность, сколько само существование ПОУМ и ее лидера А. Нина. Тот, пригласив Троцкого в Испанию, чтобы вместе «свергнуть поддержанную коммунистами буржуазную демократию Народного фронта», тем самым подписал себе смертный приговор. Сталин, помнивший Нина еще по работе в Москве в качестве одного из ближайших соратников Троцкого и опасавшийся, что последний решится возглавить левые силы в Испании, требовал от Орлова его головы. К выполнению задания Хозяина тот подошел с присущей ему изобретательностью. На первом этапе с помощью вождя испанских коммунистов Х. Диаса и поддерживающих его левых группировок попытался сместить с поста премьера Кабальеро, выступавшего против устранения ПОУМ с политической арены, но эта попытка не удалась. Кабальеро устоял, а Нин и его соратники, почувствовав нависшую угрозу, тоже не сидели сложа руки. Они накапливали силы, чтобы нанести контрудар, но просчитались, так как против них действовал настоящий мастер провокации.

К тому времени Орлову и сотрудникам резидентуры удалось приобрести в ПОУМ агентуру на всех уровнях, она

своевременно сообщала о замыслах ее руководителей. Те требовали отставки премьера Негрина и, не стесняясь, бросали в его адрес грязные обвинения: «Франко — фашист. Фашистом является и Негрин».

В апреле на улицах Барселоны активисты ПОУМ открыто распространяли листовки антисоветского содержания: «Испанские рабочие! Не доверяйте помощи СССР. Задумайтесь хорошенько над подлинными целями этих новоявленных друзей», «Долой вмешательство в испанские дела со стороны Германии, Италии и СССР! Все они торгуют нашим народом».

Конфликт шел к неминуемой развязке, но Орлов не форсировал события, ждал подходящего случая и тот вскоре представился. 4 мая 1937 года в Каталонии возник вооруженный конфликт между анархистами и республиканцами. Поводом для него послужила гибель семи анархистов. Перестрелка быстро переросла в вооруженный мятеж, к нему присоединились сторонники ПОУМ. 5 мая газеты троцкистского толка, выходившие в Барселоне, пестрели обращениями: «Покончить с марксистами и мирно соединиться с войсками Франко на арагонском фронте». В тот же день по всему городу начались и продолжались в течение трех дней кровопролитные бои. В ходе них погибло около тысячи человек и еще несколько тысяч получили ранения. После всего происшедшего премьеру Кабальеро и его министрам ничего другого не оставалось, как подать в отставку. Ему на смену пришел социалист Негрин, значительно более лояльный Москве и находившийся под сильным влиянием Орлова.

Тот понял, что настал его час, и начал действовать. По наводке агентуры советской резидентуры, республиканская служба безопасности вскрыла подпольную фашистскую сеть в Мадриде и Барселоне. Всего было арестовано около 270 человек, захвачены две радиостанции с шифрами и изъято большое количество взрывчатки. И здесь в голову Орлова пришел дьявольски коварный план: как не только нейтрализовать Нина с ПОУМ, но и окончательно политически скомпрометировать движение троцкистов в Испании. По своему замыслу он был

прост, но весьма эффективен по достигнутым результатам. Орлов решил, используя захваченные коды немецкой разведки, подготовить зашифрованное письмо, в котором раскрывалась бы связь руководства ПОУМ с испанской фалангой, а через нее — с Франко и спецслужбами Германии. 23 мая свой замысел по компрометации Нина и ПОУМ он сообщил в Центр: «Ввиду того, что это дело (на фашистскую разведку в Мадриде — *прим. авт.*), по которому большинство созналось, произвело серьезное впечатление на военные и правительственные круги, и что это дело крепко документировано и обосновано полным сознанием обвиняемых, я решил использовать значимость и бесспорность дела для того, чтобы вовлечь в него руководство ПОУМ». Далее Орлов подробно описывал технологический процесс подготовки фальшивки, начиная с того, какие будут использованы симпатические чернила, и заканчивая тем, как «документ» попадет в контрразведку республиканцев. В конце докладной им был сделан следующий вывод: «Ждем от этого дела большого эффекта. После той роли, которую ПОУМ сыграла в Барселонском восстании, избличение прямой связи одного из его руководителей с Франко должно содействовать принятию правительством ряда административных мер против испанских троцкистов и полностью дискредитировать ПОУМ как германо-фашистскую организацию».

На Лубянке, получив предложения «Шведа», одобрили их без оговорок. Имея на руках санкцию, он немедленно приступил к выполнению задания. Все прошло согласно разработанному плану: полиция, проводившая обыск в штабквартире ПОУМ, обнаружила множество улик «враждебной деятельности», в том числе «письмо», и передала в СИМ. Там с помощью специалистов расшифровали текст, который не оставлял сомнений в связях руководства ПОУМ с фалангистами и спецслужбами Германии. Лишним подтверждением служило то, что зашифровка материала осуществлялась тем же самым ключом, который использовался фашистскими агентами, захваченными на радиоточках в Мадриде и Барселоне в конце мая. Само содержание текста носило откровенно шпионский

характер. При таких «доказательствах» судьба Нина и его ближайших соратников была предрешена.

16 июня генерал Р. Бурильо, ответственный за общественный порядок в Барселоне, выполняя указание генерального директора безопасности полковника А. Ортеги, приказал арестовать лидера ПОУМ и еще сорок видных функционеров. В тот же день республиканские газеты вышли с сенсационными сообщениями о том, что «полиция захватила в штаб-квартире ПОУМ шифры, телеграммы, коды, документы, касающиеся финансов, закупок оружия и контрабанды. Были так же обнаружены изобличающие документы, указывающие на то, что руководство ПОУМ, а именно Андрэу Нин, замешано в шпионаже».

В барселонской тюрьме лидеры ПОУМ долго не задержались. Опасаясь, что троцкисты могут предпринять попытку по их освобождению, по указанию Ортеги 18 июня арестованных перевезли Мадрид и поместили в строго охраняемый дом в пригороде Алкала-де-Энарес.

Первую часть задания по политической дискредитации Нина и ПОУМ Орлов успешно выполнил, но вторую часть — его ликвидацию — Центр не отменил. И здесь он вновь проявил свою изобретательность. 21 июня спецгруппа, некоторые участники которой говорили на немецком языке, проникла в дом в Алкала и «освободила» Нина. Последующие его поиски, которые вели СИМ и полиция, ни к чему не привели. Это дало лишний повод для новых обвинений руководства ПОУМ в сотрудничестве с фашистской разведкой, рискнувшей пойти на проведение спецоперации ради «спасения своего ценного агента».

Впоследствии, во время допросов в ФБР и на слушаниях в сенатской комиссии, Орлов категорически отрицал свою причастность к операции (кодовое название «Николай»), связанной с похищением и ликвидацией Нина. Это и понятно, ведь «мокрые дела» в такой «сверхдемократической» стране, как США не прощаются даже самым высокопоставленным перебежчикам. ФБР не стало «раскручивать» скользкую тему, а бывший резидент, конечно, предпочел помалкивать, но тут заговорили секретные документы, хранящиеся в деле «Шведа».

Они недвусмысленно говорят не только о его организаторской роли в похищении Нина, но и прямо указывают на непосредственное участие в убийстве.

24 июня 1937 года в очередном отчете в Центр Орлов сообщил: «Об участниках дела «Николай». Основные участники — это 1) Л. и 2) А. Ф., И. М. был самым косвенным пособником. Когда он приносил кушать в адресное помещение и ему открывали ворота, наши люди прошли во двор... Полтавский должен был вам сообщить из Парижа о выезде к вам последнего участника операции — «Юзика»... Его рукой был написан основной известный вам шифрованный документ. Он служил мне переводчиком по тому делу, был со мной в машине у самого помещения, из которого вывозили объект... Его значком полицейского мы избавлялись от слишком внимательного осмотра машины со стороны дорожных патрулей, когда мы вывозили груз». Что это был за «груз» и какая его постигла судьба, можно судить по одному, но весьма красноречивому документу, приобщенному к первому тому досье «Шведа» на странице 164. На нем имеется следующая запись, выполненная карандашом: «Н. из Алкала-де-Энарес в направлении Перане-де-Тхунья, на полпути, в ста метрах от дороги, в поле. Присутствовали: «Бем», «Швед», «Юзик», два испанца. Водитель «Пьера» «Виктор».

Нин не являлся единственной жертвой Орлова и его подчиненных. Война, в том числе тайная, не обходится без потерь. Их противники действовали не менее жестоко и безжалостно. Поэтому, если отрешиться от вполне уместных здесь эмоций, а рассматривать разведку как инструмент в руках политиков, позволяющий конспиративными способами обеспечить защиту национальных интересов, то основная доля ответственности за неоправданные жертвы ложится именно на них.

Ликвидируя Нина и отдавая приказы на уничтожение и других политических противников, Орлов вряд ли испытывал муки совести. Выросший и воспитанный в системе, которая с пеленок вбивала в головы беспрекословную преданность только ему, «великому, непогрешимому товарищу Сталину»,

и требовала слепого выполнения приказов, девальвировала в его глазах ценность человеческой жизни.

После того как руками республиканской полиции и СИМ с политической арены была убрана ПОУМ, Орлов основные усилия резидентуры сосредоточил на борьбе со шпионажем, организации диверсионно-повстанческой деятельности в тылу войск генерала Франко и вербовках перспективной агентуры. На первых порах им удалось добиться определенных успехов, но к концу 1937 года разведка и контрразведка фалангистов при прямой помощи многочисленных советников из спецслужб Германии и Италии, пользуясь разбродом и прямым предательством в рядах республиканцев, восстановила паритет. Теперь тайная война шла с переменным успехом.

Летом 1937 года диверсионной группе фалангистов удалось проникнуть в порт Картахены и подорвать линейный корабль республиканского флота «Хаиме I». Еще более масштабная диверсия была проведена 10 января 1938 года на центральном артиллерийском складе, оборудованном в Мадридском метро. Чудовищный взрыв унес жизни 173 человек и полностью разрушил станцию.

К середине 1938 года, несмотря на то что положение на фронтах и в самой столице, где все более дерзко действовала «пятая колонна», продолжало ухудшаться, позиции самого Орлова казались непоколебимыми. Тем не менее в его душе нарастала неясная тревога. В далекую Испанию просачивалась тревожная информация об исчезновении одного за другим резидентов, отозванных в Москву якобы для консультаций, назначения на новую должность или получения награды. Среди них оказались и те, с кем он не один год работал и дружил, а это был дурной знак. Еще один «тревожный звонок» прозвучал в конце 1937 года, когда коса репрессий задела и его семью. В Киеве арестовали зятя А. Канцельсона, занимавшего далеко не последнюю должность в наркомате внутренних дел Украины.

9 июля 1938 года Орлов принял шифрованную телеграмму № 1743, поступившую из Москвы, и в нем с еще большей силой ожили прежние страхи. Она предписывала ему незамедлитель-

но выехать в Париж, там встретиться с советским генконсулом Бинюковым, а затем вместе с ним 14 июля прибыть в порт Антверпен и найти пароход «Свирь». Следуя распоряжению, содержащемуся в телеграмме, он должен был подняться на борт судна и принять участие в совещании «с одним неназванным человеком, которого вы знаете». Этим человеком был не кто иной, как С. Шпигельглаз, известный «охотник на предателей».

Память услужливо подсказывала Орлову и другие настораживающие факты, которые складывались в пугающую цепочку. Ранее, в августе 1937 года, Центр неожиданно проявил трогательную заботу о его безопасности. В очередной шифровке начальник ИНО А. Слуцкий известил о выделении ему охраны из двенадцати человек. В связи с чем, как позже писал в своей книге Орлов, «мне сразу же подумалось, что эти телохранители, возможно, получили приказ ликвидировать меня». Но, пожалуй, больше всего его насторожил неожиданный приезд в Мадрид в октябре 1937 года самого Шпигельглаза. Свое появление тот объяснил необходимостью подготовки условий для вывода агента «Фермера» (Скоблина) из Франции после завершения операции, связанной с похищением генерала Миллера. Возможно, Орлов и не придавал бы этому большое значение, если бы не одно обстоятельство. Ему стало известно о конспиративной встрече Шпигельглаза с агентом НКВД Болодиным, руководившим «летучей группой». Последний о ней Орлову не доложил, и тот посчитал, что над ним сгущаются тучи. Будучи любящим мужем и отцом, он решил обезопасить от возможных убийц жену с дочерью, тайно вывез их во Францию и поселил на известной только ему вилле.

Теперь же, с получением телеграммы Центра, Орлов снова забеспокоился. Позже, в своих воспоминаниях, а также в показаниях ФБР и на слушаниях в сенатской комиссии США, он мотивировал свои последующие действия тем, что подозревал: «Это судно должно было стать моей плавучей тюрьмой».

Это было лишь предположение. Несмотря на холодное в последнее время отношение к нему Ежова, тот каких-либо письменных указаний на этот счет не давал. У страха глаза ока-

зались слишком велики. В воспаленном воображении Орлова, вероятно, рисовалась картина, что как только он поднимется на борт парохода «Свирь», так в тот же момент «неназванный человек» (Шпигельглаз) защелкнет на его руках наручники. В свою очередь Шпигельглаз не решался сойти на берег, так как опасался быть арестованным полицией, перед которой «засветился» при похищении генерала Миллера.

В пепельнице медленно догорали остатки телеграммы Центра. Вместе с ней Орлов сжигал за собой последние мосты, связывавшие его с НКВД. Не став искушать судьбу, 12 июля 1938 года он, прихватив с собой несколько десятков тысяч долларов, предназначавшихся для оперативных расходов, бросился в бег. На границе с Францией расстался с телохранителем и продолжил путь с водителем в Перпиньян. Там, в «Гранд-отеле», его ждали жена с дочерью. Оттуда всей семьей ночным поездом они выехали в Париж, и потом на целых четырнадцать лет следы бывшего советского резидента затерялись.

Его неожиданное исчезновение вызвало переполох в Мадриде и Москве, а после того, как обнаружилось отсутствие жены и дочери, он перерос в панику. Резидент-перебежчик, державший в своих руках нити всех операций не только в Испании, знавший тайну исчезновения ее золотого запаса, работавший с ключевыми агентами в Великобритании, осведомленный о пикантных деталях жизни «кремлевских небожителей», на стороне противника мог оказаться пострашнее любой бомбы. В Кремле и на Лубянке пришли в ярость и потребовали от Шпигельглаза доставить «иуду» в Москву живым или мертвым. Тот рыскал по Европе, его «волкодавы» сбились с ног, разыскивая высокопоставленного перебежчика, но безрезультатно. На этот раз они имели дело не просто с профессионалом, а с мастером, в активе которого были десятки операций, связанных с ликвидацией агентов-двурушников, троцкистов, и умевшим путать следы.

Сам Орлов не питал иллюзий в отношении своей неуязвимости, так как хорошо знал систему изнутри. Всех его предшественников рано или поздно настигали либо пуля, либо

нож боевиков из «летучей группы». Он ясно отдавал себе отчет в том, что руководство НКВД не пожалеет ни людей, ни средств, чтобы добраться до него, и потому первым сделал неординарный ход. Его обращение с личным письмом к Сталину, поступившее к Ежову, вызвало у того приступ бешеной ярости. Зарвавшийся предатель предложил торг: в обмен на свою жизнь, жизнь семьи и престарелой матери, оставшейся в СССР, сохранить все в тайне. В противном случае Орлов грозил предать огласке секретные материалы, которые предусмотрительно передал на хранение адвокату.

Достоверно не известно, дошло ли письмо до Сталина, поскольку на нем отсутствует его резолюция, но, вне всякого сомнения, его содержание стало ему известно. Подтверждением может служить то, что вряд ли Ежов и пришедший ему на смену Берия без санкции Хозяина решились бы отменить «охоту» на высокопоставленного перебежчика.

Орлов оказался единственным резидентом НКВД, которому удалось не только унести ноги от «летучих групп», но и спасти от расправы семью. Позже, из далекой Америки, когда умерли его главные враги — Ежов, Берия и Сталин, — перебежчик позволил себе смелость обвинить их во всех смертных грехах, которых на собственной совести имел предостаточно. И как бы он не пытался обелить себя, от одного ему никогда не отмыться. Разведчика, раскрывшего имена агентов, доверивших ему свою честь и жизнь, в лучшем случае можно считать сумасшедшим, а в худшем — банальным предателем.

С бегством Орлова работа советской разведки и контрразведки в Испании не была свернута. Часть агентуры была отозвана в СССР или «законсервирована», а руководство резидентурой перешло к заместителю, восходящей звезде советской разведки Науму (Леониду) Эйтингону (оперативный псевдоним «полковник Котов»). На тот момент ему исполнилось всего 37 лет, но за его спиной уже были годы полной риска нелегальной работы в качестве резидента в Шанхае, Пекине и Харбине. В 1930 году он прошел боевую обкатку в качестве заместителя Серебрянского в «группе Яши». Важную роль

принадлежала ему в организации вывоза в СССР испанского золотого запаса. За успешное ее выполнение Эйтингон был награжден орденом Красного Знамени.

В тот трудный для советской резидентуры момент наиболее полно и ярко раскрылись его способности как разведчика-агентуриста. Разносторонний человек, ироничный и тонкий собеседник, хороший психолог, он обладал уникальным даром увидеть в кандидате на вербовку будущего политического или военного деятеля, крупного ученого. Несколько приобретенных им в Испании агентов, и не только из представителей левых движений, но и из числа троцкистов и фашистов вошли в «золотой фонд» советской разведки и еще долго служили ее интересам.

Архивы спецслужб пока открыли только некоторых из них: Р. Меркадера и его мать К. Меркадер, сыгравших ключевую роль в операции советской разведки под кодовым названием «Утка», связанной с ликвидацией Троцкого. Другой агент, Г. Берджес, входивший в состав «великолепной кембриджской пятерки», с полным правом занимает центральное место в «Зале славы» Службы внешней разведки России (СВР). Еще один агент, Ф. де Куэста, основатель испанской фашистской партии Фаланги, также работал на советскую разведку.

Путь Эйтингона в органы государственной безопасности, как и для многих его сверстников, начался с приобщения в юности к марксистской идеологии. Во время учебы в Могилевском коммерческом училище он познакомился с революционной литературой и в феврале 1917 года вступил в партию эсеров. Касаясь этого периода своей политической деятельности, Эйтингон позже признавал: «Это была моя единственная политическая ошибка за всю мою жизнь. В эсеровской партии я пробыл всего лишь несколько месяцев. В августе или сентябре 1917 года (до Октябрьской революции) я из партии с-р вышел, так как на ряде фактов (отношение к войне, защита помещичьих усадеб и прочее) убедился в ее контрреволюционной сущности».

Вся дальнейшая его жизнь и работа была связана с партией большевиков. В гомельском отделе ВКП(б) «Губкомпродук-

та», где Эйтингон работал в составе продотряда, обратили внимание на смышленного, деятельного паренька и в апреле 1919 года направили на учебу в Москву на курсы при Всероссийском совете рабочей кооперации. По возвращении в Гомель, в октябре 1919 года его приняли в члены ВКП(б). К тому времени на Западном фронте сложилось угрожающее положение, и молодой коммунист отправился добровольцем в Красную армию. Там наиболее ярко проявились его организаторские способности, острый ум и волевые качества. Спустя полгода, в мае 1920 года, партийная организация направила «преданного бойца» Эйтингона на работу в Особый отдел ВЧК в качестве оперуполномоченного. В том же году, после ликвидации Особого отдела, он был откомандирован в распоряжение Могилевской губернской ЧК и вскоре назначен на должность заместителя начальника.

Дальнейший жизненный и профессиональный путь Эйтингона вряд ли может быть лучше отражен, чем в служебной аттестации, написанной 13 ноября 1946 года его многолетним и непосредственным начальником генерал-лейтенантом П. Судоплатовым. В ней он следующим образом характеризовал своего подчиненного и друга.

«Генерал-майор т. Н. И. Эйтингон является одним из старейших работников органов МГБ СССР.

На работу в ЧК прибыл по путевке Гомельского Губкома РКП(б).

Беспрерывно работает в органах разведки с 1920 года.

В 1920 году организовал на Гомельщине и руководил борьбой с бандитизмом. Принимал личное участие в разгроме банд. Агентурно разработал и лично участвовал в поимке известного савинковского эмиссара ОПЕРПУТА (Опперпута — *прим. авт.*) и ликвидации савинковской организации в Гомельской губернии (агентурное дело «Крот»).

В 1921–1922 годах активно участвовал в ликвидации националистических бандформирований в Башкирии. (В должности руководителя ЧК в Башкирии при проведении одной из операций был ранен — *прим. авт.*).

В центральном аппарате МГБ СССР работает с 1922 года и до настоящего времени. Начал свою работу с должности пом. нач. отделения.

Разведывательную и специальную работу за кордоном ведет с 1925 года. За кордоном по заданиям МГБ СССР провел в общей сложности около 14 лет. За эти годы им проведена большая работа по созданию кадров агентуры за кордоном. Лично осуществил за кордоном много ценных вербовок агентов из числа видных иностранцев. Многие из завербованных им людей и сейчас работают с нашей разведкой.

Заслуживает быть особо отмеченной успешная борьба т. ЭЙТИНГОНА с троцкистами за кордоном. Это относится, прежде всего, к представителям так называемого 4-го Интернационала, ПОУМ в Испании и троцкистскими организациями в других странах.

Имел серьезные успехи в работе по разложению белоэмигрантских организаций в Китае, Европе и пресечению враждебной работы против нас отдельных белоэмигрантов.

В годы Отечественной войны им проведена большая работа по организации партизанского движения и специальная работа на оккупированных советских землях, в Польше, Чехословакии, Болгарии и Румынии.

В 1945 году, после окончания войны, принимал активное участие и лично разрабатывал и осуществлял агентурные комбинации по ликвидации польских и литовских националистических бандформирований.

Смелый, инициативный, вдумчивый, опытный оперативный работник, хорошо знающий условия закордонной работы, умеющий быстро ориентироваться в обстановке, принимать соответствующие решения и энергично эти решения осуществлять.

За кордоном и внутри страны повседневно занимается вопросами подготовки молодых кадров чекистов. Умеет прививать людям вкус к агентурной работе.

Партии ЛЕНИНА — СТАЛИНА, нашей Родине предан. Политически грамотен, идеологически выдержан, морально

устойчив, работает над собой и может много полезного сделать для скорейшего устранения тех серьезных недостатков в агентурно-оперативной работе органов МГБ СССР, о которых говорится в известном решении ЦК ВКП(б)...»

Эту характеристику Эйтингон подтвердил гораздо раньше в Испании. После бегства Орлова он возглавил резидентуру и продолжил работу. К тому времени обстановка на фронтах войны еще больше обострилась, преимущество постепенно переходило к фаalangистам. В этих условиях все большее значение приобретала диверсионно-повстанческая деятельность в тылу противника, направленная на срыв поставок вооружений и живой силы к местам боев, вывод из строя пунктов боевого управления и связи. Выполнение данных задач на территории Испании было возложено на резидентуру и подчиненные ей разведывательно-диверсионные отряды из числа наиболее подготовленных в оперативно-боевом плане испанцев и бойцов из интербригад. Кроме них, на дальних подступах, в портах стран Западной Европы, из которых осуществлялись военные поставки режиму генерала Франко, действовали диверсионные группы Серебрянского.

Несмотря на смятение, охватившее резидентуру в первые дни после исчезновения Орлова, Эйтингон быстро взял ситуацию под контроль и с присущей ему энергией принялся за дело. В вопросах диверсионно-повстанческой деятельности он был далеко не новичок. Во время предыдущей работы в составе шанхайской и харбинской резидентур ему не раз приходилось организовывать и лично участвовать в проведении ряда спецопераций. Более того, на него как на заместителя Орлова возлагались задачи, связанные именно с этим направлением деятельности, и он успел немало сделать.

Опираясь на помощь А. Василевского, Н. Прокопюка, И. Старинова, Г. Сыроежкина, К. Орловского и других, к началу 1937 года им были созданы две диверсионные школы в окрестностях Мадрида и неподалеку от Валенсии, в Бенимамете. На первых порах в них обучалось около 200 человек. Под руководством опытных советских инструкторов бойцы

осваивали особенности тактики ведения партизанской войны, минно-взрывное дело, а затем группами до 30 человек забрасывались в ближайший тыл противника и там проводили диверсии на транспортных коммуникациях, выводили из строя линии связи и осуществляли террористические акты против командования фалангистов.

Тайная война с обеих сторон с каждым месяцем приобретала все больший размах и требовала все новых кадров. К апрелю 1937 года дополнительно к двум действующим разведывательно-диверсионным школам прибавились еще четыре: в Барселоне, Бильбао, Архене и Валенсии. В общей сложности за годы войны через них прошло около 3000 человек. Наряду с этим Орловым и Эйтинггом был внесен ряд изменений в тактику действий разведывательно-диверсионных групп. Они отказались от так называемых «кавалерийских наскоков» на передовые боевые порядки и перешли к проведению долговременных и более масштабных операций в глубоком тылу противника. Хорошо организованные и вооруженные отряды со своими средствами связи численностью до 50 человек проникали на территорию, занятую фалангистами, на глубину до 300 километров. После чего в труднодоступных местах оборудовали основную базу и затем с ее позиций мелкими группами по 10–15 человек осуществляли диверсионные рейды. Кроме того, само местоположение отрядов, близость к центральным пунктам боевого управления звена армия — фронт, а также крупным военным предприятиям и транспортным узлам естественным образом влияли и на характер проводимой ими деятельности. По своему содержанию она приближалась к классической разведке с ее неизменным арсеналом: агентами, резидентами, явочными и конспиративными квартирами, а уровень добываемой информации в ряде случаев имел стратегическое значение. Такая схема построения и тактика действий разведывательно-диверсионных отрядов способствовала существенному росту повстанческого движения. С течением времени они становились их организационным ядром. В последующем, в годы Великой Отечественной войны, эта тактика успешно применялась П. Судоплатовым и руковод-

ством 4-го управления НКВД — НКГБ СССР в борьбе против фашистских войск на оккупированной советской территории и в странах Восточной Европы.

Наряду с подготовкой мастеров в области диверсионно-повстанческой деятельности Орлов и Эйтингон самое серьезное внимание уделяли вопросам подбора и подготовки будущих кадров для стратегической разведки. Они быстро оценили те уникальные возможности, которые открылись перед ними в Испании — это неограниченный выбор кандидатов в агенты и возможность их «обкатки» в боевых условиях.

В этих целях в обстановке строжайшей секретности был образован нелегальный разведывательный центр, получивший кодовое название «Строительство». Он стал первой заграничной разведшколой НКВД, где из наиболее подготовленных бойцов интербригад, с соблюдением всех правил конспирации, по особой программе велось их обучение с перспективой последующего внедрения в политические, военные круги и спецслужбы тех стран, из которых они прибыли в Испанию. После бегства Орлова ее работа, а также сама программа «Новый набор», целью которой являлось развертывание агентурных сетей на территории тех стран, где, по мнению руководителей советской разведки, наиболее вероятно ведение боевых действий с фашистской Германией, были свернуты.

Наряду с советской резидентурой, работавшей непосредственно в Испании, важную роль в обеспечении боевых действий республиканской армии играла и Особая группа при наркомате НКВД («группа Яши»). К тому времени Серебрянскому и его подчиненным удалось сформировать двенадцать глубоко законспирированных оперативно-боевых групп. Основными объектами их диверсионных устремлений стали морские порты Норвегии, Франции, Германии, Дании и ряда других стран Западной Европы, откуда осуществлялись поставки боевой техники и военных материалов в армию генерала Франко. Действовала она достаточно эффективно и результативно. За все время проведения операций контрразведке и полиции ни одной из стран не удалось захватить в плен кого-либо из раз-

ведчиков Серебрянского. Связано это было с исключительной конспиративностью в работе разведывательно-диверсионных групп, высокой профессиональной подготовкой и надежностью ее участников, а также удачным выбором руководителей. В большинстве своем это были яркие и неординарные личности, имевшие за своей спиной многие годы подпольной борьбы.

Одним из них был Э. Вольвебер, руководитель разведывательно-диверсионной группы. В далеком 1918 году, во время революции в Германии, он возглавил восстание на флоте. После ее поражения военный трибунал приговорил его к смертной казни, и ему пришлось скрыться. Вторую Родину он нашел в СССР и, оставаясь верным коммунистическим идеалам, продолжал бороться за них в рядах советской разведки. Его группа успешно провела ряд диверсий на судах, доставлявших военные грузы армии генерала Франко. В частности, только во Франции ею было проведено минирование семи транспортных судов. После обнаружения минной лаборатории германскими спецслужбами Вольвеберу и большинству участников диверсионной группы удалось уйти от преследования и скрыться в Норвегии. Там они продолжили свою работу. Очередной диверсионный акт был проведен на грузовом судне «Стефан Баторий». Корабль так и не доплыл до порта назначения в Испании и затонул с грузом стратегических материалов в Северном море.

Об эффективности действий советских диверсионных групп лучше всего могут сказать их противники. В июле 1941 года при докладе рейхсфюреру СС Гиммлеру о деятельности «лиги Вольвебера» начальник Главного управления имперской безопасности (РСХА) группенфюрер Гейдрих сообщил: «...Наряду с созданными английской секретной службой группами саботажников, целью которых в мирное время было уничтожение немецких судов, существовала еще более разветвленная, созданная Коминтерном террористическая организация, главной задачей которой было уничтожение судов тех государств, которые в свое время примкнули к Антикоминтерновскому блоку. Доказано, что члены этой организации до

конца 1940 года действовали в Дании и оттуда пытались снова перенести свою деятельность на территорию рейха. Руководителем этой организации был немецкий эмигрант Эрнст Вольвебер». Далее Гейдрих более подробно раскрывает его роль в ней: «...Он в значительной степени несет ответственность за организацию и активную деятельность созданных по указанию из Москвы групп саботажников в Германии, Норвегии, Швеции, Дании, Голландии, Бельгии, Франции и бывших прибалтийских государствах-лимитрофах. Он осуществлял в широких масштабах закупку и транспортировку взрывчатых веществ и других материалов для саботажа и располагал большими денежными средствами, ассигнованными Коминтерном для финансирования этой организации и для оплаты агентов. После вступления немецких войск в Осло в мае 1940 года Вольвебер бежал в Швецию». Касаясь результатов действий советских диверсионных групп, Гейдрих привел конкретные цифры: «...Деятельность этих, распространившихся на всю Европу, коммунистических террористических групп включает в себя акты саботажа против 16 немецких, 3 итальянских и 2 японских судов, которые в двух случаях привели к их полной потере».

После нападения фашистской Германии на СССР Вольвебер принимал деятельное участие в подготовке разведывательно-диверсионных групп 4-го управления НКВД — НКГБ, а после ее окончания вернулся на Родину и вскоре возглавил Министерство государственной безопасности ГДР.

Помимо осуществления диверсий на морских судах, на «группу Яши», а также резидентуры ИНО возлагалась и другая, не менее ответственная задача, связанная с обеспечением нелегальных поставок вооружений республиканской армии. В этих целях была создана целая сеть импортно-экспортных фирм, через которые осуществлялись закупки оружия и боеприпасов в Польше, Чехословакии, Бельгии, Дании и даже в самой Германии, а затем поставлялись в Испанию. Так, в августе — сентябре 1936 года «группа Яши», действовавшая во Франции, через возможности своего агента «Бернадета» сумела приобрести 20 самолетов, в том числе 2 самолета по-

следней модификации, и потом тайно перебросила их из Парижа на авиабазу в Барселоне. Позже силами ее диверсионного звена, руководимого агентом «Эрнестом», было проведено минирование 7 морских транспортных судов с грузом оружия и боеприпасов для фалангистов.

В последние недели существования республиканского правительства на «группу Яши», испанскую и французскую резидентуры легла тяжелая ноша, связанная с выводом из Испании членов республиканского правительства и добровольцев из состава интербригад. Эту задачу они успешно выполнили. Контрразведка генерала Франко не смогла захватить в плен сколь-нибудь значимых фигур.

7 февраля 1939 года Н. Липовка — радист резидентуры, к тому времени уже действовавшей в полевых условиях, из пригорода Барселоны в последний раз вышел в эфир. С революцией в Испании было покончено. Оставшиеся в живых Эйтингон, Василевский, Орловский, Прудников, Савченко и десятки других разведчиков с тяжелым сердцем возвращались на Родину. Тем не менее, несмотря на неутешительный военный результат, они свою тайную войну не проиграли, и это подтвердило время. В далекой Испании был сформирован «золотой фонд» отечественной разведки, обеспечивший на многие годы вперед ее преимущество в борьбе с западными спецслужбами. Только одно простое перечисление их имен говорит само за себя. К. Филби, ставший третьим человеком в британской разведке; Рамон и Каридад Меркадер, сыгравшие ключевую роль в выполнении задания самого Сталина, связанного с ликвидацией Троцкого; М. Коэн и его супруга, обеспечившие доступ советской разведке к американским «атомным секретам»; ряд других, фамилии которых навсегда останутся нераскрытыми. Большинство из них остались верны своим идеалам и продолжали бескорыстно выполнять рискованную разведывательную работу. Идеалисты-романтики, прошедшие через горнило борьбы с фашизмом, они во время Второй мировой войны и потом, с наступлением «холодной войны», продолжали успешно вести войну на тайном фронте.

В ходе испанской кампании советская разведка, наряду с существенным расширением и укреплением агентурной сети, приобрела огромный опыт в организации и проведении диверсионной и повстанческой деятельности в условиях полномасштабной войны. В ходе нее на практике было доказано, что мобильные, хорошо организованные оперативно-боевые группы, действующие в тылу противника, в руках грамотных руководителей могут стать грозной силой.

Окончательные итоги испанской кампании предстояло подводить партийным функционерам, и здесь последнее слово оставалось за Сталиным.

Печальный итог

Все политические кампании в условиях диктатуры неизменно приобретают безумные масштабы.

П. Судоплатов

Поражение разобщенных прокоммунистических сил в Испании стало закономерным итогом почти трехлетней Гражданской войны. Республиканское правительство, этот во многом искусственный и недолговечный союз коммунистов и социалистов, который всячески стремились подорвать троцкисты, в силу политических противоречий и непомерных амбиций своих вождей был обречен на поражение.

Военная и политическая неудача социалистических сил в Испании явилась болезненным и тяжелым ударом для советских вождей. Идеи социализма так и не смогли прорасти на выжженной палящим южным солнцем и опаленной порохом испанской земле. Вставить «революционный фитиль старухе Европе» на этот раз тоже не удалось, и тогда начались поиск «козлов отпущения» и наказание невинных. Долго разыскивать их не пришлось. Бегство на Запад такой крупной фигуры, как резидент Орлов, видимо, стало той последней каплей, которая переполнила чашу терпения советского руководства, и предопределило трагическую судьбу многих разведчиков.

После октябрьского заседания Политбюро ЦК ВКП(б), на котором НКВД подвергся жестокой критике за провалы в Испании, Ежов и пришедший ему на смену Берия вместе со своим ставленником в ИНО В. Деканозовым после «зачистки» центрального аппарата взялись за резидентуры. Под различными предложениями, например «переназначение» или «награждение», было отозвано из-за границы и арестовано подавляющее число

резидентов и агентов-нелегалов, в том числе и заслуженные коммунисты, члены зарубежных компартий.

В результате репрессий 1937–1938 годов были утрачены ценнейшие агентурные позиции в Германии, Франции, Польше, Италии и других странах Европы, на Ближнем и Дальнем Востоке, так необходимые для обороны страны. Урон, который понесли органы государственной безопасности после чистки кадрового состава и агентуры, по мнению авторов сборника «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне», «был несравним с ущербом, нанесенным спецслужбами зарубежных государств». Красноречивым подтверждением тому могут служить воспоминания руководителя 1-го управления НКГБ — НКВД — МГБ СССР (советская внешняя разведка) в период с 26 февраля 1941 по 15 июня 1946 года П. Фитина: «После захвата в сентябре 1938 года Чехословакии фашисткой Германией руководство советской разведки в течение 127 дней не представило ни одного доклада в Политбюро ЦК ВКП(б)».

«Меч Лубянки» — разведка — был брошен Ежовым и Берией под молот репрессий. Одними из первых под него попали ее многолетний руководитель А. Артузов и исполнявший всего 8 месяцев обязанности начальника ИНО В. Пассов. Они были арестованы по абсурдным обвинениям «в связях с вражескими разведками и попытках организации антисоветского заговора», а затем расстреляны.

Не избежал их печальной участи и видный руководитель разведывательно-диверсионных резидентур в Западной и Восточной Европе, на Ближнем Востоке и в США, «охотник» на перебежчиков, заместитель руководителя ИНО Шпигельгауз. По возвращении в Москву его арестовали и предъявили стандартное обвинение — «измена, сокрытие связи с «врагами народа» (своими непосредственными начальниками — руководителем ИНО Слуцким и наркомом НКВД УССР В. Балицким). Его «вину» не могли смягчить ни участие в организации наиболее важных «активных акций», связанных с ликвидацией перебежчиков: бывшего резидента военной разведки И. Рейсса

(Н. Порецкого), бывшего резидента ОГПУ в Стамбуле Г. Агабекова и других, уничтожением лидера ОУН Е. Коновальца, похищением генерала Е. Миллера, ни успешно проведенные диверсии на судах, доставлявших оружие войскам генерала Франко. Для следователей, не «нюхавших пороха», но зато научившихся «выбивать» признания из самых упрямых, все это ровным счетом ничего не значило, если «наверху» на жертве было поставлено клеймо — «предатель». В течение многих дней, лишая сна, они подвергали Шпигельглаза жестоким пыткам, стараясь добиться признания в «шпионской и террористической деятельности». В абсурдности своих обвинений зашли так далеко, что инкриминировали ему связь с заклятым врагом Троцким. Поводом к этому послужил срыв операции по его ликвидации в 1937 году, за подготовку которой отвечал Шпигельглаз. Несмотря на его стойкость и отсутствие каких-либо фактов, свидетельствующих о «предательской деятельности», следствие по уголовному делу закончилось стандартным приговором. Особым совещанием при нарком НКВД он был осужден к высшей мере наказания и расстрелян.

Подобная участь постигла и ветерана органов государственной безопасности Г. Сыроежкина, блестяще проявившего себя еще в первых операциях, проводившихся ВЧК. В Испании ему принадлежала видная роль в организации повстанческого движения в тылу франкистских войск и в руководстве разведывательно-диверсионными группами. Возвратившись в Москву, он также был арестован и осужден Особым совещанием при нарком НКВД к высшей мере наказания — расстрелу.

Вслед за ними волна репрессий накрыла и многих других «испанцев». Отчаянный и лихой командир разведывательно-диверсионной группы, проведенный в тылу франкистов не одну боевую операцию, а до этого добывший информацию о подготовке оуновцами покушения на министра иностранных дел Литвинова, И. Каминский был арестован по обвинению в «польском шпионаже» и приговорен к длительному сроку заключения.

Н. Прокопюку, имевшему на своем счету десятки успешно проведенных операций против франкистов, это нисколько не помогло. При рассмотрении его кандидатуры на должность начальника отделения в центральный аппарат НКВД УССР она была отклонена Берией и Первым секретарем ВКП(б) Украины Н. Хрущевым. Причиной отказа послужило то, что брат Прокопюка, бывший член коллегии наркомата просвещения, «оказался польским шпионом», был репрессирован и затем расстрелян.

В июле 1941 года, благодаря ходатайству П. Судоплатова перед Берией, он был восстановлен на службе и делом доказал абсурдность прошлых обвинений. Под его руководством разведывательно-диверсионная резидентура 4-го управления НКВД — НКГБ СССР «Охотники» стала одной из наиболее эффективных. Сам он удостоился звания Героя Советского Союза.

Р. Фишер, впоследствии ставший знаменитым и более известный под именем Рудольфа Абеля, по возвращении из Испании в Москву чудом избежал смерти. Его работа в качестве радиста у резидента-перебежчика Орлова, казалось, не оставляла шансов на жизнь, но он уцелел. Коса репрессий прошла над головой Абеля — его уволили со службы.

Будущий руководитель разведывательно-диверсионных резидентур 4-го управления НКВД — НКГБ СССР «Митя» и «Победители» Герой Советского Союза Д. Медведев также отделался сравнительно «легко». После проведения расследования 3 ноября 1939 года его уволили из органов государственной безопасности «за массовые необоснованные прекращения следственных дел».

Не лучшая доля ждала и добровольцев коммунистов-коминтерновцев: болгар, немцев, поляков и других. С началом войны в Испании И. Винаров, Ц. Радойнов, Д. Димитров, Г. Янков, А. Николов, Л. Партынский, Ф. Кропф и сотни других по зову сердца отправились воевать на стороне республиканского правительства. Многие начинали службу рядовыми бойцами и с течением времени стали командирами разведывательно-

диверсионных групп и войсковых подразделений. Возвратившись в СССР, те из них, кто уцелел от пуль и не попал в тюрьмы НКВД, устраивали свою жизнь, как могли. Простые «винтики» в гигантской и бездушной государственной машине, которая по замыслу вождей должна была перемолоть человеческий материал во имя эфемерного «светлого будущего», их мало интересовали.

Красноречивым подтверждением тому может служить судьба выдающегося мастера разведывательно-диверсионных операций Я. Серебрянского. На протяжении десяти лет он успешно руководил деятельностью Особой группы при Председателе ОГПУ, а затем при нарком НКВД. За эти годы им были созданы в крупных портах и на транспортных узлах ряда стран Западной Европы, Ближнего Востока и США 12 разведывательно-диверсионных резидентур из числа агентов-нелегалов, коммунистов-коминтерновцев и патриотов, «не засвеченных» в публичной деятельности. Во время войны в Испании ими осуществлялась нелегальная переброска оружия бойцам интернациональных бригад и спецгруппам НКВД, проводились диверсии на транспортных судах, направлявшихся с грузами для армии Франко, был захвачен ряд новейших образцов военной техники, испытывавшейся фашистами в Испании. И «награда» не заставила себя долго ждать. По возвращении в СССР Серебрянского ждало не повышение по службе, а камера во внутренней тюрьме и абсурдные обвинения в предательстве и сотрудничестве чуть ли не со всеми разведками стран, где действовала «группа Яши», а затем приговор к расстрелу с отсрочкой исполнения. В последний момент что-то остановило руку Берии — в то время уже полновластного хозяина Лубянки — над расстрельным списком. Вряд ли всемогущий нарком руководствовался человеческими чувствами. Будучи профессионалом, дальновидным и практичным человеком, он отдавал должное таланту разведчика Серебрянского и, предчувствуя грядущую войну, отложил его смерть про запас. В данном случае он мало рисковал. Серебрянский, в отличие от Артузова со Шпигельглазом, не был политической фигурой

и не «засветился» в пасьянсах, которые раскладывались в Кремле. Кроме того, за ним не водилось таких «грехов», как за Шпигельглазом, «завалившим» операцию по Троцкому и упустившим Орлова с Кривицким. Последний наделал немало шума на Западе своими выступлениями во французской прессе, обличающими Сталина. Серебрянский этого не мог знать и, находясь в одиночной камере, в течение двух лет встречал каждый новый рассвет с одной и той же мыслью — «это моя последняя ночь». И как бы кощунственно подобное не звучало, в тот раз от смерти его спасла война. Павел Анатольевич так вспоминал об этом. С началом войны и назначением его руководителем Особой группы при наркоме НКВД СССР первый вопрос, который ему пришлось решать, был кадровый. Задачи, поставленные перед новым подразделением, под силу были только профессионалам высочайшего класса. В связи с этим он обратился к Берии с просьбой об освобождении из тюрем и лагерей оставшихся в живых бывших сотрудников, в частности Серебрянского. Нарком тогда задал всего один вопрос: «Вы уверены, что он нам нужен?» — «Да!»

Павел Анатольевич верил не только в Серебрянского, но и в других уцелевших от репрессий боевых товарищей. Начавшаяся вскоре война смела с них все абсурдные обвинения и вернула в строй. Но это произошло только в июле 1941 года, а тогда, осенью 1938 года, грозовые тучи сгустились и над самим Судоплатовым.

Еще летом ничто не предвещало угрозу. После более чем двухлетней полной риска работы среди оуновцев и выполнения задания, связанного с ликвидацией их главаря Коновальца, возвратившись в Москву, он был обласкан начальством и представлен к заслуженной награде — ордену Красного Знамени и назначению на должность помощника начальника ИНО. Казалось бы, теперь перед Павлом Анатольевичем открылась перспектива блестящей карьеры, но здесь его коллеги нанесли удар, которого он вовсе не ждал.

В то суровое и безжалостное время, когда во имя призрачных идеалов приносились в жертву тысячи человеческих

жизней, одна из них на весах вождей ничего не стоила. Награды и прежние заслуги не имели значения, если на тебя пала тень подозрений «в отходе от генеральной линии партии» или недостаточной преданности Вождю. Мимолетно оброненное неосторожное слово, поездка на дом, пусть и деловая, к заболевшему руководителю, как оказалось «пробравшемуся в органы врага», и даже пассивное участие в работе редколлегии стенной газеты отдела или управления могли послужить веским основанием для обвинений в пособничестве изменникам.

Так, собственно, и произошло с Павлом Анатольевичем. За время его отсутствия очередная «партийная метла» принялась вычищать «замусоренные враждебным элементом» органы государственной безопасности. Новый назначенец Сталина, бывший член Центральной комиссии по чистке партии, заведующий отделом руководящих партийных органов ВКП(б) Ежов в короткий срок жестоко и безжалостно расправился со своим предшественником Ягодой, обвинив его, а с ним и всю верхушку НКВД в очередном «террористическом заговоре против т. Сталина», а затем взял в «ежовые рукавицы» органы и всю страну. Начавший давать сбои ГУЛАГ пополнился новыми миллионами безвинных жертв, и северные стройки снова ожили.

Волна репрессий докатилась и до «святая святых» — разведки. Вследствие этого работа центрального аппарата и его оперативно-боевых звеньев, закордонных резидентур, оказалась парализованной. Вновь назначенные начальники и оперативные работники порой не успевали вскрывать сейфы и принимать дела, как уже попадали в «черные» списки «врагов народа», число которых с каждым новым днем росло, словно снежный ком, и затем отправлялись в камеры внутренней тюрьмы. В отделах и управлениях наркомата проводились бесконечные партийные собрания и заседания парткомов, на которых будущие жертвы «срывали маски» и с испуганным клеймили очередных «врагов народа».

В эту чудовищную воронку был втянут и Павел Анатольевич. Произошло это вскоре после представления коллективу

5-го отдела (ИНО) ГУГБ НКВД СССР нового начальника В. Деканозова, сослуживца Берии еще по работе в Закавказской ЧК, занявшего кресло очередного «врага народа» Пассова. В своем вступительном слове он пообещал беспощадно бороться с врагами, проникшими в советскую разведку, а дальше все пошло по накатанной колее. Бывшие подчиненные Слуцкого, Шпигельглаза и Пассова спешили откреститься от них и засвидетельствовать свою преданность новому назначенцу партии. В те минуты их, видимо, занимала одна и та же мысль: не оказаться следующими в списке «врагов народа». И здесь совершенно неожиданно для Павла Анатольевича прозвучала его фамилия.

Первым в него бросил «камень» старый сослуживец, которого он знал еще по работе в ОГПУ Украины, А. Гукасов. Перед этим он, как и положено, покаялся, что не разглядел в своих бывших начальниках «замаскировавшихся врагов», заклеил их позором и затем вдруг обрушился с обвинениями на Павла Анатольевича. То, что говорил Гукасов, трудно назвать даже абсурдом. Он напомнил присутствующим про дружеские связи Судоплатова с разоблаченными «врагами» Шпигельглазом и Слуцким, про то, что в Москву его выдвинул не кто иной, как другой «враг народа», Балицкий (до 1933 года являлся руководителем ГПУ на Украине, а затем заместителем председателя ОГПУ СССР. В 1937 году был репрессирован). Не оставил он без внимания пассивное участие Павла Анатольевича в стенной газете отдела, разоблачавшей «врагов народа», и усмотрел в этом пособничество им. Что в тот момент двигало Гукасовым? Видимо, страх, так как за ним самим, с точки зрения новых «чистильщиков» органов, водился грешок — связи с разоблаченными «врагами» в НКВД Украины. Но, наверно, не только страх, но и указание нового начальника, Деканозова, начавшего самоочищение отдела. Новая «метла» спешила вымести «затаившихся врагов» и блеснуть наверху хорошей отчетностью, но делала это более тонко, чем при Ежове, когда вниз просто спускалась разнарядка: сколько и какой категории изменников, террористов и вредителей необходимо «вычистить».

Вслед за Гукасовым и другие сотрудники принялись соревноваться в обличении дежурной жертвы. Спасая себя, они искали рядом «крайнего» и припомнили Павлу Анатольевичу все: «преступную связь» с бывшим начальником ИНО Слуцким; старую дружбу с семьей Соболев, в свое время рекомендовавшей его на службу; пассивное участие в работе редколлегии стенной газеты, клеймившей на своих страницах «врагов народа». В приступе «шпиономании» они припомнили ему пребывание в плену в течение нескольких дней у генерала Шкуро. При этом никого не интересовало, что добровольцу Красной армии Павлику Судоплатову тогда шел всего тринадцатый годок. Это уже было не важно. Не имело значения даже то, что совсем недавно, смертельно рискуя собой, он выполнил важнейшее задание Советского правительства и ликвидировал второго по важности после Троцкого врага — лидера ОУН Коновальца. Система требовала новых жертв, а кто, как не он, выдвигенец «врагов народа», Балицкого и Слуцкого, подходил на эту роль. Заработала хорошо налаженная и знакомая ему схема уничтожения человека, которая еще до ареста морально и психологически ломала свою жертву.

Впоследствии в своей книге «Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы» он так вспоминал об этом: «Я чувствовал себя подавленным. Жена тоже сильно тревожилась, понимая, что над нами нависла серьезная угроза. Мы были уверены, что на нас уже есть компромат, сфабрикованный и выбитый во время следствия у наших друзей. Но я все-таки надеялся, что, поскольку был лично известен руководству НКВД как преданный делу работник, мой арест не будет санкционирован. В те годы я еще жил иллюзией, что несправедливость может быть допущена к члену партии лишь из-за некомпетентности или в силу простой ошибки...» Вскоре он понял всю наивность своих заблуждений и с горечью признавал: «Это была целенаправленная политика. На руководящие должности назначались некомпетентные люди, которым можно было отдавать любые приказания. Впервые мы (с женой) боялись за свою жизнь, оказавшись под угрозой уничтожения нашей же собственной

системой». А она напоминала о себе каждый день и каждый час, когда Павел Анатольевич приходил на службу. Тревожный шепоток об очередном аресте знакомых или сослуживцев, гулявший по коридорам, все более сгущал атмосферу вокруг него. В те дни, по его признанию: «Я приходил на работу и сидел у себя в кабинете за столом, ничего не делая. Новые сотрудники не решались общаться со мной, боясь скомпрометировать себя. Помню, что начальник отделения Гаранин, беседуя со своим заместителем в моем присутствии, переходил на шепот, опасаясь, что я могу подслушать».

Горечью и досадой на своих соратников пропитаны эти строки. Но Павел Анатольевич не упрекает их в слабости, поскольку каждый выживал, как мог, и скромно умалчивает, чем это грозило семье. Теперь не только его судьба, но и жизнь жены висели на волоске. Исключение из партии для сотрудника органов безопасности в то время было равносильно смертному приговору ему самому, а родственникам, в лучшем случае, грозило ссылкой. В своих воспоминаниях и выступлениях на телевидении и в прессе он скупко упоминает об этом. Поэтому пусть за него говорят документы. Пожалуй, ничто так правдиво и наглядно не передает дух того времени и драматизм положения самого Павла Анатольевича, как строчки из протокола заседания 5-го партколлектива ГУГБ НКВД. В них следует внимательно вчитаться, чтобы лучше понять, что тогда происходило в стране и жизни советских людей.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 15

заседания партийного комитета 5-го партколлектива ГУГБ
НКВД

от 23 ноября 1938 года.

СЛУШАЛИ: Персональное дело т. П. А. СУДОПЛАТОВА.

Т. ЛЕОНЕНКО зачитывает обвинения, предъявляемые к т. СУДОПЛАТОВУ, о его путанных ответах при заполнении

анкетных данных, о связях с ныне разоблаченными врагами народа: ГОРОЖАНИНЫМ (чекист из плеяды Дзержинского, видный сотрудник советской разведки, репрессирован в 1937 году по «делу о заговоре в НКВД УССР». В свое время рекомендовал П. Судоплатова для работы в центральном аппарате НКВД — *прим. авт.*) — троцкистом, подписавшим «платформу 83», которого СУДОПЛАТОВ знает по работе в ГПУ УССР; с СОБОЛЬ (кадровая сотрудница ИНО, близкий друг семьи Судоплатовых, репрессирована в 1938 году — *прим. авт.*) — ныне разоблаченным врагом народа, по рекомендации которой СУДОПЛАТОВ пришел работать в ИНО; с КАМИНСКИМ (видный советский разведчик, совместно с П. Судоплатовым принимавший активное участие в противодействии разведывательно-подрывной деятельности ОУН, репрессирован в 1938 году — *прим. авт.*) — врагом народа, лучшим другом СУДОПЛАТОВА; с БЫСТРОЛЕТОВЫМ (видный советский разведчик, с 1920 года находившийся на нелегальной работе в странах Западной Европы, репрессирован в 1937 году — *прим. авт.*) — врагом народа, компрометирующий материал о котором СУДОПЛАТОВ скрывал в течение долгого времени.

Т. ЛЕОНЕНКО сообщает об использовании СУДОПЛАТОВЫМ служебного положения для получения из-за границы вещей для себя и своей жены под видом оперативных надобностей уже в сентябре 1938 года.

Т. СУДОПЛАТОВ дает биографическую справку о себе и своих родственниках, указывает о своем участии в Красной армии, о нахождении в плену у генерала ШКУРО в возрасте 12 лет. СУДОПЛАТОВ указывает, что предъявленные ему обвинения не соответствуют действительности, связь с ныне разоблаченными врагами народа — ГОРОЖАНИНЫМ, КАМИНСКИМ — была исключительно служебная, других взаимоотношений с ними не было. В отношении связи с СОБОЛЬ СУДОПЛАТОВ признает, что в этом вопросе он виновен, что в данном случае он просмотрел, чему в значительной степени способствовало награждение СОБОЛЬ боевым оружием руководством наркомата.

Т. СУДОПЛАТОВУ были заданы вопросы по уточнению отдельных неясностей т. ПУДИНЫМ, ПЕРВУШИНЫМ, БЛАГУТИНЫМ, ХРИПУНОВЫМ, ЧЕРНОНЕБОВЫМ, ДУДУКИНЫМ, ПЕРЕВОЗНИКОВЫМ, ЭПШТЕЙНОМ и другими.

Т. СУДОПЛАТОВ делает заявление, что у него настороженное отношение к НАГИБИНУ, который является выходцем из кулацкой семьи, о чем он скрывает, основанное на том, что семья НАГИБИНА, враждебно настроенная к советской власти, не сложила свое оружие враждебности до настоящего времени. Родственники его репрессированы.

ВЫСТУПЛЕНИЯ.

Т. БЛАГУТИН: придя в отдел, из беседы с отдельными товарищами я получил о СУДОПЛАТОВЕ характеристику, как о холоде. Отсюда я считаю все его последующие положения в коллективе. Посмотрите связи СУДОПЛАТОВА с врагами народа т. ГОРОЖАНИНЫМ, СОБОЛЬ и другими. Поведение СУДОПЛАТОВА во время прошлых собраний, его отношение к ныне разоблаченным врагам, нужно сказать прямо, обывательское. СУДОПЛАТОВ никогда не выступал с разоблачением врагов, он не высказывал своего мнения, у него нет ничего партийного.

Тот факт, что враг народа ШПИГЕЛЬГЛАЗ делился с СУДОПЛАТОВЫМ об имеющихся на него показаниях, говорит о тех взаимоотношениях, которые существовали у СУДОПЛАТОВА с бывшим руководством отдела. Посещение СУДОПЛАТОВЫМ вечеринки у СЛУЦКОГО и так далее — все это явления не случайные. Они говорят о прямой связи СУДОПЛАТОВА с ныне разоблаченными врагами народа, и здесь именно кроется причина того, что СУДОПЛАТОВ не выступил с их разоблачениями. Я предлагаю исключить СУДОПЛАТОВА из партии как не оправдавшего доверия партии.

Т. ДУДУКИН указывает, что СУДОПЛАТОВ попал на работу в отдел по рекомендации врага СОБОЛЬ. Его тянул на работу СЛУЦКИЙ. Кто такой СЛУЦКИЙ — нам известно. Для СУДОПЛАТОВА создавались особые условия, которые

никто из нас не имеет. И дальше, в 1938 году, СУДОПЛАТОВ намечается на должность пом. нач. отдела и, еще не будучи утвержденным в этой должности, СУДОПЛАТОВ пользуется особыми привилегиями; эти довольно странные явления, по-моему, вытекают из тех взаимоотношений, которые имел СУДОПЛАТОВ с бывшим руководством отдела. Возьмите окружение СУДОПЛАТОВА: враг народа СОБОЛЬ — его близкий друг, о чем не скрывает и сам т. СУДОПЛАТОВ. Но когда арестовывают СОБОЛЬ, СУДОПЛАТОВ не считает своим долгом члена партии довести до сведения парторганизации об этом аресте. СУДОПЛАТОВ знал очень многих из ныне разоблаченных врагов народа, соприкасался с ними в быту, для многих из них он был лучшим другом. Казалось бы, что СУДОПЛАТОВ должен был оказать громадную помощь партии по очистке отдела от врагов. Но СУДОПЛАТОВ не сделал этого, он не помогал партии разоблачать врагов, а своими отдельными выступлениями на партсобраниях он выступал в защиту дела ГОРОЖАНИНА, КРОПОТОВА и других. Этим своим поведением СУДОПЛАТОВ не оправдал звания члена партии и ему не место в ней.

Т. ЧЕРНОНЕБОВ: СУДОПЛАТОВА нужно рассматривать с точки зрения его партийности в нашей организации. СУДОПЛАТОВ не принимал никакого участия в разоблачении врагов народа, он молчал. Этим молчанием он укрывал их и это не случайно, товарищи, ибо СУДОПЛАТОВ был тесно связан с целым рядом ныне разоблаченных врагов, он сросся с ними и был для них удобным человеком. СУДОПЛАТОВ игнорировал отдельных членов партии, выступавших с разоблачением врагов народа, а когда мы выступили с разоблачением врага народа СОБОЛЬ, то большинство из ныне разоблаченных врагов обвинили нас в клевете, в том числе был СУДОПЛАТОВ и КАГАНОВА. Мне кажется, что у СУДОПЛАТОВА была тесная связь с врагом ГОРОЖАНИНЫМ, который принимал участие в переброске СУДОПЛАТОВА на работу в Москву.

Т. ЧЕРНОНЕБОВ останавливается на факте получения СУДОПЛАТОВЫМ вещей из-за границы для личного пользо-

вания, указывая, что вещи пришли для СУДОПЛАТОВА под предлогом оперативной необходимости. Т. ЧЕРНОНЕБОВ зачитывает приложенное к этим вещам письмо, присланное с дипломатической почтой. Этот факт говорит за то, что СУДОПЛАТОВ не искренен и в данном случае, пытаясь прикрыть факт получения личных вещей оперативными нуждами, тогда как приведенный факт подтверждает обратное. Из всех приведенных фактов т. ЧЕРНОНЕБОВ делает один вывод, что СУДОПЛАТОВ, потерявший партийное лицо, ничем не оправдал звание члена партии и ему не место в партии.

Т. НАГИБИН: заявление, сделанное здесь СУДОПЛАТОВЫМ в отношении меня и моих родственников, является ложным и ничем не обоснованным. Это заявление я считаю попыткой СУДОПЛАТОВА отвести от себя удар партийной организации, предъявившей СУДОПЛАТОВУ ряд законных обвинений. СУДОПЛАТОВУ я не доверял и не доверяю. Его мы еще не раскрыли до конца. СУДОПЛАТОВА держала рука СЛУЦКОГО. СУДОПЛАТОВ держал себя высокомерно. Он считал себя выше всех — героем, а остальных — пешками, толпой, массой. Все эти качества СУДОПЛАТОВА воспитывала та банда врагов, которая долгое время орудовала в отделе. СУДОПЛАТОВ не искренен в своем заявлении, что у него с СОБОЛЬ были только безобидные дружеские отношения, он также нагло врет и о своих взаимоотношениях с БЫСТРОЛЕТОВЫМ, с которым работал вместе, а пытается уверить партком, что он его совсем не знал и, наконец, все сводит к тому, что он, видите ли, забыл это. СУДОПЛАТОВ скрывал имеющийся у него компрометирующий БЫСТРОЛЕТОВА материал, он не ставил вопрос об аресте БЫСТРОЛЕТОВА. СУДОПЛАТОВ не был искренен и на парткоме при разборе заявления о приеме в партию его жены КАГАНОВОЙ и не поставил в известность партком, что друзья КАГАНОВОЙ, СОБОЛЬ и КОГАН, арестованы. СУДОПЛАТОВ также врет, что не знал о троцкистском прошлом ГОРОЖАНИНА и о том, что он подписал «платформу 83», и выступил на собрании с защитой ГОРОЖАНИНА. Я не верю этому. СУДОПЛАТОВ знал

о троцкистском прошлом ГОРОЖАНИНА и выступление его на собрании было заранее продуманным. СУДОПЛАТОВ не был на высоте своего положения как партиец и как чекист. Он использовал свое служебное положение, получал вещи из-за границы, используя методы врага ЯГОДЫ и других, и по существу занимался контрабандой. И, наконец, возьмите его отношения с врагом ШПИГЕЛЬГЛАЗОМ и заявление последнего СУДОПЛАТОВУ о том, что он (ШПИГЕЛЬГЛАЗ), является шпионом и чтобы ему помогли разыскать обливающий его материал. СУДОПЛАТОВ, зная это заявление ШПИГЕЛЬГЛАЗА, не поставил об этом в известность партком, сославшись на то, что материал на ШПИГЕЛЬГЛАЗА находится у т. БЕРИИ. Это поведение СУДОПЛАТОВА было прямой помощью врагу. И не зря враг народа КАМИНСКИЙ, характеризуя взаимоотношения СУДОПЛАТОВА с ПАССОВЫМ и ШПИГЕЛЬГЛАЗОМ, назвал его «удобным человеком». Все это ставит СУДОПЛАТОВА вне рядов партии, он не оправдал доверия и должен нести ответственность. СУДОПЛАТОВА нужно исключить из партии.

Т. ПРУДНИКОВ: объяснения СУДОПЛАТОВА на парткоме совершенно неудовлетворительные. Все факты обвинения СУДОПЛАТОВ отрицает и, как наивный ребенок, приходит в недоумение, что он этого ничего не знал, так как был занят на серьезной работе, и признает только то, что был в приятельских взаимоотношениях с СОБОЛЬ. О СУДОПЛАТОВЕ как о члене партии у меня сложилось определенное мнение. Откуда у СУДОПЛАТОВА появился такой гонор? Очевидно, это явление было вызвано тем, что он чувствовал за собой руку нач. отдела и его замов. Все его лучшие отношения идут только к высшим лицам, а презрение — к низшим. Низших работников СУДОПЛАТОВ не замечал. Поведение СУДОПЛАТОВА как члена партии в деле ГОРОЖАНИНА, в защиту которого он выступал, наглядно показывает его лицо, лицо не члена партии. Когда парторганизация вынесла по этому делу свое единодушное мнение, СУДОПЛАТОВ дал отбой. Однако не сделал для себя из этого никакого вывода, не осудил своего поступка. СУ-

ДОПЛАТОВ — старый работник отдела, знал многих из ныне разоблаченных врагов, но он ничего не сделал, чтобы помочь партии. Он не выступил с разоблачением и тем самым оказал услугу врагам, давал им возможность творить их гнусные дела. Вражеское руководство отдела в лице ПАССОВА видело это и старалось втянуть СУДОПЛАТОВА в свое болото, приблизить его к себе, для чего СУДОПЛАТОВУ создавались привилегии. Он был на особом положении у врагов. Вокруг СУДОПЛАТОВА и его жены КАГАНОВОЙ группировались все бывшие работники отдела, ныне разоблаченные враги, и создавали этим самым круг особых лиц, не переваривавших новых товарищей, пришедших на работу в отдел. СУДОПЛАТОВ был на особом положении у СЛУЦКОГО, ибо он был нужен СЛУЦКОМУ. СЛУЦКИЙ тянул на работу в отдел СУДОПЛАТОВА и, очевидно, это было неспроста. СУДОПЛАТОВ посещал вечеринки на квартире у него, где собирались все ныне разоблаченные враги. СУДОПЛАТОВ ничем не оправдал звание члена партии и ему не место в партии.

Т. ПУДИН: защита троцкиста ГОРОЖАНИНА СУДОПЛАТОВЫМ не случайна: не может быть, чтобы СУДОПЛАТОВ, будучи членом парткома ГПУ УССР, не знал о троцкистском прошлом ГОРОЖАНИНА. Он должен был знать это и он, безусловно, знал ГОРОЖАНИНА как троцкиста, ибо не зря ГОРОЖАНИН принимал такое горячее участие в переброске СУДОПЛАТОВА на работу в Москву. В этом вопросе СУДОПЛАТОВ не искренен. Взаимоотношения СУДОПЛАТОВА со СЛУЦКИМ довольно странные. Возьмите его участие во встрече Нового года на квартире у СЛУЦКОГО, которая по существу являлась просто прикрытием для сбора врагов. Мы знаем, что на этих встречах СЛУЦКИЙ высказывал свое удовлетворение подбором аппарата и его работанностью. А кто же остался из этих участников встречи на сегодняшний день? Никого. Все они оказались врагами народа. У СУДОПЛАТОВА нехорошие отношения с работниками отделений СЕНЬКИНЫМ, НАГИБИНЫМ. Спрашивается — почему? Почему СУДОПЛАТОВ не смог сработаться с

этими товарищами, присланными на работу из ЦК? Почему у СУДОПЛАТОВА чиновничье отношение к этим товарищам? Очевидно, СУДОПЛАТОВ стремится к тому, чтобы скомпрометировать этих товарищей и убрать их из отдела. Для меня кажутся совершенно странными отношения СУДОПЛАТОВА со ШПИГЕЛЬГЛАЗОМ и заявление последнего о том, что он, ШПИГЕЛЬГЛАЗ, шпион, причем это было сказано в моем присутствии. Это для меня остается непонятным. Почему ШПИГЕЛЬГЛАЗ не сказал этого никому другому, а именно СУДОПЛАТОВУ. Делая вывод, я должен сказать, что у СУДОПЛАТОВА нет ничего партийного, он не ведет никакой партийной работы, он не оправдал звания члена партии и я думаю, что ему не место в партии.

Т. ЕЗЕПОВ: СУДОПЛАТОВ должен признать, что вся его работа проходила в среде врагов народа, и он не принял никаких мер к их разоблачению. Разбирая дело СУДОПЛАТОВА, мы должны признать, что вражеское руководство отдела умело подбирать для себя кадры. Возьмите поведение бывшего секретаря парткома ДОЛМАТОВА, который в последнее время играл под дудку СЛУЦКОГО. То же нужно сказать и о СУДОПЛАТОВЕ. Факт приглашения его на встречу Нового года к СЛУЦКОМУ говорит за то, что СУДОПЛАТОВ считался у врагов своим человеком, для него создавались лучшие условия. Тем самым они втянули СУДОПЛАТОВА в свое болото. СУДОПЛАТОВ должен теперь признать это и дать политическую оценку своему поведению в парторганизации и той неправильной, ложной позиции, которую он занял в деле разоблачения врагов народа.

Т. ХРИПУНОВ: объяснение СУДОПЛАТОВА о том, что его длительная командировка явилась причиной притупления его бдительности в деле разоблачения врагов народа, совершенно не верна. СУДОПЛАТОВ вполне политически развит и легко мог бы ориентироваться в этом деле. Для меня, например, теперь становится совершенно ясно, почему СУДОПЛАТОВА выдвигали на должность пом. нач. отдела, почему ему создавались особые условия. Потому что СУДОПЛАТОВ

был удобным для них человеком. Они его втягивали в свое болото. В свете этого не могу верить СУДОПЛАТОВУ, что у него не было никаких отношений со ШПИГЕЛЬГЛАЗОМ. Ведь никому из нас ШПИГЕЛЬГЛАЗ не сказал о том, что на него имеются показания, что он шпион, об этом он поделился с СУДОПЛАТОВЫМ. Следовательно, у СУДОПЛАТОВА были со ШПИГЕЛЬГЛАЗОМ более чем деловые отношения; раз он его посвятил в это дело, значит, он посвящал его в другие дела. СУДОПЛАТОВ был на услужении у ШПИГЕЛЬГЛАЗА, СЛУЦКОГО и других. Он был у них особым приближенным. К рядовым работникам СУДОПЛАТОВ относился высокомерно, он не разъяснял им дела, не помогал в работе. В политическом отношении СУДОПЛАТОВ ничем себя не проявил. Он не включился в разоблачение врагов и не оправдал звания члена партии, ему не место в ней.

Т. ОДИНЦОВ: обсуждая дело СУДОПЛАТОВА, мы должны учесть всю его жизнь. Детство СУДОПЛАТОВА — наше, но чем дальше он шел в жизнь, тем больше он начинал портиться и, наконец, мы видим его опутанным связью врагов народа, с которыми СУДОПЛАТОВ жил, общался и для некоторых из них был лучшим другом. Это падение СУДОПЛАТОВА ускорила его женитьба на КАГАНОВОЙ. КАГАНОВА крепко держит в руках СУДОПЛАТОВА, через нее он попал в круги врага СОБОЛЬ и других. Он попал под влияние своей жены, и она втянула его в эти враждебные круги, в это болото. СУДОПЛАТОВ, безусловно, был в курсе всех событий, происходящих в отделе, хотя и находился в командировке. И не случайно он сам оказался придатком этого болота, ибо СУДОПЛАТОВ был в близких отношениях со СЛУЦКИМ, ПАССОВЫМ и другими. Он был удобным для них человеком, и на сегодняшний день только приходится жалеть, что вся эта сволочь еще не все говорит о СУДОПЛАТОВЕ, а говорить, на мой взгляд, есть о чем. На сегодня СУДОПЛАТОВ является не нашим человеком, он был лучшим другом ныне разоблаченных врагов и их ближайшим человеком, и не случайно поэтому он выступил в защиту врагов ГОРОЖАНИНА и других. Враг на-

рода ШПИГЕЛЬГЛАЗ доверял СУДОПЛАТОВУ, он делился с ним своими переживаниями и, по моему, СУДОПЛАТОВА неспроста вводили в курс дела: его намечали в приемники дел отдела. Что СУДОПЛАТОВ не наш — об этом говорит и его отношение к партпоручениям. Посмотрите его работу в стенгазете: разве так должен относиться член партии к порученному ему делу? СУДОПЛАТОВ не оправдал звания члена партии и ему нельзя оставаться в партии.

Т. ГЕССЕЛЬБЕРГ: повторяет высказанное мнение товарищей о СУДОПЛАТОВЕ и указывает, что СУДОПЛАТОВ потерял партийное лицо, не оправдал звания члена партии и ему не место в партии.

Т. ПЕРЕВОДНИКОВ: оправдывать свое поведение в деле разоблачения врагов, прикрываясь заслугами, как это делает СУДОПЛАТОВ, нельзя, нужно было наряду с этими заслугами включиться в активную работу по разоблачению врагов и на деле оправдать звание члена партии. Отношение СУДОПЛАТОВА к заявлению ШПИГЕЛЬГЛАЗА и его взаимоотношения с НАГИБИНЫМ являются непартийными ни в том, ни в другом случае. СУДОПЛАТОВ не поставил в известность партийный комитет, не делал никакой попытки к налаживанию взаимоотношений с НАГИБИНЫМ. СУДОПЛАТОВ нечестно, неискренне держит себя на парткоме. Он пытался отрицать все факты, выдвинутые против него. СУДОПЛАТОВ должен был честно рассказать о своем отношении к ГОРОЖАНИНУ и дать ему политическую оценку. В выступлении т. СУДОПЛАТОВА мы видим обратное, у него нет решительности, а следовательно, и нет партийности. Близость СУДОПЛАТОВА к врагам народа не случайна. СУДОПЛАТОВ был у них на особом счету как удобный человек. Не зря его приглашали на вечеринки СЛУЦКОГО, где велись разговоры о работе отдела и его работниках. СУДОПЛАТОВ и в этом вопросе не показал своего партийного лица, не разоблачил существование этих вечеринок. СУДОПЛАТОВ ничего не сказал сегодня и о своих взаимоотношениях с ПАССОВЫМ, о своей связи с врагами СОБОЛЬ, КАМИНСКИМ и другими. Это поведение

СУДОПЛАТОВА наглядно показывает его партийное лицо с обратной стороны, его непоследовательность. У СУДОПЛАТОВА нет ничего партийного. Я думаю, что партия ничего не потеряет, исключив СУДОПЛАТОВА из своих рядов.

Т. СЕНЬКИН: взаимоотношения СУДОПЛАТОВА с работниками отделения были ненормальные. Он явился в отделение не руководить, а командовать. Он не интересовался работой сотрудников отделения и использовал их не по прямому назначению. СУДОПЛАТОВ имел чрезвычайно большое высокомерие по отношению к людям, стоящим ниже его. Он не замечал их. СУДОПЛАТОВ поддерживал вражескую линию ПАССОВА на удаление из отдела честных вновь присланных работников, и он сделал бы многое, если бы ПАССОВА не убрали из отдела. У СУДОПЛАТОВА нет ничего партийного и ему не место в партии, ибо он ничем не оправдал звание члена партии.

Т. ЭПШТЕЙН: выступившие товарищи правильно подошли к политической оценке дела СУДОПЛАТОВА. Биографические неточности не являются основными критериями обвинения СУДОПЛАТОВА. Основным в этом деле является то, что СУДОПЛАТОВ был и остается политически неустойчивым человеком, все время его пребывания в органах говорит не в его пользу. Преклонение СУДОПЛАТОВА перед СЛУЦКИМ говорит о многом. Его отношение к ГОРОЖАНИНУ и сокрытие его троцкистского прошлого не случайно. Его окружение в лице БЫСТРОЛЕТОВА, СОБОЛЬ, КАМИНСКОГО и других довольно не из приятных. Все это характеризует СУДОПЛАТОВА как человека враждебного нам окружения. Это также подтверждается отношением СУДОПЛАТОВА к разоблачению врагов и его несогласие с выводами парторганизации. Этому поведению СУДОПЛАТОВА не в меньшей мере способствовал быв. партком во главе с оппортунистом ДОЛМАТОВЫМ, когда еще во главе отдела были СЛУЦКИЙ, ШПИГЕЛЬГЛАЗ. Сегодня, разбирая дело СУДОПЛАТОВА, мы не находим другого критерия обвинения, как его отношение к разоблачению врагов, долгое время и у него на глазах орудовав-

ших в отделе. Что сделал СУДОПЛАТОВ для их разоблачения? Ничего. СУДОПЛАТОВ работал и жил с этими людьми. Он сросся с ними, оказался сам в их болоте и не способен вести борьбу с ними. И сейчас, когда мы говорим о его отношении к этим врагам, мы не можем выразить ему политического доверия, мы не можем отнести к нему так, как мы относимся к некоторым членам партии, не внушающим нам политического недоверия. Вопрос об отношении СУДОПЛАТОВА к заявлению ШПИГЕЛЬГЛАЗА, я думаю, надо поставить по административной линии. В той напряженной обстановке, которая была в то время в отделе, об этом заявлении СУДОПЛАТОВ должен был сразу же поставить в известность партийный комитет, администрацию и наркома. Но он этого не сделал, и это лишний раз показывает нам непартийное лицо СУДОПЛАТОВА. Делая вывод, я присоединяюсь к мнению выступавших товарищей исключить СУДОПЛАТОВА из партии.

Т. СУДОПЛАТОВ: указывает, что о троцкистском прошлом ГОРОЖАНИНА узнал только на собрании, раньше об этом ничего не знал. Перед партией был и есть чист. Своей виной признает то, что не включился активно в разоблачение врагов народа, так как был занят подготовкой к большому оперативному делу, но это заявление, говорит СУДОПЛАТОВ, отнюдь не снимает с него ответственности перед партией.

Т. СУДОПЛАТОВ: заявляю, что никогда никаких преступных связей с врагами народа не имел. Со СЛУЦКИМ был связан исключительно делом, которое я проводил, и у него на квартире был два раза: один раз — на встрече Нового года и второй раз — по делу, когда СЛУЦКИЙ был болен. Для партии был честен и предан ей. Никаких преступлений перед партией не совершал. Оставался и остаюсь честным и преданным партии и для партии человек не потерянный.

Т. ЛЕОНЕНКО: делает заключение, соглашаясь с мнением товарищей об исключении СУДОПЛАТОВА из партии.

ПОСТАНОВИЛИ:

1) за притупление большевистской бдительности, выжившееся в том, что СУДОПЛАТОВ, работая на протяжении

ряда лет в отделе, находясь в близких взаимоотношениях с быв. нач. отдела СЛУЦКИМ, быв. зам. нач. отдела ШПИГЕЛЬГЛАЗОМ, быв. сотрудницей 5-го отдела СОБОЛЬ и ее мужем РЕВЗИНЫМ, не пытался и не сумел разоблачить их как врагов народа;

2) за то, что находился в близких взаимоотношениях с ныне разоблаченным врагом народа ГОРОЖАНИНЫМ, с которым работал до прихода в ИНО на Украине, и когда парторганизация разоблачила ГОРОЖАНИНА как скрытого троцкиста, СУДОПЛАТОВ выступал с защитой ГОРОЖАНИНА;

3) за то, что не принял мер к разоблачению эсера-белогвардейца БЫСТРОЛЕТОВА, материалы о котором находились у СУДОПЛАТОВА с 1933 года и он, БЫСТРОЛЕТОВ, в 1937 году работал в отделе и привлекался СУДОПЛАТОВЫМ к оформлению стенгазеты;

4) за то, что СУДОПЛАТОВ не принимал активного участия в борьбе парторганизации за очищение отдела от предателей и шпионов, пробравшихся в отдел, за использование служебного положения в личных целях:

П. А. СУДОПЛАТОВА из рядов ВКП(б) исключить.

Подлинный подписал секретарь парткома 5-го отдела ГУГБ НКВД ЛЕОНЕНКО».

Даже самый пристрастный к Павлу Анатольевичу критик не обнаружит в этом протоколе ни одного факта, дающего основания подозревать его в тех абсурдных обвинениях, которые пытались ему инкриминировать выступавшие. В них звучат раздражение и зависть к его успехам, быстрой карьере и несомненному таланту, который так ярко проявится в грядущей войне. Обыкновенная серость всех этих гукасовых, нагибиных и дудукиных только и может существовать, испачкав в грязи тех, кто ярок и независим.

Приняв решение об исключении Судоплатова из партии, они поторопились поставить на нем крест. Судьба распорядилась иначе. Главный «режиссер» Сталин решил, что очередной «мавр», Ежов, сделал свое дело и должен быть уничтожен. 25 ноября 1938 года новым наркомом стал Берия,

«дикорастущий» земляк Вождя, и «конвейер репрессий» приостановился.

Задыхающимся в тисках террора стране и народу требовалось объяснить, кто виновен в чудовищных злодеяниях, что творились последние годы. Искать долго не пришлось — «козлом отпущения» в очередной раз оказались «враги, пробравшиеся в органы государственной безопасности» во главе с Ежовым, «готовившим заговор и убийство товарища Сталина», который партия сумела разоблачить и смело назвать виновных.

Этому предшествовал очередной пропагандистский ход. 17 ноября 1938 года было принято совместное Постановление Совета народных комиссаров (СНК) СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». В нем в очередной раз партийные вожди старались обелить себя и лицемерно представить народу, что все случившееся с ним есть не что иное, как результат действий троцкистов — врагов молодого советского государства — и их «пятой колонны», действующей в стране. В частности, в Постановлении подчеркивалось:

«СНК СССР и ЦК ВКП(б) отмечают, что в 1937–1938 годах под руководством партии органы НКВД проделали большую работу по разгрому врагов народа и очистке СССР от многочисленных шпионских, террористических, диверсионных и вредительских кадров из троцкистов, бухаринцев, эсеров, меньшевиков, буржуазных националистов, белогвардейцев, беглых кулаков и уголовников, представлявших серьезную пищу для иностранных разведок в СССР, и в особенности разведок Японии, Германии, Польши, Англии и Франции... Очистка страны от диверсионных, повстанческих и шпионских кадров сыграла свою положительную роль в деле обеспечения дальнейших успехов социалистического строительства...

Массовые операции по разгрому и выкорчевыванию вражеских элементов, проведенные органами НКВД в 1937–1938 годах при упрощенном ведении следствия и суда, не могли не привести к ряду крупнейших недостатков и извращений в работе органов НКВД и Прокуратуры. Больше того, враги на-

рода и шпионы иностранных разведок, пробравшиеся в органы НКВД, как в центре, так и на местах продолжали вести свою подрывную работу, старались всячески запутать следствие и агентурные дела, сознательно извращали советские законы, проводили массовые и необоснованные аресты, в то же самое время спасая от разгрома своих сообщников, и в особенности засевших в органах НКВД».

В Постановлении не была упомянута фамилия Ежова, но посвященным было и так ясно, что тот обречен. 25 ноября 1938 года его переместили на второразрядный пост наркома водного транспорта СССР. Опытный кукловод Сталин, прежде чем отдать свою жертву под топор палача, на время ее «подвешивал». 10 апреля 1939 года Ежова арестовали. Вслед за этим началась очередная «зачистка» органов от ставших уже ненужными и опасными исполнителей воли Вождя. В камеры внутренней тюрьмы один за другим последовали другие руководители НКВД: М. Фриновский, И. Леплевский, Н. Николаев-Журид, Н. Федоров и И. Шапиро. К середине 1939 года были сняты со своих должностей почти все наркомы внутренних дел союзных и автономных республик, большинство начальников УНКВД краев и областей.

Так сами разоблачители «врагов народа» пополнили собой их списки. Специальные комиссии из ЦК ВКП(б) и сотрудников наркомата, назначенные Берией, занялись пересмотром ряда дел, которые они вели. По результатам проверки часть жертв была реабилитирована, а те, кто уцелел после «следственного конвейера», вышли на свободу из тюрем и лагерей. Персональное дело на Павла Анатольевича притормозили. Теперь все зависело от того, куда качнется чаша весов в руках нового наркома Берии. Тому, похоже, пока было не до него, так как приходилось разгребать «завалы врага народа Ежова». Затихли и злопыхатели Судоплатова. Молчал и «большой партком» — НКВД СССР, где в течение восьми месяцев пылились материалы персонального дела.

Наконец, 14 июля 1939 года состоялось заседание бюро парткома НКВД СССР. Началось оно с заслушивания Павла

Анатольевича по существу обвинений, предъявленных ему на заседании парткома отдела. Вот что он сказал.

«В части отношений с разоблаченным врагом народа СОБОЛЬ и ее мужем. Мы с ней дружили, в особенности после того, как моя жена с ней познакомилась в доме отдыха, с ее мужем я не дружил. О ее преступной деятельности я ничего не знал.

Вопрос о ГОРОЖАНИНЕ: вся эта история тянется долгое время. Надо сказать, что когда я приехал в прошлом году из командировки, меня везде поздравляли с успешным выполнением задания партии и правительства, а вот в ноябре меня исключают из партии. По существу личных отношений с ГОРОЖАНИНЫМ: у меня не было сведений о том, что он подписывал «платформу 83». Я не знал, и это даже меня поразило, ибо я его знал как ответственного работника. На Украине он руководил операциями по троцкистам, и для меня было непонятно, как он может вдруг сам оказаться троцкистом, поэтому я выступал на партсобрании и говорил, что это дело нужно расследовать. Когда мне разъясняли все это дело, я согласился с этим и на партсобрании голосовал за его исключение.

О БЫСТРОЛЕТОВЕ: сначала мне говорили, что я никакого участия не принимал в розыске и аресте БЫСТРОЛЕТОВА, несмотря на то, что имеются на него мои докладные записки и рапорта. Могло случиться так, что я в это время писал о БЫСТРОЛЕТОВЕ спецсообщение, а мог работать, так как мы знаем людей по кличкам. Я неоднократно ставил вопрос об аресте БЫСТРОЛЕТОВА перед ШПИГЕЛЬГЛАЗОМ. По тем данным, которыми я располагаю, ПАССОВ пришел к нам в отдел в апреле, а он был уволен в январе. Следовательно ПАССОВ не мог знать этого человека. Между тем, я все время твердил, что этот человек не арестован.

Как-то я зашел к ШПИГЕЛЬГЛАЗУ, смотрю: он бежит по комнате взад-вперед и кричит: «Я — японский шпион, я — японский шпион». И тут же мне сказал, что ему передали ключи от сейфа и в нем обнаружили материалы, в которых он изобличается как японский шпион. В это время следствие шло полным ходом, и если бы я подал заявление, оно бы ничем не

помогло, поэтому ничего и не писал. ШПИГЕЛЬГЛАЗ тут же вызвал одного из начальников отделения и дал ему распоряжение, чтобы он принес ему дело, в котором имеются материалы о его борьбе с японской разведкой на ДВК.

Я считаю, что все эти обвинения, которые мне приписывают, я их не заслуживаю, единственно то, что я действительно дружил с СОБОЛЬ...»

Теперь слово оставалось за членами «большого парткома», но оно, вероятно, уже было задано «сверху». На этот раз Павлу Анатольевичу не пришлось выслушивать вздорных обвинений. Заслушивание покатило не по обвинительной колее. И здесь лучше снова обратиться к беспристрастным строчкам протокола.

«Вопрос СУДОПЛАТОВУ:

— Вот вы говорите, что дело ГОРОЖАНИНА вас ошарашило, в каком году это было?

— Это было в 1936 году.

— Когда вы разговаривали с ПАССОВЫМ о БЫСТРО-ЛЕТОВЕ, что он высказал?

— ПАССОВ мне сказал, что он арестован, и тогда я никаких мер не принимал. Но вдруг через несколько дней раздастся звонок по телефону и мне говорит свою фамилию БЫСТРО-ЛЕТОВ, что вот, мол, он работал у нас, у него сейчас нет военного билета, послужного списка и так далее, и спрашивал, как это можно получить. Я ему сказал, чтобы он позвонил мне через пару дней.

Т. КРАВЦОВ: у т. СУДОПЛАТОВА было много времени, чтобы подумать, в чем он виноват, а вот здесь, на бюро парткома НКВД, он снова заявляет, что все это неправильно. 4-й параграф им был признан правильным, а здесь отрицает. На партсобрании признали его ошибки как политические, но не криминальные. Относительно ШПИГЕЛЬГЛАЗА: ШПИГЕЛЬГЛАЗ в присутствии СУДОПЛАТОВА вызвал к себе начальника отд. ЯРИКА и ему дал распоряжение, чтобы он подбирал материалы, реабилитирующие его как шпиона. СУДОПЛАТОВ не сообщил парторганизации об этом или нар-

кому. У меня сейчас впечатление, что СУДОПЛАТОВ все отрицает, кроме связи с СОБОЛЬ. В 1937 году СУДОПЛАТОВ выступал на партсобрании с положительной характеристикой на ГАРАЖАНИНА в то время, когда этот вопрос был для всех ясен. Т. СУДОПЛАТОВ совершенно справедливо гордится своими заслугами, много он сделал для партии и правительства и поэтому ему и предъявляют обвинение не криминального порядка и политического...»

Видимо, здесь Павел Анатольевич перевел дыхание. Выступление Кравцова стал первым сигналом, что его положение не безнадежно. В последующих выступлениях также не было той агрессии, с которой он столкнулся при обсуждении его персонального дела 17 ноября 1938 года на партсобрании 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР. На это раз не звучало и нелепых обвинений, обсуждение носило более поучительный характер.

Так, т. ПИНЗУР сказал: «Вообще это дело т. СУДОПЛАТОВУ непростительно. Это можно квалифицировать как политическую беспечность. Особенно в 1938 году, после прихода Л. П. Берии, когда это время характеризуется как период чекистских событий, когда требовалась от каждого чекиста-коммуниста настороженность. Я имею в виду факт со свидетелем. Ни для кого не секрет, что 5-й отдел был засорен. В вашем присутствии является человек, он ему приказывает подобрать реабилитирующий материал на японского шпиона. Т. СУДОПЛАТОВ, вы должны были понять это и сделать соответствующие выводы, к тому, мне кажется, что у вас здесь играет ваш гонор. То, что вы сделали для партии и нашего правительства — это очень хорошо, ведь вы — коммунист, но, вместе с тем, вы должны понять свои ошибки и элементы зазнайства.

Дело с ГАРАЖАНИНЫМ было в 1937 году. Так как т. СУДОПЛАТОВ на партсобрании признал свою ошибку, голосовал за исключение его из партии, это дело отпадает.

Дело по обвинению его в связи с врагом народа СОБОЛЬ он признал.

О БЫСТРОЛЕТОВЕ: здесь видно, что СУДОПЛАТОВ приложил много усилий к аресту БЫСТРОЛЕТОВА.

Самое тяжкое то, что он знал, что на ШПИГЕЛЬГЛАЗА имеются материалы как на крупного шпиона, и никому ничего не говорил, а события в наркомате в это время должны были насторожить всех чекистов.

Вот если учесть его основные моменты и то, что все же он признал за собой вину, можно будет ограничиться вынесением не строгого выговора, а выговора...»

Предложение Пинзура поддержал и следующий выступающий, Буланов. К ним присоединился и Семенов, не удержавшийся от упрека в адрес секретаря парткома 5-го отдела Леоненко в его непоследовательности и недостаточной принципиальности. Но тому нечего было сказать: «новая линия партии», направленная на искоренение «перегибов», вынуждала его изгибаться вместе с нею.

А Семенов продолжал: «Я знаю историю всего этого дела. Вот, например, пишут справки на СУДОПЛАТОВА (зачитывает справку, а также выдержку из справки на БЫСТРОЛЕТОВА). Вот такого рода справки и документы пишутся на человека и, безусловно, такие документы могут вывести человека из колеи. Я себе представляю положение СУДОПЛАТОВА на собрании, но в таких случаях нужно всегда быть принципиальным во всем. Я считаю, что товарищи 27.12.38 неправильно составили справку, представили наркому, которая не соответствует действительности. Пишут справки про одно, а через некоторое время ставится уже вопрос о его исключении. Правда, товарищ допустил грубую ошибку, в то время как это дело было недостаточно проверено. Я считаю, что серьезным политическим обвинением СУДОПЛАТОВА является то, что здесь было сказано выше товарищами, он не имел никакого права этого допускать. Видя, что враг мечется из угла в угол, и ничего никому не говорить. У меня остается мнение, что т. СУДОПЛАТОВ сегодня не осознал до конца своих проступков. То, что вы допустили беспечность в отношении ШПИГЕЛЬГЛАЗА — это верно. Почему вы не пришли в парторганизацию и не рассказали, что слышали от ШПИГЕЛЬГЛАЗА? Это разве не называется политической беспечностью?»

В деле с ГОРОЖАНИНЫМ я ничего не вижу компрометирующего т. СУДОПЛАТОВА: он голосовал за его исключение из партии тогда на собрании, а сейчас ему это инкриминируют.

Т. ЛЕОНЕНКО не хочет признать, что они тогда неверно поступили с этими справками и так далее. Вина СУДОПЛАТОВА еще и в том, что, будучи в близких отношениях с СОБОЛЬ, он не смог распознать врага. Я согласен с предложениями т. БУЛАНОВА и ПИНЗУРА: за проявление политической беспечности объявить выговор с занесением в личное дело.

По результатам рассмотрения персонального дела на т. П. А. Судоплатова партком ПОСТАНОВИЛ:

За притупление политической бдительности т. СУДОПЛАТОВУ объявить выговор с занесением в личную карточку.

ВЕРНО: пом. секретаря парткома ФИЛАТОВ».

Показательная и поучительная для остальных сотрудников отдела порка состоялась, и вскоре Павел Анатольевич приступил к работе. Но к тому времени заниматься было не с кем и нечем. Те мастера своего дела, прошедшие «школу» в Испании или нелегальных резидентурах «группы Яши», кто уцелел, находились в тюремных камерах или лагерях, редкие счастливицы были уволены из органов. Их детище — спецгруппы в странах Западной Европы и на Ближнем Востоке — были ликвидированы.

В своем отчете руководству ГУГБ НКВД СССР по итогам работы разведки в 1939–1941 годах вновь назначенный и совершенно далекий от нее начальник, 34-летний П. Фитин, до марта 1938 года работавший заместителем главного редактора «Сельхозгиза», докладывал: «К началу 1939 года в результате разоблачения вражеского руководства Иностранного отдела почти все резиденты за кордоном были отозваны и отстранены от работы. Большинство из них затем было арестовано, а оставшая часть подлежала проверке. Ни о какой разведывательной работе за кордоном при таком положении не могло идти и речи. Задача состояла в том, чтобы, наряду созданием аппарата самого отдела, создать и аппарат резидентур за кордоном».

Красноречивее этих горьких слов руководителя разведки говорят сухие цифры ее потерь. К тому времени из штатной численности ИНО подверглось репрессиям около 70 % ее сотрудников, 92 из них были арестованы, а 87 уволены. В отдельные периоды документы на имя членов Политбюро подписывали рядовые сотрудники.

Работавшая в ИНО в январе 1939 года комиссия ЦК ВКП(б) констатировала, что «НКВД не имеет за рубежом практически ни одного резидента и ни одного проверенного агента».

После такого разгрома отечественной разведке, казалось бы, еще долго не подняться с колен. И тем удивительнее, что спустя короткое время она снова смогла восстановить свои оперативные позиции, обеспечить получение важной политической, экономической и военной информации, а также проводить сложные операции. Этому феномену можно найти несколько объяснений.

В те бурные годы социалистические идеи владели умами многих, а их живое воплощение в Советском Союзе являлось ярким и вдохновляющим примером. На фоне деградации буржуазных демократий и продажности правителей, фантастический рывок СССР из вековой отсталости и разрухи многолетней Гражданской войны поражал воображение самых закоренелых скептиков. До этого еще ни одному народу и ни одной идее не удалось сделать того, что свершилось в советской России.

Устояв перед военным натиском держав Антанты, страна, где около 80 % населения не умело ни писать, ни читать, за какой-то десяток лет смогла ликвидировать неграмотность. К середине 1930-х годов советская научная школа вышла на ведущие позиции по многим направлениям. Ее достижения на земле, в воде и воздухе заставили говорить мир о «русском чуде». Аграрная, отсталая царская Россия, встретившая начало века с деревянной сохой и топором, позорно проигравшая войну крохотной Японии, а затем Германии и Австро-Венгрии, в конце 1930-х годов — уже советская, стала одной из наиболее индустриально развитых стран.

Другим немаловажным фактором, способствовавшим формированию мотива к сотрудничеству с советской разведкой у представителей левых движений, интеллектуалов, а также значительной части патриотично настроенной аристократии, стала соглашательская позиция ведущих западных держав, Великобритании и Франции, с захватнической политикой фашистской Германии. После так называемого «мюнхенского сговора» 1938 года их лидеров, Чемберлена и Даладьё с Гитлером, в результате которого на растерзание вермахта была отдана Чехословакия, а спустя год пала Польша, народы видели в Советском Союзе своего единственного защитника от фашизма. И поэтому нет ничего удивительного в том, что бывшие царские генералы и отпрыски из аристократических русских семей, потомки сэров и пэров в подавляющем своем большинстве бескорыстно шли на сотрудничество с советской разведкой.

Но не только эти обстоятельства, а также высокие личные качества и несомненный талант, который отличал многих резидентов, играли важную роль в том, что лучшие представители своих наций без колебаний доверяли им свою честь, а порой и жизнь. Несмотря на весь трагизм положения — репрессии 1930-х годов, — эти годы можно по праву назвать «золотым» веком советской разведки. Идеи социализма и борьбы с фашизмом окрасили ее деятельность самым привлекательным для горячих сердец цветом — цветом патриотизма и романтики. В противном случае английские аристократы К. Филби, А. Блант, Г. Берджес, Д. Кернкросс, Д. Маклин из «великолепной кембриджской пятерки», известный мексиканский художник Д. Сикейрос, знаменитая русская актриса О. Чехова, крупные физики-ядерщики К. Фукс, супруги Розенберг и многие другие, имена которых до сих пор хранят в тайне архивы отечественных спецслужб, вряд ли бы стали сотрудничать с советской разведкой.

Разведка — это прежде всего интеллектуальный союз между разведчиком и агентом. Он возможен в том случае, если есть доверие, основанное на взаимном уважении и единстве во взглядах. Зависимость, страх и деньги — это не самый проч-

ный и лучший материал в арсенале разведки, так как рано или поздно даст трещину.

Но тогда, в 1938 году, Павлу Анатольевичу и тем, кто уцелел от репрессий, а также молодым сотрудникам, пополнившим ряды разведки, пришлось, стиснув зубы, терпеть партийных назначенцев и затеянную ими чехарду. Наряду с кадровой чисткой в НКВД политическим руководством страны была затеяна и организационная перестройка. В связи с тем, что бывшие руководители ИНО и многие их подчиненные были обвинены в подготовке заговора с целью свержения советской власти, Сталин и Берия рассматривали созданные ими разведывательно-диверсионные резидентуры как «ударный отряд заговорщиков» и приказали ликвидировать.

Кроме того, была полностью свернута многолетняя работа, проводившаяся органами государственной безопасности в приграничных районах страны, связанная с оборудованием тайных баз, складов с оружием, подготовкой резерва агентуры и глубоко законспирированных разведывательно-боевых групп из числа партийно-комсомольского актива. Их организационные структуры и часть кадров, которые не подверглись репрессиям, были переданы в войска НКВД и во вновь создаваемые в Красной армии воздушно-десантные части.

Очередной и еще более разрушительный удар был нанесен разведке и органам государственной безопасности в целом 3 февраля 1941 года. В тот день на своем заседании Президиум ЦК ВКП(б) принял решение о разделении НКВД на два наркомата. В частности, он постановил:

«Разделить Народный комиссариат внутренних дел СССР на два наркомата:

- а) Народный комиссариат внутренних дел СССР (НКВД);
- б) Народный комиссариат государственной безопасности СССР (НКГБ)...»

Из единого ведомства были выделены все разведывательные, контрразведывательные и оперативно-технические службы Главного управления государственной безопасности и сведены в НКГБ СССР. В целом это было оправданное, но крайне запо-

здалое решение. К тому времени монстр НКВД, распустивший гигантские щупальцы ГУЛАГа от Мурманска до Магадана, превратился в громоздкую и неповоротливую махину, которая работала больше на внутренние политические нужды советских вождей, чем на обеспечение внешней безопасности государства. Организационная перестройка затянулась на несколько месяцев. На Лубянке между созданными наркоматами делились этажи, кабинеты и «враги народа», никто не хотел остаться безработным. Вновь назначенные начальники тянули к себе «своих» и «топили чужих».

Следующий шаг по реорганизации органов государственной безопасности еще более ослабил их боеспособность в таком важном звене, как военная контрразведка. В соответствии с постановлением Правительства Союза ССР от 8 февраля 1941 года Особый отдел ГУГБ НКВД СССР, на который возлагались задачи «борьбы со шпионажем, диверсией, вредительством и всякого рода антисоветскими проявлениями в Красной армии, а также информирование высших инстанций о состоянии войск», был выведен из состава НКВД, преобразован в 3-е управление и переподчинен наркому обороны и наркому Военно-морского флота. В результате военная контрразведка превратилась в «карманную» при командирах и во многом зависела от их воли. Теперь все назначения, даже оперативного состава, начиная с оперуполномоченного полка, утверждались приказами по военным ведомствам. Вследствие этого высшее руководство страны утратило один из важнейших каналов получения объективной информации об истинном положении в войсках. Кроме того, вывод особых отделов из единой системы обеспечения государственной безопасности тут же резко сказался на результативности их работы по таким основным направлениям, как агентурное проникновение в спецслужбы противника и борьба со шпионажем.

Ошибочность этого решения стала очевидна уже через несколько месяцев. Неизбежное под нажимом командиров смещение акцентов в работе особистов от контрразведки в сторону хозяйственно-бытовых проблем, когда им приходилось

заниматься проверкой продовольственных складов и исследованием банального воровства, в итоге вело к их профессиональной деградации. К этому примешивался и личностный момент: те из командиров, кто пережил массовые репрессии, теперь отыгрывались на особистах за свои прежние страхи и нередко ставили их в строй или гоняли как «сидоровых коз» на учебных полигонах.

Долго так продолжаться не могло. Осложнявшаяся с каждым днем оперативная обстановка, особенно на западных границах, требовала внесения корректив в работу военных контрразведчиков. 19 апреля 1941 года было принято новое постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о 3-х управлениях НКО и НК ВМФ. В нем констатировалось следующее: «Практика применения постановления ЦК ВКП(б) от 8 февраля 1941 года «О передаче Особого отдела НКВД СССР в ведение Наркомата обороны и Наркомата Военно-морского флота СССР» показала, что в этом постановлении не учтена необходимость взаимной информации органов госбезопасности и 3-го управления НКО и НК ВМФ и целесообразность единства действий этих органов против антисоветских элементов, подвизающихся одновременно как внутри системы Армии и Военно-морского флота, так и вне ее».

В развитие этого в штаты органов 3-х управлений в Центре и на местах: округах, флотах и флотилиях, армиях и корпусах, дивизиях, укрепленных районах и гарнизонах — были введены должности заместителей начальников 3-х управлений, отделов и отделений с непосредственным их подчинением соответствующим НКГБ — УНКГБ по территориальности. Содержались они за счет штата НКГБ — УНКГБ и назначались на эти должности их приказами.

Но и это решение носило половинчатый характер. Военная контрразведка по-прежнему действовала вне общей системы государственной безопасности. Более того, такая двойственность положения усиливала межведомственные трения. Окончательно все на свои места поставила начавшаяся вскоре война. 17 июля 1941 года Верховный Главнокомандующий

Сталин подписал постановление ГКО СССР «О преобразовании органов 3-го управления НКВД СССР в Особые отделы НКВД СССР». Их главными задачами стали: «борьба со шпионажем и предательством в частях Красной армии, ликвидация дезертирства в прифронтовой полосе». Начальником Управления особых отделов был назначен 34-летний комиссар госбезопасности 3 ранга В. Абакумов. Впоследствии, 19 апреля 1943 года, он возглавил ставшую затем знаменитой контрразведку Смерш.

Тем временем в Германии все происходило наоборот. Ее спецслужбы, в частности Абвер (в переводе с немецкого — опор, защита) — военная разведка и контрразведка, активно наращивали свои силы и готовились к схватке на Востоке. После принятия Гитлером в декабре 1940 года политического, а затем и военного решения о нападении на Советский Союз, центр тяжести разведывательной и диверсионно-повстанческой деятельности Абвера переместился к его границам.

Исходя из стратегического замысла плана «Барбаросса» — разгрома и покорения Советского Союза в ходе летне-осенней кампании — руководители Абвера: адмирал В. Канарис, генерал-лейтенант Ф. Бендивенья, адмирал Л. Бюркнер, генерал-майор Г. Остер, полковник Г. Пиккенброк, полковник Э. Лахузен — основной упор сделали на оперативно-тактическую разведку и масштабную подготовку диверсионно-повстанческих подразделений. Именно последним, по замыслу Канариса и его подчиненных, в первые дни войны предстояло выполнить одну из важнейших задач: парализовать главный нерв любой армии — систему боевого управления войсками, посеять панику среди отступающих частей и тем самым облегчить частям вермахта достижение стратегических целей.

В этой связи в кратчайшие сроки на базе уже существующих разведывательно-диверсионных групп, прошедших обкатку при захвате Польши, Франции, Югославии и Греции, началось развертывание свержштата печально знаменитого полка специального назначения, впоследствии — дивизия «Бранденбург-800». Но одних этих сил для решения столь

масштабных задач на будущем Восточном фронте явно не хватало, и потому гитлеровские спецслужбы задействовали в полном объеме националистов всех мастей, начиная с ОУН и заканчивая армянской «Дашнакцутюн». Их планировалось использовать не только для проведения повстанческой и террористической деятельности в ближайших тылах Красной армии, но и осуществления крупных диверсий в глубоком тылу на стратегически важных объектах — нефтепромыслах Баку и Майкопа, а также для организации восстаний в национальных республиках.

Буквально накануне войны, 20 июня, начальником отдела Абвер-2 (подготовка диверсионно-террористической агентуры и заброска ее в тыл противника, организация диверсионных и террористических актов) полковником Лахузенем было издано распоряжение «О создании из числа грузинских эмигрантов диверсионно-подрывной организации «Тамара». В нем предписывалось следующее.

«Для выполнения полученных от 1-го оперативного отдела военно-полевого штаба указаний о том, чтобы для использования нефтяных районов обеспечить разложение Советской России, рабочему штабу «Румыния» поручается создать организацию «Тамара», на которую возлагаются следующие задачи:

1. Подготовить силами грузин организацию восстания на территории Грузии.

2. Руководство организацией возложить на обер-лейтенанта доктора Крамера (отдел 2 контрразведки). Заместителем назначается фельдфебель Хауфе (контрразведка 2).

3. Организация разделяется на две оперативные группы:

а) «Тамара 1» состоит из 16 грузин, подготовленных для саботажа (С) и объединенных в ячейки (К). Ею руководит унтер-офицер Герман (учебный полк «Бранденбург-800», ЦБФ 800, 5-я рота);

б) «Тамара 2» представляет собой оперативную группу, состоящую из 80 грузин, объединенных в ячейки. Руководителем данной группы назначается обер-лейтенант Крамер.

4. Обе оперативные группы, «Тамара 1» и «Тамара 2», представлены в распоряжение 1 — ЦА ОК (главного командования армий).

5. В качестве сборного пункта оперативной группы «Тамара 1» избраны окрестности г. Яссы, сборный пункт оперативной группы «Тамара 2» — треугольник Браилов — Калараш — Бухарест.

6. Вооружение организаций «Тамара» производится отделом контрразведки 2.

С подлинным верно. Лахузен».

В те же дни форсировано формировались и другие разведывательно-диверсионные подразделения. В частности, из числа выходцев из республик Северного Кавказа было организовано так называемое «предприятие Шамиля» под командой капитана В. Ланге. Перед ним были поставлены две основанные задачи: вывод из строя нефтепромыслов под Майкопом и организация восстаний в республиках Северного Кавказа. Позже в этих же целях был создан «калмыцкий легион».

Главную же ставку гитлеровские спецслужбы сделали на украинских националистов и их лидера — Бандеру. После оккупации Польши он был освобожден из тюрьмы, где отбывал наказание за подготовку террористического акта против министра внутренних дел Польши Б. Перацкого. Выйдя на свободу, Бандера начал энергичную борьбу за власть в ОУН с ее руководителем, полковником А. Мельником, «унаследовавшим» ее после ликвидации в 1938 году прежнего лидера и яркого врага советской власти Коновальца. Опираясь на поддержку «молодых» националистов и проявив недюжинное мастерство в «подковерной дипломатии», Бандера 11 февраля 1940 года на партийной конференции ОУН в Кракове сумел переиграть потерявшего «нюх» старого агента германской разведки Мельника (псевдоним «Консул-1»). Последний не хотел так просто отдавать власть, и борьба продолжилась. Только спустя девять месяцев, 11 ноября, на совете Революционного провода

ОУН был утвержден ее новый состав: Бандера — руководитель, члены: Р. Шухевич, позже оставивший о себе на Украине и в Польше зловещую память организацией массовых убийств евреев и лиц, заподозренных в связях с партизанами, Н. Лебедь, В. Стецько и другие.

Гитлеровским спецслужбам такая грызня между вождями украинских националистов была только на руку. Придерживаясь старого и испытанного способа — «Разделяй и властвуй», они не оставили Мельника без работы. С их помощью он создал «Национальную раду Украины», боевики которой с не меньшей жестокостью, чем бандеровцы, расправлялись с непокорными.

Осенью 1940 года и весной 1941 года в Берлине с Бандерой был проведен ряд конспиративных встреч заместителем начальника отдела Абвер-2 полковником Э. Штольце, в ходе которых была достигнута договоренность о формировании «повстанческой армии для борьбы с большевизмом». Получив такую мощную поддержку, Бандера и его единомышленники рьяно взялись за выполнение поставленных перед ними задач. Они готовы были сотрудничать не только с фашистами, но и с самим дьяволом ради вожденной власти. О теснейших связях лидеров ОУН с фашистами и их прямом участии в подготовке агрессии против СССР и собственного украинского народа красноречиво свидетельствует запись беседы начальника Абвера адмирала Канариса с рейхслайтером Розенбергом о планах захвата и расчленения территории Советского Союза и порабощения его народа в предстоящей войне. В первой части беседы, которая состоялась 30 мая 1941 года, говорится «о расчленении русского пространства на четыре государства..., чтобы раз и навсегда освободить Германию от кошмара возможной угрозы с Востока». В пункте № 4 Канарис подтверждает готовность к сотрудничеству: «Я обещал рейхслайтеру Розенбергу полное содействие в этом деле со стороны моего ведомства и, в частности, упомянул о том, что я мог бы из состава моих агентов, работающих на Абвер, назвать соответствующих лиц из числа

эстонцев. Далее, я обещал распорядиться о том, чтобы также из состава учебного полка особого назначения «Бранденбург-800», а также украинских добровольческих формирований были выделены люди, которые в нужный момент могли бы использоваться в качестве переводчиков, управляющих, служащих, уполномоченных и тому подобное...»

О том, как скоро они должны были управлять, лучше всего говорят скупые строчки многочисленных докладных записок руководителей органов государственной безопасности Украинской ССР, которые накануне войны поступали в НКВД СССР и высшие партийные инстанции. Так, в апреле 1941 года в докладной записке НКГБ УССР секретарю ЦК ВКП(б) Украины Н. Хрущеву «О ликвидации базы ОУН в западных областях Украины» сообщалось:

«Материалами закордонной агентуры и следствия по делам перебежчиков устанавливается, что немцы усиленно готовятся к войне с СССР, для чего концентрируют на нашей границе войска, строят дороги и укрепления, подвозят боеприпасы...

Известно, что при ведении войны немцы практикуют предательский маневр: взрывы в тылу воюющей стороны («пятая колонна» в Испании, измена хорватов в Югославии). Материалы, добытые в процессе агентурной разработки и следствия по делам участников «Организации украинских националистов» (ОУН), в том числе и воззвания в листовках организации, свидетельствуют о том, что во время войны Германии с СССР роль «пятой колонны» немцев будет выполнять ОУН. Эта «пятая колонна» может представлять собой серьезную опасность, так как она хорошо вооружена и пополняет свои склады путем переброски оружия из Германии. Так называемый Революционный провод ОУН, руководимый Степаном Бандерой, не дожидаясь войны, уже сейчас организывает активное противодействие мероприятиям Советской власти и всячески терроризирует население западных областей Украины. Об этом свидетельствует ряд известных Вам террористических актов

против сельских активистов, работников милиции и советских работников. Основную силу ОУН составляет ядро нелегалов, которых в настоящее время в западных областях УССР учтено около 1000 человек.

Население некоторых сел настолько терроризировано, что даже советски настроенные люди боятся выдавать нелегалов. Например, террористический акт против председателя сельского совета села Лапшин Бережановского района Тернопольской области В. М. Ковара был совершен в его собственной хате двумя бандитами в присутствии шести соседей. Эти соседи не только не воспротивились убийству, но даже «не опознали» бандитов. Председатель сельсовета с. Козивка того же района Тернопольской области Гороховский, преследуемый бандитами, вбежал в хату своего родного брата, где и был зверски убит. Будучи запуган, брат Гороховского не выдал бандитов...»

Нарком государственной безопасности УССР Мешик».

И чем меньше времени оставалось до роковой даты — 22 июня 1941 года, тем все чаще в докладных записках органов государственной безопасности приводились подобные страшные примеры. Даже спустя много лет невозможно без содрогания читать их скупые строчки. Тысячи заживо сожженных, закопанных в землю, распятых на крестах сельских активистов, партийных функционеров, работников милиции, сотрудников НКВД стали жертвами националистов. Лютую смерть от их рук приняли сотни агентов органов государственной безопасности и кадровых сотрудников, внедренных в банды, на которых пала тень подозрений.

Собственно, что было ожидать от Бандеры, Мельника, Шухевича, если их наставник, заместитель начальника Абвера-2 полковник Штольце, которого трудно заподозрить в обиде или ненависти к своим наиболее удавшимся «ученикам», во время допроса в Международном военном трибунале о связях лидеров ОУН с фашистской разведкой сообщил следующее: «В марте 1941 года, выполняя указания своего руководства,

лично отдал приказ руководителям украинских националистов, германским агентам Мельнику (кличка «Консул-1») и Бандере, организовать сразу после нападения Германии на Советский Союз провокационные выступления на Украине с целью подрыва ближайшего тыла советских войск, а также для того, чтобы убедить международное общественное мнение о происходящем якобы разложении Советского Союза...» Далее Штольце дает характеристику главарю ОУН: «Бандера по характеру — энергичный, карьерист, фанатик и бандит». Именно такие и требовались гитлеровским спецслужбам: грязные дела в белых перчатках не делаются.

Второй мощный удар в тыл частей Красной армии гитлеровские спецслужбы планировали нанести с помощью прибалтийских националистов в Литве и Латвии. Тот же Штольце в показаниях Международному военному трибуналу поведал: «Нами были подготовлены также специальные диверсионные группы для подрывной деятельности в Прибалтийских советских республиках. Например, германской агентуре, предназначенной для заброски в Литву, была поставлена задача захватить железнодорожный туннель и мосты близ г. Вильно, а германские диверсионные группы, предназначенные для Литвы, должны были захватить мосты через реку Западная Двина. Все захваченные таким образом не разрушенные противником стратегические объекты должны были удерживаться нашими диверсионными группами до подхода регулярных германских войск».

О размахе диверсионно-повстанческой деятельности гитлеровских спецслужб накануне войны красноречиво свидетельствует отчет НКГБ Литовской ССР от 14 мая 1941 года. Так, органами государственной безопасности Литовской ССР за период с июля 1940 года по 14 мая 1941 года было «вскрыто и ликвидировано 75 нелегальных антисоветских организаций и групп, созданных литовскими националистами, которые ставили своей задачей подготовку вооруженных антисоветских выступлений к моменту возникновения войны между

Германией и СССР». Координатором этой деятельности выступал «Фронт литовских активистов», созданный «в начале 1941 года литовскими буржуазными националистами по заданию германской разведки. «Фронт» ставил перед собой задачу восстановления в союзе с Германией «независимого» литовского фашистского государства и в этих целях организовывал по всей Литве повстанческие банды, именовавшие себя партизанами».

Эти и многие другие разведывательные данные, поступавшие из берлинской, лондонской, швейцарской и токийской резидентур НКВД, не оставляли сомнений в близкой войне с фашистской Германией. Большинство из них были известны Сталину, и он, как опытный политик, видимо, не строил иллюзий на этот счет. О неизбежности войны с фашистской Германией он говорил еще 21 мая 1937 года на закрытом совещании руководства наркоматов НКВД и обороны. В частности, им было заявлено: «Необходимо полностью учесть урок сотрудничества с немцами, Рапполо, тесные взаимоотношения создают иллюзию дружбы. Немцы же, оставаясь нашими врагами, лезли к нам и насадили свою сеть». В мае — июне 1941 года Сталин продолжал упорно верить, что провидение отпустило ему еще полгода до решающей схватки с фашизмом. В этом его убеждала тонко сработанная специалистами гитлеровских спецслужб дезинформация, которая умело подавалась по различным каналам: разведывательным, дипломатическим и иным. В определенной степени этому способствовали и существенные противоречия, имевшие место в поступавших к нему из НКВД и ГРУ разведсводках, по срокам нападения, силам и средствам, сосредоточенным вермахтом вдоль границ с Советским Союзом. Сталин, видимо, все еще надеялся, что два «капиталистических хищника» вцепятся смертельной хваткой друг в друга.

Однако стойкость британцев и ее лидера, премьера У. Черчилля, не позволили «Морскому льву» (кодовое название военной операции вермахта) перепрыгнуть пролив Ла-Манш.

Позже, в августе 1942 года, Сталин при встрече с Черчиллем признался в этих своих заблуждениях. Тот так вспоминал об том разговоре: «В беседе со мной Сталин заметил: «Мне не нужно было никаких предупреждений. Я знал, что война начнется, но я думал, что мне удастся выиграть еще месяцев шесть или около этого». Эти роковые иллюзии Вождя в 1941 году дорого обошлись советскому народу.

Повторение пройденного

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой.
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой.

В. Лебедев-Кумач

22 июня 1941 года хрупкую предрассветную тишину на западной границе СССР взорвали залпы десятков тысяч орудий. Полностью мобилизованная и вооруженная до зубов гитлеровская армия в считанные часы смяла оборону дезорганизованных бригад, дивизий и целых корпусов Красной армии. Удар фашистских войск оказался настолько силен, а наступление столь стремительно, что уже на третьи сутки после начала войны танки генерала Гудериана грохотали гусеницами по центральной площади столицы советской Белоруссии — Минска.

Существенную роль в этом первом успехе вермахта сыграли разведывательно-диверсионные подразделения Абвера, прежде всего известный своей зловещей «славой» полк специального назначения «Бранденбург-800» (с 1942 года — дивизия). Его образование относится к 1939 году, когда в пригороде города Бранденбурга в составе Абвера была создана рота специального назначения, целью которой являлось проведение в тылу противника разведывательно-диверсионных и террористических акций. К 22 июня 1941 года в своем составе полк насчитывал несколько тысяч отборных головорезов. Наряду с полком «Бранденбург-800» при основных военных группировках действовали четыре Оперативные группы (айнзатцgruppen): А, Б, Ц и Д. Структурно в них входили особые команды (зондеркомандо) и оперативные команды (айнзатцкомандо). Численность Оперативной группы составляла 600–700 человек

начальствующего и рядового состава. Для большей мобильности ее подразделения — зондеркомандо и айнзатцкомандо, были обеспечены передвижными и переносными средствами связи, легковыми, грузовыми, специальными автомобилями, мотоциклами, в том числе и советского производства. В своем составе они насчитывали 10–20 офицеров, 40–60 унтер-офицеров и 60–80 рядовых.

Помимо этих элитных спецподразделений, на западной границе с СССР были сосредоточены многочисленные диверсионные отряды, сформированные из числа украинских, белорусских, прибалтийских националистов и белоэмигрантов. Большинство их участников прошло «обкатку» в составе «боевок», действовавших в западных областях Украины, Белоруссии и республиках Прибалтики.

Перед полком «Бранденбург-800» Оперативными группами и бандами националистов были поставлены близкие задачи. Они состояли в следующем:

«В зоне боевых действий и ближнем тылу противника захватывать и обыскивать служебные здания и помещения партийных и советских органов, НКВД, воинских штабов и ведомств, всех других учреждений и организаций, где могли храниться важные оперативные или секретные документы, архивы, картотеки и тому подобные материалы.

Осуществлять диверсии на транспортных коммуникациях, выводить из строя линии связи, проводить террористические акции против командиров, политработников Красной армии, сотрудников НКВД и партийных функционеров.

Производить розыск и физическое уничтожение оставшихся в тылу сотрудников НКВД, партийных функционеров и их агентов...»

Вооруженные самым современным оружием и имевшие за плечами большой опыт проведения спецопераций в Югославии, Греции, эти ударные разведывательно-диверсионные формирования гитлеровских спецслужб достаточно эффективно решали поставленные перед ними задачи. Мобильные, хорошо организованные и четко координировавшие свои действия с

наступающими частями вермахта, они вовремя оказывались в нужном месте и в нужный час. Пользуясь неразберихой и растерянностью, царившими в рядах красноармейцев, диверсанты действовали дерзко и решительно: взрывали и разрушали транспортные коммуникации, безжалостно уничтожали командный состав частей Красной армии и сеяли панику в ее рядах. Уже в первый день войны им и авиации удалось вывести из строя основные каналы и пункты связи. В результате был парализован основной нерв любой армии — система боевого управления войсками.

«Тевтонский меч» безжалостно крушил советские боевые и тыловые порядки, в то время как некогда грозный «меч Лубянки» — специальные разведывательно-диверсионные группы НКВД, Разведывательного управления ГШ Красной армии и Коминтерна — по злой воле партийных вождей незадолго до войны был расформирован. Бесценный опыт в подготовке и проведении специальных операций, приобретенный в Испании, Монголии и Китае Я. Серебрянским, М. Маклярским, Д. Медведевым, С. Ваупшасовым, К. Орловским, А. Рабцевичем, И. Каминским, И. Стариновым и многими другими, не был востребован высшим руководством Советского Союза. Более того, большинство «испанцев» попало под безжалостную косу репрессий, а многие заплатили жизнью за самоотверженную работу на государство, отказавшее им в праве иметь свою, не совпадающую с «непогрешимыми» партийными установками, точку зрения.

В очередной раз многострадальный русский народ, спасая себя и страну, ценой огромных потерь вынужден был исправлять ошибки амбициозных и неблагодарных советских вождей. На оккупированных фашистами территориях, оставшись один на один с безжалостным и могучим врагом, он нашел в себе силы подняться на борьбу. К началу 1943 года гитлеровцам уже пришлось бороться на двух фронтах — с частями Красной армии и массовым повстанческим движением. Но все это было еще впереди, а тогда, в июле — сентябре 1941 года, рядовые и «окопные» офицеры на фронте и в окружении своими телами

остановили, казалось, неудержимый накат бронированного «катка» вермахта.

До августа 1991 года в научной и художественной литературе это всенародное сопротивление фашистам освещалось не иначе, как результат организаторской и пропагандистской работы партии. Но по мере того как открывались архивы, все более очевидным становилось то, что на первом и самом тяжелом этапе войны ведущая роль в организации массового повстанческого движения на оккупированных советских территориях, а затем в странах Восточной Европы принадлежала не столько партийным функционерам, сколько профессионалам, и в частности сотрудникам Особой группы при наркоме НКВД — 4-го управления НКВД — НКГБ СССР.

Впервые об этом коротко и скромно упомянул Павел Анатольевич в книге «Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы». В частности, он писал: «В годы войны наше подразделение стало главным центром разведывательно-диверсионной деятельности органов госбезопасности в тылу противника. Ему принадлежит важная роль в инициировании и развертывании массового партизанского движения в тылу фашистской армии... Именно на базе 4-х отделов НКВД возникли первые партизанские отряды и истребительные группы».

Лишь в июле 1942 года с образованием Центрального штаба партизанского движения функции руководства им перешли к партийным вождям. Но об этом они предпочитали не говорить, а роль 4-го управления в его организации долгие годы находилась под жестким запретом. Имя ее руководителя, П. Судоплатова, арестованного вскоре после крушения Берии и вышедшего на свободу лишь 1 августа 1968 года, в «зловещий образ» которого партийные функционеры не погнушались плеснуть черных красок, было вычеркнуто отовсюду. Все это вместе взятое в те годы отпугивало от этой острой темы даже самых пытливых исследователей.

Больше шестидесяти лет «за семью печатями» хранились в архивах многотомные дела разведывательно-диверсионных резидентур (РДР): «Братушки», «Олимп», «Охотники»,

«Весенние», «Авангард», «Арнольд», «Стар», «Горные» и десятка других, которыми руководил Павел Анатольевич. И когда наконец запреты были сняты, то даже прошедшие годы не смогли остудить того обжигающего дыхания сурового военного времени, что повеяло с пожелтевших от времени страниц сообщений, донесений и рапортов руководителей РДР.

Это было удивительное и неповторимое время, оно стирало классовые, национальные различия и объединяло людей совершенно разных взглядов и убеждений в их общем стремлении освободить свои страны и народы от власти ненавистного фашизма. В центральном аппарате и разведывательно-диверсионных резидентурах управления сражались против фашизма плечом к плечу с советскими разведчиками бойцы-интернационалисты свыше пятидесяти национальностей: болгары, словаки, немцы, поляки и другие. Это было особое братство воинов, объединенных духом жертвенности и боевого товарищества, который был присущ им, как никаким другим сотрудникам спецслужб. Отправляясь за линию фронта для выполнения ответственного задания, они повторяли: «Нет большей чести, чем отдать жизнь за Родину и друга своего!»

С первого дня своего существования руководители и рядовые этого уникального по подбору кадров и характеру решаемых задач разведывательно-диверсионного органа многократно словом и делом доказали верность данному девизу. Отсчет своего времени он берет 5 июля 1941 года, когда приказом наркома внутренних дел СССР для проведения разведывательно-диверсионных операций в тылу фашистских войск была создана «Особая группа при наркоме внутренних дел СССР». В тот же день вновь назначенный руководитель, майор государственной безопасности Павел Судоплатов, и его заместители Н. Эйтингон, В. Какучая и Н. Мельников приступили к работе.

Начинать ее приходилось в условиях жесточайшего лимита времени и кадров. Созданные с таким трудом начальником «Группы особых заданий при наркоме внутренних дел СССР» Я. Серебрянским в крупных морских портах и на железнодоро-

рожных узлах ряда стран Западной Европы нелегальные диверсионные группы из числа коминтерновцев и бойцов интербригад («группа Яши») еще год назад перестали существовать. Сам он по возвращении в СССР оказался в числе арестованных «врагов народа, пробравшихся в советскую разведку», и приговорен к смертной казни. Редкие «счастливицы»: И. Золотарев, И. Каминский, К. Ключин, будущие Герои Советского Союза Д. Медведев, Н. Прокопюк, Н. Лопатин — получили сроки или были уволены из органов государственной безопасности и направлены прорабами на стройки ГУЛАГа.

В те роковые для страны июльские дни 1941 года П. Судоплатову, Н. Эйтингону, Н. Мельникову и В. Какучая была ценен каждый человек, имевший оперативно-боевой опыт нелегальной работы. На момент формирования подразделения, в задачу которого входило развертывание разведывательно-диверсионной деятельности на оккупированных гитлеровцами территориях, в их распоряжении находилось несколько десятков «испанцев», в их числе: И. Винаров, Ц. Родионов (Родойнов), С. Ваупшасов, Н. Прокопюк и небольшой резерв из числа уцелевших от репрессий разведчиков-боевиков Коминтерна.

К чести многих руководителей НКВД, в первую очередь П. Судоплатова, ими принимались быстрые и энергичные меры в то время, когда гитлеровские войска взяли столицу Белоруссии Минск, а вожди советского государства, потрясенные вероломством и мощью удара, находились в растерянности и долго не могли объяснить своему народу, что же произошло «с непобедимой Красной армией». Спустя две недели после начала войны они приступили к формированию первых разведывательно-диверсионных резидентур, предназначенных как для заброски в глубокий тыл противника в страны Восточной Европы, так и на оккупированные советские территории.

Павлу Судоплатову приходилось буквально «выцарапывать» и «вытаскивать» из «медвежьих углов» и лагерных барраков ГУЛАГа оставшихся в живых профессионалов. Будущего Героя Советского Союза и командира легендарных отрядов

«Митя», «Победители» Д. Медведева доставили на Лубянку прямо из строительной конторы ГУЛАГа. Не побоявшись подозрений в связях с «врагом народа» Я. Серебрянским, Павел Анатольевич обратился с письмом о его освобождении к «всесоюзному старосте» М. Калинину и добился своего. Мастер диверсии Я. Серебрянский, два с лишним года проведенный в камере-одиночке в ожидании смертного приговора, был возвращен в боевой строй. Вслед за ним были сняты нелепые обвинения в «польском шпионаже» с другого аса разведки и диверсии, блестяще проявившего себя в операциях против ОУН и испанских фалангистов — И. Каминского. Война, как шелуху, смела с них и еще с десятка будущих руководителей и разведчиков разведывательно-диверсионных резидентур абсурдные обвинения в «предательстве» и отменила «драконовские» приговоры. И потом, в глубоком тылу врага, они делом и собственными жизнями доказали преданность своим идеалам и суровой Родине. Поразительный факт: за все время существования Особой группы, а затем и Управления, с 5 июля 1941 года по 7 мая 1945 года, ни один его кадровый сотрудник не сдался и не перешел на сторону врага.

В те июльские дни 1941 года, когда для Родины наступил час тяжелых испытаний, старые и опытные бойцы вновь собрались вместе, но не по милости И. Сталина и Л. Берии, а благодаря смелости и настойчивости верных друзей. Суровое военное время востребовало не холуйствующих политиканов, а профессионалов своего дела. Уже на следующий день после своего образования руководители и сотрудники Особой группы при наркоме внутренних дел СССР приступили к подготовке резидентур для направления в Болгарию и Румынию. Им, первым разведчикам, русским, болгарам и румынам, предстояло совершить невозможное. К началу войны с Советским Союзом гитлеровские спецслужбы и спецслужбы сателлитов фашистской Германии фактически полностью уничтожили коммунистическое подполье и ликвидировали агентурную сеть Коминтерна в Болгарии, Румынии, Венгрии, Словакии и Польше. Те немногие коммунисты и коминтерновцы, что

смогли уцелеть после репрессий, ушли в глубокое подполье и потеряли связь с советской разведкой и Коминтерном. Единицам удалось скрыться от преследований Гестапо и полиции, а затем через третьи страны добраться до СССР. Поэтому П. Судоплатову и его подчиненным ничего другого не оставалось, как осуществлять комплектование резидентур из числа бывших бойцов интербригад, воевавших с фашистами в Испании, и коминтерновцев, проживавших в СССР.

Видные деятели Коминтерна — Г. Димитров, В. Коларов, В. Пик, К. Готвальд, Д. Ибаррури, Б. Кун и другие — оказали неоценимую помощь руководителям Особой группы в подборе кадров. Из сотен добровольцев, имевших опыт многолетней подпольной работы, они рекомендовали самых лучших. И уже вскоре разведчики И. Винаров, Ц. Родионов, Х. Боев, Ф. Кропф, Ф. Тренклер и десятки других своей вдохновенной работой подтвердили правильность этого выбора. Впоследствии многие из них стали живой легендой советской разведки. Подвиги болгар, немцев, поляков, русских и всех тех, кто ненавидел фашизм, часто оплачивались самой высокой ценой — собственной жизнью. Но, несмотря на это, недостатка в кандидатах Управление не испытывало. Для подавляющего большинства его офицеров и рядовых долг и честь были выше собственной жизни.

Первыми, кому предстояло начать борьбу с противником в его логове, стали болгарские и советские разведчики. Сформированная из их числа резидентура получила кодовое название «Братушки». Предварительная работа по ее комплектованию началась 25 июня 1941 года, то есть еще до образования Особой группы. В тот день совершенно секретный список из 29 «болгар-коминтерновцев в Испании», тщательно проработанный в секретариате Г. Димитрова, был доставлен специальным курьером из Коминтерна на Лубянку и лег на стол П. Судоплатова. Павел Анатольевич основательно потрудился над списком будущих кандидатов в резидентуру. Он густо испещрен его краткими пометками и в конце содержит короткую и энергичную резолюцию: «Т. Пудин. Весьма сроч-

но! Проверить по выездным делам всех перечисленных в этом списке лиц».

Через пять дней заместитель начальника 5-го отдела 1-го управления НКВД капитан госбезопасности В. Дубовик подробным рапортом доложил о результатах выполнения указания. Он и подчиненные сотрудники отдела выполнили поистине титаническую работу. Несмотря на хаос и неразбериху, царившие в первые дни войны во многих учреждениях, органы государственной безопасности работали без существенных сбоев. Все 29 кандидатов в будущую резидентуру были установлены и изучены. По каждому из них в рапорте содержится подробная и объективная информация. В большинстве своем это оказались люди, которые не нуждались в особых рекомендациях. Их многолетняя нелегальная работа, преданность идеалам коммунизма и приговоры военно-полевых судов фашистских властей Болгарии говорили сами за себя.

Николов Ангел Ангелов (Миленков Александр Петков) имел за своими плечами многолетний опыт подпольной борьбы. И когда над ним нависла угроза ареста, по каналам Коминтерна покинул Болгарию и затем в ряде стран Западной Европы выполнял его специальные задания. С началом гражданской войны в Испании добровольцем отправился на фронт. Там командовал пулеметной ротой.

Янков Георгий Петрович (Петков Мирко Станкович) в 1923 году руководил революционным восстанием в одном из районов центральной Болгарии и был осужден к 12 годам тюремного заключения. Бежал из тюрьмы и снова включился в повстанческую деятельность. Заочно трижды приговаривался к смертной казни. Спасаясь от преследований, по нелегальному каналу ушел в СССР и продолжил активную партийную работу в Коминтерне. В 1937 году в составе группы коммунистов-интернационалистов добровольцем отправился в Испанию. Службу начинал простым танкистом, а закончил инструктором 1-го батальона броневиков.

Димитров Дмитр Илиев. За революционную деятельность заочно был приговорен к смертной казни. Несмотря на это, не

покинул Болгарию и продолжил борьбу в глубоком подполье. Полиции, несмотря на неоднократные попытки, не удалось его захватить: помогли скрыться русские друзья. В Советском Союзе он нашел не только новый дом, но и ответственную работу. Долгое время по линии нелегальной резидентуры Д. Илиев работал в Китае, а затем в составе интернациональной бригады сражался в Испании.

Родионов Андрей Константинович (Радойнов Колев Цветко) принимал активное участие в народном восстании 1923 года. Спасаясь от преследований полиции, вынужден был эмигрировать в СССР, где обрел свою вторую Родину. Преданно, не раз рискуя жизнью, служил ей на самых ответственных и опасных участках. Неоднократно выполнял специальные задания Коминтерна и советской разведки. За свои заслуги удостоился высокого воинского звания — полковник.

Иван Цолович Винаров за революционную деятельность в Болгарии был приговорен к смертной казни. Чудом ее избежал и продолжал борьбу, находясь в Советском Союзе. На талантливого и смелого революционера обратили внимание руководители разведки Красной армии. С 1924 он начал выполнять ее задания сначала в Австрии, а затем в Китае, Франции и Испании.

Других их соратников, Ярома Панайота Георгиева и Мискетова Атанаса Дойчева, в Болгарии также ждал смертный приговор военно-полевого суда.

Несмотря на эту опасность, все без исключения кандидаты без колебаний приняли приглашение и пришли на встречу с капитаном государственной безопасности В. Дубовиком в административный корпус стадиона «Динамо». На ней также присутствовал сотрудник 1-го управления НКВД СССР лейтенант А. Галкин, которому предстояло с позиций советского Полпредства в Софии координировать работу руководителей групп резидентуры. Это была непростительная и, к сожалению, не последняя ошибка, допущенная подчиненными П. Судоплатова. То ли горячка первых военных дней, то ли абсолютная вера в людей, которые не раз смотрели смерти в глаза, заставили капитана В. Дубовика пренебречь главным и святым правилом

в любой спецслужбе — конспирацией. Участники будущей РДР не только увидели друг друга в лицо, но и знали своего будущего координатора — А. Галкина!

В последующем одна ошибка породила другую. Сотрудники, занимавшиеся подготовкой «Братушек», видимо, понадеялись на многолетний опыт нелегальной работы ее участников и не провели требующийся в таких случаях подробный инструктаж. Как следствие, отдельные наиболее несдержанные и горячие проговорились в кругу близких друзей о скорой высадке разведывательных групп на черноморском побережье Болгарии и последующей подготовке восстания. Кроме того, помимо Г. Димитрова, ряд членов болгарской секции в Коминтерне в общих чертах был осведомлен об особой миссии «Братушек». Произошла банальная утечка информации о предстоящей операции. Поэтому не удивительно, что уже 7 июля 1941 года начальник 3-го отдела 1-го управления НКГБ СССР ориентировал майора П. Судоплатова «о фактах распространения гражданином Болгарии «П.» слухов о том, что якобы по поручению НКВД СССР он должен вылететь на самолете в Болгарию с каким-то заданием». Павел Анатольевич отреагировал незамедлительно и потребовал от Н. Эйтингона, В. Дубовика и А. Галкина «срочно отозвать из групп лиц, отрицательно зарекомендовавших».

К сожалению, его решение оказалось запоздалым, слухи о предстоящей высадке разведгрупп в Болгарии с целью организации восстания «пошли гулять» среди более чем тысячной болгарской диаспоры коминтерновцев в Москве. В этой связи нельзя исключать того, что гитлеровские спецслужбы получили информацию о планируемой операции. Последующий ее провал, когда в считанные недели разведчики были выслежены, а затем уничтожены или захвачены в плен, вероятно, объясняется не только серьезными организационными просчетами при подготовке групп, но и тем, что противник, видимо, заблаговременно знал о готовящейся заброске в Болгарию.

Но тогда, в июле 1941 года, как Павел Судоплатов, так и его подчиненные вряд ли рассчитывали на подобный ход развития

событий. Безжалостное военное время погнало их вперед. Отсев нескольких болтунов, они определились по составу резидентуры, и 8 июля 1941 года тридцать два добровольца-болгара приступили к подготовке на спецдачах НКВД неподалеку от станций: Сходня, Быково и Можайское. В течение нескольких недель под руководством опытных инструкторов участники резидентуры интенсивно изучали минно-взрывное и радиодело, совершенствовали навыки в стрельбе и топографии. После сдачи зачетов отдельными группами по семь — восемь человек с 16 по 25 июля разведчики были переброшены военной авиацией на оперативную базу разведотдела Черноморского флота в Севастополь. Там под руководством А. Галкина и начальника отдела полковника Б. Намгаладзе они продолжили свою подготовку и шлифовали последние детали предстоящей операции. Под Севастополем окончательно определились составы четырех передовых групп. Первую возглавил И. Винаров, состояла она из пяти человек. Ей предстояло перебраться в Турцию, там легализоваться и затем выдвинуться в Болгарию, в район оперативных действий. Второй и самой многочисленной группой, насчитывавшей четырнадцать человек, руководил Ц. Родионов. На нее возлагалась наиболее важная и ответственная задача: после высадки на болгарском побережье связаться с коммунистами в городе Сливен, с их помощью развернуть основную базу и обеспечить прием двух других групп — Х. Боева и Г. Янкова.

Перед каждой группой были поставлены близкие по своему характеру задачи, которые сводились к тому, чтобы в зоне оперативной ответственности, опираясь на поддержку коммунистического подполья, «создать разветвленную нелегальную сеть в целях получения разведывательной информации, осуществления саботажных и террористических актов на военных объектах. Обеспечить сохранение нейтралитета Болгарии в войне с СССР и подготовку вооруженного восстания».

Все участники операции имели на вооружении несколько комплектов стрелкового оружия, пистолеты «Вальтер» или «Маузер», ручные гранаты, автоматы, комплекты карт, деньги в болгарской и немецкой валюте, документы прикрытия и

запас продовольствия. К 4 августа Б. Намгаладзе и А. Галкин полностью завершили работу над планом переброски резидентуры «Братушки» в Болгарию и доложили его в Москву П. Судоплатову. С незначительными изменениями тот был им утвержден.

5 августа настал час «икс». Разведгруппа И. Винарова первой покинула оперативную базу разведотдела Черноморского флота, специальным рейсом прибыла в Тегеран и там растворилась в городе, который в те месяцы напоминал бурлящий котел. Сменив документы на новые, разведчики в течение недели изучали обстановку и, не обнаружив за собой следов слежки, выехали на границу. Там, благополучно пройдя пограничный контроль, перебрались в Турцию. С того дня они больше не выходили на связь. И. Винарова и его товарищей подвела непростительная мелочь.

Но П. Судоплатов еще не знал о провале группы. 20 августа, обеспокоенный столь долгим ее молчанием, он срочно запросил Б. Намгаладзе и А. Галкина: «...Сообщите о месте нахождения и положении первой группы. Когда может быть отправлена вторая группа?» Но они ничего утешительного доложить не могли. Радист И. Винарова на вызовы радиоцентра не отвечал. Советские резидентуры в Турции и Болгарии тоже не располагали какой-либо информацией о судьбе разведгруппы. Лишь спустя два месяца от агента Разведуправления Генерального штаба Красной армии в Софии стало известно о причине этого молчания. 26 августа турецкая полиция задержала в Стамбуле двоих из группы И. Винарова, обнаружив у них неточности в паспортах. Ими оказались Я. Комитов и Т. Николов. 28 сентября они были выданы болгарским властям. Самому И. Винарову и двум другим разведчикам чудом удалось уйти от слежки и избежать ареста.

Более драматично и трагично сложилась судьба второй группы — Ц. Родионова. 6 августа на подводной лодке она покинула Севастополь и взяла курс на Болгарию. Благополучно миновав гитлеровские заслоны, субмарина вышла в заданный район, и здесь в течение пяти суток разведчикам пришлось

ждать подходящего момента, чтобы высадиться на берег. 11 августа, когда небо затянулось тучами, подводная лодка наконец вошла в устье небольшой речки Камчия. Высадка проходила нервно и неорганизованно. Море штормило, а сильный дождь затруднял видимость. Волна захлестнула одну из шлюпок, и неудачникам пришлось перебираться в те, что находились поблизости. Несмотря на шторм, никто не утонул, и все четырнадцать разведчиков благополучно высадились на берег. Но из-за непогоды и сильного течения им не удалось собраться вместе, тем более что в воздух то и дело взлетали осветительные ракеты, а по берегу рыскали патрули. Не мешкая, они двумя группами, одна во главе с Ц. Родионовым, а другая — с С. Димитровым, покинули место высадки и направились в район общего сбора, находившийся вблизи города Сливен. На четвертые сутки группа Ц. Родионова благополучно добралась до места и разбила лагерь. Не дожидаясь подхода группы С. Димитрова, Ц. Родионов выслал разведку в город Сливен для налаживания связи с местным подпольем. И здесь его поджидал первый тяжелый удар — оно было полностью разгромлено. Хозяин чудом уцелевшей явочной квартиры при появлении разведчиков шарахнулся от них как черт от ладана и наотрез отказался от сотрудничества.

Ц. Родионов не узнавал родной Болгарии. Его московские представления о том, что болгарский рабочий класс и крестьянство, возмущенные вероломным нападением фашистов на первое в мире социалистическое государство, только и ждут сигнала, чтобы восстать, оказались горькой иллюзией. Он и его разведчики наблюдали совершенно обратное. Подошла к концу уборка садов и полей, в деревнях праздновали сбор урожая и готовили бочки для молодого вина. В городах в воскресные дни было не пробиться в рестораны, а на летних танцплощадках до позднего вечера гремели медью военные оркестры. Предпринятые Ц. Родионовым и его посланцами попытки наладить контакты с местными жителями и пополнить подходившие к концу запасы продовольствия в ряде случаев наталкивались на откровенно враждебное отношение. В ходе очередного радио-

обмена с Центром Ц. Родионов сообщил: «...Нахожусь в горах. Контакт с местными отсутствует».

Несмотря на эту настораживающую информацию, Б. Намгаладзе и А. Галкин тем же путем направляют в Болгарию третью и четвертую группы Х. Боева и Г. Янкова.

Тем временем Ц. Родионов, так и не дождавшись прихода на базу С. Димитрова, а с ним еще шести разведчиков, вместе с радистом отправился на встречу с десантом. Несколько дней прошло в томительном ожидании. Между Разведцентром и Ц. Родионовым произошел короткий радиобмен. 17 августа Ц. Родионов радировал: «...Положение группы тяжелое — отсутствует связь с местными группами. Идет слежка. В составе группы оказался троцкист. Вторую группу прошу сократить до минимума».

К сожалению, ни П. Судоплатов, ни Б. Намгаладзе, ни А. Галкин уже не в силах были что-либо изменить. Советские подводные лодки с разведчиками на борту в режиме полного радиомолчания затаилась у болгарских берегов и ждали только подходящего случая, чтобы незаметно проскользнуть среди рыскающих по морю гитлеровских патрульных катеров и высадить десант.

Напряжение на Лубянке, на оперативной базе в Севастополе и в горах далекой Болгарии нарастало. Наконец 27 августа эфир ожил. Радист группы Ц. Родионова передал долгожданную радиограмму: «...27 Р. и П. ушли встречать группу, еще не вернулись». 28 августа Ц. Родионов последний раз работал в эфире. Он сообщил: «...Группа Я. (Георгия Янкова — прим. авт.) высадилась благополучно 28. Эта группа имеет рацию переменного питания. Связь неисправна. Их ловят все время». После этого короткого радиосеанса всякая связь с Ц. Родионовым и остальными группами окончательно оборвалась.

Неделя за неделей радисты Центра тщетно вслушивались в эфир, надеясь поймать радиопозывные «Братушек», но ни одна из радиостанций резидентуры не отвечала на сигнал. Первая информация о судьбе разведчиков поступила из Софии в на-

чале октября 1941 года от надежного агента Разведуправления Генерального штаба Красной армии. Она носила отрывочный характер и ничего утешительного в себе не содержала. Агенту Разведуправления через свои связи среди болгарских военных удалось установить только то, что в течение августа — сентября болгарской полицией и Гестапо при поддержке армейских частей проводились широкомасштабные поисковые операции «по поимке советских диверсантов», в результате которых значительная их часть была уничтожена.

Вскоре вслед за этим сообщением пришло подтверждение от самого Ц. Родионова. Он сообщил, что из всего состава группы только ему вместе с Д. Димитровым и И. Бейдо (Байером) после многочисленных перестрелок удалось оторваться от преследования полиции, добраться до Софии и установить контакт с коммунистическим подпольем. Спустя некоторое время он возглавил военную организацию компартии, но ненадолго. Полиция снова напала на след Ц. Родионова, и с мая 1942 года позывные его радиостанции пропали из эфира.

Окончательно судьба всех участников резидентуры «Братушки» проявилась для руководства Особой группы три года спустя, после освобождения Болгарии, когда в руках советской контрразведки оказались архивы болгарских спецслужб и протоколы судебных заседаний. Как оказалось, появление у болгарских берегов советских подводных лодок не осталось незамеченным, а сообщения информаторов полиции, внедренных в коммунистическое подполье, об эмиссарах из Москвы немедленно привели в движение мощную и хорошо отлаженную машину сыска.

Еще более усугубила ситуацию несогласованность двух советских спецслужб — Разведуправления Генерального штаба Красной армии и НКВД. Злой рок словно преследовал разведчиков. Буквально за несколько дней до высадки резидентуры в те же самые районы военные разведчики произвели заброску пяти групп парашютистов. Их десантирование прошло крайне неудачно. Сразу же после приземления две из них напоролась на засады и были уничтожены, три другие после тяжелых боев

вынуждены были покинуть район базирования и укрыться в горах.

Гитлеровские спецслужбы и командование вермахта, встревоженные столь масштабным проникновением советских разведывательно-диверсионных групп на территорию Болгарии и опасавшиеся, что при поддержке коммунистического подполья они смогут поднять население на восстание, вынудили болгарское правительство принять беспрецедентные меры безопасности. Силами армии и полиции были блокированы районы, где находились разведывательные группы. В городах и селах начались массовые облавы и аресты подпольщиков. Полицейское кольцо неумолимо сжималось вокруг разведчиков. Одни гибли в бою, другие попадались в хитро расставленные ловушки. Последним в мае 1942 года, после перестрелки на конспиративной квартире, был захвачен тяжело раненый Ц. Родионов.

Для него и двадцати шести оставшихся в живых разведчиков из Особой группы при наркомвнудел СССР и Разведуправления ГШ Красной армии потянулись долгие месяцы тюремного заключения. Но и в мрачных казематах софийской тюрьмы они не сдавались и продолжили борьбу. Следователи болгарской полиции скрупулезно и бесстрастно зафиксировали в протоколах силу духа одних и мерзость предательства других. Первых оказалось значительно больше. Опытные подпольщики, профессионалы нелегальной борьбы, они прекрасно понимали, на что шли.

Сегодня, спустя много лет, поражает мужество и непоколебимая вера разведчиков в идеалы свободы и их готовность к самопожертвованию ради своего народа. Это признавали и их противники. В скупых донесениях болгарской полиции и протоколах следователей зафиксированы эти вершины человеческого духа.

14 сентября 1941 года тяжело раненый Ангел Ников Георгиев (Павлов) попал в окружение и, не желая сдаваться врагу, застрелился. Перед смертью он оставил записку. Всего четыре листка из блокнота чуть больше спичечного коробка, педантич-

но пронумерованные и аккуратно подшитые в дело следователем полиции, исписаны его нетвердой рукой. Угловатые буквы напозают друг на друга, пятна крови залили отдельные слова. Но эти пять простых и бесхитростных строчек А. Георгиева, наверно, и в наши дни значат куда больше, чем целая книга.

«Товарищи! Я ухожу от Вас, от пули фашизма, но я знаю, что для пользы прогрессивного человечества я разлучаюсь с Вами. Товарищи! Вы поднимите великое знамя МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА — СТАЛИНА! Великая Отечественная победа будет за великим делом труда, прощайте, мои товарищи. Г. Д. Павлов».

В наш прагматичный и жестокий век этот поступок и слова А. Георгиева могут кому-то показаться актом отчаяния фанатика-одиночки. Но это далеко не так. Через два месяца, 8 ноября 1941 года, его подвиг повторил другой разведчик из группы Ц. Родионова — Сыби Димитров. Ранним утром плотные полицейские цепи окружили родной дом Димитровых и потребовали, чтобы он сдался. В их руках находился захваченный в плен брат, а внизу, в комнате, под дулами пистолетов застыла жена. Ему обещали сохранить жизнь и дом, если он сложит оружие и выдаст товарищей, но Сыби выбрал достойную смерть. В ответ полицейские услышали: «Палачи, вы будете господами моего тела, но не моего духа, он вечно будет жить среди рабочего класса. Советская Россия победит. Вы — убийцы, предатели и приспешники германского фашизма. Сталин победит. Да здравствует Сталин! Да здравствует СССР! Он победит!»

Так же мужественно встретили свой последний час Ц. Родионов и семнадцать его товарищей. Расправа над ними была скорой и суровой. 26 июня 1942 года в здании артиллерийского училища софийский военно-полевой суд приговорил всех к расстрелу. Никто из них не просил о пощаде или снисхождении. 11 июля 1942 года агент Разведуправления в Софии, ссылаясь на начальника караула, приводившего в исполнение смертный приговор, сообщил: «...Полковник заявлял, что на него произвело большое впечатление мужество, с каким осужденные шли

на расстрел. Гордо подняв головы, они умирали с криками: «Да здравствует свободная Болгария! Да здравствует Советский Союз и победа над фашизмом!»

Так и не начавшись, первая операция Особой группы при наркоме НКВД СССР закончилась полным повалом. Это был горький и закономерный итог. Трагедия «Братушек» состояла в том, что им предстояло развернуть работу на неподготовленных базах и в условиях отсутствия устойчивой связи с Центром. В немалой степени к провалу привело и слабое владение реальной обстановкой на местах, а также те иллюзии, в плену которых пребывали как руководители Особой группы, так и лидеры Коминтерна. Они наивно полагали, что справедливая война советского народа против вероломного врага должна всколыхнуть народ Болгарии и других стран на борьбу с ним и обеспечить безусловную поддержку населением действий разведчиков.

К сожалению, этого не произошло. 26 июня 1942 года они — командиры и рядовые бойцы, объединенные одним, столь близким и понятным для русского и болгарского сердца словом «Братушки», — ушли в бессмертие. И не их вина, что они не смогли выполнить те задачи и оправдать те надежды, которые возлагались на них в Москве. Враг был опытен и невероятно силен, а «меч Лубянки» оказался слишком короток и не закален, чтобы наносить смертельные удары в его логове.

Вскоре аналогичная судьба постигла и три другие резидентуры Особой группы, оставленные на «глубокое оседание» в оккупированных гитлеровцами советских городах Одессе, Николаеве и Киеве. Несмотря на то что их возглавляли кадровые сотрудники органов государственной безопасности В. Молодцов, В. Лягин и И. Кудря, Абверу и Гестапо удалось внедрить в резидентуры свою агентуру. В дальнейшем через нее они сумели выявить советские разведывательные сети и выйти на резидентов, но взять их живыми не смогли. В. Молодцов, В. Лягин и И. Кудря отстреливались до последнего патрона и сражались до последнего вдоха. За их подвиги им посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Несмотря на понесенные потери, руководители и сотрудники Особой группы не растерялись. Они учились на ошибках, не пытались их скрывать и честно докладывали по команде. В частности, по мнению П. Судоплатова, изложенном в докладной записке на имя наркома внутренних дел Л. Берии, эти провалы были связаны с тем, что «начало войны застало аппарат разведки неподготовленным к ведению большой диверсионной работы. Отсутствие подготовленных кадров разведчиков-диверсантов, организаторов диверсионных актов и руководителей диверсионных групп, радистов задержало развитие успешной работы в тылу противника. Это сказалось на качестве подготовки первых групп, заброшенных в тыл противника в 1941 году. Отсутствие навыков конспирации, заранее подготовленных технических баз привело к ряду провалов в работе».

В связи с этим руководство Особой группы при наркоме НКВД СССР приняло решение прекратить заброску разведывательно-диверсионных резидентур в страны Восточной Европы, пересмотреть систему их подготовки и организации деятельности на оккупированных советских территориях. Суровое военное время потребовало от П. Судоплатова и его подчиненных поиска новых форм работы и внесения изменений в тактику действий резидентур. На основе проведенного анализа они приняли быстрые и, как потом оказалось, эффективные меры.

Большинство резидентур было выведено из городов, где гитлеровцы насаждали мощную осведомительскую сеть и имели многочисленные карательные органы, и стало действовать с оперативных баз, сосредоточенных в лесных и горных массивах. Наряду с этим было усилено их контрразведывательное обеспечение. В состав РДР, как правило, включался кадровый контрразведчик, занимавшийся поиском и выявлением вражеской агентуры.

Самое серьезное внимание было уделено профессиональной подготовке руководителей резидентур и командиров оперативно-боевых групп. В этих целях на базе отдельной

мотострелковой бригады особого назначения (омсбон), ядро которой составляли опытные работники органов госбезопасности, испытанные бойцы из испанских интербригад и многие известные советские спортсмены, была организована всесторонняя подготовка кадров разведчиков, диверсантов и боевиков. В отдельные периоды численность этой сверхэлитной части достигало 5 тысяч человек. В ее учебном центре прошло около 2 тысяч иностранцев.

Последующие результаты оперативно-боевой деятельности резидентур и боевых групп подтвердили правильность такого подхода руководства Особой группы при наркоме НКВД СССР. В дальнейшем ни одна из них не подверглась разгрому, а ее резиденты были недосягаемы для гитлеровских спецслужб. Возросший профессиональный уровень командиров и бойцов способствовал существенному повышению эффективности разведывательной и диверсионной деятельности РДР.

Но все это было впереди, а пока танковые клещи вермахта стремительно тянулись к Москве. К началу октября 1941 года группа армий «Центр» захватили города Орел, Брянск и Мценск. В результате значительная часть соединений Западного, Резервного и Брянского фронтов оказалась в окружении. Сплошной линии обороны не существовало, резервов для быстрого закрытия брешы в обороне командующие фронтов не имели. Возникла непосредственная угроза столице, и 12 октября Государственный комитет обороны (ГКО) своим постановлением «Об охране Московской зоны» предписал НКВД СССР «навести жесткий порядок на тыловых участках фронта, прилегающих к территории Москвы с юга и запада, по линии Калинин — Ржевск — Можайск — Тула — Коломна — Кашира».

Начальником охраны Московской зоны был назначен заместитель наркома внутренних дел СССР, комиссар государственной безопасности 3 ранга И. Серов. При НКВД СССР начал функционировать штаб охраны Московской зоны, ему в оперативное подчинение перешли внутренние войска численностью около 6 тысяч человек, милиция, рай- и горотделы

НКВД, истребительные батальоны и заградительные отряды. Реорганизация затронула и Особую группу при наркоме НКВД СССР. С учетом возрастания значимости разведывательно-диверсионной деятельности, она была преобразована во 2-й отдел НКВД СССР. Эти изменения в незначительной степени затронули управленческий аппарат и в основном коснулись резидентур. Резко возросло их количество и качество технического оснащения.

Тем временем обстановка на фронте с каждым днем все более накалялась. На северо-западе гитлеровцы силами 9-й армии и 3-й танковой группы 14 октября захватили город Калинин. На юго-западе после пяти суток ожесточенных боев они ворвались в Малоярославец. В этот же день, 18 октября, на самом опасном — западном направлении под ударами 4-й танковой группы пал Можайск. В связи с этим 19 октября ГКО объявил Москву и прилегающие к ней районы на осадном положении. Речь уже шла о том, устоит столица или нет перед натиском фашистов. В наркоматах и других государственных учреждениях, в том числе и НКВД, началась массовая эвакуация. В то же время управление охраной Московской зоны продолжало осуществляться центральным аппаратом наркома внутренних дел непосредственно из здания на Лубянке и одновременно дублировалось из запасного командного пункта в районе Останкино.

В этот очень драматичный период войны, когда решалась судьба Москвы, на Особую группу — 2-й отдел, помимо задачи проведения разведывательно-диверсионных операций в тылу противника, была возложена еще одна специальная миссия. ВГКО не исключали вероятности прорыва в столицу гитлеровских войск, в связи с чем подразделениям НКВД, и в первую очередь подчиненным П. Судоплатова, была поставлена задача по противодействию спецотрядам противника, целью которых являлся захват важнейших объектов. Один из таких отрядов под кодовым названием «Москва», возглавляемый начальником 7-го управления РСХА штандартенфюрером Зиксом, двигался с передовыми частями 4-й танковой армии. По замыслу

руководства НКВД, ему должны были противостоять бойцы омсбона. Линия обороны, которую им предстояло занять, начиналась у Охотного ряда и заканчивалась у Белорусского вокзала. Но Зиксу и его подчиненным не суждено было увидеть кремлевские стены: на дальних подступах к ним, близ Шереметьево, у моста через Москву-реку, ударная моторизованная группа из отряда «Москва» была остановлена и разгромлена бойцами омсбона.

Наряду с омсбоном на случай захвата столицы заблаговременно, с сентября, Особой группой — 2-м отделом, 3-м секретно-политическим управлением (начальник Н. Горлинский) и транспортным управлением (начальник Н. Синегубов) НКВД была начата подготовка групп сопротивления и подполья для осуществления боевой, разведывательной и диверсионной деятельности.

Помимо самого Павла Анатольевича, его заместителей Н. Эйтингона и В. Какучая, активную работу в этом направлении вели начальники отделений В. Дроздов, М. Маклярский, П. Масся и другие. Несмотря на жесточайший лимит времени и все более осложняющуюся обстановку на фронте, они подошли к выполнению поставленной задачи творчески, а главное — с безусловным доверием к тем, кому предстояло лицом к лицу сражаться с врагом.

В числе руководителей групп агентов-боевиков, агентов-диверсантов и разведчиков оказались не только кадровые сотрудники органов государственной безопасности, но и люди совершенно мирных и даже экзотических профессий. Среди них были известные артисты и международные аферисты, бывшие царские офицеры, в прошлом крупные коммерсанты и даже осведомители царской охранки, коммунисты, эсеры и анархисты. В частности, одним из них был известный композитор Л. Книппер, двоюродный брат Ольги Чеховой, близкой к высшим руководителям Германии. Ему предстояло со своей группой, при благоприятно складывающейся ситуации, ликвидировать Гитлера. Другой кандидат на должность резидента группы «Иван» Н. Жиделев в свое время работал с Ф. Дзер-

жинским и являлся членом Коллегии и Президиума ВЧК. Его резидентуре предстояло осуществить ряд крупных диверсий. Выпускница Военной академии им. Фрунзе, участница войны в Испании старший лейтенант Е. Паршина возглавила группу «Ветрова».

При всей разнице в политических взглядах и социальном положении, их объединяло одно общее — они любили Родину больше, чем самих себя. Для них это слово не было пустым звуком, каждый делом доказал свою надежность и преданность новым идеалам. Кроме того, по замыслу Павла Анатольевича и других руководителей НКВД, ответственных за выполнение «Московского плана», все отобранные кандидаты своими оперативными возможностями должны были заинтересовать гитлеровские спецслужбы и тем самым расширить разведывательные возможности резидентур.

В общей сложности на нелегальное положение было переведено 243 человека, из них 47 кадровых сотрудников органов государственной безопасности. Все они имели тщательно отработанные легенды прикрытия и для их подкрепления обеспечены подлинными документами, устроены на работу в зависимости от профессии, социального происхождения, подлинной или легендируемой биографии.

Эту огромную работу руководители Особой группы — 2-го отдела, 3-го секретно-политического и транспортного управлений НКВД СССР проделали в невероятно короткие сроки. Наиболее полное представление о ней, задачах и составе участников разведывательно-диверсионно-террористических групп, которым предстояло остаться в оккупированной фашистами Москве, дает «Справка об организации диверсионно-террористических групп в рамках реализации «Московского плана». В связи с особой секретностью она была подготовлена Н. Эйтингоном в рукописном виде и в единственном экземпляре. 14 октября заместитель наркома комиссар госбезопасности 3 ранга Б. Кобулов представил этот документ на утверждение наркома Берии. Он заслуживает того, чтобы привести его полностью.

«Справка об организации диверсионно-террористических групп в рамках реализации «Московского плана»

Совершенно секретно

14 октября 1941 года

Для товарища Л. П. БЕРИИ

1-я группа — «ЗР» — диверсионно-террористическая группа. Состоит из 3-х подгрупп по три человека в каждой — двух боевиков и одного хранителя оружия для каждой подгруппы.

Созданы тайники, куда закладываются оружие и взрывчатка. Кроме того, организовано хранение взрывчатки за пределами Москвы, на территории испытательной станции Наркомзема. В непосредственном подчинении руководителя группы имеются две рации: одна из них действующая, другая — резервная (на случай выхода из строя первой). Подобраны и обучены радисты для обеих операций. Для выполнения специальных заданий руководителя создана группа из трех разведчиков 3-го спецотдела НКВД СССР, которые переведены на нелегальное положение. Все участники группы имеют прикрытие, для хранения и работы раций подобраны конспиративные квартиры. Члены группы связаны с руководителем в индивидуальном порядке, через связников.

2-я группа — «Рыбаки» — диверсионно-террористическая группа в составе четырех человек, имеющих опыт боевой работы. Руководитель группы — «Доктор», чекист запаса, переведенный на нелегальное положение.

Члены группы будут прикрывать свою работу слесарно-технической мастерской, имеющейся у агента «Галошина» (изобретатель). Группа имеет рацию, в качестве радистов подобраны муж и жена, прошедшие соответствующее обучение. Рация будет храниться и работать в загородной даче в Лосиноостровской. Для совершения диверсионно-террористических актов группе выделены оружие и взрывчатка, которые будут храниться в специальном тайнике.

3-я группа — «Белорусы» — террористическая группа под руководством «Лена», бывшего чекиста, участника Граж-

данской войны. Группа состоит из четырех работников 3-го спецотдела НКВД СССР, изъявивших желание работать в тылу противника, и трех девушек-агентов, прошедших боевую подготовку. Группа имеет в своем составе одного шофера-боевика, который по выполнении членами группы боевых заданий должен обеспечивать их укрытие.

Оружием и взрывчаткой группа снабжена. Сотрудники НКВД переведены на нелегальное положение и обеспечены прикрытием.

4-я группа — «Дальневосточники» — диверсионная группа. Руководитель группы — агент «Леонид», бывший партизан, имеющий опыт подпольной и диверсионной работы в тылу японцев. Привлек к работе жену и 17-летнего сына. Переведен на нелегальное положение. Группа состоит из двух пятерок, действующих самостоятельно и связанных с «Леонидом» через руководителей пятерок.

Группа будет осуществлять диверсионные акты на промышленных предприятиях и железнодорожном транспорте. Члены группы снабжены оружием и взрывчаткой.

5-я группа — «Старики» — диверсионно-террористическая группа. Руководитель — «Клим», ст. оперуполномоченный СПУ НКВД СССР. Группа состоит из шести человек, бывших активных эсеров и анархистов, изъявивших желание работать в тылу противника. Все имеют опыт подпольной боевой работы. Для прикрытия «Клима» создана слесарная мастерская и конспиративная квартира у агента «Снегурочки», на которой он «женат».

Группа снабжена оружием и взрывчаткой. Кроме того, участнице группы «Герасимовой» поручено издавать антифашистские листовки, для чего она снабжена машинкой и стеклографом.

6-я группа — «Преданные» — диверсионная группа в составе четырех человек под руководством агента «Поэт». Группа состоит из бывших командиров Красной армии и работников ПВО, имеющих боевой опыт.

Члены группы располагают тайником, снабженным взрывчаткой и оружием. Группа будет проводить диверсионные акты на железнодорожном транспорте.

7-я группа — «Лихие» — террористическая группа, состоящая из четырех человек, бывших воспитанников Болшевской трудкоммуны НКВД, в прошлом — уголовных преступников. Руководитель группы — агент «Марков», бывший уголовный преступник, грабитель.

Группа будет использоваться для совершения террористических актов в отношении офицеров германской армии.

8-я группа — «Семейка» — террористическая группа в составе двух человек, мужа и жены, агентов «Альфред» и «Арбатская», изъявивших желание остаться в тылу у немцев для террористической работы. «Альфред» — духовное лицо.

Агент «Лекал» — бывший офицер царской армии, старый проверенный агент.

Оставляется в тылу противника с заданиями разведывательного характера. Для успешного выполнения задания по нашему заданию женился на дочери бывшего владельца «Прохоровской мануфактуры», располагающей большими связями среди сотрудников немецкого посольства в Москве и белой эмиграции. В случае возвращения жене фабрик, «Лекал» будет ими управлять и займет соответствующее общественное положение.

Агент «Тиски» — инженер, спортсмен, из дворян; мать осуждена к 8 годам ИТЛ за связь с сотрудниками немецкого посольства в Москве. Боевой и преданный агент.

Оставляется в тылу с заданием внедриться в спортивные и молодежные фашистские организации и добиться руководящего положения для совершения крупного террористического акта. «Тиски» прошел специальную подготовку в НКВД СССР.

Агент «Уралов» — скульптор, имеет собственную скульптурную мастерскую.

Оставляется в тылу у немцев для террористической работы. В мастерской «Уралова» создан тайник для хранения оружия и взрывчатых веществ. «Уралов» прошел специальную подготовку в НКВД СССР.

Агент «Како» — ресторатор, старый и преданный агент. Сам изъявил желание остаться в тылу противника для разведывательной и террористической работы.

«Како» организует собственный ресторан, который будет служить явочным пунктом, а также местом хранения оружия. Квартира «Како» намечена под укрытие наших нелегалыщиков. «Како» снабжен нами спиртными напитками.

Агент «Строитель» — инженер-железнодорожник, дворянин. Бывший крупный предприниматель. До революции имел капитал в 500 000 рублей. Располагает обширными связями среди белой эмиграции, бывших генералов царской армии и князей.

В тылу немцев «Строитель» организует проектно-строительное акционерное общество и добивается видного общественного положения. Сгруппировал вокруг себя группу пораженчески настроенных интеллигентов для «организованной встречи немцев». Будет использован в разведывательной работе и, в зависимости от его отношения к своим обязанностям, намечен для более активного использования.

Агент «Кавказский» — бывший офицер царской армии, бывший крупный московский коммерсант. Жена, врач-гинеколог, обладает солидными связями в Берлине.

Оставляются в тылу для разведывательной работы. Имеющееся у его жены специальное оборудование, доставленное из Германии, используется для открытия частной гинекологической лечебницы. Кроме того, будет принимать участие в коммерческой деятельности торгового дома, который думают восстановить его братья, в прошлом — владельцы крупного акционерного с немцами торгового дома. Лечебница и торговый дом будут использованы для укрытия наших нелегалыщиков.

Агент «Железный» — инженер, научный работник, бывший офицер царской армии.

Оставляется в тылу немцев по собственному желанию с заданиями разведывательного характера. «Железный» имеет опыт работы в типографии и ему поручено издавать антифа-

шистские листовки. Снабжен пишущей машинкой, стеклографом и фотоаппаратом.

Агент «Шорох» — журналист, профессор литературы, бывший провокатор царской охранки, бывший белогвардейский журналист.

Оставляется в тылу с разведывательными заданиями и для организации нелегальной антифашистской печати. Прикрытие — восстановление издательства Никитина, с женой которого он имеет соответствующую договоренность.

Агент «Пионер» — научный работник наркомата. Селекционная станция, на которой работает «Пионер», будет использована как явочный пункт и место укрытия наших нелегалыщиков.

Агент «Преданный» — юрист, преданный и проверенный агент.

Оставляется в тылу немцев для организации нотариальной конторы и использования ее в качестве явочного пункта.

Агент «Сазонов» — бывший белогвардейский офицер, участник банды Пепеляева. Оставляется в тылу немцев с заданиями диверсионного характера.

Агент «Семенов» — видный театральный деятель. Оставляется в тылу немцев с заданиями разведывательного характера. Для прикрытия своей работы должен организовать драматический театр.

Агент «Мефодий» — бывший подполковник царской армии, дворянин, проверенный агент. Оставляется в тылу немцев с разведывательными заданиями.

Агент «Евгеньевна» — жена бывшего немецкого барона, расстрелянного в 1918 году. Старый, проверенный агент. Оставляется в тылу с разведывательными заданиями.

Агент «Лира» — аспирант консерватории, сотрудница профессора Квитко, видного украинского националиста, под прикрытием которого будет вести разведывательную работу.

Со всеми вышеперечисленными руководителями групп и агентами установлены пароли для связи.

КОБУЛОВ».

Кроме них имелось еще несколько небольших автономных групп и боевиков-одиночек, перед которыми стояли специальные задачи. Всего было создано 20 крупных диверсионно-террористических групп. В целях обеспечения их деятельности параллельно велась подготовка секретных материально-технических баз, оборудовались глубоко конспирированные пункты связи, дополнительно приобретались конспиративные квартиры. Только одна Особая группа — 2-й отдел НКВД СССР располагал в Москве 59 складами с оружием, зажигательными и взрывчатыми веществами. В них заложили: 3,5 тонны тола, 700 гранат, большое количество оружия и боеприпасов. Для поддержания связи с Центром резидентуры снабдили: 21 переносной рацией, 6 мощными стационарными приемо-передающими рациями; 2 мощными стационарными радиовещательными станциями, 2 автомашинами с радиовещательными установками и 3 батарейными приемниками.

Дополнительно на конспиративных квартирах было организовано 9 минных станций и приобретено еще 10 явочных квартир к уже имевшимся. Кроме того, были созданы точки по ремонту аппаратуры, 5 мастерских по ремонту обуви, электро- и бытовых приборов, 3 парикмахерские, 1 цветочный магазин и 3 палатки (пивная и по приему утиля). Все они могли использоваться разведчиками как резервные явочные пункты.

О том, с какой тщательностью осуществлялся не только подбор участников диверсионно-террористических групп, но и их техническое оснащение, свидетельствуют рапорты, представленные на имя П. Судоплатова его подчиненными, в частности старшим лейтенантом З. Рыбкиной и лейтенантом Н. Пекельником.

«Совершенно секретно
Начальнику Особой группы при наркоме
старшему майору государственной безопасности
т. СУДОПЛАТОВУ

Рапорт.

Прошу санкционировать произвести закладку боеприпасов в Измайловском парке в следующем количестве:

1. Оружие — 20 револьверов и 480 патронов к ним.
2. Бензин — 200 литров.
3. Серной кислоты — 10 литров и 250 штук пробок.
4. Толовых шашек — 250 кг (10 ящиков), к ним: детонаторы, бикфордов шнур и детонирующий шнур.

Ответственный за производство закладок: «Иван».

Ответственные за хранение: «Иван», «Седой», «Воевода».

Осведомлен о производстве закладок: «Нельма».

Приложение: справки.

Начальник сектора Особой группы
при наркоме ст. лейтенант госбезопасности РЫБКИНА.

Справка на закладки, произведенные в парке.

В ночь с 9 на 10 сентября 1941 года заложены боеприпасы в следующем количестве:

1. Тол (5 ящиков) в шашках — 125 кг.
2. Бикфордов шнур — 40 метров.
3. Детонирующий шнур — 20 метров.
4. Капсюли-детонаторы — 60 шт.
5. Электродетонаторы — 20 шт.

Ответственный за производство закладки: руководитель группы «Иван».

Ответственные за хранение: «Иван», «Седой», «Воевода».

Осведомлен о производстве закладок: «Нельма», работающий в настоящее время комендантом парка.

Лейтенант госбезопасности ПЕКЕЛЬНИК

12.09.41».

С не меньшей скрупулезностью руководством и сотрудниками Особой группы — 2-го отдела, 3-го и транспортного управлений НКВД СССР для командования и участников диверсионно-террористических групп (отрядов) разрабатывались задачи и порядок их действий в пределах Москвы и окрестностях в случае ее занятия гитлеровскими войсками. В частности, для каждой из них были определены конкретные объекты и способы вывода из строя. Особо оговаривались задания, связанные с проведением террористических актов. Во всех случаях право санкции на них Центр оставлял за собой. Вместе с тем самые широкие полномочия предоставлялись руководителям групп (отрядов) в вопросах обеспечения собственной безопасности и при проведении разведывательной работы. Так, при возникновении угрозы их деятельности, они имели право изменить район действия, а в отношении предателей и нарушителей дисциплины применить смертную казнь. Также командиры групп (отрядов) могли принимать на месте решения о проведении вербовок из числа патриотически настроенных граждан, в том числе немцев, а в отдельных случаях санкционировать перевербовку гитлеровцами своих подчиненных в целях внедрения во вражеские спецслужбы. В качестве наглядного примера, иллюстрирующего эту работу, служит справка-доклад, подготовленная для руководства наркомата внутренних дел начальником 3-го управления НКВД СССР.

«Совершенно секретно
Сентябрь — октябрь 1941 года

Справка о готовности к действиям
диверсионно-боевого отряда «ЗР»

Отряд «ЗР» создается для проведения боевой и диверсионной деятельности в пределах города Москвы и ее окрестностей, в основном в заранее установленном участке города, в случае занятия Москвы противником.

Отряд осуществляет взрывы и поджоги магистралей электросилового назначения, железнодорожных сооружений,

воинских и товарных эшелонов, складов горючего (бензохранилищ, нефтехранилищ, складов угля, дровяных складов), продовольственных, вещевых и арт-складов, общественных зданий, занимаемых противником под казармы, штабы и так далее. Работа ведется главным образом по вновь создаваемым противником объектам. Также в задачу отряда «ЗР» входит уничтожение и нарушение связи и средств связи (порча телефонных и телеграфных линий и выведение из строя радиостанций противника).

Наряду с этим отряд осуществляет теракты над отдельными представителями высшего командного состава германской армии, оккупационных властей, а также над предателями Родины — бывшими советскими гражданами, перешедшими на сторону и службу к врагу. Теракты могут осуществляться только с санкции Центра НКВД в каждом отдельном случае. Сигнал к действию подает руководитель отряда.

Начало боевых действий и срок вынужденной консервации определяет руководитель отряда в зависимости от конкретной обстановки, которая сложится в Москве в случае ее занятия врагом. Ни один участник отряда без санкции руководства не проводит никаких самостоятельных боевых действий.

Руководитель отряда в случае создавшихся условий, лишающих отряд возможности действовать в городе и невозможности связываться с Центром НКВД, выводит самостоятельно отряд из Москвы, вооружает его сложным в центральном складетайнике оружием и начинает партизанскую борьбу.

Руководитель отряда имеет право и обязан уничтожать предателей, трусов и нарушителей чекистской дисциплины, если таковые окажутся в рядах участников отряда. В случае необходимости руководитель отряда имеет право вербовать как в состав отряда, так и для выполнения отдельных боевых заданий патриотов из числа оставшихся в расположении противника советских граждан, а также привлекать к выполнению боевых заданий просоветски настроенных немцев.

В интересах дела в отдельных случаях руководитель отряда самостоятельно решает вопрос и дает указания о проверке

(или разрешение на перевербовку в случае ареста) в разведорганы противника тому или иному участнику «ЗР» из числа наиболее надежных и проверенных в боевой обстановке.

При отступлении противника из Москвы участники отдела вливаются в среду отходящих и ведут работу по уничтожению предателей Родины из числа советских граждан, особенно активно действовавших во время оккупации в пользу врага. Кроме того, отряд должен всеми мерами срывать плановую эвакуацию противника (подрывать, поджигать и уничтожать средства передвижения, мосты, дороги и так далее) и сеять панику и деморализацию в рядах отступающих...

(Далее подробно перечисляются: тип вооружения, подрывной и поджигательный материалы, деньги и ценности, передаваемые в отряд, всего на двух страницах — *прим. авт.*).

Начальник 3-го управления НКВД СССР
старший майор государственной безопасности
ГОРЛИНСКИЙ».

В случае занятия Москвы гитлеровскими войсками руководством наркомата и Особой группы — 2-го отдела НКВД СССР, помимо диверсионных и террористических операций, предполагалось проведение силами резидентур пропагандистских акций. Так, группа «Лес» располагала пятью подпольными радиовещательными станциями: тремя стационарными, коротковолновыми, мощностью 1 киловатт каждая, с дистанционным управлением и двумя длинноволновыми под названием «Советская Москва» с радиусом действия на 5–6 км, скрытыми в легковых автомашинах в спинках заднего сиденья. Стационарные станции были заминированы, а фидеры и антенны замурованы в стенах комнат по месту их нахождения. Надежность работы передающих станций предварительно была опробована специалистами 2-го спецотдела НКВД СССР. По их заключению, приемные центры «Свердловск» и «Куйбышев» отлично принимали как телефон, так и телеграф. Для зашифровки информации предполагалось использовать тексты из произведений Л. Толстого.

Обслуживание стационарных установок планировалось проводить силами сотрудников 4-го спецотдела НКВД СССР. В этих целях из числа наиболее опытных инженеров-радиостов подобрали трех человек и затем перевели на нелегальное положение под чужими фамилиями. Поселили их в комнаты, где располагалось оборудование дистанционного управления. Передвижные радиостанции находились в ведении сотрудников НКВД, которые числились шоферами санитарной машины областной психиатрической больницы и аварийной машины Рублевской водопроводной станции, а один из оперативных работников легализовался как владелец мастерской по ремонту бытовых приборов. Резидентом группы «Лес» был сотрудник НКВД И. Щорс.

Наряду с задачами разведывательно-диверсионного плана в условиях критического положения в Москве, сложившегося к концу октября, на сотрудников НКВД возлагалась тяжелая и неблагодарная миссия по минированию и ликвидации ряда объектов. Она требовала не только конспиративной, но и поистине ювелирной работы. Такое решение диктовал опыт Киева и некоторых других городов, где заранее заложенные устройства обеспечили проведение взрывов, в результате которых были уничтожены гитлеровские офицеры и солдаты, а гражданское население не пострадало. В этих целях представительские помещения в Доме правительства (позднее Госплан), Большом театре, храме Василия Блаженного, Елоховском соборе, особняке НКВД на Спиридоновке, гостиницах «Метрополь» и «Националь» были заминированы. При проведении работ строжайше соблюдались требования маскировки, так как П. Судоплатов и И. Серов обосновано полагали, что гитлеровцы после «киевских уроков» перевернут все верх дном, чтобы найти «подарки от НКВД». Вместе с тем, они и их подчиненные, стремясь нанести максимальный урон противнику, верили в победу и старались, чтобы после «акции» внешний облик национальных святынь сохранился. В частности, планировалось уничтожение не всего здания, а отдельных помещений, например, в гостинице «Метрополь» на воздух должен был

взлететь ресторанный зал, а в Большом театре — сцена. После завершения работ объекты находились в таком состоянии еще около четырех месяцев, и только когда угроза захвата столицы полностью миновала, в январе 1942 года, по указанию руководства НКВД СССР началось их разминирование.

Но Москва не собиралась сдаваться без боя, и в то время, когда одни диверсионно-террористические группы (отряды) готовились превратить ее в ад для фашистов, другие наращивали мощь своих ударов за линией фронта. Так, только за один рейд по тылам противника отряд будущего Героя Советского Союза и будущего командира разведывательно-диверсионной резидентуры «Олимп» старшего лейтенанта Виктора Карасева нанес фашистам урон, сопоставимый с действиями целой бригады. В ночь на 24 ноября 1941 года в результате молниеносно проведенной операции отряд захватил штаб 12-го армейского корпуса фашистов, располагавшийся в населенном пункте Угодский Завод Калужской области. В сообщении Совинформбюро рейд был назван дерзким. Три сотни бойцов атаковали четырехтысячный гарнизон с танками и артиллерией и победили. В ходе подготовки и проведения операции в полной мере раскрылись незаурядные способности Виктора Александровича — воевать не числом, а умением. Предварительно разведав расположение служб штаба корпуса, детально изучив систему обороны и расположение постов, разведчики, выведя из строя линии связи и бесшумно сняв часовых, семью маневренными группами внезапно атаковали противника. Бой длился 1 час 10 минут. В ходе него гитлеровцы потеряли ранеными и убитыми свыше 600 человек, 4 танка, 80 грузовиков и 23 легковые машины. В руках разведчиков оказались важные штабные документы. Собственные потери отряда составили 18 человек убитыми и 8 ранеными.

Впоследствии прославленный маршал Г. Жуков в своей книге «Воспоминания и размышления» высоко оценил тот бой и назвал В. Карасева «мужественным борцом и умным организатором».

Так же активно действовал отряд старшего лейтенанта П. Худякова. По возвращении из рейда по тылам противника

он доложил: «За время нахождения в тылу врага, с 9 сентября по 2 ноября, отрядом уничтожено 167 человек живой силы, которых смогли учесть. Часть живой силы, которая уничтожена при подрыве машин и поджоге жилых зданий, не учтена.

Уничтожено грузовых машин с людьми и боеприпасами — 37. Уничтожено легковых машин — 10. Взорвано крупных мостов — 3, из них на реке Сереже — 2, реке Старая Торопа — 1. Взорвано мелких мостов — 14, по тракту Торопец — Холм. Уничтожено мотоциклов с мотоциклистами — 2. Уничтожено спецсобак — 2. Взорвано складов с боеприпасами в районе Краснополяца — 2...

Организован и вооружен, преимущественно немецким оружием, отряд в количестве 15 человек в деревне Собакино Сержинского района. Командир Василий Федорович Лебедев. Расстреляно немецких старост 4 человека».

С каждым днем деятельность оперативно-боевых групп (отрядов) НКВД в тылу противника нарастала и приобретала все больший размах. Только УНКВД Московской области за период с 9 ноября по 10 декабря было сформировано и переброшено за линию фронта 189 разведывательно-диверсионных групп общей численностью 2330 человек. Они уничтожили: 1240 солдат и офицеров, 1 самолет, 15 танков и бронемашин, 28 штабных и легковых автомашин и 91 грузовую, 2 бензозаправщика, 8 мотоциклистов, 24 повозки с военным грузом, 4 склада боеприпасов и горючего, 2 огневые точки, 8 железнодорожных мостов на грунтовых дорогах. Произвели 2 крушения воинских поездов.

Наряду с осуществлением диверсионно-террористических актов боевые группы (отряды) добывали разведывательную информацию, которая использовалась командующими армиями, фронтов и ГКО. Во время битвы за Москву в оккупированные районы для выполнения специальных заданий было направлено 5429 человек. В результате их боевой деятельности на территории Московской области было уничтожено 3 военных штаба противника, до 7000 гитлеровских солдат и офицеров, 4 самолета, 193 танка и бронемшины, 83 орудия разных калибров,

411 автомашин, 29 паровозов, 366 вагонов и 31 цистерна с горючим, 8 складов с боеприпасами и горючими веществами.

Эти цифры убедительно свидетельствовали о том, что вновь воссозданные специальные подразделения: Особая группа — 2-й отдел НКВД СССР и оперативно-боевые группы УНКВД Московской области — при умелом руководстве превратились в эффективную боевую единицу. С каждым днем их мощь нарастала, а масштаб решаемых задач давно перерос рамки, очерченные приказом наркома внутренних дел СССР от 5 июля 1941 года. В связи с этим 18 января 1942 года 2-й отдел НКВД СССР был преобразован в 4-е управление НКВД, а на местах в территориальных органах государственной безопасности СССР созданы аналогичные подразделения.

За нашу свободу

В годы войны наше подразделение стало головным центром разведывательно-диверсионной деятельности органов госбезопасности в тылу противника.

П. Судоплатов

Реорганизация Особой группы — 2-го отдела НКВД СССР в управление лишь в незначительной степени затронула центральный аппарат. Он остался количественно небольшим и имел четкую, лишённую бюрократических «рогатов» структуру. В его состав вошли четыре оперативных отдела. Им были определены следующие задачи.

«1. Организация и проведение диверсий на коммуникациях, промышленных предприятиях, сооружениях, аэродромах противника.

2. Сбор военно-разведывательной и политической информации для Красной армии.

3. Организация партизанских отрядов и помощь в развитии партизанского движения.

4. Учет, выявление и уничтожение представителей оккупационных властей, германской агентуры, предателей, пособников оккупантов.

5. Борьба против антисоветских националистических формирований.

6. Инженерно-саперные и иные работы в угрожаемых районах».

Кроме того, при Управлении действовали: отдельная мотострелковая бригада особого назначения — знаменитый омсбон (с октября 1943 года отдельный отряд особого назначения НКГБ СССР), инженерно-саперный отдел с парашютно-

десантной службой, отдел оперативно-диверсионной техники и связи, а также отдел по следствию и литерным мероприятиям. Возглавили эти подразделения настоящие профессионалы своего дела, яркие и неординарные личности, смелые и мужественные люди, такие как: Я. Серебрянский, М. Маклярский, В. Дроздов, П. Гудимович, М. Орлов, Г. Мордвинов.

Основное внимание руководством наркомата и самого Управления при его формировании уделялось укреплению боевых звеньев: разведывательно-диверсионным резидентурам (РДР) и оперативным группам (ОГ). На основе боевого опыта, накопленного Особой группой — 2-м отделом в ходе битвы за Москву, были внесены определенные изменения в организацию и тактику действий самих РДР. В частности, значительно увеличилось время их автономного пребывания в тылу противника, существенно расширилась зона действий и все большее значение стали приобретать вопросы разведки. Так, с весны 1942 года, наряду с проведением уже привычных разведывательно-диверсионных рейдов оперативно-боевых отрядов и групп по ближайшим тылам противника, руководство Управления стало все шире практиковать их глубинную заброску. В марте РДР «Местные» (командир С. Ваупшасов) в составе 25 человек, укомплектованная в основном выходцами из Белоруссии, и РДР «Бывалые» (командир П. Лопатин) численностью 23 человека начали действовать на территории этой республики. Через два месяца в подкрепление к ним были десантированы 14 человек РДР «Храбрецы» (командир А. Рабцевич). В октябре к западной границе, в Брестскую область, по воздуху была осуществлена переброска РДР «Соколы» (командир К. Орловский).

С такой же интенсивностью шло развертывание резидентур и на территории Украины. В марте туда отбыла РДР «Ходоки» (командир Е. Мирковский), насчитывавшая 15 человек. Вслед за ней отправилась РДР «Победители» под командованием Д. Медведева. В ее составе находился ставший впоследствии знаменитым разведчик-боевик Н. Кузнецов. В августе на территорию Житомирской области по воздуху было переброшено

64 человека РДР «Охотники» (командир Н. Прокопюк). В это же время на территории Крыма начали действовать РДР «Витязи» (командир В. Аранов) и «Крымчаки» (командир К. Адашев).

Прошло совсем немного времени, и в работе большинства РДР стали все более четко просматриваться характерные черты классической разведывательно-диверсионной резидентуры. Закрепившись на оккупированных территориях, разведчики перешли к активным вербовкам агентуры в среде противника, созданию явочных и конспиративных квартир для встреч с ними и формированию нелегальных осведомительских сетей как в окружении, так и непосредственно в воинских частях. А отдельные РДР пошли еще дальше и вступили в прямое противоборство с гитлеровскими спецслужбами.

Одним из первых эту сверхсложную задачу удалось решить разведчику Управления А. Михайлову. Объектом его оперативного проникновения стала действовавшая в районе Смоленска, в поселке Красный Бор, разведывательно-диверсионная школа Абвера. Операция по внедрению в нее началась в июне 1942 года. Строго придерживаясь отработанной легенды, он в числе окруженцев попал в фильтрационный лагерь, находившийся под Вязьмой. Затем, чтобы привлечь к себе внимание гитлеровских спецслужб, А. Михайлов «принял» предложение вербовщика, склонявшего военнопленных красноармейцев к вступлению в так называемую «Русскую народную армию». И вскоре этот ход оправдал себя: не прошло и нескольких недель, как на него вышли сотрудники Абвера и предложили отправиться на учебу в смоленскую разведывательно-диверсионную школу.

Во время учебы, с августа 1942 года по февраль 1943 года, А. Михайлов занимался не только сбором данных на командно-преподавательский состав школы, но и одновременно изучал курсантов, а затем осуществлял их вербовку. В результате этой кропотливой и полной смертельного риска работы 12 человек после заброски в тыл советских войск добровольно явились в органы государственной безопасности. В дальнейшем ряд из них использовался в качестве агентов-маршрутников и

опознавателей при розыске гитлеровских диверсантов. По возвращении с задания А. Михайлов был награжден орденом Красного Знамени. Аналогичную работу по проникновению в гитлеровские спецслужбы вели РДР П. Лопатина, К. Орловского, Д. Медведева, С. Ваупшасова, Н. Прокопюка и другие.

Наступившая весна 1942 года порождала в сердцах руководителей и рядовых бойцов Управления надежду на скорый перелом в войне с фашистами. Ее подкрепляла успешно начатая частями Красной армии Харьковская операция. Но радость была недолгой, вскоре П. Судоплатову и его подчиненным снова пришлось испытать горькую чашу поражения. К 18 мая наступление войск Юго-Западного фронта на Харьков захлебнулось, гитлеровцы ответили мощным контрударом группы армий «Юг», и советские войска вынуждены были с тяжелыми боями отступить вглубь страны. На южном фланге Восточного фронта сложилось критическое положение, в связи с чем 28 июля народный комиссар обороны издал приказ № 227, больше известный как «Ни шагу назад!» В нем говорилось: «...Пора кончить отступление. Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв. Надо упорно, до последней капли крови, защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности».

Несмотря на жесткие требования приказа и самоотверженные действия командиров и бойцов Красной армии, превосходство гитлеровских и румынских войск в живой силе, технике и особенно авиации было подавляющим и решило исход боев в их пользу. 24 июля пал Ростов-на-Дону. С его потерей открылись «ворота» на Северный Кавказ. Еще более угрожающее положение сложилось на Сталинградском фронте. 9 августа передовые части 3-й и 6-й армий вермахта вышли на оперативный простор, теперь всего нескольких десятков километров отделяло их от города. Возникла реальная угроза захвата Сталинграда, а вместе с ним важнейшего железнодорожного и водного транспортного узла. На южном направлении положение советских войск было

не лучше: танковые клещи вермахта тянулись к нефтепромыслам Майкопа, Грозного и Баку.

В этой сложнейшей обстановке руководители и рядовые сотрудники наркомата НКВД действовали так же самоотверженно, как и военнослужащие Красной армии. На них были возложены задачи, связанные с организацией обороны на горных перевалах, ведущих к городам Туапсе, Сочи и Сухуми, проведением акций по выводу из строя хранилищ с нефтью и скважин в районах Майкопа и Моздока, а также задачи по созданию подполья на территориях, которые могли перейти под контроль гитлеровцев. Для их выполнения в начале августа на место вылетели сам нарком Берия, его заместитель В. Меркулов и П. Судоплатов. Вслед за ними на нескольких транспортных самолетах в Тбилиси прибыли 150 разведчиков-диверсантов, подобранных из числа спортсменов-альпинистов, и заместитель Павла Анатольевича М. Орлов с группой опытных командиров РДР. Прямо с «крыла» им пришлось вступить в тяжелейшие бои, которые продолжались весь август и сентябрь. Сам Павел Анатольевич тоже не задержался в Тбилиси и руководил действиями подчиненных непосредственно из боевых порядков. Позже в своей книге «Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы» он так вспоминал о тех днях: «...Сразу после нас в Тбилиси прибыла группа опытных партизанских командиров и десантников, руководимая одним из моих заместителей, полковником Михаилом Орловым. Они не дали немцам вторгнуться в Кабардино-Балкарию и нанесли им тяжелые потери перед началом готовящегося наступления. В то же время альпинисты взорвали цистерны с нефтью и уничтожили находившиеся в горах моторизованные части немецкой пехоты...

Очень тяжелые бои произошли на Северном Кавказе в августе и сентябре 1942 года, когда я там находился. Наше спецподразделение заминировало нефтяные скважины и буровые вышки в районе Моздока и взорвало их в тот момент, когда к ним приблизились немецкие мотоциклисты. Меркулов и я следили за тем, чтобы взрыв произошел строго по приказу, и присоединились к нашей диверсионной группе, отходившей в

горы в последний момент. Позже от нашей дешифровальной группы получили сообщение из Швеции: немцы не смогли использовать нефтяные запасы и скважины Северного Кавказа, на которые очень рассчитывали. Однако разнос, которому мы подверглись за успешные действия, надолго мне заполнился. Когда мы вернулись в Тбилиси, Берия сообщил, что Сталин объявил Меркулову, заместителю Берии, выговор за неоправданный риск при выполнении операции по минированию: он подвергал свою жизнь опасности и мог быть захвачен передовыми частями немцев. Берия обрушился на меня за то, что я допустил это. В ходе немецких налетов несколько офицеров из Ставки, находившихся на Кавказе, были убиты. Член Политбюро Каганович получил во время бомбежки серьезное ранение в голову. Ранен был адмирал Исаков (начальник штаба ВМС — *прим. авт.*), а один из наших наиболее опытных грузинских чекистов, Саджая, погиб во время этого налета».

Ценой больших потерь среди личного состава, Павел Анатольевич и его подчиненные выполнили поставленные задачи. Части 49-го горно-стрелкового корпуса, захватившие в сентябре перевалы Кулхорский, Санчаро и Марухский, затем завязли в затяжных боях с оперативно-боевыми отрядами 4-го управления и спецчастями войск НКВД за Главный Кавказский хребет. Хваленый гитлеровский «Эдельвейс» так и не смог пробиться к берегам Черного моря и «помыть сапоги» в его водах. Непрístupным оставался и Сталинград. Бакинская нефть по-прежнему продолжала наполнять баки советских танков и самолетов. Сталинградский «котел» переваривал одну за другой лучшие гитлеровские дивизии. Там в его огне родилась новая Красная армия — армия-победительница.

Вместе с ней вкус победы ощутил и Павел Анатольевич вместе со своими подчиненными. В новый 1943 год 4-е управление вошло как уже сложившееся мощное разведывательно-диверсионное формирование. К этому времени на оккупированной территории Советского Союза действовало 77 РДР. Полученный ими опыт позволял решать не только текущие тактические, но и долговременные стратегические задачи.

Одна из них была успешно выполнена в ходе подготовки и проведения летней контроперации советских войск под Курском и Орлом.

Первичная информация о готовящемся наступлении вермахта на Восточном фронте стала поступать в РДР еще зимой 1943 года. В частности, 21 февраля из резидентуры «Корчагина», оперировавшей в районе Брянска, были получены данные о том, что «Льгов объявлен немцами на особом положении... Дмитриевский и Курский большаки заминированы немцами. Все огневые точки направлены главным образом на Курский большак». Спустя две недели, 7 марта, другой резидент, «Фирсанов», сообщил в Центр, что «4 февраля сего года в города Унеча и Стародуб с курского направления прибыло четыре эшелона итальянских солдат и несколько эшелонов солдат русско-немецких формирований, отказавшихся воевать. Несколько итальянских солдат немцы повесили на площади города».

В это же время из Лондонской резидентуры от агентов знаменитой «кембриджской пятерки», в частности Д. Кернкросса, служившего в британской дешифровальной службе «Блечли парк», пришло подтверждение: «Основная концентрация сил противника, которые, очевидно, были еще некоторое время тому назад на северном фланге группы армий «Юг», может быть ясно определена в основном районе будущих операций: Курск — Суджа — Волчанск — Острогжск...»

В начале апреля резидентура «Градова» получила информацию о предстоящем наступлении гитлеровских войск непосредственно из первоисточника, от немецкого перебежчика, инспектора ВВС Германии капитана В. Шульца. Она носила более конкретный характер, чем та, что была добыта агентурным путем. В частности, на допросах он подтвердил ранее полученные советской разведкой данные и даже назвал конкретные сроки начала боевых действий — конец апреля или начало мая. Правда, при этом они разнились в одном, но очень важном аспекте. Как утверждал Шульц, наступление гитлеровских войск следовало ожидать не на курско-орловском направлении, а на ленинградском и московском.

Последующий ход событий на Восточном фронте дает основания полагать, что Шульц, возможно, являлся одним из многих исполнителей в многоплановой операции «Прикрытие», проводившейся гитлеровскими спецслужбами, чтобы ввести в заблуждение советское командование относительно замысла летнего наступления «Цитадель». В Берлине, видимо, рассчитывали на то, что, как и год назад, когда в руках советской военной контрразведки «случайно» оказалась «директива» Генштаба вермахта «Кремль», предписывавшая командующему группой армий «Центр» фельдмаршалу фон Клюге начать подготовку к наступлению на Москву, нынешняя заготовка также сработает. И основания для этого у гитлеровцев были. Весной 1942 года Сталин в него поверил и «проспал» сокрушительный удар вермахта на южном фланге Восточного фронта.

В начале апреля 1943 года, когда лишь смутно угадывались контуры операции «Цитадель», данные Шульца выглядели вполне правдоподобно, и поэтому руководство 4-го управления незамедлительно доложило наркому В. Меркулову.

«Из района города Минска БССР 7 апреля 1943 года
Совершенно секретно
Наркому НКГБ СССР
комиссару госбезопасности 1 ранга
В. Меркулову

О стратегических замыслах германского командования,
по данным разведки

Перебежавший инспектор германских военно-воздушных сил капитан Вилли Шульц сообщил следующее.

1. Отход немецких войск на Центральном фронте производится с целью завлечь русских в мешок, удлинив их коммуникации, оторвать от баз, оставив стorerшие населенные пункты, после чего еще раз сделать попытку наступления на Ленинград и Москву.

По плану наступление намечено на конец апреля или начало мая, но может быть и ранее, в зависимости от погоды.

По мнению Шульца, наступление на Ленинград будет наверняка, для чего в Латвии и Эстонии концентрируются войска.

2. Шульц считает, что работа немецкого автотранспорта по сравнению с прошлым годом резко сократилась ввиду недостатка горючего.

3. Касаясь подготовки к химической войне, Шульц сообщил, что в Белоруссии, Минске и Варшаве химические базы ему неизвестны, но что к фронту переброшены газовые артиллерийские гранаты и бомбы.

«Градов».

Заместитель начальника 1-го отдела

4-го управления НКВД СССР

А. Федичкин».

Из наркомата информация тут же была направлена Сталину и Ильичеву (руководитель Разведывательного управления ГШ Красной армии). Несмотря на то что она расходилась с предыдущими докладами разведслужб, в Ставке ГКО московское направление по-прежнему считали наиболее опасным. Последующие материалы, добытые 1-м и 4-м управлениями, военной контрразведкой — Особыми отделами НКВД, с 19 апреля 1943 года ГУКР Смерш НКО СССР и Разведывательным управлением ГШ Красной армии, уже не оставляли сомнений у советского военно-политического руководства в том, что после унижительного поражения под Сталинградом Гитлер и его окружение в ближайшие месяцы попытаются взять реванш. Но на каком участке фронта, под Ленинградом, под Москвой или под Курском будет нанесен удар — это до поры до времени оставалось загадкой.

В Берлине отчетливо понимали его цену и потому делали все возможное и невозможное, чтобы сохранить в тайне свои замыслы. План летнего наступления на Восточном фронте под кодовым названием «Цитадель» готовился в Генштабе вермахта в обстановке строжайшей тайны. В будущей схватке не на жизнь, а на смерть вожди рейха бросили на чашу весов войны все стратегические ресурсы и последние достижения техники: германское «чудо-оружие» — танки «Тигр» и «Пантера»,

самоходные артиллерийские установки «Фердинанд». Этот бронированный «зверинец», по замыслу гитлеровских генералов, должен был в клочья разорвать оборону советских войск. Но, несмотря на плотную завесу тайны, которой была окружена подготовка операции «Цитадель», она не устояла перед «русским тараном», во многом благодаря своевременной и точной разведывательной информации.

К середине мая резидентуры 4-го, 1-го управлений НКВД — НКГБ СССР, ГУКР Смерш НКО СССР и Разведуправления ГШ Красной армии добыли дополнительные разведывательные данные, касающиеся операции «Цитадель». Они носили более полный характер и окончательно убедили руководство Ставки ГКО в том, что в ближайшие месяцы Красной армии на участках Брянского, Центрального и Воронежского фронтов придется не просто отразить наступление фашистских войск, а и принять участие в сражении, до этого невиданном по своим масштабам и размаху задействованных сил и средств. Позже прославленный полководец, Маршал Советского Союза Г. Жуков в своих знаменитых «Воспоминаниях и размышлениях» так оценил вклад разведки в успех операции под Курском и Орлом: «В начале апреля у нас имелись достаточно полные сведения о положении войск противника в районе Орла, Сум, Белгорода и Харькова... К середине мая Ставка провела тщательную агентурную и воздушную разведку, которая достоверно установила, что главные потоки войск и военных грузов противника идут в районы Орла, Кром, Брянска и Харькова...»

Аналогичная оценка эффективности ее работы в тот период была дана и другим известным маршалом, начальником Генерального штаба Красной армии А. Василевским. В книге «Дело всей жизни» он так вспоминал о событиях тех дней: «...В преддверии Курско-Белгородского сражения советское командование предъявляло особые требования к органам разведки, и нужно сказать, она была на высоте и неплохо помогла нам».

И действительно, советская разведка, к тому времени восстановившая свою былую мощь и закаленная в тайной войне с опытным противником, действовала как никогда эффектив-

но. Достойный вклад в общий успех внесло и 4-е управление, добываемые его разведчиками материалы раскрывали перед советским командованием не только общий замысел операции «Цитадель», но и содержали информацию о составе сил и средств, которые гитлеровцы сосредотачивали на направлениях главных ударов. Наиболее результативно в этом плане работали РДР, руководимые резидентами «Градовым» и «Юрием». Так, находившаяся на задании в Минской области РДР Героя Советского Союза П. Лопатина (оперативный псевдоним «Градов») агентурным путем получила ценные сведения о сосредоточении противником авиации, танков и самоходных артиллерийских установок под Орлом. На основе этих материалов 23 мая 1943 года, то есть за полтора месяца до начала сражения, нарком госбезопасности В. Меркулов информировал Государственный комитет обороны о том, что «оперативная группа под командованием чекиста Лопатина получила исключительно ценные сведения о подготовке немецким командованием крупного наступления на Орловско-Курской дуге. В район Орла с 5 мая 1943 года подводятся танки, артиллерия и авиация».

Вскоре материалы резидентуры «Градова» подтвердил другой агент Управления, «Святой», внедренный РДР «Юрий» в гитлеровский разведорган «Абверкоманду-103». По существу их был информирован нарком В. Меркулов.

«Из района города Минска БССР 23 мая 1943 года
Совершенно секретно
Весьма срочно
Наркому НКГБ СССР
комиссару госбезопасности 1 ранга
В. Меркулову

О стратегических планах немецкого командования,
по данным разведки

«Святой» показал:

Со слов его бывшего руководства ему известно, что немцы готовят наступление с Орла на Елец и с Харькова на Воронеж

с задачей окружить группировку наших войск, находящихся между этими направлениями, и что в район Орла уже стянуто несколько армий, в том числе якобы около трех танковых.

Главная военная база, обслуживающая эту группировку, находится в Конотоне. По тем же данным, на участке фронта от Великих Лук до Дорогобужа войска противника будут только держать оборону, и в настоящее время на этом участке фронта находятся всего две армии. В Витебске дислоцируется 4-я или 9-я танковая армия, якобы малобоеспособная...»

«Юрий».

Начальник 2-го отдела 4-го управления НКГБ СССР
Маляровский».

Наряду с этими данными разведчик добыл новые, представляющие исключительную ценность для высшего командования Красной армии. Они опровергали показания перебежчика В. Шульца о планируемом весеннем наступлении на Ленинград и Москву, а также другие материалы, которые гитлеровская разведка активно продвигала по различным каналам в целях дезинформирования и введения в заблуждение советского командования относительно истинных своих планов. Сведения, представленные «Святым», близко перекикалась с данными, поступившими из лондонской резидентуры от Д. Кернкросса, и подрывали «дезу» гитлеровских спецслужб о предстоящем наступлении на Ленинград.

В мае — июне «Святым» были получены очередные важные материалы, касавшиеся численности танковых армий, сосредоточенных для наступления на курско-орловском направлении, а также сведения, раскрывавшие тактико-технические характеристики отдельных видов вооружения, в том числе «танка прорыва «Тигр». 18 июня по их существу резидент «Юрий» доложил в Центр:

«С 23 мая по 18 июня сего года по железной дороге из Минска в сторону Гомеля перевезено противником: 613 танков, в том числе типа «Тигр», 214 бронемашин на гусеничном ходу, 3750 автомашин, 12 батальонов войск, в том числе 4 батальона

«Русской народной армии», самоходных орудий — 224 калибра 75 мм и 105 калибра 125 мм, 224 противотанковых орудий, 104 тяжелых пулеметов, имеющих скорострельность до 1000 выстрелов в минуту. Кроме того, в вышеуказанном направлении проследовал 1 эшелон с отравляющими веществами, имеющими запах яблок, и 73 эшелона с боеприпасами до 900 т в каждом.

Из разговоров офицеров германской армии, немцы намечают в 20-х числах июня сего года наступление на правом фланге Орловского фронта, а также в районе Курска и Орла.

«Юрий».

С учетом важности этой и предыдущей информации «Святого» по распоряжению наркома В. Меркулова за ним был послан самолет. 19 июня он уже находился в Москве и в процессе беседы с руководством 4-го управления подтвердил предыдущие разведывательные данные, сообщил новые и весьма важные. В тот же день они были доложены в наркомат.

«19 июня 1943 года
Совершенно секретно
Заместителю наркома НКГБ СССР
комиссару госбезопасности 2 ранга
Б. Кобулову

О готовящемся немецком наступлении
на Восточном фронте, по данным разведки

Относительно предполагаемого наступления германской армии на Восточном фронте доставленный в Москву «Святой» сообщил следующее:

«7 или 8 мая ко мне в бюро прибежал зондерфюрер, лейтенант германской армии, сотрудник штаба разведки Центрального фронта «Абверкоманды-103» «Сатурн» (фамилия неизвестна) с картой обстановки разведотдела штаба Восточного фронта по состоянию на 5 мая сего года и заявил, что решено наступать с Орла в направлении на Елец и в дальнейшем на Пензу. С Курска и Харькова, со слов зондерфюрера,

наступление должно развиваться в направлении на Воронеж, с Белгорода — на Малоархангельск с задачей окружить и уничтожить группировку советских войск, находящихся на этом участке фронта.

Зондерфюрер также заявил мне, что, по имеющимся у него данным, в район Орла стянуто 9 армий, из которых половина — танковые. В составе танковых армий, по словам зондерфюрера, в основном находятся танки прорыва типа «Тигр». Это средние танки с утолщенной броней, повышенной маневренностью и мощными огневыми средствами. Вооружены танки дальнотанковой пушкой и несколькими пулеметами. Противотанковые пушки броню этого танка не пробивают. Противотанковые мины ему не опасны. Я лично видел эти танки на расстоянии 400–450 м на открытых платформах. Танк низкий, посадка с пушки, длина ствола примерно около 2 м, калибр менее 74 мм, окрашен танк в желто-песочный цвет, профиль напоминает танк «КВ-1».

По словам зондерфюрера, военная база Восточного фронта находится в Конотопе.

На участке фронта от Великих Лук до Дорогобужа решено перейти в оборону до конца войны, там находятся всего две армии, одна из них танковая, со штабом в г. Витебске, которая якобы небоеспособна.

Начальник 2-го отдела 4-го управления НКГБ СССР
Маклярский».

В этот же период от знаменитого разведчика Н. Кузнецова (оперативный псевдоним «Колонист»), входившего в состав резидентуры «Победители», в Центр поступила еще одна исключительно важная информация. Она касалась плана подготовки гитлеровскими спецслужбами покушения на лидеров «Большой тройки» — И. Сталина, У. Черчилля и Ф. Рузвельта — во время их предстоящей встречи в Тегеране. Ключом к открытию его тайны послужила, на первый взгляд, сущая мелочь. Один из «приятелей» П. Зиберта (Н. Кузнецова), кадровый разведчик Остер, находившийся в то время

в Виннице и занимавшийся подбором кандидатов, имевших опыт диверсионной и террористической деятельности, для участия в спецоперации, был большим любителем азартных игр. В картах ему определенно не везло, вскоре он оказался в должниках у добряка Зиберта. Тот особенно не настаивал на возвращении долга, и в благодарность Остер пообещал по возвращении из очередной командировки в Тегеран привести в подарок настоящий персидский ковер ручной работы. Эта информация, доложенная Д. Медведевым в Центр, сказала многое П. Судоплатову и руководству наркомата. В совокупности с другими разведывательными данными она позволила сорвать террористический акт, готовившийся гитлеровскими спецслужбами против лидеров «Большой тройки».

Другим не менее важным направлением в работе советских органов государственной безопасности, и 4-го управления в частности, в период подготовки к отражению гитлеровского наступления под Курском и Орлом являлось скрывание подрывной деятельности Абвера и «Цепелина», направленной на получение информации о контрмерах, принимаемых командованием Красной армии. В частях действующей армии и ближайшем тылу эту работу выполняли органы военной контрразведки. И делали они это достаточно эффективно. Продолжительность существования заброшенных гитлеровскими спецслужбами разведывательно-диверсионных групп в среднем составляла не более двух недель. Столь короткий срок их действий можно объяснить двумя причинами: эффективным контрразведывательным режимом, который был установлен органами ГУКР Смерш НКО СССР в армейских частях и прифронтовой полосе, а также результативной работой разведки на упрещение.

Именно в 1943 году резидентуры 4-го, Разведуправления ГШ Красной армии, а с весны — фронтовых управлений ГУКР Смерш НКО СССР перешли от обороны к наступлению — масштабному оперативному проникновению в гитлеровские спецслужбы. Путем перевербовки действующих агентов противника и организации «подстав» на вербовку своих разведчиков, они сумели создать надежные оперативные позиции в

«осиных гнездах» — разведывательно-диверсионных школах и центрах подготовки Абвера и «Цепелина». Несмотря на отдельные потери на первом этапе, связанные с недостаточным опытом проведения этих сложных операций, с течением времени такая тактика себя полностью оправдала. Благодаря ей, а также профессиональной работе разведчиков, подрывная деятельность гитлеровских спецслужб была во многом сведена на «нет». Группы будущих диверсантов еще только готовились к переброске за линию фронта, а их состав, вплоть до подлинных имен и фамилий, был уже известен в Центре. Так, 23 мая 1943 года резидент «Юрий», ссылаясь на материалы разведчика «Святого», внедренного в «Абверкоманду-103», передал в радиোগрамме исчерпывающие данные на гитлеровскую агентуру,сланную в советские войска.

«В связи с усиленной заброской противником агентуры в район Ельца, Воронежа, Курска и Касторной сообщаю данные о следующих агентах:

1. Карчагин (настоящая фамилия), 1922 г. р., по документам В. И. Абрамов, техник-интендант 2 ранга 137-й стрелковой дивизии, направлен в Елец в 181-й запасной стрелковый полк; имеет рацию.

2. Ростовцев, 1912 г. р., по документам П. И. Егоров, старший лейтенант, помощник начальника штаба 5-го отдела 60-й стрелковой дивизии, имеет справку госпиталя № 611. Направлен в Воронеж, Елец и Касторную; имеет рацию.

3. Назаров, по документам И. В. Кукин, из 137-й стрелковой дивизии, направлен в Елец в 181-й запасной стрелковый полк.

4. Соломенников, документы на ту же фамилию, гвардии старший лейтенант, командир роты 10-го отдельного батальона минеров, направлен в служебную командировку в Касторную; имеет рацию.

5. Богданов, 1921 г. р., по документам В. И. Соколов, лейтенант трофейного отделения 60-й стрелковой дивизии, имеет справку эвакогоспиталя № 2566 и партбилет политотдела 60-й стрелковой дивизии № 4827902. Направлен в Воронеж, Елец, Касторную; имеет рацию.

6. Лапин, 1923 г. р., документы на ту же фамилию, сержант 10-го отдельного гвардейского батальона минеров, имеет справку госпиталя № 611, направлен в Касторную, напарник Соломенникова.

По данным «Святого».

«Юрий».

Прошло всего несколько дней, и резидент «Юрий» направил в адрес руководства 4-го управления очередную радиограмму, в которой содержались новые сведения о немецких агентах, внедренных в советские войска. В частности, он сообщал следующее.

«Передаем дополнительные данные «Святого» об агентах немецкой разведки, засланных в тыл Советского Союза.

В начале мая сего года в Касторную и в район Курска направлены следующие группы немецких разведчиков:

1. Старший лейтенант Подсветов, лейтенант Сухаревский и младший лейтенант Ефимов, имеющие документы от командировочного удостоверения от 100-го гвардейского минометного дивизиона, оперативной группы минометной части Ставки верховного главнокомандования.

В документах указано, что они направляются в служебную командировку. У каждого разведчика имеется по 9 запасных незаполненных бланков командировочных удостоверений со штампами и печатями.

2. В тот же период в указанный район направлены старший сержант Мусиенко и с ним сержант Мезинов, имеющие документы от коменданта роты 322-й сд. Вместе с Мусиенко и Мезиновым послан младший лейтенант Бережнев-Хвостов, имеющий документы от 1057-й ср 322-й сд и удостоверение личности без фотокарточки.

Разведчики имеют командировочные предписания от 322-й сд о том, что они едут за пополнением в Касторную. В командировочное предписание Мусиенко вписано, что с ним следует сержант Мезинов.

Каждая группа имеет радиостанцию и запасные бланки документов. Одеты разведчики в новое обмундирование Красной

армии образца 1941 года и погоны со звездочками стального цвета, резко отличающиеся от наших.

«Юрий».

Таких материалов о засланных и действующих на советской территории агентах гитлеровских спецслужб в Центр с каждым днем поступало все больше. И, несмотря на то что в 1943 году разведывательно-диверсионная деятельность Абвера и «Цепелина» достигла своего апогея, за это время ими было подготовлено и переброшено за линию фронта около 10 тысяч агентов и диверсантов, ни одному из них так и не удалось внедриться в штаб армии, не говоря уже о штабе фронта, и добыть информацию стратегического характера. Отдельные акты шпионажа, диверсий и террора существенного влияния на положение на фронтах не оказали.

Слаженная работа советской разведки и контрразведки обеспечила им превосходство в тайной войне с гитлеровскими спецслужбами. Они одинаково эффективно действовали по обе стороны линии фронта. К концу 1943 года разведчикам 4-го управления, ГУКР Смерш НКО СССР и РУ ГШ Красной армии удалось создать надежные агентурные позиции в основных разведывательно-диверсионных центрах и школах Абвера и «Цепелина». Многие из них: «Святой», «Сергей», «Орлова», «Следопыт», «Данник», «Гальченко», «Северов» и десятки других занимали должности начальников отделов или инструкторов, что открывало перед ними практически неограниченные возможности в сборе разведывательного материала. Они заблаговременно знали не только установочные и характеризующие данные на готовящихся к заброске на советскую территорию агентов и диверсантов, но и замыслы разработанных операций, что не менее важно.

Лучшим свидетельством эффективности работы советских спецслужб накануне и в ходе Курской битвы может служить признание бывшего начальника Генштаба вермахта фельдмаршала Кейтеля. Спустя два года после крушения операции «Цитадель», разрабатывавшейся под его непосредственным руководством, на

допросе у следователя ГУКР Смерш НКО СССР он вынужден был признать: «Данные нашей агентуры касались только тактической зоны, и ни разу не было получено сведений, которые оказали бы серьезное воздействие на развитие военных операций».

В то жаркое лето 1943 года на огненной Курской дуге окончательно сторели надежды военного руководства вермахта вернуть себе стратегическую инициативу на Восточном фронте. Но эти успехи были еще впереди, а тогда, накануне битвы, подчиненные П. Судоплатова напрягали все свои силы, чтобы ослабить боевую мощь противника и помочь своим товарищам, сражавшимся на фронте. Они творчески совершенствовали классические для любой спецслужбы способы действий и одновременно активно изыскивали новые формы борьбы.

Весной 1943 года резидентурами Управления впервые была опробована и в последующем активно использовалась такая форма подрыва боеспособности полицейских и частей вермахта, как их разложение. Этой сложной и рискованной операции, как правило, предшествовало глубокое изучение обстановки и настроений в среде военнослужащих противника. В этих целях на первом этапе наиболее опытными сотрудниками резидентуры через имеющиеся разведывательные возможности или путем дополнительных вербовок среди личных связей командиров и их заместителей осуществлялось оперативное проникновение в роту, батальон или полк. В дальнейшем через приобретенную агентуру выявлялись ключевые фигуры — авторитетные для сослуживцев военнослужащие. Затем наступал самый рискованный момент в операции — беседа резидента или разведчика с тем, кто должен был «увести в лес своих подчиненных». Подобные встречи, как правило, проводились с подстраховкой, тем не менее риск провала был слишком высок. Но, несмотря на это, разведчики шли на него, так как в ходе проведения подобных операций достигался двойной эффект. Из строя выводились целые подразделения противника, при этом большинство военнослужащих, не замешанных в тяжких преступлениях, карательных акциях и расстрелах мирного населения, вливались в партизанские отряды и усиливали их боевую мощь. Кроме

того, переход на сторону противника оказывал серьезный морально-психологический эффект на военнослужащих других подразделений и подрывал боевой дух войск.

Наряду с этим, в ходе операции «Разложение» решалась и другая задача, намного более важная, чем нанесение противнику прямого урона, — чисто человеческая, гуманная. Бывшие военнослужащие Красной армии и советские граждане, попавшие в плен и в силу различных обстоятельств вынужденные поступить на службу к противнику, получали шанс реабилитироваться и смыть с себя позорное клеймо «предателя», а в последующем — многим избежать лагерей ГУЛАГа.

Одной из первых в 4-м управлении такую операцию провела РДР «Шестакова», действовавшая в районе Брянска, в отношении «добровольческого» батальона «Припять», сформированного гитлеровцами из числа пленных командиров и рядовых Красной армии. В ходе нее под непосредственным контролем резидента была проведена оперативная комбинация, связанная с агентурным проникновением в 3-ю роту батальона. Затем, путем кропотливой работы с ее командиром, удалось склонить его, заместителей и большинство личного состава (отказалось только 40 человек, на следующий день все были публично расстреляны гитлеровцами) с полным вооружением перейти на сторону РДР. В дальнейшем они вошли в состав местного партизанского отряда. О том, какое значение этой работе РДР придавалось руководством 4-го управления, красноречиво свидетельствует доклад наркому В. Меркулову по ее результатам.

«9 апреля 1943 года
Совершенно секретно
Наркому НКВД СССР
комиссару госбезопасности 1 ранга
В. Меркулову

О переходе, по агентурным данным, на сторону партизан роты немецкого добровольческого батальона «Припять»

В результате агентурных мероприятий, проведенных среди добровольческого батальона «Припять», 6 апреля сего года к

нам перешла одна рота этого батальона численностью в 120 человек, дислоцировавшаяся в Мглине, с вооружением: 8 ручных и 2 станковых пулемета, 2 ротных миномета, 1 батальонный миномет и свыше 100 винтовок.

Считаю возможным передать эту роту в партизанские отряды.

«Шестаков»

Начальник 3-го отдела 4-го управления НКВД СССР

А. Дроздов».

Это был первый, но очень важный успех РДР 4-го управления на данном направлении деятельности. К концу года в результате агентурной работы среди «войсковых соединений, созданных из предательского элемента», было «разложено» 98 частей общим количеством 16 800 солдат и командиров. Из них свыше 14 000 перешли на сторону РДР с оружием в руках. В следующем 1944 году ряды противника уже покидали целыми батальонами и даже бригадами вместе со стрелковым оружием, артиллерией и даже бронетехникой. Значительную часть из них составляли словаки, чехи, венгры и румыны.

Наряду с этой и разведывательной деятельностью на РДР 4-го управления была возложена и другая, не менее важная задача, связанная с проведением диверсий на транспортных коммуникациях противника. Состояние этой работы постоянно находилось на личном контроле у руководства наркомата. Каждую декаду каждого месяца в специальной докладной П. Судоплатов и его подчиненные сообщали о ее результатах лично наркому или его заместителям. Так, в одном из первых таких отчетов начальник информационного отделения Управления капитан госбезопасности Комаров докладывал:

«10 мая 1943 года
Совершенно секретно
Наркому НКГБ СССР
комиссару госбезопасности 1 ранга
В. Меркулову

О диверсионной деятельности оперативных групп НКГБ
СССР в тылу противника

По данным, поступившим за период с 27.04.1943 по 10.05.1943, оперативными группами 4-го управления НКГБ СССР, действующими в тылу противника, проделано:

1. Пущено под откос воинских эшелонов — 15.
2. Уничтожено паровозов — 8.
3. Уничтожено вагонов и платформ — 109.
4. Уничтожено автомашин — 2.
5. Убито солдат и офицеров противника при крушениях поездов — свыше 841 чел.
6. Ранено — 278 чел.
7. Взорвана нефтебаза — 1.

По неполным данным, движение на железных дорогах, подвергшихся диверсионным действиям опергрупп, было приостановлено в общей сложности на 252 часа...

Начальник информационного отделения
8-го отдела 4-го управления НКГБ СССР
капитан госбезопасности
Комаров».

Но война быстро учит. От операции к операции командиры и бойцы резидентур набирались боевого опыта, результативность их деятельности росла на глазах. Не прошло и месяца, как размер нанесенного ими ущерба возрос почти на порядок. В очередном докладе руководству наркомата начальник 8-го отдела Управления Федичкин сообщал следующее.

«2 июня 1943 года
Совершенно секретно
Заместителю наркома НКГБ СССР
комиссару госбезопасности 2 ранга
Б. Кобулову

О диверсионной деятельности опергрупп Управления
в тылу противника с 20 по 31 мая 1943 года

По данным, поступившим за период с 20.05.1943 по
31.05.1943, оперативными группами 4-го управления НКГБ
СССР проделано:

1. Пущено под откос эшелонов — 20.
2. Бронепоездов — 1.
3. Уничтожено паровозов — 16.
4. Уничтожено вагонов и платформ — 212.
5. Уничтожено автомашин — 5.
6. Взорвано железнодорожных мостов — 1.
7. Сожжено шоссейных мостов — 6.
8. Уничтожено связи — 600 м.
9. Убито и ранено солдат и офицеров — до 3140 чел.

По неполным данным, движение на железных дорогах,
подвергшихся диверсионным действиям опергрупп, было
приостановлено в общей сложности на 140 часов.

1. Белорусская ССР

Диверсионными группами отряда Ваупшасова проведены
следующие операции.

25 апреля сего года взорвана нефтебаза в местечке Красное
Урочище (близ Минска), пожар длился в течение суток.

10 мая сего года в Минске, на Найденовском тракте, взор-
вана радиостанция. При взрыве убито 8 немецких солдат и
1 офицер.

23 апреля сего года произведено крушение эшелона на
товарной станции в Минске. При крушении разбиты 4 вагона
с живой силой, убито и ранено до 170 человек.

Отрядом Прудникова 14 апреля сего года на железной до-
роге Полоцк — Двинск, восточнее станции Битосово, пущен

под откос эшелон противника. При крушении эшелона разбиты паровоз, 12 вагонов с боеприпасами, 4 цистерны и убито 10 немцев. Движение на этом участке дороги было прекращено на 8 часов.

20 апреля сего года тем же отрядом пущен под откос эшелон противника на железной дороге Полоцк — Двинск, в 4 км северо-западнее станции Краслава. При крушении эшелона разбиты паровоз и 22 вагона с живой силой. Убито и ранено 692 немецких солдата и офицера. Движение на этом участке дороги было прервано на 12 часов.

30 апреля сего года отрядом Прудникова пущен под откос эшелон противника в 6 км северо-восточнее станции Краслава. В результате крушения разбиты паровоз и 18 вагонов с боеприпасами. Убито 48 немцев. Движение на дороге было приостановлено на 9 часов.

Диверсионной группой Бочерикова в ночь с 18 на 19 мая сего года пущен под откос эшелон противника на железной дороге Слуцк — Осиповичи. При крушении эшелона разбиты паровоз, 4 вагона с живой силой и 5 платформ с автомашинами.

Кроме того, группа дополнительно сообщила о проведенных ею крушениях еще 3 эшелонов противника на той же железной дороге. В результате этих крушений были разбиты 3 паровоза, 27 вагонов с живой силой, убито и ранено до 1500 немцев.

В районе совхоза «Заволочины», что в 25 км западнее города Бобруйска, группой Бочерикова взорван деревянный мост на шоссе.

Отрядом Неклюдова в апреле месяце сего года пущены под откос 3 эшелона противника на железной дороге Полоцк — Молодечино. В результате проведенных диверсий разбиты 3 паровоза, 10 вагонов с автомашинами, 2 санитарных, 18 — порожняком и 19 вагонов с неустановленным грузом. На той же железной дороге севернее станции Парафьяново отрядом Неклюдова взорван железнодорожный мост длиной 17 м и уничтожено до 600 м телеграфной связи.

На железной дороге Полоцк — Двинск тем же отрядом в апреле месяце сего года пущены под откос 2 эшелона против-

ника. Результаты не выяснены. Кроме того, отрядом сожжено 5 шоссейных мостов общей длиной в 66 м, взорваны 2 автомашины и 1 подвода с 19 немецкими солдатами и 1 офицером.

Отрядом Шемякина 4 мая сего года пущен под откос эшелон противника на железной дороге Орша — Унеча, между станциями Климовичи и Коммунары. При крушении эшелона разбиты паровоз, 2 вагона и 2 платформы.

15 мая сего года отрядом Шемякина пущен под откос эшелон противника на железной дороге Кричев — Рославль. При крушении разбиты паровоз и 8 вагонов.

В пути следования по маршруту в Костюковичском районе Могилевской области отряд подвергся преследованию со стороны добровольческого карательного батальона «Припять». В результате агентурных мероприятий, проведенных отрядом, из батальона в отряд Шемякина перешло 11 добровольцев с пулеметом и винтовками. После этого батальон ушел из местечка Костюковичи, прекратив преследование отряда.

21 мая сего года группой бойцов отряда Шестакова под командованием Мадея была организована засада в деревне Ворновка, что в 15 км севернее г.Чечерина Гомельской области. В результате засады разбита полутоннажная автомашина с продовольствием, убито 2 немца — ефрейтор Ганс Маар и интендант Отто Михель, и 1 полицейский. Захвачены автомат, 2 пистолета и документы. 26 мая сего года отряд Шестакова на берегу реки Сож, близ станции Салтановка, что в 60 км северо-западнее Гомеля, сжег немецкий склад лесоматериалов в количестве 2500 куб. м, предназначавшихся для строительства укреплений.

II. Украинская ССР

27 мая сего года из-под Житомира вернулась на свою базу оперативная группа из отряда Мирковского, находившаяся в рейде по вражеским тылам в течение 32 дней. За этот период группа провела следующие операции:

В ночь с 3 на 4 мая на железной дороге Житомир — Новоград-Волинский, в 8 км от Житомира, пущен под откос эшелон противника. При крушении эшелона разбиты паровоз

и 3 вагона, в том числе 1 пассажирский. Убито до 40 немцев и повреждено до 30 вагонов с продовольствием. Движение на указанной дороге было приостановлено на сутки.

В ночь с 7 на 9 мая на железной дороге Житомир — Фастов, в 3 км от Житомира, взорван паровоз и 25 вагонов со снарядами. Движение на дороге было приостановлено на сутки.

В ночь с 9 на 10 мая на железной дороге Житомир — Новоград-Волинский пущен под откос бронепоезд противника, в результате чего разбиты паровоз и 2 бронеплощадки, убито 4 немца, количество раненых не установлено. Движение на железной дороге было прекращено на сутки.

1 мая сего года группой ликвидированы комендант Коростышевского района Фогт Армин и 3 жандарма при следующих обстоятельствах. Установив, что Фогт находится на даче в селе Студеница, группа в 10 часов утра проникла в квартиру Фогта и там же расстреляла его. Операция была проведена публично, на глазах у населения. У убитых захвачены личные и служебные документы и оружие. По документам Фогта установлено, что он одновременно являлся также и сотрудником Гестапо. В операции участвовали: Карапузов, Полешук, Кромский и Куприянов.

Кроме того, оперативной группой был подготовлен взрыв базы горючего. В момент слива железнодорожных цистерн заминированная цистерна была опорожнена и взорвалась через час вне территории базы. При взрыве было убито 2 немца.

Отрядом Медведева 19 и 20 мая сего года на железной дороге Сарны — Ракитно пущены под откос 2 эшелона противника с живой силой и техникой.

III. Орловская область

14 мая сего года в с. Творишино Гордеевского района, что в 30 км северо-западнее города Клинцы, отряд Шемякина разогнал гарнизон и полицию, взорвал вновь построенный немцами спиртзавод, уничтожив 1 т спирта и, кроме того, сжег склад, где находилось до 80 т зерна.

16 мая сего года на дороге Салтановка — Святое, южнее Брянска, на поставленных ранее группой Соколова минах взорваны 2 автомашины, переполненные немцами.

IV. Калининская область

4 мая сего года на железной дороге Идрица — Пустошка, в 5 км восточнее станции Идрица, отрядом Прудникова пущен под откос эшелон противника. Разбиты паровоз, 22 вагона и 3 платформы с живой силой и лошадьми. Убито до 200, ранено до 400 немцев. Движение поездов на этом участке железной дороги было прекращено на 40 часов.

Начальник 8-го отдела 4-го управления НКГБ СССР Федичкин».

По мере приближения к решающей схватке на Курской дуге эффективность работы РДР возрастала. В тот период времени руководство 4-го управления требовало от своих резидентов основные усилия сосредоточить на срыве поставок живой силы и техники противника к линии фронта. С этой целью была осуществлена дополнительная заброска разведывательно-диверсионных групп в глубокий тыл группы армий «Центр» и их численность возросла почти в два раза.

Накануне и во время Курской битвы РДР 4-го управления совместно с оперативными группами РУ ГШ Красной армии и партизанами развернули на транспортных коммуникациях противника настоящую «рельсовую войну». Только одними диверсионными группами Управления в ходе стратегической операции «Концерт» (проведение диверсий на транспортных коммуникациях противника) было пущено под откос 1039 железнодорожных эшелонов с живой силой и боевой техникой, взорвано 220 железнодорожных и шоссейных мостов.

Ни днем, ни ночью гитлеровцы не знали покоя. Об эффективности диверсионной деятельности РДР и партизан красноречивее всего свидетельствует одно из многочисленных ежесуточных донесений чиновника Имперского управления путей сообщения в Главное управление «Восток», добытое оперативным путем в октябре 1943 года. Его доклад из Минска

в Берлин скорее напоминал крик отчаяния. «...Положение крайне напряженное! Деятельность бандитов невыносимо увеличивается! Как днем, так и ночью оборона от бандитов и защита перегонов являются совершенно недостаточными и безрезультатными, так как нападения совершаются ежедневно на тех же самых перегонах. В случае, если не проводятся всеохватывающие мероприятия, которые приносили бы результат, то потерпит крушение весь ход дела на перегонах Минск — Жлобин — Гомель, Брест — Лунинец — Гомель, Жлобин — Могилев и Орша — Кричев — Унеча!» И дальше иных знаков, кроме сплошных восклицательных, у потерявшего голову чиновника железнодорожного ведомства рейха, видимо, уже не оставалось.

С каждым новым месяцем разведывательно-диверсионные резидентуры 4-го управления наращивали мощь своих ударов и расширяли географию действий. К декабрю 1943 года их количество достигло 125, а общая численность личного состава составила 7212 человек. С течением времени РДР «Победители», «Местные», «Олимп», «Охотники», «Соколы», возглавляемые Д. Медведевым, С. Ваупшасовым, В. Карасевым, Н. Прокопюком, К. Орловским, пополнившись местными патриотами, превратились в крупные войсковые соединения. Урон, который они наносили противнику, становился все более ощутим.

В отчете Управления «Об итогах агентурно-оперативной и диверсионной работы на временно оккупированной советской территории за 1943 год» содержатся красноречивые цифры, подтверждающие ее эффективность и результативность. «...Диверсионная работа оперативных групп НКГБ СССР за 1943 год характеризуется следующими данными: пущено под откос 1039 железнодорожных эшелонов, в результате чего уничтожено 941 паровоз и 8671 железнодорожный вагон, взорвано 220 железнодорожных и шоссейных мостов.

При боевых столкновениях с подразделениями противника, карательными отрядами, в засадах и при крушении эшелонов оперативными группами в 1943 году убито и ранено около

53 700 солдат и офицеров германской армии и карательных отрядов...

Внедрением агентуры оперативных групп в различные разведывательные и контрразведывательные органы противника, административные и полицейские учреждения, а также допросами разоблаченных шпионов, произведенными на базах оперативных групп и частично доставленных на нашу территорию, выявлено свыше 15 000 немецких агентов и активных пособников оккупантов, находящихся на занятой врагом территории. Из этого числа оперативными группами захвачено и расстреляно 3040 человек.

Кроме того, оперативными группами выявлено более 1260 немецких агентов, заброшенных органами германской разведки в тыл Красной армии для диверсионной и разведывательной работы, из коих уже арестовано 751, а остальные разыскиваются...

За 1943 год всего получено 1768 разведывательных сообщений, из коих 687 направлено Разведывательному управлению Генерального штаба Красной армии...»

В этой многоплановой работе Управления особое место занимают радиоигры, проводившиеся с гитлеровскими спецслужбами. Первая из них была начата еще в феврале 1942 года и получила кодовое название «Монастырь». Она и последовавшие вслед за ней радиоигры «Курьеры» и «Березино» носили стратегический характер и стали классикой советской разведки. Велись они Управлением в течение нескольких лет и завершились с окончанием войны. В ходе них были достигнуты выдающиеся результаты, которые не удалось превзойти ни ГУКР Смерш НКО СССР, ни какому-то другому управлению наркоматов НКВД и НКГБ СССР.

По завершении этих операций, вне всякого сомнения, не имеющих аналогов в истории отечественных и зарубежных спецслужб, П. Судоплатов в специальном отчете министру госбезопасности СССР доложил кратко и сухо: «...Немцы совершили на нашу территорию 87 самолетовылетов тяжелой транспортной и бомбардировочной авиации. Эти самолеты

сбросили 40 агентов (все арестованы) и 650 мест груза. В их числе оказались 8 кадровых работников германской разведки».

Но, пожалуй, главным итогом этих уникальных операций явилось то, что ни один гитлеровский патрон, ни один грамм взрывчатки не выстрелил и не сработал. Кроме того, в течение более чем трех лет, с февраля 1942 года до 5 мая 1945 года, разведчики Управления «водили за нос» асов из гитлеровских спецслужб. Те исправно «глotalи» наживку — стратегическую дезинформацию политического и военного характера, которую готовили подчиненные П. Судоплатова вместе с офицерами Разведуправления Генерального штаба Красной армии.

Успех операции во многом был предопределен блестящим разведчиком Александром Демьяновым (оперативный псевдоним «Гейне»). Подставленный на вербовку гитлеровским спецслужбам, он успешно прошел все проверки, подвергся «расстрелу», и в марте 1942 года уже «агент» Абвера «Макс» был доставлен самолетом в тыл советских войск со специальным разведывательным заданием. С помощью своих товарищей, кадровых работников органов государственной безопасности В. Ильина и М. Маклярского, «Гейне» его успешно выполнил. В Абвере даже не могли предположить, что так тщательно отработанное спецзадание для своего «ценного» агента «Макса» лишь повторяло сценарий, ранее подготовленный в Управлении. Его замысел, разработанный М. Маклярским и поддержанный П. Судоплатовым, основывался на том, что гитлеровцы жаждали найти «пятую колонну» в Москве, и они таковую решили создать. Лучших кандидатов на роль ее руководителей, чем бывший предводитель дворянского собрания Н. Новгорода А. Глебов, жена которого была своим человеком при дворе последней российской императрицы, поэт-монархист Б. Садовский и скульптор В. Сидоров, в свое время учившиеся в Германии и попавшие в поле зрения ее спецслужб, трудно было найти. Но ключевая роль в реализации замысла операции принадлежала не им, а «Гейне». Потомок первого атамана кубанского казачества П. Головатого, сын выпускницы Бестужевских курсов и признанной красавицы

Санкт-Петербурга был известен гитлеровским спецслужбам не только своим аристократическим происхождением, но и связями среди высокопоставленной советской номенклатуры.

Задолго до начала войны «Гейне», используя дарованные природой таланты, по заданию органов государственной безопасности «стал своим» среди московского бомонда. В этой среде активно работала и разведка фашистской Германии, вербуя себе агентов. Вскоре в ее поле зрения попал и А. Демьянов. Весной 1941 года сотрудник Абвера, работавший под прикрытием торгового представительства Германии в Москве, «вышел» на Александра и начал «прощупывать» на предмет вербовки, но война оборвала их контакт. Теперь, по мнению П. Судоплатова и его подчиненных, пришло время восстановить его. В феврале 1942 года по поручению легендированной Управлением подпольной церковно-монархической организации «Престол», члены которой «жаждали освобождения от «ига большевизма», «Гейне» был переброшен через линию фронта с заданием «установить связь с гитлеровскими спецслужбами и довести до них информацию о наличии в Москве глубоко законспирированной антисоветской организации церковно-монархического толка под названием «Престол».

Но в Абвере не спешили верить А. Демьянову на слово и подвергли жесточайшей проверке. Его выдержка, безукоризненно отработанная в Управлении легенда прикрытия, а также те старые наводки, которые посольская резидентура Германии в Москве получила на Александра перед войной, позволили избежать провала и выдержать все испытания. После короткой и интенсивной подготовки агент Абвера «Макс» был выброшен на парашюте в районе города Рыбинска с заданием «организовать на базе «антисоветского подполья» получение военно-политической информации».

С того дня операция «Монастырь» (такое кодовое название она получила в Управлении) перешла в активную фазу. В целях дальнейшего закрепления положения А. Демьянова в гитлеровской разведке, до нее была доведена информация о его новом назначении на должность офицера связи Генераль-

ного штаба Красной армии. О таком в Абвере могли только мечтать — перспективный агент «Макс» начал оправдывать надежды. Вскоре поступающая от него «информация» удостоилась самых высоких оценок в Берлине.

Группа «Макса», как это казалось гитлеровской разведке, быстро укрепляла свои позиции, и августе 1942 года в Москву прибыли два ее курьера, «Станков» и «Шалов». Их приняли на легендированной квартире сотрудники Управления, выступавшие в роли членов подпольной организации «Престол». Агентов не стали арестовывать, на время оставили на свободе, чтобы не «засветить» А. Демьянова и проследить другие возможные, помимо «Макса», конспиративные явки. После того как все опасения были сняты, «Станкова» и «Шалова» негласно задержали.

Спустя два месяца в Москве на легендированной квартире Управления появилась очередная пара курьеров — «Злобин» и «Алаев». С собой они принесли 20 тысяч рублей, радиостанцию для группы «Макса» и новые фиктивные документы, изготовленные на имя «Станкова» и «Шалова». На этот раз гитлеровским агентам не дали погулять и, как говорится, взяли «тепленькими», рассчитывая на их «моментальную перевербовку». И расчет оправдался: первым «поплыл» «Злобин» и дал согласие на сотрудничество.

С этого момента операция, получившая новое кодовое название «Курьеры», велась по двум направлениям: от имени организации «Престол» по радиостанции «Макса» и группы «Злобина» — «Алаева» по радиостанции «Злобина». Такая «успешная» легализация курьеров и последующая их «результативная работа» укрепили веру руководства Абвера в надежности «Макса» и созданной им разведывательной сети. В течение 1942–1943 годов гитлеровская разведка с завидным постоянством продолжала посылать к нему и «Злобину» своих агентов, деньги и радиостанции. Конечным итогом радиоигр «Монастырь» и «Курьеры» стал арест 23 гитлеровских агентов.

В Абвере даже не догадывались, что уже давно и успешно работали на советскую разведку, и с гордостью докладывали

высшим руководителям гитлеровских спецслужб об успешно действующей в столице большевиков разветвленной нелегальной сети во главе с агентом «Максом». Бывший начальник 6-го отдела РСХА (внешняя разведка Германии) В. Шелленберг в своих мемуарах также не обошел вниманием результативную работу резидентуры под руководством суперагента «Макса». Он отмечал, что она «добывала особо ценную информацию». В Главном управлении имперской безопасности не могли даже предположить, что эта «особо ценная информация», в том числе и о ряде крупных наступательных операций Красной армии, носила отвлекающий характер и преследовала цель скрыть истинное направление стратегических ударов советских войск. Так, 4 ноября «Макс» сообщил в Берлин о том, что 15 ноября 1942 года планируется крупное наступление частей Красной армии, но не под Сталинградом, а под Ржевом. И действительно, в точно указанный им день оно состоялось. Гитлеровцы были к нему готовы и сумели отразить. Зато сокрушительный удар советских войск под Сталинградом для них грянул громом среди ясного неба.

При подготовке к Курской битве, по признанию того же В. Шелленберга, гитлеровское командование, опираясь на информацию «Макса», вынуждено было несколько раз переносить сроки своего наступления, что позволило Ставке ВГК накопить необходимые резервы для нанесения ответного контрудара.

«Выдающийся вклад в успехи вермахта» на фронтах своего особо ценного агента руководство гитлеровских спецслужб не оставило без внимания. Он был награжден Орденом с мечами за храбрость. Такой высокой награды не удостоивался больше ни один агент Абвера и «Цепелина». Но в данном случае судьба дважды сыграла с руководителями Абвера злую шутку. Радиogramма из Берлина о награждении поступила к «Максу» как раз в канун профессионального праздника чекистов — 20 декабря. И здесь гитлеровцы тоже оказались не первыми: несколькими днями раньше советским правительством Александр Петрович Демьянов был награжден орденом Красной Звезды.

На этом его служба в разведке не закончилась. Летом 1944 года Управлению с участием «Гейне» удалось реализовать оперативный замысел еще одной стратегической операции, получившей кодовое название «Березино». 18 августа 1944 года он сообщил по радиостанции «Престола», что во время нахождения в командировке в городе Минске «вышел на контакт с представителями немецкой воинской части, попавшей в окружение в Белоруссии».

К тому времени Управлением в лесах, в районе реки Березины, была сформирована из числа бойцов отдельного отряда особого назначения НКГБ СССР (бывший омсбон) и немецких антифашистов-коминтерновцев легендированная гитлеровская часть под командованием майора А. Борисова. Для большей убедительности легенды роль ее командира «поручили» исполнять перевербованному военнопленному, бывшему командиру полка подполковнику Герхарду Шерхорну. Чтобы он «не сорвался», при нем безотлучно находился кто-либо из сотрудников Управления. Непосредственное руководство операцией осуществляли заместитель П. Судоплатов Н. Эйтингон и их подчиненные: М. Маклярский, Р. Абель (Фишер) и П. Гудимович.

Это была первая и последняя такого рода и масштаба оперативно-войсковая операция, в ходе которой П. Судоплатов и его сотрудники рассчитывали сковать значительные разведывательные и диверсионные силы спецслужб Германии. Санкцию на проведение Управлением операции нарком госбезопасности В. Меркулов запрашивал у самого И. Сталина.

В гитлеровских спецслужбах «клюнули» на такую «жирную наживку», и в ночь с 15 на 16 сентября 1944 года группа из трех парашютистов приземлилась в расположении «окруженцев». Ее руководитель, кадровый сотрудник Абвера К. Киберт, ничего не заподозрил. В разговоре с «доблестными воинами фюрера» он высказал свое восхищение ими и рассказал, что об их героической борьбе доложено самому Гитлеру и Герингу.

При сопровождении группы К. Киберта с места приземления до основной базы части на нее было инсценировано

нападение и затем произведен арест гитлеровских агентов. В процессе дальнейшей активной работы сотрудников Управления двое из них дали согласие на сотрудничество и подключились к радиоигре. В отношении третьего члена группы в очередной радиোগрамме руководству «Абверкоманды-103» перевербованные гитлеровцы сообщили о его тяжелом ранении при приземлении.

В последующем руководство гитлеровских спецслужб перебросило в «отряд подполковника Шерхорна» еще 16 человек, 8 радиостанций и большое количество оружия и боеприпасов. Операция «Березино» набирала обороты. 30 октября 1944 года при очередном сеансе радиосвязи руководители операции получили радиোগрамму, которая заставила их серьезно поволноваться. Гитлеровское командование решило эвакуировать раненых из «части Шерхорна», чтобы не сковывать ее в маневрах, и предложило оборудовать посадочную полосу для приема 4 транспортных самолетов, выделенных «по личному распоряжению рейхсминистра Г. Геринга».

Над операцией «Березино» нависла угроза провала, и чтобы ее предотвратить, по решению П. Судоплатова «часть Шерхорна бросили в затяжные бои». После такого поворота событий в Берлине решили не рисковать, отказались от отправки самолетов и продолжили снабжение «доблестных окруженцев» с воздуха.

Но гораздо большую опасность для операции представляла периодически засылаемая в окружение «части Шерхорна» агентура из состава диверсионно-разведывательной дивизии «Бранденбург-800». Ее заброска осуществлялась в тайне от «Шерхорна» и преследовала цель проверки на месте реального положения дел. Всего за время операции гитлеровскими спецслужбами с такой задачей маршрутировалось 8 агентов. Все они, так и не успев передать в эфир тревожных радиোগрам, оказались в руках подчиненных П. Судоплатова. Неразговорчивые «погибали в перестрелках», а те, кто пошел на сотрудничество, продолжили работу, но теперь уже на советскую разведку.

Вплоть до окончания войны руководство гитлеровских спецслужб и командование вермахта продолжали верить в существование «части Шерхорна», которая благодаря усилиям Управления выросла в численности до 1500 человек. Вплоть до последних дней войны, когда на счету был каждый патрон и солдат, из Берлина продолжали поддерживать боеспособность «части Шерхорна». 5 мая 1945 года в своей последней радиোগрамме радиоцентр РСХА сообщил: «С тяжелым сердцем мы вынуждены прекратить оказание вам помощи. На основании создавшегося положения мы не можем больше также поддерживать радиосвязь. Что бы не принесло нам будущее, наши мысли всегда будут с вами, которым в такой тяжелый момент приходится разочаровываться в своих надеждах». Но это разочарование было бы еще большим, если бы те, кто направлял радиогамму, знали, что их около трех лет банально «водили за нос».

За вашу свободу

В тыл противника было направлено более двух тысяч оперативных групп общей численностью пятнадцать тысяч человек.

П. Судоплатов

После крушения фашистской «Цитадели» стратегическая инициатива на Восточном фронте полностью перешла к Красной армии. Она неудержимо продвигалась на запад. С приближением советских войск к государственной границе СССР, когда ветер долгожданной свободы повеял над поработанными народами стран Восточной Европы, Управление вновь приступило к организации разведывательно-диверсионной и повстанческой деятельности на их территории.

В первые месяцы 1944 года основным театром боевых действий РДР стали восточные области Словакии, Польши и Венгрии. На первом этапе их организационное и оперативное обеспечение осуществлялось с центральных баз РДР, руководимых Д. Медведевым, С. Ваупшасовым, М. Прудниковым, Н. Прокопюком и К. Орловским, которые дислоцировались на пока еще оккупированных западных территориях Украины и Белоруссии. В дальнейшем, по мере укрепления своих позиций, они продвигались вглубь этих стран, а к середине года отдельные разведывательные группы резидентур сумели проникнуть на территорию Германии, Австрии и там развернуть работу.

Одной из первых резидентур, которая наиболее эффективно действовала в странах Восточной Европы, в частности Польше, а затем в Словакии и Венгрии, стала РДР «Олимп». Возглавил ее Герой Советского Союза, майор государственной безопасности Виктор Александрович Карасев. Свой выбор на его кандидатуру руководители Управления остановили далеко

не случайно. Виктора Александровича отличали высочайшее личное мужество, поразительное хладнокровие, великолепная военная подготовка и блестящие организаторские способности, которые в полной мере проявились еще во время битвы под Москвой и затем при проведении операций на территории оккупированных фашистами Белоруссии и Украины. Как минимум одна из них, под городом Овруч, заслуживает того, чтобы войти во все учебники по организации повстанческой деятельности.

23 июля 1943 года РДР «Олимп», не насчитывающая и батальона, демонстративным ударом по колонне фашистов напомнила им и местному населению, что советская власть жива и ее рано хоронить. Затем в течение семи дней разведчики противостояли целой бригаде гитлеровцев, у которой имелись 3 самолета и тяжелая артиллерия. Но это не помогло фашистам. Постоянно маневрируя, организуя засады, выводя на ложные объекты и непрерывно атакуя с тыла и флангов мобильными группами, В. Карасев дезорганизовал противника. Его бойцы были везде и в то же время нигде. В результате боев гитлеровцы потеряли убитыми и ранеными 289 человек, 3 орудия и штабную машину. Потери отряда оказались минимальны: 2 убитых и 3 раненых.

Эта, а также предыдущие операции, проведенные В. Карасевым, убедили П. Судоплатова в том, что ему удастся выполнить ту задачу, которая оказалась не по силам в далеком 1941 году резидентуре «Братушки», а именно: закрепиться на территории другого государства и затем развернуть разведывательно-диверсионную и повстанческую деятельность. После короткой подготовки, выполняя приказ руководства Управления, в ночь на 6 апреля 1944 года РДР «Олимп» без боя форсировала реку Буг, перешла бывшую границу СССР и вступила на территорию Польши.

В тот самый день и в тот самый час ни В. Карасев, ни его подчиненные в полной мере не представляли, что та свобода, предвестниками которой они являлись, кое-кому в самой Польше и за ее пределами, в Великобритании, явно была не

по нраву. Поэтому им приходилось сражаться не только с фашистами, но и быть предельно осторожными в контактах с многочисленными и разношерстными повстанческими формированиями, чтобы избежать ударов в спину со стороны отрядов Армии крайовой, действовавшей по директивам так называемого Польского правительства в изгнании, находившегося в Лондоне с 1939 года.

Прошлые исторические обиды и претензии к России, искусно подогреваемые многочисленными эмиссарами премьера С. Миколайчика у бойцов Армии крайовой и у местного населения, превратили часть территорий воеводств в настоящее минное поле для РДР «Олимп». К счастью, кроме этой Польши существовала и другая. Преданная в сентябре 1939 года своими неверными союзниками Великобританией и Францией, а затем истерзанная пятью годами жесточайшей фашистской оккупации, она помнила, что за год до этого Советский Союз оказался той единственной страной, которая готова была решительно, путем применения военной силы, дать отпор набирающему силу фашизму. Она не забыла, как после аншлюса Австрии при попустительстве правителей Великобритании и Франции весной — летом 1938 года в Германии была развернута оголтелая античешская компания в «защиту трех с половиной миллионов «несчастных» судетских немцев». В воздухе запахло порохом и большой кровью. В тот решающий для Европы момент, когда еще была возможность остановить фашизм и большую войну, только Советский Союз твердо и решительно заявил, что готов выполнить свои союзнические обязательства перед правительством и народом Чехословакии, но руководители Польши и Румынии отказались пропустить через свою территорию части Красной армии. В Лондоне и Париже ничего не сделали, чтобы повлиять на позицию Варшавы и Бухареста. Более того, британский премьер Н. Чемберлен своим потворством еще больше разжег захватнические аппетиты Гитлера. Позже это вынужден был признать сам У. Черчилль. В своей книге «Вторая мировая война» он писал: «Английский премьер сам нанес визит Гитлеру в момент, когда они (руководители

Чехословакии) впервые оказались хозяевами внутреннего положения в Судетской области...» Далее он признает: «...Когда известие об этом было в Праге, руководители Чехословакии не могли поверить ему».

16 сентября 1938 года под Мюнхеном, в резиденции рейхсканцлера Германии Берхтерсгадене, в ходе переговоров с Гитлером британский премьер решил умиротворить его и согласился на аннексию Чехословакии. В Лондон Н. Чемберлен вернулся, сияя белозубой улыбкой, и громогласно с трапа самолета объявил: «Я привез вам мир!» «Мир», который спустя три года обернулся десятками миллионов безвинных человеческих жертв. Возможно, их могло и не быть, если бы еще в марте 1938 года руководители Великобритании и Франции поддержали инициативу советского правительства в лице министра иностранных дел СССР М. Литвинова. 17 марта в интервью представителям зарубежной прессы он, в целях сохранения мира в Европе, предложил «трем заинтересованным великим державам — Франции, России и Великобритании — выступить с совместной декларацией, которая бы стала наилучшим путем предотвращения войны».

Но в Лондоне и Париже не захотели его услышать и, видимо, рассчитывали направить «военный каток» вермахта на восток, на СССР. Попустительство Гитлеру со стороны политиков Великобритании и Франции привело к тому, что впоследствии его жертвами стали не только Чехословакия, Польша, но и их собственные страны и народы. В сентябре 1938 года был упущен уникальный шанс по созданию антигитлеровской коалиции и, возможно, предотвращению войны в Европе. Свидетельством тому могут служить показания фельдмаршала Кейтеля, данные им на Нюрнбергском процессе. В частности, на вопрос представителя Чехословакии полковника Эгера: «Напала бы Германия на Чехословакию в 1938 году, если бы западные державы поддержали Прагу?» Кейтель ответил: «Конечно, нет. Мы не были достаточно сильны с военной точки зрения. Целью Мюнхена было вытеснить Россию из Европы, выиграть время и завершить вооружение Германии».

У. Черчилль, которого трудно заподозрить в симпатиях к России и коммунизму, так оценивал решения, принятые премьерами Великобритании и Франции: «Расчленение Чехословакии под нажимом Англии и Франции равносильно капитуляции западных демократий перед нацистской угрозой применения силы... Позиция Польши, связанная с отказом пропустить советские войска через свою территорию, была такова: «С немцами мы рискуем потерять свободу, а с русскими — нашу душу».

В целом, касаясь позиции руководства Польши в тот период времени, пожалуй, лучше У. Черчилля, который видел в ней ключевое звено в будущей борьбе с экспансией коммунизма в Восточную Европу, не скажешь. Там же, в книге «Вторая мировая война», в главе восьмой («Мюнхенская зима»), он с достойной уважения прямоотой писал: «Героические черты польского народа не должны заставлять нас закрывать глаза на его безрассудство и неблагодарность, которые в течение ряда веков причиняли ему неизмеримые страдания... Слава в периоды мятежей и горя, гнусность и позор в периоды триумфа. Храбрейшими из храбрых слишком часто руководили гнуснейшие из гнуснейших! И все же всегда существовали две Польши: одна из них боролась за правду, а другая пресмыкалась в подлости».

Трудно с этим не согласится. Лучшим подтверждением тому служит поведение ее правителей в период так называемого «чехословацкого кризиса» в сентябре 1938 года. Еще не успели высохнуть подписи Гитлера, премьеров Великобритании и Франции Н. Чемберлена и Э. Даладье под Мюнхенским соглашением, как на следующий день, 30 сентября, польское правительство направило в Прагу ультиматум с территориальными претензиями. В нем оно настаивало на немедленной передаче Польше пограничного района Тешин. Как мелкие стервятники, они спешили поживиться за чужой счет и под шумок набросились на «труп Чехословакии», которую рвали на части Германия и ее будущий союзник Венгрия, прихватившая себе южные районы Словакии.

Такова была Польша, и вскоре это непостоянство пришлось познать на себе В. Карасеву и его подчиненным. Но в тот день, 6 апреля 1944 года, они жили одним: своим приходом громко и твердо заявить фашистам, что их власти в Польше пришел конец, а ее народу возвестить, что будущая свобода не за горами. Проведенная передовой группой разведка местности позволила основным силам РДР без потерь уничтожить гарнизон из состава украинских националистов дивизии СС «Галичина» и завладеть населенным пунктом Каленчицы.

На следующий день еще больше не повезло роте немецких пограничников. На участке шоссе Хелм — Хрубешув они попали под кинжальный огонь авангарда разведгруппы. В течение получаса гитлеровцы «потеряли убитыми 25 человек, 14 сдались в плен, в том числе и 2 офицера, а остальные, бросив оружие и снаряжение, обратились в бегство», — так доложил В. Карасев в своей радиограмме Центру о результатах первых суток пребывания в Польше.

К вечеру того же дня, совершив стремительный марш, РДР с ходу овладела населенным пунктом Ксаверув. Гитлеровцы всерьез всполошились и 8 апреля стянули к этому месту крупные подразделения дивизии СС «Галичина», полицейские и жандармские части Люблинского гарнизона, задействовали авиацию. Бой продолжался весь день. В ходе него В. Карасев применил свою излюбленную тактику. Несколько небольших отрядов действовали на дальних подступах, нанося удары по коммуникациям и тылам противника, «совершая демонстративные отвлекающие маневры», в то время как «мелкие группы автоматчиков заходили в тыл и фланги, сковывали и не давали свободного маневра». Подвижные минометные расчеты, которые перемещались на бричках, «били по скоплению живой силы и пунктам управления». С наступлением ночи «опергруппа произвела удачный маневр и вышла в Стрелецкие леса». 9 апреля В. Карасев в короткой радиограмме П. Судоплатову сообщил: «...В результате 11-часового боя противник понес убитыми и ранеными свыше 100 человек. Было взято в плен 10 немцев. Пулеметчики Крапивин и Дорофеев из ПТР

сбили самолеты типа «Фоккевульф-127» и «Ю-87». Во время бомбежки погибло 4 человека, ранено 5. Героически погибли Румак Василий и Афанасьев Михаил».

В дальнейшем, на пути к району основных оперативных действий — Яновским лесам и вплоть до перехода РДР в Чехословакию 29 июля 1944 года, по докладу В. Карасева, ею «было уничтожено более 1034 немецких солдат и офицеров, взято в плен 44 человека. Диверсионными группами пущено под откос 3 эшелона, в том числе бронепоезд. Установлено 130 мин на стратегически важных железных дорогах и шоссейных магистралях».

Одна из основных задач, которая ставилась перед разведчиками «Олимпа» по дезорганизации тыла противника, была выполнена. Появление РДР в восточных районах Польши многие местные жители и гитлеровское командование восприняли как прорыв передового соединения Красной армии. Паника охватила фашистских пособников и «фольксдойч», началось их повальное бегство из Хрубешувского и Замосцьского районов в города Люблин и Краков. Ее масштабы оказались настолько велики, что вынудили генерал-губернатора Польши Франка отдать специальное распоряжение «О применении расстрела к распространителям панических слухов».

Наряду с этим, эффективная боевая деятельность «Олимпа» способствовала значительному росту повстанческого движения. К моменту перехода РДР в Чехословакию вокруг нее консолидировалось 11 партизанских отрядов из числа польских патриотов.

Кроме того, ею эффективно решалась и другая, не менее важная задача получения разведывательной информации. В этих целях В. Карасевым и руководителями мобильных разведгрупп В. Витковским, С. Вронским, Е. Ободовским и Т. Авдеевым активно использовались оперативные возможности боевых структур Армии людовой, ориентирующейся на Москву, смело осуществлялись целевые вербовки агентов среди военнослужащих армии сателлитов фашистской Германии: венгров, румын и словаков, а также членов прозападной

Армии крайовой. Решая задачи по получению информации о планах противника и обстановке в Польше, они показали себя не только признанными мастерами боевых операций и диверсии, но и высококлассными разведчиками-агентуристами. За короткий срок пребывания в Польше им удалось создать мощную разведывательную сеть и добыть ряд ценных материалов. Один из них вскоре поступил от агента-поляка и касался будущих планов военно-политического руководства Армии крайовой и «Народнови силы збройни» (НСЗ). Это был приказ № 1844 Главнокомандующего польскими вооруженными силами (НСЗ), в котором говорилось следующее.

«С момента перехода советскими войсками польской границы, польское правительство в Лондоне и польское общество выражает свою несокрушимую волю восстановить независимость польской территории на востоке в границах до 1939 года...

Исходя из настоящей обстановки даю следующее общее приказание:

1. Советские войска на территории Польши считаются вражескими.

...

4. Стремление к нормализации отношений с правительством СССР и возможный договор с ним не могут задержать жесткой борьбы с коммунизмом и разлагающими акциями большевистской агентуры на польской земле...»

Судя по этому и другим документам, которые позже добыли разведчики РДР «Охотники» и «Весенние», Польское правительство в изгнании видело своего главного врага не в фашизме, превратившем в сентябре 1939 года красавицу Варшаву в груду развалин и уничтожившем в концлагерях и газовых камерах миллионы поляков, а в русском солдате. В угоду политическим амбициям и идеологическим догмам они готовы были цинично принести в жертву жизни тысячи граждан своей страны и страны-освободительницы.

Об этой будущей угрозе руководство 4-го управления уже на следующий день после поступления радиограммы от В. Ка-

расева проинформировало наркома госбезопасности В. Меркулова. Тот не медлил с ответом, его указание, основанное на установках политического руководства СССР о послевоенном устройстве Польши, было доведено не только до В. Карасева, но и других резидентов, Н. Прокопюка (РДР «Охотники») и «Роберта» (РДР «Весенние»). В частности, П. Судоплатов в очередной радиোগрамме № 2916 от 27 апреля 1944 года ориентировал их:

«По вопросам отношения Советского Союза к Польше нарком указал руководствоваться следующим:

1. Наше правительство желает видеть сильную и независимую демократическую Польшу с парламентским строем.
2. СССР не будет создавать из Польши Советскую республику и вмешиваться в ее внутренние дела.
3. Экономические, политические и социальные вопросы будут решаться польским народом».

Исключительно важную роль положения Польши в разгроме гитлеровской Германии и послевоенном устройстве Европы хорошо понимали как И. Сталин, так У. Черчилль, но каждый понимал с позиций своих политических убеждений и национальных интересов собственных стран.

Путь на Берлин для Советского Союза и его Красной армии лежал через Польшу, а будущее спокойствие на его западных границах зависело от того, какая в ней установится власть. Так исторически сложилось, что на протяжении последних столетий именно с ее территории на Россию и Советский Союз приходили завоеватели. Об этом 27 декабря 1944 года И. Сталин еще раз напомнил в своем послании президенту США Ф. Рузвельту. «В укреплении просоюзнической и демократической Польши Советский Союз заинтересован больше, чем любая другая держава, не только потому, что Советский Союз несет главную тяжесть борьбы за освобождение Польши, но и потому, что Польша является пограничным с Советским Союзом государством, и проблемы Польши неотделимы от проблемы безопасности Советского Союза. К этому надо добавить, что успехи Красной армии в борьбе с немцами во многом зависят

от наличия спокойствия и надежного тыла в Польше, причем Польский национальный комитет вполне учитывает это обстоятельство, тогда как эмигрантское правительство, находящееся в Лондоне, и его подпольные силы своими террористическими действиями создают угрозу гражданской войны в тылу Красной армии и препятствуют успехам последней».

Через полтора месяца, 6 февраля 1945 года, на одном из заседаний Ялтинской конференции он в разговоре с президентом Ф. Рузвельтом и премьером У. Черчиллем вернулся к обсуждению вопроса о месте Польши в послевоенном устройстве Европы. В частности, как позже вспоминал У. Черчилль, в той беседе Сталин говорил: «Для Англии Польша — вопрос чести. Однако для России — это вопрос как чести, так и безопасности. Это вопрос чести потому, что у русских было много конфликтов с поляками, и Советское правительство хочет устранить причины подобных столкновений. Это вопрос безопасности не только потому, что Польша граничит с Россией, но и потому, что на протяжении всей истории Польша служила коридором, через который проходили враги России для нападения на нее. За последние тридцать лет немцы дважды прошли через Польшу. Они прошли потому, что Польша была слаба. Россия хочет видеть Польшу сильной и могущественной с тем, чтобы она сама, своими силами, могла запереть этот коридор».

В свою очередь сам У. Черчилль с не меньшей настойчивостью, чем И. Сталин, как в ходе Ялтинской, где «польский вопрос» по его инициативе поднимался восемь раз, так и затем на Потсдамской конференции требовал возвращения из Лондона в Варшаву Польского правительства в изгнании. Ярый защитник интересов «великой британской империи» и ненавистник коммунизма, У. Черчилль после крушения фашизма видел будущее Европы далеко не в тех розовых тонах, каким оно казалось большинству освобожденного от оккупации народа. Предвосхищая грядущую «холодную войну», он рассматривал Польшу как один из основных форпостов на пути экспансии коммунизма. И каждый раз, когда на переговорах речь заходила о Польше и будущем устройстве Европы, У. Черчилль

предпочитал забывать о своих не слишком лестных оценках ее правителей: «Храбрейшими из храбрых слишком часто руководили гнуснейшие из гнуснейших!» — и настойчиво добивался возвращения в Варшаву Польского правительства в изгнании, которое кормилось из рук Лондона и смотрело ему в рот. В своей книге «Вторая мировая война» он прямо признавал: «В течение пяти с половиной лет пребывания в Соединенном Королевстве оно (Польское правительство в изгнании — *прим. авт.*) пользовалось поддержкой английского правительства. Мы выплатили полякам около 120 млн фунтов стерлингов для финансирования армии и дипломатической службы, чтобы дать им возможность позаботиться о поляках, нашедших в нашей стране убежище от гитлеровской чумы». Но здесь У. Черчилль несколько лукавит, говоря о «возможности позаботиться о поляках». На самом деле львиная доля этих средств шла на содержание военных структур Польского правительства в изгнании. А это были значительные силы. Только в освобождении Германии участвовало около 30 тысяч польских военнослужащих. Помимо них, в Италии действовал целый армейский корпус, насчитывающий в своем составе три дивизии. В общей сложности ему подчинялась армия общей численностью, включая фронтовые и тыловые части, 180 тысяч человек, не считая нелегальных боевых отрядов Армии крайовой.

Возвращение из Лондона в Варшаву Польского правительства в изгнании, на чем так упорно настаивал У. Черчилль, в конечном итоге привело бы к появлению в Польше еще одной хорошо организованной и закаленной в боях военной силы. А дальше сбылись бы самые худшие опасения Сталина. Она превратилась бы в арену кровопролитной гражданской войны, и Красной армии пришлось бы пробиваться к Берлину через «польское минное поле». Поэтому он всячески противился этому, но У. Черчилль тоже не хотел отступать и боролся до конца.

Накануне Потсдамской конференции руководителей антигитлеровской коалиции, когда должен быть решен один из

важнейших вопросов о границах и послевоенном устройстве Восточной Европы, на сообщение президента США Г. Трумэна от 1 июля 1945 года о том, что «Маршал Сталин согласился, как он выразился, на встречу «тройки» в Берлине примерно 15 июля», У. Черчилль, несмотря на то, что в Великобритании была в самом разгаре предвыборная борьба, в ходе которой решалась судьба кабинета и самого премьера, немедленно ответил: «Это будет слишком поздней датой для решения неотложных вопросов, требующих нашего внимания».

Что имел в виду один из самых опытных и дальновидных политиков того времени, стало ясно из его книги «Вторая мировая война». Он писал: «Главной причиной, почему я стремился приблизить дату конференции, был, конечно, предстоящий отвод американских армий от той линии, до которой она дошла в ходе военных операций, в зону, предписанную соглашением об оккупации... Я опасался, что в Вашингтоне в любой момент могут принять решение уступить этот гигантский район — 400 миль в длину и 120 миль в глубину в самом широком месте. В нем проживали многие миллионы немцев и чехов. Оставление этого района означало бы, что между нами и Польшей образуется еще более широкий пояс территории, и это практически лишало бы нас способности оказывать влияние на ее судьбу». Далее У. Черчилль более подробно раскрывает те планы, что зрели в его голове весной и летом 1945 года: «...Уничтожение военной мощи Германии повлекло коренное изменение отношений между коммунистической Россией и западными демократиями. Они потеряли своего общего врага, война против которого была почти единственным звеном, связывающим их союз. Отныне русский империализм и коммунистическая доктрина не видели и не ставили предела своему продвижению и стремлению к окончательному господству.

Решающие практические вопросы стратегии и политики, о которых будет идти речь, сводились к тому, что: во-первых, Советская Россия стала смертельной угрозой для свободного мира; во-вторых, надо немедленно создавать новый фронт против ее стремительного продвижения; в-третьих, этот фронт в

Европе должен уходить как можно дальше на Восток...» И этот фронт, по его представлениям, должен был проходить через Польшу и Словакию.

Сталин также хорошо понимал истинную цену «польского вопроса», и поэтому с таким упорством отменял все попытки У. Черчилля и под его нажимом президента Ф. Рузвельта, а затем пришедшего ему на смену Г. Трумэна вернуть в Варшаву и Братиславу правительства Миколайчика и Бенеша. Будущее показало, что эти его опасения не были напрасными. В 1980-х годах именно Польша стала тем запалом в руках американских и британских политиков и их спецслужб, который взорвал коммунистический блок и потом привел к крушению социализма в Восточной Европе и в самом СССР.

Но в том далеком 1944 году В. Карасев и его разведчики могли лишь предполагать, что в Польше приближающиеся к ее границам части Красной армии ждали нелегкие испытания. Поступающая в резидентуру оперативная информация от агентуры, внедренной в различные структурные звенья Армии крайовой, красноречиво свидетельствовала о том, что с этой стороны его подчиненным нечего ждать поддержки. Более того, с каждым новым днем эта информация становилась все более настораживающей. Так, в июне 1944 года от одного из агентов, действующего в руководстве Армии крайовой, поступили данные о том, что оно ориентирует своих сторонников на то, чтобы с приходом частей Красной армии «организовать скрытое во всех областях: политической, экономической и военной жизни Польши сопротивление оккупационной власти. В этих целях во всех ее органах создавать глубоко законспирированный агентурный аппарат. В дальнейшем, опираясь на его возможности, дезорганизовывать работу аппарата оккупационной власти, компрометировать деятельность лиц и организаций, сотрудничающих с ней, и чья активность идет в разрез линии польского эмигрантского правительства в Лондоне». Данную информацию подтверждал и другой агент резидентуры. Он, в частности, сообщил: «...Руководством Армии крайовой предписывалось ее командирам и бойцам с приходом советских оккупацион-

ных войск легализоваться, чтобы, когда наступит время и час, развернуть работу, направленную против Советского Союза и частей Красной армии». И чем ближе к границам Польши приближались советские войска, тем все чаще в резидентуру «Олимп» поступали такого рода данные. В целом, за время пребывания на территории Польши В. Карасев представил в Центр семь докладов по этим вопросам.

Наряду с политической информацией в интересах командования Красной армии, разведчики «Олимпа» активно занимались получением информации военного характера. Через три недели после перехода границы с Польшей, 30 мая, они добыли сведения о наличии трех действующих и одного строящегося военных аэродромов в районе города Кракова, установили количество и типы самолетов. В тот же день радиограмма от В. Карасева легла на стол П. Судоплатова. Спустя сутки из Управления на имя командующего авиацией дальнего действия маршала авиации А. Голованова поступила ориентировка. А через двое суток советские бомбардировщики оставили от фашистских самолетов груды искореженного металла, а взлетную полосу превратили в полосу препятствий.

О высоком классе разведывательной работы и эффективной ее организации руководителями «Олимпа» свидетельствует следующий факт. Не прошло и двух месяцев после перебазирования РДР в Чехословакию, как ее разведчики добыли исключительно важную информацию о производстве гитлеровцами на ряде заводов в районе города Братиславы «сверхсекретного оружия — самолета-ракеты «ФАУ».

Это сообщение получило самую высокую оценку у руководства Управления. К этому времени оно уже располагало предварительной информацией, полученной от других разведывательных источников, о ведущихся в Германии разработках «оружия возмездия». 28 августа 1944 года П. Судоплатов по существу радиограммы В. Карасева доложил наркому государственной безопасности В. Меркулову. Тот отреагировал незамедлительно. На вторые сутки из Управления в адрес В. Карасева поступило срочное указание: «...Добыть данные о точном

месторасположении завода». И эта задача была выполнена. Через полтора месяца в результате агентурного проникновения к «секретам рейха» разведчики «Олимпа» установили не только места, где располагались заводы, но и получили важные материалы о характере производства. В радиোগрамме на имя П. Судоплатова В. Карасев сообщил: «По имеющимся у нас данным, завод по изготовлению химикатов для Ф-1 и Ф-2 находится в городе Леопольде (Леопольдовская тюрьма). Завод по выработке Ф-1 находится в Тренч-Бискупице, предместье города Тренчина (см. схему). Продуктивность этого завода — 40 шт Ф-1. Общее количество рабочих — около 1000 человек, их них до 400 немцев, остальные словаки. Инженерный состав исключительно из немцев.

В деревне Глубокое на реке Мияве Трнавской области немцами сооружена железобетонная площадка для испытания Ф-1 и Ф-2».

И это был лишь один из эпизодов в многогранной работе РДР «Олимп». А всего ею за период действий на территории Польши, Чехословакии и Венгрии было добыто и передано в Центр 57 материалов разведывательного характера. Из них: 38 доложено наркому госбезопасности, 19 направлено командованию Красной армии.

Один из них занимал особое место в перечне докладов В. Карасева, так как спас жизнь не только бойцам «Олимпа», но и многим польским и словацким партизанам, действовавшим в юго-восточной части Польши. 23 мая агент-поляк «О» сообщил разведчикам РДР о том, что «22 мая специальным поездом из Берлина в Краков прибыл Г. Гиммлер». Но не это было самым главным в донесении агента. По своим каналам «О» стало известно, что на специальном совещании, которое проводилось в Краковском замке, Гиммлер дал указание о проведении «крупной карательной экспедиции на территории генерал-губернаторства, в частности в Липско-Яновском лесном массиве».

И когда 6 июня 1944 года гитлеровское командование начало скрытное сосредоточение войск для нанесения удара по

повстанцам, их маневры не явились тайной для руководства «Олимпа». Во взаимодействии с другой РДР, «Охотники», руководимой Героем Советского Союза Н. Прокопюком, и одиннадцатью партизанскими отрядами, в состав которых входили русские, поляки и словаки, они в течение 19 дней противостояли двум пехотным дивизиям, дивизии СС «Викинг» и «Калмыцкому корпусу». Несмотря на непрерывные атаки фашистов, бойцы «Олимпа», «Охотников» и партизаны устояли. В ночь на 25 июня «на участке, занимаемом калмыцким кавалерийским корпусом, был нанесен маневренный удар и совершен прорыв протяжением 6 км по фронту», — коротко сообщил об этой операции в очередной радиোগрамме в Центр В. Карасев. Вместе с его бойцами из западни, которая замышлялась Гиммлером, вырвались на оперативный простор и остальные отряды повстанцев. В ходе боев гитлеровцы потеряли свыше 500 человек убитыми, но так и не достигли поставленной цели. РДР «Олимп», выполнив поставленные перед ней задачи, ушла в Чехословакию.

Здесь, на новом месте в карпатских горах, вблизи города Кошице, В. Карасев развернул основную базу и с нее продолжил проведение разведывательно-диверсионных операций не только на территории Чехословакии, но и Венгрии. Практически ежедневно, с 19 июля и до момента соединения с частями Красной армии 15 февраля 1945 года, спецгруппы «Олимпа» осуществляли диверсии на коммуникациях противника, нападали на отдельные части и даже целые гарнизоны. Только во время боев в октябре 1944 года в районе города Банска-Штьявница гитлеровцы вынуждены были снять с фронта ряд частей и бросить их на подавление РДР «Олимп». В общей сложности против нее действовало до 4000 пехоты, полк СС «Фюрер», 40 средних и тяжелых танков, с воздуха прикрывала авиация. По завершению боев В. Карасев доложил в Центр: «...В этих напряженных боях немцы потеряли ранеными и убитыми до 300 солдат и офицеров, подорваны 2 тяжелых и 1 средний танк. Потери оперативной группы: героически погибло 9 человек, ранено 8 человек».

В целом в результате разведывательно-диверсионной деятельности оперативной группы «Олимп» с 20 января 1943 года по 15 февраля 1945 года было: «...пущено под откос вражеских эшелонов с живой силой, техникой и вооружением — 56; уничтожено 7 самолетов; взорвано, уничтожено предприятий, учреждений и складов противника — 8; уничтожено автомашин, танков и другого мототранспорта — 355; проведено боевых столкновений с противником — 100; убито, ранено, взято в плен солдат и офицеров противника, полицейских и предателей — 6160; ликвидировано видных представителей немецких оккупационных властей и немецкого командования — 11; выявлено немецких агентов, предателей и активных пособников оккупантов — 500; перешло на сторону опергруппы в результате агентурной работы в войсках противника — 1960 человек; организовано партизанских отрядов — 24; рост в личном составе составил 2000; потери оперативной группы: офицеров — 11, рядового и сержантского состава — 150».

Подобные цифры содержатся в отчетах об оперативной и разведывательно-диверсионной деятельности РДР «Охотники», «Авангард», «Горные» и ряда других, которые действовали на территории Польши, Словакии и Австрии. Им также постоянно приходилось вести маневренные бои, уходя от преследования карателей и регулярных частей германской армии.

Но не меньшую угрозу, чем гитлеровские танки и самолеты, для РДР представляла агентура противника. Гитлеровские спецслужбы Абвер и «Цеппелин» всячески стремились проникнуть в разведывательную сеть резидентур. В эти целях, наряду с традиционной засылкой или подставой своей агентуры, они пускались на различные ухищрения, в том числе создавали ложные «партизанские» отряды и «подпольные» группы. Но подавляющее число таких операций заканчивалось безрезультатно благодаря хорошо отлаженной в РДР контрразведывательной работе и наступательной тактике действий. Руководители резидентур и офицеры-контрразведчики активно занимались не только выявлением засылаемых гитлеровскими

спецслужбами шпионов, но и сами проводили упреждающие оперативные комбинации по проникновению в школы по их подготовке и агентурную сеть. В январе 1945 года в резидентуру «Верные», которой руководил майор государственной безопасности Морозов Семен Георгиевич, от агента «И» поступила информация о том, что на территории Словакии, в городе Жилине, разместились гитлеровская спецгруппа «Камфгруппе Эдельвейс», возглавляемая майором Фердинандом Гроф фон Тгуном. По данным «И», на базе группы «из числа русских и словацких офицеров, перевербованных повстанцев» осуществлялась подготовка агентов и диверсантов для засылки в партизанские отряды. Кроме того, спецгруппой планировался «захват живьем командира партизанского соединения подполковника Егорова».

С учетом серьезности этих данных, по указанию П. Судоплатова, «Камфгруппе Эдельвейс» была взята в активную оперативную разработку. В течение февраля разведчики резидентуры установили место дислокации штаба и центра подготовки агентов и диверсантов, выявили ряд личных оперативных связей ф. Тгуна, которые использовались им для получения информации о партизанском движении в Словакии. В дальнейшем с участием самого С. Морозова была осуществлена вербовка агента «Д» и ряда других источников, через которых в последующем удалось получить подробные данные не только на штатный состав спецгруппы, но и шпионов, засланных в партизанские отряды, а также предотвратить покушение на подполковника Егорова.

Наряду с агентурным проникновением в гитлеровские спецслужбы резидентурами осуществлялись дерзкие боевые акции по уничтожению самих центров подготовки шпионов и диверсантов. По своим масштабам они скорее напоминали настоящие войсковые операции. Только в ходе одной из них, спланированной и блестяще проведенной 23 декабря 1944 года руководителями резидентуры «Олимп» в районе словацкого города Кошице, была полностью ликвидирована гитлеровская специальная школа, в которой готовились диверсанты

и террористы для заброски в тыл Красной армии. «...Руководимая Героем Советского Союза майором В. Карасевым и его помощником поляком, нашим агентом «С», оперативная группа за 20 минут операции уничтожила 92 человека и увела 72...», — так скупое писал об этом успехе П. Судоплатов в своей обзорной справке. Отчет о ней занимает всего одиннадцать строк, но только профессионалам известно, что успеху операции предшествовала кропотливая и полная риска работа по агентурному проникновению разведчиков резидентуры в гитлеровскую спецшколу. Благодаря им В. Карасев прекрасно знал, в какое время и куда нанести свой удар.

Кроме того, РДР Управления приходилось выполнять и ряд других специфических задач. В частности, специальные боевые отряды В. Карасева, Н. Прокопюка, Е. Мирковского, С. Ваупшасова, действовавшие под глубоким прикрытием власовцев или местных националистов, устанавливали контакт, а в некоторых случаях «объединялись» с ними якобы для совершения совместных действий. В результате такого взаимодействия двум оперативным группам из РДР «Охотники» и «Олимп» всего за три месяца 1944 года удалось ликвидировать 212 и захватить живьем 221 командира и боевика. В большинстве своем, как отмечал П. Судоплатов в одном из своих докладов руководству НКВД, подобные операции проводились «почти без потерь с нашей стороны».

Значительное место в работе резидентур занимала деятельность по организации национального партизанского движения и разложению личного состава частей противника, в связи с чем руководителям и разведчикам приходилось решать ряд качественно новых задач. Опираясь на национальные кадры, которые составляли большинство в РДР «Горные», «Авангард» и «Верные», они осуществляли активную агитационную и пропагандистскую работу. В этих целях издавались не только листовки, но и газеты на национальных языках, которые затем распространялись среди местного населения и военнослужащих противника. Целая подпольная типография действовала в резидентуре «Верные». На ее базе «для разо-

блечения лживой пропаганды немцев, вовлечения населения в партизанскую борьбу, разложения гарнизонов противника и конспирирования группы» печаталась на словацком языке газета «Морго». Всего было выпущено 48 номеров общим тиражом 16 187 экземпляров. Наряду с ней широко распространялись агитационные листовки на венгерском и немецком языках. В результате, как отмечал в своем отчете руководитель РДР майор государственной безопасности С. Морозов, «мужское население деревень в районе дислокации отряда стало уходить в горы, вступать в отряд или просто прятаться от немцев. Влияние это стало сказываться и среди воинских частей противника, которые стали разлагаться и переходить на сторону партизан. Из различных частей только в опергруппу перешло 64 человека. Всего было сформировано 6 отрядов. 6 декабря под командованием бывшего офицера словацкой армии Хладного Арноша отряд общей численностью в 97 человек держал самооборону против немцев в деревнях Горный, Пески и Прашница».

Для разложения военнослужащих противника и склонения к переходу на сторону партизан разведчики резидентур использовали старый и испытанный способ — агентурное проникновение в воинские части и обработка командиров. В ходе последующей оперативной работы целые подразделения в полном составе, с вооружением и техникой переходили на их сторону. Так, через своего агента в гарнизоне Словенская Люнча руководители резидентуры «Горные» вышли на контакт с венгерскими офицерами одной из артиллерийских частей гарнизона. В процессе дальнейшей оперативной и агитационной работы им удалось склонить не только командиров, но и весь личный состав к переходу на свою сторону. По ее итогам капитан государственной безопасности Волков Николай Варсонофьевич кратко сообщил в Центр: «В результате разложеческой работы среди мадьяр в нашу группу перешло в разное время свыше 400 человек мадьяр с оружием, боеприпасами и разным имуществом, в том числе автомашинами, военными радиостанциями и прочим».

Спустя некоторое время о следующей подобной операции РДР «Горные» руководство Управления 28 декабря 1944 года доложило наркому госбезопасности В. Меркулову: «...В результате проведенной агентурной разработки 24 декабря сего года на сторону опергруппы перешла часть 9-й транспортной колонны 6-й пехотной дивизии 1-й мадыарской армии в количестве 93 человек во главе с командиром колонны поручиком Шереги Шандором». Впоследствии он возглавил партизанский отряд, укомплектованный венграми, и уже вместе с бойцами РДР «Верные» активно участвовал в боях против оккупантов.

Об эффективности оперативной работы в решении этой задачи красноречиво свидетельствует и ряд других эпизодов из деятельности РДР. В частности, только одной резидентуре «Олимп» удалось склонить через агентуру к переходу на свою сторону свыше 600 офицеров и солдат противника. Один из них, бывший командир 2-го артполка 2-й словацкой дивизии подполковник Иосиф Фогель, возглавил объединенный партизанский отряд, насчитывавший в своих рядах 330 словаков и чехов.

Безусловно, подобная работа была связана со значительным риском для самих разведчиков и особенно агентов, так как любой непродуманный и не просчитанный выход на противника грозил провалом и арестом. Вместе с тем, в случае успешной реализации операции, эффект был значителен. В результате агентурно-оперативных мероприятий без единого выстрела и людских потерь выводились из строя целые подразделения. Более того, спустя некоторое время они включались в активную борьбу и наносили существенный урон гитлеровским войскам.

В целом, за период действий на территории Польши, Чехословакии, Венгрии и Австрии резидентурами: «Горные», «Верные», «Охотники» и «Олимп» из числа местного населения, офицеров и солдат, покинувших части противника, было сформировано 37 партизанских отрядов.

По мере приближения краха фашистского режима и укрепления национально-освободительного движения в странах

Восточной Европы, росту которого в значительной степени способствовали резидентуры Управления, все более усиливались противоречия между союзниками по антигитлеровской коалиции — СССР, США и Великобританией. Лидеры этих стран исподволь готовились к будущей «холодной войне» за новый передел мира. Руководители и разведчики резидентур одними из первых почувствовали на себе ее леденящие порывы.

В этой связи РДР пришлось активизировать работу по контролю за развитием обстановки в национально-освободительных движениях оккупированных гитлеровской Германией стран и усилению влияния на их лидеров в интересах партийного руководства СССР. Значительное внимание уделялось выявлению со стороны представителей союзников, состоявших при штабах национальных повстанческих армий, не дружественных по отношению к Советскому Союзу действий.

Особое значение придавалось получению разведывательной информации о планах и замыслах ориентированных на Запад военно-политических группировок в странах Восточной Европы и выявлению их агентурной сети. Отдельные сведения, добытые резидентурами Управления о состоянии и перспективах развития обстановки в Польше, Чехословакии и Югославии, докладывались самому И. Сталину. В этом плане весьма эффективно работали РДР «Весенние», «Стар», «Горные» и разведывательные звенья «Олимпа», сформированные из числа антифашистов: поляков, словаков, австрийцев, югославов и других, которые имели давние и устойчивые связи среди элиты своих стран, в том числе проживающей в эмиграции в Швейцарии и Великобритании.

Одной из первых, добывших такого рода информацию, стала резидентура «Весенние». Полностью сформированная из поляков-антифашистов и бывших коминтерновцев, 12 октября 1943 года «воздухом она была переброшена на базу РДР «Соколы» в Барановичскую область».

В дальнейшем разведчики, руководимые резидентом «Робертом», после долгого и тяжелого перехода 6 июня 1944 года вышли в заданный район оперативных действий в

центральной Польше и приступили к работе. Впоследствии куратор резидентуры в Управлении подполковник В. Рогачев отмечал: «Все члены группы «Весенние» за время пребывания в тылу противника, несмотря на исключительно сложные условия работы, добыли ряд важных данных об антисоветской деятельности польских националистических организаций, а также приобрели интересные связи в разных кругах польского подполья». Особое значение имела информация, добываемая разведчиками «М» и «Х», которые располагали сетью хорошо законспирированной агентуры в формированиях АК и НСЗ. В сентябре 1944 года через свои личные и агентурные связи в руководстве АК и НСЗ им удалось получить материалы о том, что их лидеры действуют «по директивам польского эмигрантского правительства и не намерены сотрудничать с просоветски настроенными силами». В частности, по данным резидента «Роберта», руководители НСЗ «призывали польское население саботировать и не подчиняться их решениям и заявляли, что скоро в Польшу прибудет настоящая власть из эмиграции и тогда наступит полный порядок в стране».

18 ноября 1944 года в очередной радиোগрамме в Центр он сообщил о функционировании на территории Польши «глубоко законспирированной разведывательной сети типа британской «Интеллидженс Сервис», а затем добыл пять инструкций, регламентирующих ее деятельность. Ряд положений одной из них требовал от ее членов «создавать во всех областях политической, экономической и военной жизни Польши мощный, строго законспирированный агентурный аппарат. С помощью этого аппарата оказывать воздействие, давление на партийные и общественные учреждения, а в необходимых случаях парализовывать деятельность лиц и организаций, чья активность идет вразрез линии польского эмигрантского правительства в Лондоне».

Ранес, 27 октября, «М» была получена аналогичная информация от своей агентуры в руководстве АК. Она свидетельствовала о твердой решимости сил, ориентирующихся на западных союзников, не допустить ухода Польши в сферу

влияния Советского Союза. Согласно данным «М», командование АК издало секретный приказ, в котором предписывалось: «...Отрядам АК зарегистрироваться у командования Красной армии, а политическим деятелям законспирироваться, чтобы в нужный момент приступить к работе, враждебной Советскому Союзу, и работе против Красной армии».

В совокупности данные разведчиков красноречиво свидетельствовали о том, что Польша и ее народ становились новым полем битвы в будущей «холодной войне» между Востоком и Западом. В связи с этим руководством Управления были даны указания РДР, действующим на территории этой страны, об укреплении агентурных позиций в руководстве АК и НСЗ и усилении разведывательной работы в направлении получения упреждающей информации о его планах и замыслах.

В целом, эта задача РДР «Весенние», «Олимп» и «Охотники» была выполнена. В Москве не только хорошо владели оперативной обстановкой, которая складывалась в Польше, но достаточно точно прогнозировали ее вероятное развитие и заблаговременно готовились к нелегкой борьбе с националистическим подпольем. Важное место в ней отводилось агентуре резидентур. С ее помощью выявлялись глубоко законспирированные военные структуры АК и НСЗ и осуществлялся контроль за каналами связи с Польским правительством в изгнании. Некоторые агенты заняли в них ключевые посты, что позволило разведчикам контролировать деятельность ряда боевых отрядов. Поэтому накануне вступления частей Красной армии в Польшу значительная часть тайной сети АК и НСЗ не составляла большого секрета для руководства Управления. Только разведчиками «Олимпа» удалось собрать полные материалы на 85 функционеров этих организаций.

Не менее остро и динамично складывалась оперативная обстановка и в других странах Восточной Европы. Лидеры «Большой тройки» вслух еще продолжали твердить о нерушимом союзе против фашизма и дружбе народов своих стран, а в тиши кабинетов уже вызревали тайные замыслы по устройству нового миропорядка. И первыми, кому их пришлось

реализовывать, оказались спецслужбы. К концу 1944 — началу 1945 года соперничество между ними стало приобретать все больший размах и ожесточение. Там, где молчали политики, активно действовали они.

В июле — августе 1944 года наиболее драматично развивалась военно-политическая ситуация в Словакии. К тому времени части Красной армии вплотную приблизились к ее границам, но дальнейшему наступлению препятствовали сложный горный рельеф Карпат и мощные оборонительные сооружения, воздвигнутые гитлеровцами на данном направлении. В боях возникла пауза, советские войска накапливали силы для решающего удара. Население Словакии с нетерпением ожидало их прихода, а в словацкой армии нарастало брожение.

В Лондоне спешили опередить приход советских войск, и эмигрантским правительством при поддержке британской разведки предпринимались титанические усилия, чтобы перехватить инициативу в будущем восстании и поставить во главе его бывшего президента Чехословакии Э. Бенеша. На Западе, видимо, рассчитывали с его помощью не допустить установления контроля со стороны Советского Союза над Словакией, а в дальнейшем с ее территории намеревались расширить зону своего влияния в Чехии, Венгрии и Польше.

Разведчиками РДР «Олимп», «Стар» и «Верные» регулярно добывалась информация о контактах эмиссаров Э. Бенеша и офицеров британских спецслужб с рядом видных словацких деятелей и командованием национальной армии накануне восстания. В частности, руководитель резидентуры «Верные» С. Морозов сообщил в Управление о высадке в районе города Банска-Бистрица четырех десантных групп, в состав которых «входили англичане, американцы, а также словаки и поляки, эмигрировавшие в Великобританию после оккупации гитлеровскими войсками Польши и Чехословакии». Особое внимание в Управлении привлекла его информация о появлении в Братиславе «группы из 6–7 человек из «Интеллидженс Сервис», которая имела радиостанцию, вилис и автомобиль швейцарского или шведского консульств», и активном кон-

тактировании английских разведчиков с функционерами так называемого «Демократического блока Словакии», игравшего заметную роль в подготовке будущего восстания».

Эти разведывательные данные нашли подтверждение в материалах, добытых резидентурами «Олимп» и «Горные». Выявленный, а затем перевербованный разведчиками РДР «Горные» один из агентов английской резидентуры «И» пролил свет на ряд неясных вопросов. В частности, по его информации, британская разведка, опираясь на некоторых членов словацкого правительства, проживавших в Лондоне, планировала после начала восстания перебросить его вместе с Э. Бенешем в Братиславу, а затем от его имени «объявить о разрыве отношений с гитлеровской Германией с целью создания «санитарного кордона» против Советов».

Последующее прибытие в Словакию эмиссаров Э. Бенеша — руководителя повстанческой армии генерала Веста и министров его правительства Неметца и Франтишека — окончательно все прояснило. Западные союзники спешили создать в стране форпост на пути коммунистической экспансии в Центральную Европу и форсировали начало восстания.

Такой ход развития событий в Словакии не явился неожиданностью для руководителей Управления и наркома госбезопасности В. Меркулова. Проведенный аналитиками анализ материалов, поступивших из резидентур и других оперативных источников, в том числе и из Лондона от «Кембриджской пятерки», содержал неутешительный прогноз для Э. Бенеша и стоящих за ним сил. Восстание было обречено на провал. В аналитической справке, направленной П. Судоплатовым руководству наркомата, констатировалось: «Народные массы и солдаты, видя безалаберщину, отсутствие единства и целеустремленности в НР (Народной раде — прим. авт.), смотрели на нее с недоверием. Католические священники не поддержали восстания. Хуже того, член лондонской делегации, католический священник Фр. Гала, по прибытии в город Банска-Бистрица содействовал освобождению из тюрьмы арестованных — гардистов».

К сожалению, этот прогноз советских разведчиков полностью подтвердился. В конце октября 1944 года гитлеровские войска и части так называемой «Русской освободительной армии», которой командовал изменник А. Власов, жестоко подавили восстание словацкого народа. Те, кто уцелел, ушли в горы и примкнули к РДР Управления или партизанам. Из их числа только за два месяца, октябрь и ноябрь, резидентурами «Олимп», «Горные» и «Верные» было сформировано 12 партизанских отрядов. В дальнейшем, до прихода в Словакию регулярных частей Красной армии, масштабные боевые действия на ее территории уже не велись.

Тем временем война на тайном фронте как в Словакии, так и в других странах Восточной Европы ни на один день не затихала, а нарастала и приобретала все большее ожесточение. И в этой схватке разведчикам РДР все чаще и чаще приходилось сталкиваться не только с традиционным противником — гитлеровскими спецслужбами, но и разведками стран-союзников — Великобритании и США. В конце 1944 года в результате контрразведывательной работы разведчиками РДР «Горные» и «Верные» были выявлены два английских и один французский резиденты, а затем в результате «подстав» вскрыты их агентурные сети. Только в одной французской резидентуре состояло 12 агентов. Часть из них ориентировалась своими руководителями на работу против советских представительства и связанных с ними политических сил в странах Восточной Европы.

Исходя из новых реалий, в Управлении принимались энергичные меры по созданию надежных оперативных позиций в стане «неверных союзников». В этих целях осуществлялись перевербовки агентов спецслужб Великобритании, США и Франции. С перспективой на будущее, для решения задач политического и экономического характера привлекались к негласному сотрудничеству авторитетные политики, деятели церкви и промышленники из стран Восточной Европы.

К концу войны разведчики резидентур сумели создать надежные агентурные позиции в спецслужбах своих будущих

противников. И это были не просто агенты-информаторы, а, как сейчас принято называть, агенты влияния. Несколько скупых строчек в итоговой справке П. Судоплатова о работе Управления на данном направлении для профессионалов говорят многое: «В результате активной вербовочной работы было приобретено ХХХ ценных агентов».

С учетом проведенных другими советскими спецслужбами вербовок их количество соответствовало тем страхам, которые бытовали в общественном мнении ряда западных стран о «засилье советских шпионов». В последующем многие из них долго и успешно работали на отечественную разведку в спецслужбах и государственных органах стран НАТО, оказали существенное влияние на ход политических событий в своих странах.

Достижение этих и других весомых результатов в разведывательной, повстанческой и диверсионной деятельности в значительной степени было связано с тем, что 4-е управление, как никакую другую советскую спецслужбу, отличали высочайшая оперативность в принятии решений и широчайшая самостоятельность, которая предоставлялась командирам РДР на местах. Они, опираясь на свой практический опыт и профессионализм подчиненных, смело принимали самые неординарные решения. Такую уверенность им придавала твердая поддержка со стороны руководителей Управления. За все время его существования ни один из сотрудников не подвергся необоснованным репрессиям. «Меч Лубянки» в руках П. Судоплатова был беспощаден к врагам и превращался в надежный щит для подчиненных, когда гнев наркомов и вождей грозил несправедливой расправой.

Руководство Управления не только защищало и поддерживало самих сотрудников, но и оказывало предметную помощь их семьям. Перед отправкой на очередное задание в Словению резидент «Михаил» из РДР «Стар» направил по команде рапорт, в котором писал о бедственном положении находящихся на его иждивении матери, жены и малолетней дочери. Все трое проживали в комнате общежития, а девочка болела хроническим воспалением легких. Рапорт «Михаила»

не остался без внимания. По указанию П. Судоплатова на время его «командировки» семья обеспечивалась ежемесячным продовольственным пайком.

Внимание и забота о нуждах подчиненных со стороны руководителей Управления не носили формального характера. Они старались вникать в мелочи, потому что по собственному опыту хорошо знали, каково приходится семье разведчика, когда он находится в «длительной командировке». И потому, когда жена «Михаила» обратилась к Павлу Анатольевичу с письмом, в котором напоявила об обещании помочь с жильем, тот незамедлительно отреагировал. В своей шифротелеграмме на имя начальника УНКГБ по Молотовской (Пермской) области напомнил, что должностными лицами управления «в течение месяца так и не рассмотрен вопрос об улучшении жилищных условий семьи сотрудника «Б», выполняющего ответственное задание», и настоятельно потребовал «обследовать материально-бытовые условия т. Б-й и оказать ей необходимую помощь». При этом П. Судоплатов и другие руководители Управления в решении такого рода вопросов были внимательны даже в мелочах. В своем обращении к начальнику НКГБ он высказал просьбу: «...Одновременно с этим просим вручить ей направляемую при этом посылку». В посылке находились зимние вещи для дочери «Михаила».

Вместе с тем, когда «Михаил» совершил ряд грубых нарушений в работе резидентуры и личном поведении, реакция руководства Управления была предельно жесткой и решительной. Они не оставили без внимания сообщение начальника советской военной миссии в Словении о том, что «Михаил» — парень, как говорят, «рубаха», но большой арап, начал вмешиваться в ОЗНА (отдел, ведущий разведку и контрразведку в партизанском соединении — *прим. авт.*), что не могло быть не замеченным и членами англо-американской миссии. Кроме того, был случай, когда «Михаил» в пьяном виде ездил по населенному пункту на мотоцикле...» В докладе приводился и ряд других фактов компрометирующего характера. Все они послужили основанием для служебного расследования. В ходе

него выяснилось, что резидент «Михаил» действительно допустил серьезные нарушения в конспирации и расшифровал свою принадлежность к органам госбезопасности. Наряду с этим, во время допросов пленных допускал факты их избияния. После завершения расследования его откомандировали в Москву. И несмотря на то что во время работы в Словении он добывал ценную разведывательную информацию, а ранее за участие в боевых операциях в тылу противника был награжден орденом Отечественной войны второй степени, его служба в Управлении на этом закончилась. «Михаила» осудили на три года.

Отдельные факты недостойного поведения и мародерства со стороны командиров и бойцов РДР не прощались даже самым заслуженным. Доклад, поступивший в Управление от офицера, занимавшегося контрразведывательной работой в РДР «Олимп», послужил основанием для серьезной проверки. «...Переданные из повстанческого фонда свыше одного миллиона крон расходуются неправильно. Значительная часть этих денег расходуется на покупку дорогостоящих продуктов, ценных вещей и спиртные напитки...Один из командиров отряда Карасева взял личную автомашину у местного председателя Народной рады Шробара, а водителя избил...» Через несколько дней на оперативную базу резидентуры «Олимп» вылетела специальная комиссия из числа оперативного и руководящего состава Управления. По всем фактам, изложенным в докладной записке офицера контрразведки, была проведена тщательная проверка. По ее результатам виновные были наказаны, а В. Карасеву со стороны П. Судоплатова последовало строгое предупреждение.

Это разбирательство стало поводом к тому, что 28 октября 1944 года из Управления в адрес руководителей 8 резидентур, действующих в странах Восточной Европы, П. Судоплатовым было направлено распоряжение, в котором предписывалось:

«1. Группам своей практической деятельностью и поведением показывать пример дисциплины, организованности и порядка всем партизанским отрядам.

...

5. Не допускать действий, могущих вызвать недовольство и нарекания у населения.

6. Получаемые деньги и ценности расходовать строго на оперативные нужды и содержание групп.

7. Заготовку продуктов производить только по договоренности с местными организаторами партизанского движения.

Получение директивы подтвердить и донести о принятых мерах».

Но такого рода распоряжения Павлу Анатольевичу и его заместителям приходилось подписывать не часто. Главным итогом деятельности Управления стали не эти нарушения и преступления отдельных сотрудников, которые неизбежны на любой войне, а тот невосполнимый урон, который был нанесен противнику.

АКТЫ ВОЗМЕДИЯ

Мсть справедлива, если ею движут
чистые помыслы.

Робеспьер

Во время войны фашистами совершались массовые преступления и чудовищные злодеяния против военнопленных и мирного населения оккупированных стран. В результате карательных акций с лица земли исчезли тысячи советских деревень и городов. Белорусская Хатынь, украинский Бабий Яр и российский Смоленск стали символами этих страшных преступлений гитлеровского режима. Они требовали справедливого возмездия и сурового приговора. Главные виновники войны — Гитлер, Гиммлер и Геббельс — сами себе вынесли его, покончив жизнь самоубийством. Других военных преступников покарал международный суд Нюрнбергского трибунала. В отношении многих крупных гитлеровских функционеров и предателей акты возмездия осуществили разведчики-боевики 4-го управления НКВД — НКГБ СССР.

Специальными группами Управления были ликвидированы: председатель Верховного суда в Украине оберфюрер СС А. Функ, заместитель генерального комиссара Белоруссии обергруппенфюрер СС Ф. Фенч, вице-губернатор Галиции Г. Бауэр, обергруппенфюрер Ф. Засарнас, гебитскомиссар Барановического округа Ф. Штюр, генерал-майор фон Ильген и другие фашистские функционеры, запятнавшие себя кровью.

Предпринимавшиеся оккупационными властями беспрецедентные меры охраны не уберегли от справедливой расплаты наиболее ненавистных сатрапов Гитлера. Пуля разведчиков-боевиков поставила последнюю точку в общественном приговоре палачам сотен тысяч безвинных жертв. Шестьдесят два

мучителя поплатились за совершенные злодеяния и преступления против человечности. Эти акты возмездия усиливали страх фашистских функционеров, поднимали боевой дух бойцов партизанских отрядов и укрепляли веру людей в то, что рано или поздно ненавистный оккупационный режим будет сметен с лица их земли.

После войны ряд операций, проведенных РДР 4-го управления «Победители», «Местные», «Олимп» и «Охотники», послужили основой для сценариев к замечательным кинофильмам: «Подвиг разведчика», «Часы остановились в полночь», «Это было под Ровно» и другим. Но за кадрами фильмов, по соображениям конспирации, остались подлинны судьбы многих отважных разведчиков и важные детали в подготовке и проведении актов возмездия. До настоящего времени они находились под строгим запретом и содержались в секретных и совершенно секретных рапортах самих разведчиков и в отчетах руководителей РДР «О разведывательно-диверсионной деятельности в тылу противника».

Спустя 60 лет многие из этих документов обрели вторую и не менее яркую жизнь на страницах этой книги. Они лишены того романтического ореола, который характерен для художественных произведений, но их краткий и емкий слог вряд ли оставит равнодушным, потому что главными действующими лицами в радиограммах, агентурных сводках и докладах руководителей РДР являлись отважные разведчики-боевики и их блестящие операции.

В подавляющем своем большинстве сотрудники 4-го управления являлись профессионалами высочайшего класса, яркими и неординарными личностями. Но даже среди них существовала своя элита — это были те, кто приводил в исполнение общественный приговор палачам народа. Их было не так много, потому что в операциях такого рода, помимо мужества, требовались еще поразительное самообладание и математическая точность в расчетах. М. Осипова, Е. Мазаник, В. Довгер, Н. Струтинский, И. Каминский, Я. Каминский, И. Миклашевский, Ф. Арнольд, К. Кропф сумели успешно

подготовить и осуществить ряд сложных и дерзких боевых операций и стали настоящей легендой Управления. Суровое военное время само выбрало этих героев. Среди них были русские, румыны, болгары, немцы, поляки, чехи — те, кто прошел суровую школу подпольной борьбы с гитлеровским Гестапо, румынской Сигуранцей, болгарской полицией. Большинство из них, участвуя в Гражданской войне в Испании и партизанском движении в Китае, приобрели богатый опыт проведения диверсионных и специальных операций.

Особое место в их ряду занимает Герой Советского Союза разведчик-боевик Николай Кузнецов. Родился и вырос он в небольшой уральской деревушке Зырянке Камышловского района Пермской губернии. Учился в обыкновенной школе и у обыкновенных учителей, затем поступил в Талицкий лесотехнический техникум. После его окончания Николая ждала быстрая и изменчивая по тем суровым временам карьера в лесном ведомстве, но судьба распорядилась иначе. Природа щедро наделила его разнообразными талантами. Он мог стать прекрасным лингвистом. Непостижимым образом в глухой и заброшенной Талице, где большинству жителей ничего не было известно про далекую Пруссию, ему удалось так выучить немецкий язык, что потом асы немецкой разведки не могли и предположить, что за обаятельным инженером-испытателем Рудольфом Шмидтом, лощеным обер-лейтенантом Паулем Зибертом скрывался русский разведчик.

Один из первых руководителей Н. Кузнецова по службе в органах государственной безопасности Михаил Журавлев, рекомендуя его на работу в центральный аппарат в Москву, отмечал этот его дар: «...Николай — честный, умный, волевой. И с поразительными лингвистическими способностями. Прекрасно владеет немецким, знает эсперанто и польский. За несколько месяцев изучил коми-пермяцкий язык настолько, что его в Кудымкаре за своего принимали...» Кроме того, Николай Иванович обладал необыкновенным даром перевоплощения и если бы пошел на театральную сцену, то и на ней, вне всякого сомнения, занял бы достойное место. Такие мастера шпионажа,

как сотрудник Абвера Г. Крно и военный атташе генерал Ф. Кестринг, за два года сотрудничества с советским разведчиком так и не поняли, что он успешно работал не на них, а на 3-й отдел ГУГБ НКВД СССР.

Своим он стал и среди московской творческой интеллигенции. Николай Иванович поддерживал дружеские отношения с рядом известных артистов, которые отмечали его несомненный талант и предлагали попробовать себя на театральной сцене. Но Н. Кузнецов сделал свой выбор — избрал трудную и сложную профессию сотрудника органов государственной безопасности.

Это был нелегкий выбор. В 1927 году Николай «ответил» за отца: активного комсомольца исключили из рядов ВЛКСМ как «сына кулака и участника белой банды». В 1933 году за недостачу на лесоучастке, которым всего несколько месяцев руководил молодой специалист Н. Кузнецов, его арестовали и осудили на год исправительных работ. И здесь случай свел Николая с сотрудником органов госбезопасности, который, несмотря на «темные» пятна в его биографии и судимость, сумел разглядеть в нем высокие человеческие качества, а самое главное — талант разведчика. Вскоре ему предоставили возможность проверить этот дар на практике. Первое свое задание в отношении немецкого специалиста «Х», подозреваемого в шпионаже, Н. Кузнецов выполнил успешно. За ним последовали другие. Через некоторое время он был маршрутирован в Свердловск для оперативной разработки иностранцев. Казалось, что будущая блестящая карьера разведчика Николаю обеспечена. Но наступивший зловещий 1937 год, прокатившийся кровавой волной массовых репрессий по стране, коснулся и его. Н. Кузнецова арестовали. По нему бумерангом ударили прошлая судимость, «темная биография» и контакты с немцами, которые, как казалось следователю, «тот использовал в предательских целях». Объяснения Николая о том, что он выполнял задания органов безопасности, не брались в расчет. По мнению следователя, «предатели, пробравшиеся в органы, других заданий не могли дать».

Несколько недель Н. Кузнецов провел в камере внутренней тюрьмы УНКВД Свердловской области и подвергся интенсивным допросам. Все это время Николай Иванович держался стойко и с достоинством, никого не оклеветал и не «потачил» за собой. Он не затаил зла и не ожесточился, а верил в справедливость и поддержку соратников и друзей. И не ошибся: благодаря активному участию в его судьбе наркома НКВД Коми АССР М. Журавлева и начальника отделения 3-го отдела ГУТБ НКВД СССР Л. Райхмана, Николай Иванович снова возвратился в боевой строй.

Летом 1938 года Н. Кузнецова направили в Москву, и там под началом Л. Райхмана начиналась его работа в отделе контрразведки. Более двух с лишним лет он выполнял ответственные задания, связанные «с разработкой и вербовкой сотрудников инопосольств и миссий в Москве». О том, насколько успешно Николай Иванович вел разведку среди иностранцев, свидетельствует тот факт, что для него были открыты двери в доме посла Германии в Москве графа фон Шуленбурга.

С началом войны он без колебаний подал рапорт, в котором просил руководство Управления направить его на самый ответственный участок работы. В нем Николай Иванович писал: «...Я вполне отдаю себе отчет в том, что очень вероятно возможность моей гибели при выполнении заданий разведки, но смело пойду на дело, так как сознание правоты нашего дела вселяет в меня великую силу и уверенность в конечной победе. Это сознание дает мне силу выполнить мой долг перед Родиной до конца». И это не были громкие слова. Он не являлся коммунистом, но от этого его любовь к Родине не была слабее, чем у тех бойцов и командиров Красной армии, которые в роковые июньские дни 1941 года умирали со словами «За Родину!», «За партию!» Всей своей короткой, но яркой жизнью Николай Иванович подтвердил каждую строчку и каждое слово из того рапорта.

Операции по ликвидации, которые проводились Н. Кузнецовым и другими разведчиками, боевиками РДР Управления, наводили настоящий ужас на гитлеровских функционеров. Наместник Гитлера на Украине гауляйтер Э. Кох, спасаясь от

ведущейся на него охоты, вынужден был большую часть времени скрываться в Восточной Пруссии. В отсутствие Э. Коха на ведущие роли выдвинулся его первый заместитель, регистратор-президент П. Даргель. Население Украины ненавидело этого сатрапа даже больше, чем самого Коха, поскольку именно он подписывал приказы, постановления и распоряжения, за нарушения которых чаще всего следовало одно наказание — смертная казнь через расстрел, а нередко, для большего устрашения, и через публичное повешение. Казни по всей Украине совершались повсеместно и каждодневно. В самом Ровно и предместьях за период оккупации гитлеровцы расстреляли 102 тысячи советских граждан — намного больше, чем тогда в городе насчитывалось жителей.

10 августа 1943 года руководителю РДР «Победители» Д. Медведеву от руководства 4-го управления поступила санкция на проведение акции возмездия в отношении П. Даргеля. Она получила кодовое название «Драгун». С этого дня Н. Кузнецов приступил к подготовке операции. Для участия в ней были привлечены Николай Струтинский, Валентина Довгер и Петр Малюнец.

Проведению этой операции предшествовала сложная комбинация по оперативному проникновению в окружение П. Даргеля. Основы ее, по удачному стечению обстоятельств, были заложены еще весной 1943 года, в ходе подготовки другой операции. Выполняя приказ Управления о ликвидации Э. Коха, Д. Медведев и Н. Кузнецов разработали план акции. В нем важная роль отводилась разведчице В. Довгер. «Заслуженному фронтовику, кавалеру двух Железных крестов, обер-лейтенанту Паулю Зиберту» (Н. Кузнецову), выступавшему в роли «женуха» «фольксдойче», предстояло записаться на личный прием к Э. Коху, чтобы добиться отмены отправки «невесты» Валентины на работу в Германию. Во время приема Николай Иванович и должен был привести в исполнение смертный приговор палачу украинского народа.

И вскоре он состоялся, но реализовать план ликвидации Э. Коха ему не удалось. Обстоятельства оказались выше него.

Каждое движение Н. Кузнецова стерегли огромная овчарка, застывшая в сторожевой стойке, и телохранитель, стоявший за спиной. Тем не менее польза от той встречи была двойная. Гауляйтер оказался в хорошем настроении. В. Довгер не отправили в Германию, более того, ей оказали протекцию, и в последующем она устроилась делопроизводителем в хозяйственный отдел рейхскомиссариата. В процессе беседы заслуженный фронтовик П. Зиберт настолько расположил к себе Э. Коха, что тот проговорился о готовящемся наступлении германских войск под Курском. Несмотря на то что информация носила общий характер, ее уровень уже не оставлял сомнений у высшего советского командования в том, что летнее 1943 года наступление противника надо ждать не на Москву или Ленинград, а на участках Брянского, Центрального и Воронежского фронтов.

После приема у Э. Коха прошло немного времени, и В. Довгер приступила к работе в рейхскомиссариате. Это назначение обеспечило доступ группе Н. Кузнецова не только в здание, где размещалась администрация П. Даргеля, но и к нему в кабинет. В последующем через Валентину Николай Иванович собрал подробные данные о режиме его службы, выяснил распорядок дня и систему охраны в рейхскомиссариате. Одновременно другие разведчики, Н. Струтинский и П. Малюнец, за несколько недель тщательного наблюдения до мельчайших деталей проработали маршруты движения П. Даргеля по городу.

Как правило, он ездил по Ровно на большой скорости в длинном черном «Опель-адмирале», что существенно усложняло выполнение задачи по его ликвидации. Поэтому наиболее подходящим местом, где по расчетам разведчиков можно было провести операцию, являлся короткий, всего около 150 метров, участок улицы Шлоссштрассе (бывшая Сенаторская). По нему, как правило, П. Даргель шел пешком из рейхскомиссариата к себе домой на обед. Эта его прогулка сопровождалась определенным ритуалом. В 13:30 на улице появлялась охрана: жандармский фельдфебель и сотрудник службы безопасности в штатском. Они внимательно просматривали улицу, стараясь обнаружить подозрительных лиц. Затем появлялся сам П. Даргель. За ним,

в двух — трех шагах, следовал адъютант с желтым портфелем в руке. Такой приметой Н. Кузнецову было вполне достаточно, чтобы не ошибиться, к тому же он однажды видел П. Даргеля, когда он, заменяя отсутствующего Э. Коха, 21 апреля 1943 года выступал на митинге по случаю дня рождения Гитлера.

На 20 сентября 1943 года была назначена операция. Помимо самого Н. Кузнецова, в ней принимали участие не раз проверенные в деле боевые товарищи: Н. Струтинский и агент-боевик «Калинин». При ее проведении разведчики предусмотрели один ловкий отвлекающий ход. После выполнения акции Николай Иванович должен был «обронить» бумажник с письмом украинского националиста-мельниковца Ивана Фена, ликвидированного накануне бойцами РДР. В письме, якобы исходящем от руководства мельниковцев, предлагалось всем боевым группам после уничтожения П. Даргеля перейти к активным действиям против немцев. Для большей убедительности Николай Иванович не пожалел положить в бумажник толстую пачку рейхсмарок и несколько украшений из золота. К половине второго разведчики на похищенном у фашистов «Опеле» въехали на Шлоссштрассе и стали медленно приближаться к дому П. Даргеля. Пока все шло по их плану. К этому времени две полицейские ищейки уже успели «обнюхать» улицу. Вслед за ними, ровно в 13:30, ни минутой раньше, ни минутой позже, из ворот рейхскомиссариата вышел подтянутый, сухощавый военный чиновник со смуглым надменным лицом в генеральской форме. За ним вышагивал адъютант с желтым портфелем. Когда до гитлеровцев осталось несколько десятков метров, Н. Кузнецов приказал Н. Струтинскому остановить машину и вышел. Почти в упор двумя выстрелами он сразил генерала и четырежды выстрелил в кинувшегося наутек адъютанта. Затем произвел контрольные выстрелы и вскочил в подъехавший «Опель». Растерявшаяся охрана П. Даргеля и находившиеся на улице офицеры даже не предприняли попытку их остановить.

Через несколько кварталов Н. Кузнецов и Н. Струтинский бросили машину, пешком прошли до конспиративной квартиры, там переоделись и затем благополучно добрались до

основной базы РДР «Митя». Прошло несколько дней, облавы, проводившиеся гитлеровцами в Ровно, закончились, и связные доставили в отряд ровенскую газету «Волинь» от 26 сентября. В ней на первой полосе была помещена большая статья, в которой сообщалось следующее: «В понедельник 20 сентября, в 13 часов 30 минут, на улице Шлосс в Ровно были убиты выстрелами сзади руководитель главного отдела финансов при рейхскомиссариате Украины, министерский советник доктор Ганс Гель и кассовый референт Винтер. Те, кто дал убийце поручение, действовали по политическим мотивам».

Случайное стечение обстоятельств не позволило разведчикам достичь поставленной в операции цели. Как стало известно позднее, министерский советник Г. Гель за несколько дней до покушения прибыл в Ровно из Берлина и на первых порах по приглашению П. Даргеля поселился в его особняке на Шлосштрассе. На обед они собирались пойти вместе, но П. Даргель задержался в рейхскомиссариате на несколько минут и их оказалось вполне достаточно, чтобы на этот раз избежать смерти.

Несмотря на досадную нелепость, в целом руководство РДР «Митя» и 4-го управления было удовлетворено конечным результатом операции. Во-первых, сам акт возмездия прошел безукоризненно, значит его план в сущности был разработан правильно. Во-вторых, Г. Гель являлся достаточно важной фигурой, если и уступавшей по служебному положению П. Даргелю, то незначительно. Кроме того, весьма эффектно сработал прием с письмом националиста-мельниковца И. Фена.

22 сентября, выступая на похоронах Г. Геля и А. Винтера, П. Даргель обвинил в их смерти украинских националистов и развернул массовые репрессии. В течение 25 и 26 сентября в городах Ровно и Луцке гестаповцами было арестовано, а затем расстреляно 180 активных функционеров из числа бандеровцев и мельниковцев.

Усиление комендантской службы в Ровно и беспрецедентные меры по охране П. Даргеля не остановили Н. Кузнецова и его соратников от проведения повторной операции. Они

психологически верно рассчитали, что фашисты не будут ждать нового нападения на том же самом месте и решили повторить акцию.

8 октября 1943 года Н. Кузнецов вместе с Н. Струтинским, сидевшим за рулем машины, подстерегли П. Даргеля, когда тот выходил из своего дома. На этот раз Николай Иванович сменил оружие: вместо пистолета для надежности применил противотанковую гранату, на которую для усиления поражающего действия надел дополнительный стальной чехол с насечками. Но снова досадная случайность не позволила довести операцию до конца! В метре от ног П. Даргеля граната ударилась о бровку тротуара и откатилась так, что взрыв ударил в стену дома! Осколками была убита случайная прохожая. Сам Н. Кузнецов получил легкое ранение в левую руку, а П. Даргель и на этот раз остался жив. Он ринулся к подъезду рейхскомиссариата и там столкнулся с В. Довгер. По ее словам, «вытирая кровь с лица, Даргель возбужденно ругался и кричал: «Офицер, блондин, высокого роста! Бросил гранату и уехал! Это уже второй раз, как они сюда приезжают?!»

Времени стрелять из пистолета у Н. Кузнецова уже не оставалось. Дежурившая в машине охрана из эсэсовцев среагировала мгновенно и бросилась в погоню за разведчиками. Даже мастерство Н. Струтинского, вероятно, не спасло, если бы не счастливая случайность. В какой-то момент преследователи потеряли из виду зеленый «Опель», а когда снова обнаружили, то отрыли по нему ураганный огонь. Но машина была словно заговоренной, а ее водитель выдвигал за рулем настоящие чудеса. Лишь на окраине Ровно, когда автоматная очередь разнесла в клочья задние колеса, «Опель» слетел в кювет. Разъяренные эсэсовцы вытащили из него еле живого от страха и на смерть перепуганного майора. После того как «бандита» зверски избили и приволокли в Гестапо, к нему наконец вернулся дар речи. Майор понял, что перед ним не переодетые партизаны, а эсэсовцы разобрались, что гнались не за тем «Опелем».

Эта неудача и ранение не остановили Н. Кузнецова. 10 ноября он вместе с Н. Струтинским, Альбертом Глассом

и Иваном Корицким в 4 часа дня у выезда с улицы Легионов совершили налет на машину красляйтера Курта Кнута — заместителя Э. Коха. Накануне через свои оперативные связи в гараже К. Кнута разведчики получили информацию о времени и маршруте его движения. Она оказалась точной, за несколько минут до 4 часов знакомая машина появилась на улице. Н. Кузнецов первым метнул в нее противотанковую гранату. Мощный взрыв отбросил автомобиль к забору, передняя его часть развалилась, а кабина напоминала смятую консервную банку. Для гарантии А. Гласс швырнул вторую гранату, но она не разорвалась. И тогда разведчики открыли по машине ураганный автоматный огонь, превратив ее в решето. Казалось, что после такого ничего живого в машине не должно было остаться. Но и этому заместителю Э. Коха, как и П. Даргелю, невероятно повезло: взрывом его отбросило на пол, а осколки и пули прошли выше. К. Кнут отделался контузией и легким ранением. Погиб только водитель.

Этой операции, как и предыдущим, также предшествовала оперативная подготовка. Для ее выполнения еще в апреле 1943 года И. Корицкий устроился на работу в одно из подразделений, которое подчинялось К. Кнуту. Руководил им выходец из Нидерландов Альберт Гласс. Разведчик вскоре сблизился с ним, а затем привлек к сотрудничеству. Полученные ими материалы на заместителя Э. Коха легли в основу разработанного Д. Медведевым и Н. Кузнецовым очередного далеко идущего плана, рассчитанного на ликвидацию самого гауляйтера. Сразу вслед за К. Кнутом должен был умереть он. Место и время проведения операции они решили назначить сами. По расчетам Д. Медведева и Н. Кузнецова, после ликвидации К. Кнута в Ровно оставалось только одно место, где мог появиться Э. Кох — немецкое кладбище. Но этот план им так и не удалось довести до конца: похороны в Ровно не проводились.

Зато другой высокопоставленный гитлеровский чиновник, оберфюрер СС, председатель Верховного суда на Украине А. Функ от расплаты не ушел. Он, как и Э. Кох, являлся одним из любимцев Гитлера. Тот щедро осыпал его пышными чинами

и наградами за безжалостные расправы над мирным населением Украины. Ненасытная жадность А. Функа не знала границ. Он целыми эшелонами отправлял награбленное в родной «фатерлянд», и не зря операция по его ликвидации получила кодовое название «Насос».

Верховный суд занимал трехэтажное здание, выходящее одной стороной на Немецкую улицу, а другой — на Парадную площадь. Позади него, сразу за двором, проходила тихая и малолюдная Школьная улица. Д. Медведев, Н. Кузнецов и Я. Каминский, решив подстраховаться, на этот раз разработали несколько вариантов операции и доложили в Москву. Там остановили свой выбор не на самом безопасном варианте. А. Функа было решено ликвидировать в самом здании суда, где он выносил свои драконовские приговоры. Это был своеобразный акт правосудия и политического возмездия одному из фашистских палачей.

Важная роль в проведении операции отводилась Яну Анчаку, которого после предварительного изучения привлек в группу Я. Каминский. Его парикмахерская располагалась на Немецкой улице, как раз напротив здания суда. В ходе наблюдения за А. Функом разведчики обратили внимание на то, что каждый день с немецкой педантичностью тот в 8:40 заходил в парикмахерскую и после стрижки направлялся к себе в суд.

День 16 ноября 1943 года ничем не отличался от предыдущих. Как обычно, в 8:40 А. Функ занял кресло в парикмахерской Я. Анчака. Заглянувший в помещение «сотрудник» рейхскомиссариата (им был Я. Каминский), увидев высокое начальство, поспешил ретироваться на улицу. Неспешной походкой прошел до угла Немецкой улицы и дал условный сигнал двум пассажирам, сидевшим в «Адлере», стоявшем в метрах 60–70 от здания суда. В машине находились Н. Кузнецов и Н. Струтинский.

Операция перешла в завершающую стадию. Н. Кузнецов расстегнул кобур с пистолетом, а Н. Струтинский пододвинул поближе к себе автомат. Время отсчитывало последние секунды для приведения в исполнение приговора А. Функу. Он закончил стрижку и направился к вешалке. Я. Анчак незаметным

движением руки отдернул занавеску на окне. Я. Каминский, не спускавший глаз с парикмахерской, принял сигнал и продублировал его дальше.

Пришло время Н. Кузнецова. Он вышел из машины, бросил взгляд налево, в сторону парикмахерской, увидел А. Функа и направился в здание суда. Часовой не стал спрашивать пропуск у строгого обер-лейтенанта и пропустил к двери. Николай Иванович прошел внутрь и встал в тень колонны. Прошла минута, за ней другая, когда наконец хлопнула входная дверь и в вестибюле появился пахнувший одеколоном А. Функ. Он был погружен в свои мысли и не обратил внимания на офицера у колонны. Н. Кузнецов вскинул «вальтер» и трижды выстрелил. Гудкое эхо выстрелов пошло гулять по коридорам. Часовой перед входом в здание суда засуетился, бросил растерянный взгляд на вышедшего обер-лейтенанта, неспешным шагом удалявшегося по Школьной улице. В это время к зданию суда подъехал битком набитый эсэсовцами грузовик. Они слышали звуки выстрелов, но ничего не могли понять. Как потом вспоминал Я. Каминский, «гестаповцы, как парализованные, смотрели на окна здания суда и Н. Кузнецова».

Труп А. Функа обнаружили только через 2–3 минуты. Началась паника. Ближайшие улицы оцепили, но было поздно, Н. Кузнецов с Н. Струтинским уже подъезжали к конспиративной квартире.

Тот ноябрь для фашистских бонз в Ровно оказался «черным». За несколько дней до ликвидации А. Функа боевая группа Н. Кузнецова совершила еще одну дерзкую операцию. Среди бела дня они похитили генерал-майора фон Ильгена, командующего на Украине войсками особого назначения, «прославившегося» жестокими карательными операциями против партизан и мирного населения. Захватили гитлеровского генерала в собственной резиденции на Мельничной улице.

Подготовка к операции началась еще в октябре 1943 года. Ей, как и в акции с П. Даргелем и Г. Кнутом, предшествовала многоходовая оперативная комбинация. В офицерском казино, которое часто посещал фон Ильген, к нему была «подведена»

разведчица «Лик». Эффектная женщина сразу же привлекла внимание генерала, и он пригласил ее к себе в дом в качестве экономки.

Через некоторое время в особняке появилась вторая разведчица, «Майя», двоюродная сестра «Лик». «Майе» было отработано не менее сложное задание — пойти на «сотрудничество» с Гестапо. С ее помощью разведчики рассчитывали нейтрализовать гестаповцев, и это им удалось. «Майя» усыпляла бдительность своих кураторов, снабжая их «убаюкивающей» информацией о благонадежности обслуживающего персонала особняка.

К началу ноября Н. Кузнецов, благодаря отважным девушкам, был хорошо осведомлен об образе жизни фон Ильгена, маршрутах его движения и системе охраны особняка. Операция вступила в решающую фазу. Это была, пожалуй, одна из самых сложных боевых акций, которые приходилось выполнять Николаю Ивановичу и его соратникам. После предыдущих операций город находился на осадном положении и был наводнен гестаповцами и полицейскими. Слухи о неуловимом обер-лейтенанте, который «направо и налево» валил высокопоставленных фашистских бонз, поднял на ноги все спецслужбы и военные комендатуры. Особняк фон Ильгена был дополнительно окружен двумя рядами колючей проволоки, а его охрана усилена.

12 ноября 1943 года Д. Медведев утвердил окончательный план операции по захвату гитлеровского генерала, который разработали Н. Кузнецов и Н. Струтинский. Он, как всегда, был дерзким и не укладывался в общепринятые схемы. Эта боевая акция, получившая кодовое название «Дело «Кафра»», как и многое другое, что делал Николай Иванович, представляла собой невероятное сочетание вдохновения разведчика с холодной логикой математика.

13 и 14 ноября четверо разведчиков во главе с Н. Кузнецовым, переодетые в гитлеровскую форму, напрасно прождали фон Ильгена. Условного сигнала — приподнятой занавески на одном из окон особняка — от «Лик» не поступило. На следую-

щий день, в 16 часов 15 минут, такой сигнал ими был получен. Оставив машину неподалеку от подъезда, Николай Иванович с еще тремя разведчиками вошли в особняк. Используя жетон Гестапо, молниеносно разоружили растерявшуюся охрану и организовали засаду.

Потянулось время томительного ожидания, скоро должна была заступить на пост новая смена караула, а фон Ильген все не появлялся. Разведчики занервничали, но Н. Кузнецов сохранял железную выдержку и решил ждать до конца. В холле часы неспешно отсчитывали минуты и секунды, стрелки приближались к 17 часам, когда к особняку подъехал фон Ильген. Отправив машину в гараж, он поднялся на крыльцо и, не обратив внимания на нового часового, прошел в спальню, чтобы переодеться. Неожиданное появление в комнате щеголеватого капитана вызвало у генерала недоумение, а затем и гнев. Но разбушеваться ему не дали: Н. Кузнецов и подоспевшие на помощь разведчики скрутили ему руки, а рот заткнули кляпом. Кроме генерала разведчики прихватили с собой и его денщика. А чтобы отвести подозрения от «Лик» и «Майи», заставили того написать записку: «Спасибо за кашу. Ухожу к партизанам и забираю с собой генерала. Смерть немецким оккупантам. Казак Мясников». Затем, окружив фон Ильгена плотным кольцом, они вышли на улицу. И здесь произошло непредвиденное: генерал ухитрился развязать руки и выдернуть изо рта кляп. Его истошный вопль «Партизанен! Партизанен!» взорвал тишину улицы. Н. Кузнецов и разведчики тут же скрутили фон Ильгена и заткнули рот. Но было уже поздно, на крики из соседней улицы выбежала группа гитлеровцев. Они остановились, оторопело смотрели на происходящее и ничего не могли понять. В это же время из переулка вышла новая смена часовых. Казалось, еще одно мгновение и вспыхнет перестрелка.

То, что произошло дальше, мог совершить только один Николай Иванович. Он стремительно пошел навстречу опасности. Разведчики, запихнув беснующегося фон Ильгена и притихшего денщика в машину, по команде Н. Кузнецова отъехали в конец улицы. Сам он, сунув под нос гитлеровцам

жетон Гестапо, объявил, что Ильген — не кто иной, «как переодетый бандит!» Один из них, личный водитель рейхскомиссара Украины Э. Коха Пауль Гронау, хорошо знавший в лицо генерала, стал утверждать обратное. Но Н. Кузнецов и в этой ситуации не потерял присутствия духа и, как говорится, «попер на него», заявив, что «Гестапо разыскиваются сообщники бандита, переодетые в немецкую форму, и он может арестовать любого подозрительного». После таких слов трое гитлеровцев поспешили откреститься от «мерзавца бандита» и пояснили, что «являются сотрудниками рейхскомиссариата, просто прибежали на крики и попросили их отпустить». А П. Гронау продолжал стоять на своем. Н. Кузнецов не стал с ним церемониться, «арестовал» и присоединил к фон Ильгену.

Отделавшись от гитлеровцев, разведчики вместе с пленными проехали на конспиративную квартиру и там подвергли их допросу. Фон Ильген сообщил ряд ценных сведений, которые затем были использованы при докладе в Москву. В дальнейшем его и П. Гронау пришлось ликвидировать, так как гитлеровцы блокировали все въезды и выезды из Ровно.

После этой операции Николай Иванович еще около года продолжал наводить ужас на фашистских бонз на территории Винницкой, Ровенской и Львовской областей. И то, что гитлеровским спецслужбам не удалось выйти на след неуловимого «обер-лейтенанта», по роковому стечению обстоятельств привело его в западню украинских националистов.

В ночь на 9 марта 1944 года, после выполнения очередного задания у села Баратин Львовской области, он с группой разведчиков напоролся на засаду, устроенную оуновцами. Николай Иванович отстреливался до последнего патрона и когда они кончились, взорвал гранатой себя и окруживших его врагов. По ходатайству командира РДР «Победители» Д. Медведева, поддержанному П. Судоплатовым, 5 ноября 1944 года указом Президиума Верховного совета СССР Н. Кузнецову было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно).

Отдавая должное одному из наиболее выдающихся своих подчиненных, Павел Анатольевич уделил ему в своей книге

«Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы» целый раздел и с теплотой писал: «Я провел с Кузнецовым многие часы, готовя к будущим заданиям. Вспоминаю о нем как о человеке редкого таланта, способном оставаться спокойным при выполнении заданий, реалистичном и разумном в своих действиях».

Наряду с разведчиками-боевиками Д. Медведева ряд дерзких актов возмездия подготовили и провели РДР К. Орловского, Н. Лопатина и С. Ваупшасова, действовавшие на территории Белоруссии. Главной их мишенью стал гауляйтер Белоруссии В. Кубе. Несмотря на беспрецедентные меры личной безопасности, справедливое возмездие и суровый приговор настигли палача белорусского народа на той земле, где он и его подручные совершали массовые злодеяния.

Задание на его ликвидацию получили как РДР 4-го управления, так и Разведуправления Генерального штаба Красной армии, действовавшие в районе Минска. Наиболее близко к цели подошли разведчики С. Ваупшасова, Н. Лопатина, К. Орловского и из отряда Разведуправления, возглавляемого Д. Кеймахом. Но никому из них долго не удавалось осуществить акт возмездия.

В. Кубе оказался матерым зверем, и охота на него велась около года. Первое покушение на него подготовили и осуществили разведчики РДР «Соколы» под руководством Героя Советского Союза К. Орловского. На первом этапе с помощью минских подпольщиков они детально изучили режим службы, охраны и перемещения В. Кубе. В результате наблюдения и исходя из анализа оперативной информации, полученной от агентуры, внедренной в его окружение, К. Орловский пришел к выводу о возможном провале операции в случае ее проведения в городе. Тем не менее от нее не отказался и решил воспользоваться одним важным обстоятельством.

Гауляйтер Белоруссии слыл страстным охотником и в перерывах между расправами над мирным населением и партизанами, когда один, а чаще с компанией таких же, как сам, палачей выезжал поразвлечься в свою загородную резиденцию. Поэтому операцию по уничтожению было решено провести

за городом. К. Орловский рассчитывал, что на лесной дороге многочисленная охрана не сможет быстро развернуться, и задачу удастся выполнить до подхода подкрепления из Минска. Для успешной реализации замысла операции не хватало сущей мелочи: разведчики не могли точно знать, когда гауляйтер в очередной раз соберется на охоту. Вскоре и эта задача была решена. Из числа обслуживающего персонала они завербовали агента, который сообщил о запланированной на 17 февраля 1943 года поездке В. Кубе с большой группой офицеров и оккупационных чиновников в Ляховический лес.

В тот день, ранним утром, боевая группа под командованием К. Орловского выдвинулась в район и организовала засаду на перекрестке дорог в двух километрах от въезда в лесной массив. Около 13 часов со стороны населенного пункта Мошуки показалась колонна. Гитлеровцев оказалось значительно больше, чем предполагали разведчики, — свыше 60 человек. Силы были явно неравны, и К. Орловский решил проводить операцию по возвращении фашистов с охоты, полагая, что после «возлияний» их бдительность будет ослаблена. Ждать пришлось не слишком долго, с наступлением сумерек из леса показались «охотники». Колонна медленно ползла по дороге, и когда до нее оставалось не более 20–30 метров, по команде К. Орловского на нее обрушился шквальный огонь.

Каратели находились в безвыходном положении и отчаянно сопротивлялись. Бой носил ожесточенный характер. В ходе него К. Орловский получил тяжелое ранение. Разрывом гранаты ему раздробило правую руку и покалечило кисть левой, но он не покинул строй. Разведчики довели операцию до конца. Ряд крупных функционеров оккупационной верхушки: заместитель генерального комиссара Белоруссии обергруппенфюрер СС Ф. Фенч, обергруппенфюрер Ф. Засарнас, гебитскомиссар города Барановичи Ф. Штюр и еще 8 генералов, 7 гебитскомиссаров и их заместителей, 6 руководящих работников немецкой администрации были уничтожены. Но среди убитых В. Кубе не оказалось. Позднее разведчики выяснили, что он с полпути возвратился в Минск.

Второе покушение на него состоялось 22 июля 1943 года и тоже не достигло своей цели. Взрыв, прозвучавший в одном из театров Минска, похоронил под обломками 70 оккупантов, 110 получили ранения. В. Кубе не оказалось ни среди раненых, ни среди мертвых. За десять минут до взрыва он покинул здание театра.

Спустя два месяца операция в отношении В. Кубе была осуществлена еще раз. На этот раз разведчики, казалось, все рассчитали. 6 сентября он планировал с широким размахом отметить десятилетие прихода к власти в Германии своего покровителя Гитлера. По этому случаю в офицерской столовой намечался грандиозный банкет. Готовились к нему по-своему и разведчики: они заложили в зале мощную взрывчатку с часовым механизмом. Вечер был в самом разгаре, когда прозвучал взрыв. Торжественный банкет закончился пышными коллективными похоронами. 36 высокопоставленных гитлеровских офицеров и чиновников оказались погребенными под завалами. В. Кубе и на этот раз избежал расплаты, так как не пришел на банкет.

Чувствуя нависшую над собой смертельную угрозу, гауляйтер до минимума свел свои поездки по Минску, усилил личную охрану и произвел замену обслуживающего персонала. Но разведчики не прекратили попыток добраться до него и осуществить акт возмездия. В качестве следующего объекта для диверсии, независимо друг от друга, руководители РДР П. Лопатин и Д. Кеймах выбрали особняк, где проживала семья В. Кубе. Самим разведчикам выполнить такую задачу было явно не по силам. Охрана бдительно несла службу и никого из посторонних внутрь особняка не допускала. В этой связи им пришлось искать помощи у местных жителей, выполнявших в особняке В. Кубе хозяйственные работы.

После предварительной проверки они остановили свой выбор на Елене Мазаник, которая работала уборщицей и имела доступ в личные апартаменты В. Кубе. В начале сентября 1943 года на Елену вышла разведчица Мария Осипова с предложением оказать помощь в проведении акта возмездия против В. Кубе. Это задание она получила как от руководства

оперативной группы 4-го управления, так и от командования отряда Разведуправления, возглавляемого Д. Кеймахом, с которыми находилась на связи. На первой же встрече М. Осиповой Елена дала свое согласие, и разведчики приступили к разработке операции. Рассматривалось несколько ее вариантов. Вскоре от одного, предусматривавшего отравление В. Кубе, пришлось отказаться. Он являлся наименее опасным для самой Е. Мазаник, так как исключалась возможность обнаружения охраной препаратов, но вместе с тем создавалась реальная угроза для жизни жены и детей гауляйтера. В связи с этим был выбран вариант его подрыва. На каком-то этапе подготовки операции у Елены возникли серьезные опасения в том, что она могла явиться провокацией гитлеровских спецслужб. Для этого имелись все основания. Гестапо и охрана В. Кубе регулярно проводили изощренные проверки обслуживающего персонала. И чтобы снять все подозрения, Елена потребовала от М. Осиповой личной встречи с руководителями обеих оперативных групп.

Военные разведчики в этом случае сработали более напористо и энергично, чем подчиненные П. Судоплатова. 10 сентября 1943 года они организовали встречу родной сестры Е. Мазаник, Валентины, с Д. Кеймахом, который развеял ее сомнения в том, что все происходящее — провокация гитлеровских спецслужб. Теперь, когда все сомнения у Елены были сняты, операция перешла в заключительную стадию. 20 сентября она получила у М. Осиповой мину. На следующий день, спрятав ее в сумку, пришла в дом В. Кубе.

Первая проверка для Елены закончилась благополучно. На посту перед входом дежурил солдат, с которым она находилась в хороших отношениях, и потому обыск прошел формально. Но нервное напряжение, охватившее девушку, оказалось настолько сильным, что на ее бледность обратил внимание сам В. Кубе. Она сослалась на больной зуб, и тот ей поверил. Но на этом испытания не закончились. После того как ей удалось незаметно подложить в постель мину, в дверях спальни неожиданно возник дежурный офицер. Елена не растерялась и попросила спускавшуюся по лестнице горничную

Янину, которой симпатизировал офицер, поцеловать его. Это несколько разрядило атмосферу, и тем не менее он обыскал спальню, но мины не обнаружил.

22 сентября 1943 года в 00 часов 40 минут в спальне генерального комиссара гауляйтера Белоруссии В. Кубе прозвучал взрыв. На этот раз погиб только он один. Справедливое возмездие за совершенные им злодеяния наконец настигло его. Вскоре участникам этой операции, Е. Мазаник и М. Осиповой, было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

В обзорной справке «О деятельности 4-го управления НКВД — НКГБ за период Великой Отечественной войны» П. Судоплатов упомянул об этой операции всего в четырех строках: «...Мы вели активную работу по ликвидации Кубе. Такую же работу вело ГРУ Штаба Красной армии. ГРУ опередило нас. В этой операции приняли участие агентура ГРУ и наша. И те, и другие награждены».

Активное участие в осуществлении актов возмездия принимали специальные группы из РДР, руководимых Е. Мирковским, М. Зайцем, Н. Прокопюком. Так, 1 мая 1943 года в помещении районной комендатуры города Овруч вошла группа немецких офицеров. Неожиданно для захваченных врасплох эсэсовцев им приказали сложить оружие. Затем был зачитан и приведен в исполнение приговор над убийцей и садистом фон Армином и его заместителем. Исполнителями были разведчики из РДР Е. Мирковского: Н. Крамской, К. Анисимов, А. Мешков, С. Полищук, М. Карапузов, В. Шамякин. После выполнения задания все они благополучно вернулись на базу.

После поражения под Курском гитлеровское руководство вновь обратило внимание на лидеров националистических движений, рассчитывая с их помощью сбить рост партизанского движения на оккупированных советских территориях и дезориентировать местное население. С осени 1943 года при личном деятельном участии гауляйтера Белоруссии В. Кубе началось формирование из числа предателей, националистов и белоэмигрантов так называемой «Белорусской независимой партии». Важная роль в пропаганде этого движения отводилась

изданию «Белорусская газета». Ее возглавил ярый антисоветчик, бывший капитан польской армии Владислав Козловский, тесно связанный с Абвером. Имея «специальные полномочия от германского министерства пропаганды», он развернул кипучую агитационную деятельность и прославлял своих хозяев. Страницы газеты буквально сочились ядом национализма. В связи с этим в наркомате государственной безопасности было принято решение «О секретном изъятии В. Козловского, а в случае невозможности — его уничтожении».

Выполнение этой задачи руководство 4-го управления поручило РДР «Соседи», которую возглавлял М. Заяц. Непосредственная подготовка и осуществление акции было возложено на капитана М. Гонцова и лейтенанта Д. Петухова. Как и в большинстве подобных операций, ей предшествовала глубокая агентурная разведка обстановки вокруг В. Козловского, изучение его близких связей и поиск помощников. К концу октября 1943 года такие лица в окружении «гитлеровского соловья» были найдены. Они получили оперативные псевдонимы «Новый» и «Дударевич». С их помощью разведчики начали готовить операцию по захвату В. Козловского. Но на заключительном этапе возникли серьезные трудности, связанные с жесточайшими мерами безопасности, которые ввели оккупационные власти в Минске после ликвидации В. Кубе. Тем не менее руководство РДР «Соседи» решило ее не отменять.

12 ноября 1943 года группа разведчиков, переодевшись в немецкую форму, благополучно проникла в Минск и произвела предварительную разведку на подходах к редакции и в самом здании. В. Козловский находился на месте. Но бдительная охрана на входе и сам он, отличавшийся большой физической силой, создавали серьезные трудности по его «скрытой доставке на конспиративную квартиру». В связи с этим разведчики приняли решение ликвидировать активного пособника фашистов на месте.

13 ноября действительно оказался роковым днем для В. Козловского. «Дударевич» и «Новый», появившиеся ранее в редакции, и на этот раз не вызвали подозрений у охраны

и беспрепятственно вошли в здание. Они хорошо владели обстановкой и быстро нашли В. Козловского. «Дударевич» завел с ним разговор и, когда поблизости никого из посторонних не оказалось, выполнил приказ и застрелил его.

Акты возмездия планировались и проводились РДР Управления не только на оккупированных советских территориях, но и в самой Германии. Это не были операции, направленные против вождей рейха. Политическое руководство Советского Союза объективно оценивало возможности своих спецслужб и не ставило перед ними заведомо невыполнимых задач. В первые годы войны ни в 4-м управлении, ни во всем Комиссариате не имелось ни сил, ни средств для проведения операций такого масштаба и уровня. И в дальнейшем, после того как стратегическая инициатива на театре военных действий перешла к Красной армии, а в Управлении был накоплен опыт проведения актов возмездия, задача по ликвидации Гитлера и его ближайшего окружения так и не была поставлена. По крайней мере, в архивных материалах отсутствуют какие-либо свидетельства того, что такого рода указания поступали от политического руководства страны. Проведение подобной акции даже для таких профессионалов, какими являлись подчиненные П. Судоплатова, было связано с колоссальными материальными затратами и значительными человеческими жертвами. При этом ее успех был далеко не очевиден.

Лучшим подтверждением тому служила провалившаяся уже на первом этапе операция гитлеровских спецслужб по подготовке террористического акта против Сталина. В течение всего 1944 года они усиленно готовили для ее проведения бывшего военнослужащего Красной армии И. Таврина и его напарницу Шилову. Но террористам не помогли ни специальный самолет, на котором их в ночь на 5 сентября 1944 года высадили на территории Гжатского района Смоленской области, ни звание Героя Советского Союза, «присвоенное» фашистами Таврину, ни безукоризненно изготовленные документы прикрытия на сотрудника контрразведки ОКР Смерш по 39-й армии, ни специальное оружие, «панцеркнаке», сконструированное

лучшими специалистами рейха. Через несколько часов после приземления они были задержаны и вскоре начали давать показания в отделе военной контрразведки.

Берия доложил Сталину об обезвреженной группе террористов. Но, видимо, не это остановило вождя от ответной акции в отношении Гитлера. Смерть нескольких десятков разведчиков, пусть даже самых лучших разведчиков-боевиков Управления, за одного фюрера могла быть вполне приемлемой ценой, но уже не в той новой политической игре, которая завязалась в конце 1944 года. Устранение Гитлера таило для Сталина скрытую угрозу. Поступавшая к нему по различным каналам информация говорила о том, что союзники по антигитлеровской коалиции пытаются за его спиной вести сепаратные переговоры с окружением фюрера с целью его отстранения от власти и вывода Германии из войны. Поэтому, пока части Красной армии не вошли в Берлин, Гитлер нужен был Сталину только живым.

Вместе с тем, ряд знаковых фигур, ставших в глазах советских людей символами предательства и низости, оказались под прицелом разведчиков РДР Управления. Первым в этом ряду изменников был бывший генерал Красной армии А. Власов. После участия в битве под Москвой, обласканный высоким доверием Сталина, он был направлен на один из самых тяжелых участков фронта и принял под свое командование вторую Ударную армию. Но возложенные на него задачи не выполнил, оказавшись в окружении, смалодушничал, изменил присяге и, предав своих подчиненных, перешел на сторону врага. Гитлеровцы не преминули воспользоваться этим обстоятельством и сформировали вокруг Власова из числа изменников и отщепенцев так называемую «Русскую освободительную армию», «прославившуюся» карательными акциями против партизан и собственного народа, оставившую о себе зловещую память в Югославии и Чехословакии. Операция по его ликвидации была поручена 4-му управлению и получила кодовое название «Ворон».

«Охота» на эту «птицу» началась летом 1944 года и осуществлялась под непосредственным контролем П. Су-

доплата. К осени было сформировано две оперативные группы — «Техники» и «Арнольд». Комплектовались они в основном из числа немцев-антифашистов и бывших коминтерновцев. Большинство из них являлись активными участниками подпольного движения в Австрии и Германии. С началом войны в составе разведывательных подразделений Управления действовали в тылу противника и проявили себя с наилучшей стороны. В самой Германии ряд разведчиков сохранил надежные связи, с помощью которых они рассчитывали на быструю легализацию.

План операции для первой группы, «Техники», разработал ставший впоследствии знаменитым заместитель начальника 3-го отделения 2-го отдела майор госбезопасности Рудольф Абель. После рассмотрения у П. Судоплатова его предложений, 17 августа 1944 года план ликвидации изменника Власова был окончательно утвержден у заместителя наркома комиссара госбезопасности 2 ранга Б. Кобулова. На первом этапе предусматривалось воздушным путем осуществить переброску разведчиков-боевиков на базу РДР «Авангард», действовавшую на территории Австрии. В дальнейшем в соответствии с разработанными легендами прикрытия офицера люфтваффе, служащих военно-строительной организации «ТОДТ», разведчикам предстояло самостоятельно добраться до Берлина и там легализоваться. Для поддержания постоянной связи с Центром группа обеспечивалась всеми необходимыми радиосредствами. Предусматривался и резервный канал с участием курьера Управления. Конечная цель задания в плане формулировалась предельно ясно: «...После установления «Ворона» (адреса которого прилагаются) группа начинает готовить операцию и проводит ее самостоятельно, исходя из обстановки на месте».

Руководителем оперативной группы был назначен «Арнольд», «член КПП с 1920 года. Сотрудник немецкой секции Коминтерна. Участник войны в Испании. Боевой, решительный человек с организаторскими способностями. Очень быстро ориентируется в новой обстановке, легко устанавливает кон-

такты с новыми людьми», — так кратко характеризовал его своем рапорте Р. Абель.

Под статью «Арнольду» оказались и другие участники операции, в частности радист «Функ». В своем отзыве на него Р. Абель отмечал: «Находясь в партизанском отряде, ходил в разведку и принимал активное участие в боевых операциях отряда. Умный, энергичный и находчивый человек, хорошо разбирается в политических вопросах, знает радиодело».

В этих же целях, параллельно оперативной группе «Арнольд» сотрудниками Управления велась интенсивная подготовка еще ряда разведчиков-боевиков из числа немцев-антифашистов. Перед ними была поставлена аналогичная задача: «По прибытии в Берлин заняться подбором людей для установления местонахождения «Ворона» и его ближайших помощников, выяснения обстановки вокруг них, вербовкой людей из их окружения и внедрением туда агентуры с последующей ликвидацией «Ворона». 18 сентября 1944 года, после окончательной шлифовки последних деталей операции, план задействования в ней второй оперативной группы, «Техники», был утвержден Б. Кобуловым.

Первой к выполнению задания приступила оперативная группа «Арнольд». 4 октября 1944 года все ее участники благополучно приземлились на базу разведывательно-диверсионной резидентуры «Авангард», где продолжили знакомство с оперативной обстановкой в районах своих будущих действий и занялись проработкой маршрута выдвижения на Берлин.

24 октября руководитель РДР «Авангард» «Михаил» в очередной радиограмме сообщил в Центр: «...Группа «Арнольд» в ночь на 23 октября прошла Саву, железную дорогу и шоссе. Агенты производят хорошее впечатление, готовы работать. Группа доэкипирована полностью. Настроение отличное. Предлагает начать слушать «Функа» 1 ноября 1944 года».

Теперь разведчикам оставалось полагаться только на самих себя и на удачу. Несмотря на тяжелые поражения на фронтах, в самой Германии машина сыска пока работала без сбоя. И любая мелочь — неточность в документах или легенде прикрытия —

грозила им смертельной опасностью. Долгая и тщательная подготовка, предшествовавшая операции, оказалась не напрасной. Первая проверка на вокзале в городе Кранихсфельд для них закончилась благополучно. И в дальнейшем, до самого Берлина, они не испытывали серьезных трудностей при встречах с патрулями и полицейскими. Никто даже не заподозрил, что в сумках разведчиков находилась взрывчатка и «убийственная» улика — радиостанция.

22 ноября «Арнольд» доложил в Центр о прибытии группы в Берлин и начале подготовки к выполнению задания. После этого связь надолго оборвалась. Причина оказалась банально простой. Рация вышла из строя из-за того, что в трансформаторе произошло короткое замыкание. Но в Управлении предположили самое худшее и ускорили подготовку резервной оперативной группы «Техники». Ее решили нацелить на Чехословакию, где, по разведывательным данным, в последнее время все чаще и чаще появлялся «Ворон» со своим штабом.

23 января 1945 года разведчики оперативной группы «Техники» высадились на базу разведывательно-диверсионной резидентуры «Стар» в Словении. Здесь к ним присоединился опытный агент-боевик «Штурман». Несколько недель они провели на оперативной базе РДР в ожидании условного сигнала от разведчиков «Стар», которые пытались обнаружить след «Ворона» в Чехословакии. А тот, в предчувствии близкого краха вскормившего его фашистского режима, лихорадочно метался по Германии и Чехословакии. Последняя информация, поступившая в резидентуру, указывала на то, что он «свил» себе «гнездо» в Праге.

20 февраля «Техники» покинули оперативную базу РДР «Стар», через два дня добрались до столицы Чехословакии и приступили к подготовке операции. Но ее, не успев начать, пришлось свернуть. «Ворон» спешно покинул свое «гнездо», и они бросились за ним в погоню. До 20 апреля «Техники» продолжали вести свою охоту, но в той атмосфере хаоса, который захлестнул Германию, выйти на «Ворона» было равносильно тому, что найти иголку в стоге сена. 21 апреля 1945 года раз-

ведчики прекратили безрезультатный поиск изменника и вышли на соединение с частями наступавшей Красной армии.

Более удачно операция развивалась у оперативной группы «Арнольд». Ее разведчики, после того как легализовались в Берлине и отремонтировали радиостанцию, приступили к выполнению задания. Используя свои довоенные связи, быстро установили адреса, где чаще всего появлялся «Ворон», и организовали наблюдение за ними. Но своих сил для выполнения задачи им не хватало, и «Арнольд», рискнув, привлек дополнительно 8 человек из числа родственников и проверенных на подпольной работе товарищей.

К середине ноября 1944 года разведчики уже располагали подробной информацией о маршрутах перемещения и режиме службы «Ворона». Наиболее часто он появлялся по адресам Кибицвегештрассе № 7 и № 9. Но дальше перед ними возникли серьезные трудности. В связи с тем, что эти дома находились под круглосуточной охраной, они не могли долго вести наблюдение, чтобы не попасть в ее поле зрения. Дважды сам «Арнольд» подвергался проверке документов, третьего раза могло и не быть, и здесь им помогла удача. Привлеченный к сотрудничеству на заключительном этапе операции чех Ф. Йошке, имевший связи среди высокопоставленных власовцев, вовремя сообщил ценную информацию. На 23 декабря намечалось выступление «Ворона» перед выпускниками пропагандистских курсов РОА в Даббендорфе. «Арнольд» решил больше не ждать, и операция перешла в решающую фазу. Ликвидацию изменника планировалось осуществить после завершения его выступления, на выходе из здания. В ней задействовались две группы. Первой, которой руководил Ф. Йошке, предстояло заложить взрывчатку в машину «Ворона» и привести ее в действие. В случае неудачи в дело вступала вторая группа во главе с «Арнольдом». Ему и еще трем разведчикам-боевикам предстояло расстрелять и забросать гранатами «Ворона» и его охрану на подъезде к дому.

Наступило 23 декабря, разведчики заняли исходные позиции. Группа Ф. Йошке, вооруженная пистолетами, ручными

гранатами и взрывчаткой, поджидала «Ворона» в Даббендорфе. Вторая, которую возглавил «Арнольд», блокировала дом. Время шло, а «Ворон» так и не появился ни дома, ни на службе, и операцию пришлось отложить. На этот раз случай спас предателя от расплаты. В последний момент его выступление перед пропагандистами РОА было отменено и перенесено на следующий день. Но об этом разведчики узнали через сутки. В дальнейшем такой возможности им уже больше не представилось. В январе 1945 года Ф. Йошке призвали в фолькштурм, и с его уходом разведчики утратили источник информации, который позволял отслеживать перемещения «Ворона».

Другая акция возмездия, проводившаяся в отношении бывшего заслуженного артиста РСФСР, руководителя художественного театра им. Мочалова В. Блюменталь-Тамарина, несмотря на, казалось бы, непреодолимые препятствия, была доведена до конца. До революции второсортный актер провинциального театра, благополучно пережив лихолетье Гражданской войны, и благодаря связям среди вождей новой пролетарской культуры, а также нахрапистости и беспринципности, быстро пробился в число приближенных к власти. Вскоре, обласканный ею и самим наркомом просвещения А. Луначарским, «восходящая театральная звезда» получила причитающийся номенклатурный набор — от персонального секретаря до шикарной госдачи в подмосковной Истре. Перед ним уже замаячили лавры «гения» советской сцены, если бы не война.

В октябре 1941 года, когда над Москвой нависла угроза захвата гитлеровскими войсками, В. Блюменталь-Тамарин трусливо бросил театр с актерами и вместе с женой и личным секретарем, исполнявшей по совместительству роль любовницы, затаился на казенной даче под Истрой. Дождавшись прихода фашистов, он перешел на их сторону. Новые хозяева не спешили предоставить ему сцену Берлинского театра и заставили отработывать «хлеб предателя».

7 июля 1942 года хорошо знакомый советским вождям голос зазвучал в эфире. Новоиспеченный борец с большевизмом В. Блюменталь-Тамарин с «праведным» гневом обличал быв-

ших своих покровителей и пороки советской системы. Вслед за этим в профашистских газетах одна за другой стали появляться статьи: «Блюменталь-Тамарин обличает палача Сталина», «То, что вы не знаете о Сталине» и многие другие.

Эта новая и, видимо, истинная роль патологического мерзавца и предателя, которую с таким вдохновением исполнял В. Блюменталь-Тамарин на «гитлеровской сцене», вызвала вполне справедливый гнев Сталина. Не прошло и месяца, как 13 августа 1942 года нарком внутренних дел Берия разрешил П. Судоплатову и его подчиненным «проведение специального мероприятия в отношении Блюменталь-Тамарина».

Операция по его ликвидации получила кодовое название «Ринг». Столь необычное ее название было связано с тем, что выполнение задания поручалось племяннику предателя — чемпиону Ленинграда по боксу, начальнику прожекторной станции отдельного прожекторного батальона 189-го зенитно-артиллерийского полка Ленинградского фронта сержанту Игорю Миклашевскому (оперативный псевдоним «Ударов»).

В этом решении руководства 4-го управления имелся определенный риск, но это был обоснованный и всесторонне просчитанный выбор. В условиях 1942 года, когда фашизм был еще необыкновенно силен, проведение акции подобного уровня в Берлине даже самыми подготовленными разведчиками-боевиками являлось практически невозможным делом. К тому времени 4-е управление еще не располагало надежными оперативными позициями в столице рейха. Кроме того, гитлеровские спецслужбы тщательно оберегали предателя. Его отравленные ядом антисоветизма речи, звучавшие в эфире, значили для них немало. Под воздействием агитации Блюменталь-Тамарина не одна тысяча солдат Красной армии и военнопленных пополнила ряды «Русской освободительной армии». Поэтому доступ в охраняемый Гестапо днем и ночью особняк, где находился предатель, мог получить только человек, пользующийся его полным доверием. И кто, как не племянник, «порвавший с Советами», был бы желанным гостем в таком доме. Вопрос заключался лишь в том, хватит ли у И. Миклашевского решимости в одиночку,

за тысячи километров от Родины привести в исполнение решение Суда военного трибунала, вынесшего в конце 1941 года В. Блюменталь-Тамарину заочно смертный приговор.

После ряда проверочных мероприятий, проведенных сотрудниками 4-го управления в отношении И. Миклашевского, все сомнения в его надежности отпали. В августе 1942 года после рассмотрения замысла «мероприятий по делу «Ринг» наркомом внутренних дел СССР Берией «Ударов» был переброшен самолетом из Ленинграда в Москву. Здесь, на специальной базе 4-го управления, в соответствии с планом, утвержденным заместителем наркома комиссаром госбезопасности 3 ранга С. Кругловым, началась его подготовка к выполнению задания. После ее завершения, 22 апреля 1943 года, на одном из участков Западного фронта в районе деревни Борисовка Смоленской области «Ударов» под видом перебежчика перешел в расположение гитлеровских войск. На следующий день он подвергся долгим и изнурительным допросам сначала в роте, а затем в штабе батальона.

В соответствии с разработанной легендой «Ударов» довел до фашистских офицеров информацию о своем несправедливом «осуждении» Судом военного трибунала за хулиганство и направлении в штрафную роту, из которой дезертировал. Но, видимо, что-то в его поведении вызвало подозрение у командира батальона, и тот устроил ему очную ставку с двумя военнослужащим-перебежчиками. И здесь обнаружились некоторые разночтения в их показаниях. Над разведчиком нависла угроза расстрела. Избежать его помог счастливый случай. Переводчик, бывший кинооператор, среди стопки пропагандистских материалов наткнулся на газету «Новое слово», в которой содержалась статья о Блюменталь-Тамарине. «Ударов» воспользовался ситуацией и обратил ее в свою пользу.

Подозрения с него были сняты: фамилия дядюшки сыграла свою роль. Но поездка в Германию и встреча с ним разведчика, на которую так рассчитывали в Москве, не состоялось. На следующий день после допроса «Ударова» вместе с другими перебежчиками и военнопленными отправили в смоленский

лагерь. Казалось, что гитлеровцы о нем забыли, но в конце мая 1943 года на его имя поступило письмо от В. Блюменталь-Тамарина. Тот писал, что «рад благополучному уходу племянника из того ужасного строя», советовал поступить на службу в РОА и обещал отозвать в Берлин для пропагандистской работы. Время шло, но дядя больше о себе не напоминал, и тогда «Ударов» решил сам искать выходы на него. Единственным вариантом вырваться за колючую проволоку лагеря военнопленных и выполнить поставленное задание было «поступление» на службу в РОА. Тем более, что в плане мероприятий по делу «Ринг» П. Судоплатовым и старшим оперуполномоченным 2-го отдела майором госбезопасности В. Зеленским, осуществлявшим непосредственную подготовку «Ударова» к операции, такая ситуация рассматривалась как наиболее вероятная.

Разведчик решил воспользоваться советом дядюшки и подал рапорт на имя начальника лагеря с просьбой о зачислении в ряды «освободительной армии». Тот быстро рассмотрел его, и 15 июня 1943 года «Ударов» был зачислен в 437-й батальон РОА. С этого дня начался его долгий и полный опасности путь к намеченной цели. В октябре он инициативно вышел на резидента разведотдела штаба Западного фронта и условной фразой сообщил о себе руководству 4-го управления: «Дорогая Лелечка, чувствую себя хорошо. Игорь». Согласно коду это сообщение означало: «Легализовался хорошо, но подходов к Блюменталь-Тамарину не имею».

Тогда по указанию П. Судоплатова начальником 2-го отдела подполковником госбезопасности М. Маклярским была подготовлена группа разведчиков «в целях установления связи с «Ударовым» и руководства его деятельностью». В ее состав вошли «способный и квалифицированный агент «Сергей» и радистка «Лань». Но из-за плохой погоды выброска агентов постоянно переносилась. В декабре «Ударов» снова дал о себе знать и сообщил о готовящейся переброске части в Италию. В связи с этим по указанию П. Судоплатова направление к нему разведчиков было отложено.

В начале сентября 1943 года 437-й батальон поменял место дислокации на Варшаву, а спустя десять дней вместо Италии оказался во Франции. На второй день после прибытия к месту назначения, в город Байе, «Ударова» арестовали. Сотрудники полевой жандармерии пытались обвинить его в связях с партизанами, действовавшими в лесах под городом Рославлем, и склонении к переходу на их сторону двух взводов РОА. В течение четырех дней разведчик находился под арестом и подвергался допросам, но безрезультатно: он отвергал все обвинения. К счастью, в это же время на имя командира батальона майора Беккера из Берлина поступило письмо от В. Блюменталь-Тамарина с просьбой о предоставлении отпуска племяннику. Оно окончательно решило судьбу «Ударова». По ходатайству Беккера его освободили из-под ареста и возвратили в часть.

Находясь под негласным «колпаком» полевой жандармерии и оставшись без всякой связи с Центром, разведчик тем не менее не отказался от задания и продолжал искать пути к его выполнению. Наконец удача улыбнулась ему. Командование батальона отправило его вместе с обер-лейтенантом Клугом в краткосрочный отпуск в Германию.

27 января 1944 года, находясь проездом в Кёнигсберге, «Ударов» наконец встретился с Блюменталь-Тамариным в имении рейхскомиссара Э. Коха. Эту встречу никак нельзя было назвать родственной. Предатель словно почувствовал нависшую над собой смертельную опасность и, прежде чем пригласить «Ударова» к столу, подробно, со знанием дела расспросил об обстоятельствах перехода на сторону гитлеровцев. Потом, за обедом, видимо опасаясь быть отравленным, попросил племянника первым испробовать привезенные в подарок французские вина. В дальнейшем, на банкете, к которому присоединились высокопоставленные власовцы и белоэмигранты, предатель расслабился. «Ударов» решил воспользоваться этим обстоятельством и, когда толпа разбрелась по парку, а охраны поблизости не оказалось, нажал на спусковой крючок пистолета, но выстрела не последовало. Оружие дало осечку.

Перезарядить пистолет ему не удалось, поскольку в это время из-за кустов появилась пьяная толпа.

На следующий день «Ударов» в сопровождении оберлейтенанта Клуга покинул Кёнигсберг и возвратился в часть. Потянулись дни монотонной службы, но разведчик не терял надежды на новую встречу с дядей и регулярно отправлял ему продуктовые посылки. То ли скромность племянника, то ли приходящие от него отменные французские вина пробудили у В. Блюменталь-Тамарина родственные чувства. Он направил несколько рекомендательных писем на имя командира дивизии генерала Кестринга. Тот не оставил их без внимания, вскоре «Ударова» назначили на офицерскую должность и у него появилась перспектива для перемещения в Берлин. Но в начале июня 1944 года в боях с высадившимися в Нормандии англо-американскими частями он получил тяжелое ранение в горло и ногу.

Несколько месяцев ему пришлось провести на больничной койке. 30 августа по состоянию здоровья его уволили со службы и направили на работы в город Лейпциг. 23 октября «Ударов» получил очередное письмо от дяди, его тон уже не был столь оптимистичен. К концу 1944 года надобность в холуях, подобных В. Блюменталь-Тамарину, у гитлеровцев отпала. Писал он уже не из персонального особняка, а из зондерлагеря Восточного министерства, располагавшегося под Берлином. Жалуясь на тяжелые времена и то, что вынужден проживать в бараке, он приглашал к себе племянника.

29 ноября 1944 года разведчик отправился в Берлин. Несмотря на рекомендации В. Блюменталь-Тамарина, прежде чем разрешить проживание в лагере, Гестапо провело его проверку и потом еще долго он чувствовал за собой слежку. Последовавшее вскоре приглашение дяди принять участие в работе пропагандистов «Ударов» благоразумно отклонил, а предложил организовать школу бокса и провести показательные бои. За этим предложением стоял вполне определенный расчет. Таким способом разведчик хотел дать знать своим руководителям в Москве, что жив и готовится к выполнению задания.

В январе 1945 года состоялись первые бои. В финале «Ударов» в четвертом раунде победил сильного противника, француза Пиляса, и удостоился лестных оценок со стороны чемпиона мира М. Шмелинга. С этого момента у разведчика появились качественно новые возможности. Он стал регулярно встречаться с советником МИДа Германии Г. Штрекером, генералом Кестрингом, видным промышленником Альбрехтом и руководством разведывательно-диверсионной школы, размещавшейся в лагере Вустрау, а также командованием курсов пропагандистов РОА. В беседах с ними «Ударов» получал ценную разведывательную информацию и данные на готовящихся к заброске в советский тыл агентов и диверсантов. Одновременно он готовился к выполнению основного задания — ликвидации В. Блюменталь-Тамарина.

18 апреля 1945 года, воспользовавшись благоприятной возможностью, он похитил пистолет «Парабеллум» у своего приятеля, сына сотрудника гитлеровской разведки Ф. Брунера, и теперь только ждал подходящего случая, чтобы выполнить задание. И вскоре он представился. Брошенный своими гитлеровскими покровителями и насмерть разругавшись с власовской верхушкой, В. Блюменталь-Тамарин, как сыч, целыми днями просиживал в своей квартире по Шиллерштрассе, 15 в городе Мюнзинген. Страх перед неминуемой расплатой он топил в вине, а злобу вымещал на жене и секретарше. Появление в доме племянника, шепнувшего ему на ухо о запасе спиртного, которое спрятано неподалеку, подняло настроение. Он охотно согласился составить компанию «Ударову». Они переступили порог дома и уже больше никогда в него не возвратились. Пуля из «Парабеллума» поставила последнюю точку в карьере артиста-предателя.

После выполнения задания И. Миклашевский еще несколько месяцев скитался по лагерям союзников, пока не добрался до Парижа. Там 3 июля 1945 года он вышел на связь с сотрудниками 1-го управления НКГБ СССР и назвал пароль: «Агент СССР «Ударов» прибыл». Далее он доложил: «Задание выполнено. Печатные материалы, документы и личные записи

артиста Блюменталь-Тамарина находятся у меня». Резидент 1-го управления «Кир» шифротелеграммой немедленно сообщил об этом руководству, комиссару госбезопасности 3 ранга П. Фитину, а тот ориентировал П. Судоплатова. Распоряжение начальника 4-го управления, как всегда, было энергичным и лаконичным: «Дать указание «Киру» о срочном направлении со всеми документами Миклашевского в Москву. Оказать ему полное содействие в отправке и сохранении документов».

26 июня, через два года, три месяца и восемь дней, специальным рейсом из Парижа возвратился в Москву из «длительной командировки» разведчик-боевик 4-го управления Игорь Львович Миклашевский.

С возвращением И. Миклашевского подошла к концу сложная и полная смертельного риска деятельность его и десятка других бойцов Управления, на плечи которых легла миссия исполнения приговоров, вынесенных палачам и предателям Судами военных трибуналов и от имени тысяч безвинно замученных и убитых. После окончания войны одни разведчики-боевики вернулись к мирной жизни, другие продолжали бороться с националистическим подпольем в западных областях страны, а третьи, после короткого свидания с семьями, снова отправились в «длительную командировку».

Благодарность вождей

Власть не терпит свидетелей
своих неблагоприятных дел.

Мольер

По завершении войны о результатах работы Управления П. Судоплатов доложил министру государственной безопасности СССР в обзорной справке «О деятельности 4-го управления НКВД — НКГБ СССР за период Великой Отечественной войны». В ней содержится краткий анализ работы с объективной оценкой имевших место недостатков и достигнутых результатов. Она занимает всего четыре страницы, — но какие страницы — и заслуживает того, чтобы привести некоторые выдержки из нее.

«...4-е управление МГБ СССР было создано в ходе войны в 1941 году и работало до мая 1945 года.

Для активной диверсионной и агентурно-оперативной деятельности в тылу противника были организованы 244 опергруппы МГБ СССР численностью 16 650 человек.

За время войны опергруппы МГБ СССР провели следующую работу:

пущено под откос эшелонов — 1511;

уничтожено самолетов противника в воздухе и на земле — 81;

уничтожено танков — 2394;

убито, ранено и взято в плен немецких солдат и офицеров — 147 030.

В результате агентурно-оперативных мероприятий опергруппы ликвидировали 62 видных представителя немецких оккупационных властей.

Было выявлено и учтено на оккупированной противником территории 139 490 немецких агентов, предателей и пособников.

Оперативные группы Управления, действовавшие в тылу противника, имели 1098 боевых столкновений с регулярными и карательными войсками противника.

За время боевой деятельности оперативные группы потеряли убитыми 395 человек».

Эти впечатляющие успехи управления явились результатом выдающейся организаторской работы прежде всего самого Павла Анатольевича, высочайшего профессионализма сотрудников центрального аппарата: Н. Эйтингона, Н. Мельникова, П. Гудимовича, М. Маклярского, командиров легендарного омсбона М. Орлова и В. Гриднева, руководителей разведывательно-диверсионных резидентур К. Орловского, С. Ваупшасова, Д. Медведева, Н. Прокопюка, В. Карасева, А. Рабцевича, Л. Партынского, Ф. Кропфа и других, а также беспримерного мужества и смелости их подчиненных: разведчиков-агентуристов, диверсантов и боевиков.

Ни в одном другом подразделении НКВД — НКГБ СССР и получившей в годы войны широкую известность военной контрразведке Смерш не было столько кадров, отмеченных высокими правительственными наградами, как в 4-м управлении. Из 28 человек в наркоматах внутренних дел и государственной безопасности, удостоенных звания Героя Советского Союза, 23 являлись подчиненными П. Судоплатова. 8 разведчикам это высокое звание было присвоено посмертно.

Подводя итоги работы Управления, Павел Анатольевич в заключительной части своей обзорной справки прозорливо, словно предвидя трагедию своего Отечества, когда в августе 1991 года страна, которую он и его соратники не щадя себя защищали, рухнула в одночасье и на ее обломках запольхали межнациональные войны, обращался к руководителям органов государственной безопасности с предложениями, сохранившими актуальность и в наши дни. В частности, он писал: «Чтобы успешно решать задачи, необходимо иметь достаточно

обученные и подготовленные кадры, могущие самостоятельно, в одиночку или очень небольшой группой проникать в нужные для нас места для организации нужных акций. Поэтому массовая школа не может удовлетворить и обеспечить такими кадрами. Подготовкой таких кадров нужно заниматься задолго до войны».

Но нужны ли были Сталину в том ликующем и победном мае 1945 года, когда у его ног лежало пол-Европы, такие кадры? Нужна ли была ему такая великолепно организованная и крепко спаянная духом войскового братства структура, как 4-е управление? Наверно, нет! Более того, в условиях, когда война воспитала в «маршалах и наркомсах победы» дух победителей, такая структура становилась крайне опасной. Ее руководители и рядовые бойцы, не раз смотревшие смерти в глаза и познавшие суровую правду войны, в руках политического оппонента могли стать грозной силой в борьбе за власть.

Поэтому судьба Управления была предрешена. Еще не был подписан Акт о капитуляции фашистской Германии, еще не прозвучал победный салют, как 7 мая 1945 года по распоряжению Сталина 4-е управление НКГБ СССР было упразднено. Его ударные силы — разведывательно-диверсионные резидентуры — подверглись немедленному расформированию. Многие руководители и сотрудники центрального аппарата получили назначения в различные подразделения от Бреста до Владивостока.

Сам Павел Анатольевич остался в Москве и избежал очередной чистки в органах безопасности. Более того, был обласкан вниманием Вождя. В июле 1945 года ему было присвоено воинское звание генерал-лейтенант. В дальнейшем он продолжил службу в центральном аппарате МГБ СССР, но больше такого уровня и сложности задачи, которые приходилось решать в бытность руководителем 4-го управления, ему уже не поручались.

Смерть Вождя и крушение всемогущего Берия бумерангом ударили по Павлу Анатольевичу. Новый хозяин Кремля Н. Хрущев даже после ареста все еще смертельно боялся его грозной

тени и потому спешил от нее избавиться. В. Меркулов, Б. Кобулов, А. Кобулов, С. Гоглидзе, П. Мешик — эти ближайшие подручные Берии, а также десятки других высших руководителей советских органов государственной безопасности подверглись аресту. Суд над ними был скорый и вряд ли правый, так как у самих новых вождей: Н. Хрущева, Г. Маленкова, А. Кагановича и других, подписывавших «расстрельные списки» в бытность наркомками и секретарями республиканских, областных комитетов партии, руки оказались по локоть в крови.

Власть старалась поскорее забыть и, по возможности, вычеркнуть из жизни тех, кто по ее же приказам выполнял наиболее деликатную и зачастую грязную работу. В разведке и контрразведке, как в зеркале, отражались все самые уродливые и отвратительные «политические язвы» власти. И она, спеша поскорее отмыться, суетливо избавлялась от исполнителей и свидетелей ее злодеяний.

В декабре 1953 года пуля генерала Батицкого поставила последнюю точку в деле «врага народа и английского шпиона», бывшего маршала и Героя Советского Союза Л. Берии. Вслед за ним в мир иной отправились его ближайшие подручные. Новая партийная «коса» не остановилась на них и продолжала дальше выкашивать ряды руководителей и сотрудников НКВД.

Под нее попал и П. Судоплатов. 21 августа 1953 года он был арестован в своем служебном кабинете и долгих пятнадцать лет провел в камерах внутренней тюрьмы на Лубянке, в Бутырке, Лефортово, Крестах и печально знаменитом Владимирском центре. Несмотря на то что «Хозяина» не стало, созданная им машина по инерции продолжала перемалывать в своих жерновах как правых, так и виноватых.

Павлу Анатольевичу пришлось пройти все девять кругов «лубянского ада». Но ни абсурдность обвинений, ни многочасовые допросы у следователей не сломили его дух. Он не дрогнул и никого не оклеветал, а терпеливо и упорно добивался справедливости. 1 августа 1968 года, во многом благодаря настойчивости испытанных боевых соратников, ему позволили выйти на свободу. Но даже спустя пятнадцать лет он продолжал

внушать страх партийным бонзам. Все обращения Судоплатова и его боевых соратников о реабилитации не находили отклика в сердцах бюрократов. Прошло долгих двадцать три года, когда доброе имя Павла Анатольевича наконец было восстановлено. В 1991 году он был полностью реабилитирован.

Не избежали горькой участи и ближайшие соратники П. Судоплатова. Первого его заместителя и друга, Наума (Леонида) Исааковича Эйтингона, заключили в тюрьму в октябре 1951 года по указанию Л. Берии. После смерти И. Сталина в марте 1953 года он вышел на свободу, но ненадолго. Вслед за арестом самого Л. Берии, а затем П. Судоплатова, настал черед Наума Исааковича. До 1957 года шло следствие по «делу», закончившееся судом, приговорившим его к двенадцати годам лишения свободы за «измену Родине». После семи лет заключения Наум Исаакович был освобожден, а полностью реабилитирован посмертно.

В октябре 1953 года вновь был арестован легендарный руководитель знаменитой «группы Яши» Яков Серебрянский (Бергман). Вместе с ним в тюрьму заключили и жену. При первом аресте, в 1938 году, после жесточайших пыток на допросах у будущего руководителя Смерш В. Абакумова и отсроченного смертного приговора, от смерти его спасли только грянувшая в июне 1941 года война и настойчивость П. Судоплатова, формировавшего Особую группу при наркомне НКВД СССР. На тот раз, в 1953 году, обвиненный в так называемом «бериевском заговоре с целью убийства членов Президиума Центрального комитета партии», он, несмотря на «хрущевскую оттепель», в течение трех лет подвергался жестоким допросам. На одном из них его сердце не выдержало, и еще одна легенда отечественных спецслужб скончалась от рук «своих». Реабилитировали Якова Серебрянского в 1971 году.

Другие их соратники: Василий и Елизавета Зарубины, Борис Афанасьев, Семен Семенов, Лев Василевский, за спинами которых были десятки блестящих разведывательных и диверсионных операций, а также участие в добывании «атомных секретов», были уволены со службы.

Они и их руководители: Павел Анатольевич, Наум Эйтингон, Яков Серебрянский — прожили далеко не однозначную, но заслуживающую глубокого уважения жизнь. Они были преданным сыновьями своего сурового и бурного времени. Они без страха и упрека служили великим целям и идеалам, которыми тогда жила их страна. Находясь на самом острие тайной войны, они всегда оставались верны своим друзьям, принципам и делу.

Прошло более шестидесяти лет, как перестало существовать 4-е управление НКВД — НКГБ СССР. И, как истинные рыцари тайной войны, Павел Судоплатов и его разведчики тихо и незаметно ушли в тень истории нашей страны и отечественных спецслужб. Но, благодаря архивам и памяти оставшихся в живых ветеранов этого грозного и уникального Управления, мы можем наконец узнать его подлинную историю и воздать должное их великому подвигу.

Библиография

Архив №1 Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Материалы партийных дел на: П. Судоплатова, Я. Серебрянского, Н. Эйтингона, С. Шпигельглаза. Г. Йошкар-Ола.

Архив ВЧК. Сборник документов. М., 2007.

Архив ФСБ России. Огненная дуга. Курская битва глазами Лубянки. М., 2003.

Архив ФСБ России. Материалы разведывательно-диверсионных резидентур (РДР) Особой группы при наркомне НКВД — 4-го управления НКВД — НКГБ СССР:

РДР «Авангард», т. 1.

РДР «Арнольд», т. 1.

РДР «Братушки», т. 1–4.

РДР «Верные», т. 1, 1А.

РДР «Весенние», т. 1, 2.

РДР «Охотники», т. 1–3.

РДР «Олимп», т. 1, 9, 10, 11.

РДР «Победители», т. 1–3.

РДР «Стар», т. 1, 3.

РДР «Соколы», т. 1–3.

РДР «Техники», т. 1.

Операция «Ринг», т. 1–3.

Отчет командира РДР «Победители».

Отчет командира РДР «Олимп».

Обзорная Справка «О деятельности 4-го управления НКВД — НКГБ СССР в период Великой Отечественной войны».

Библиография

- Василевский А.* Дело всей жизни. М., 1978.
- Жуков Г.* Воспоминания и размышления. М., 1979.
- Лубянка. Из истории отечественной контрразведки. М., 2007.
- Лубянка в дни битвы за Москву. По рассекреченным документам ФСБ РФ. М., 2002.
- Лакоба С.* Очерки политической истории Абхазии. Сухум, 1990.
- В. И. Ленин и ВЧК. Сборник документов. М., 1978.
- Линдер И., Чуркин С.* История специальных служб России 10–20 веков. М., 2004.
- Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. Берлин, 1925.
- Судоплатов А.* Тайная жизнь генерала Судоплатова. Кн. 1–2. М., 1998.
- Судоплатов П.* Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 гг. М., 1998.
- Смерш. Исторические очерки и архивные документы. М., 2003.
- ФСБ РФ. Академия ФСБ РФ. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Кн. 1. Т. 1–2. М., 1995.
- Царев О., Костелло Д.* Роковые иллюзии. М., 1995.
- Черчилль У.* Вторая мировая война. Кн. 1–3. М., 1991.
- Эндрю К., Гордиевский О.* КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. М., 1992.

Содержание

Приоткрывая завесу тайны.....	5
В «колыбели» революции	9
Недетские «игры».....	41
Между молотом и наковальней	73
Три «сталинских удара».....	102
Испанский «урок»	134
Печальный итог.....	175
Повторение пройденного	218
За нашу свободу.....	256
За вашу свободу	292
Акты возмездия.....	323
Благодарность вождей.....	359
Библиография	365

Лузан Николай Николаевич (Абин Н.)

ЛУБЯНКА: подвиги и трагедии

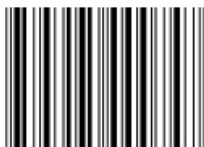
Редактор *Е. И. Рычкова*
Художественное оформление *А. П. Зарубин*
Компьютерная верстка *И. В. Белоусенко*
Корректор *Е. М. Поляченко*

Издательство «Кучково поле»
123022 г. Москва, ул. Красная Пресня, 28, оф. 554.
Тел./факс: (499) 255 93 49; (499) 255 96 22.
E-mail: kuchkovopole@mail.ru

Подписано в печать 01.02.10. Формат 84x108/32.
Усл. печ. л. 19,32. Печать офсетная.
Тираж 2000 экз. Заказ № .

Отпечатано в ОАО «Дом печати — ВЯТКА».
610033, г. Вятка, ул. Московская, 122.

ISBN 978-5-9950-0074-7

9 785995 000747 >